

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ.
ПОЛИТОЛОГИЯ

Tomsk State University Journal
of Philosophy, Sociology and Political Science

Научный журнал

2018

№ 46

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-30316 от 16 ноября 2007 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере массовых
коммуникаций, связи и охраны культурного наследия

Подписной индекс 44046 в объединенном каталоге
«Пресса России»

Журнал включен в БД Emerging Sources Citation Index (Web of Science
Core Collection) и в «Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные
научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук»
Высшей аттестационной комиссии
(№ 1528)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Суровцев В.А. (Томск, Россия) – главный редактор, доктор филос. наук, профессор. E-mail: surovtsev1964@mail.ru; **Рыкун А.Ю.** (Томск, Россия) – зам. главного редактора (социология), доктор соц. наук, профессор. E-mail: a_rykun@mail.ru; **Щербинин А.И.** (Томск, Россия) – зам. главного редактора (политология), доктор полит. наук, профессор. E-mail: shai52@mail.ru; **Агафонова Е.В.** (Томск, Россия) – ответственный секретарь, кандидат филос. наук, доцент. E-mail: agaton@rambler.ru; **Сукушина Е.В.** (Томск, Россия) – ответственный секретарь (социология), кандидат филос. наук, доцент. E-mail: elsukhush@inbox.ru; **Скочилова В.Г.** (Томск, Россия) – ответственный секретарь (политология), кандидат филос. наук. E-mail: veronassk@gmail.com; **Борисов Е.В.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Оглезнев В.В.** (Томск, Россия) доктор филос. наук, профессор; **Сыров В.Н.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Черникова И.В.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Ладов В.А.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Южанинов К.М.** (Томск, Россия) – кандидат филос. наук, доцент; **Щербинина Н.Г.** (Томск, Россия) – доктор полит. наук, профессор; **Кашпур В.В.** (Томск, Россия), кандидат соц. наук, доцент

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Химма Кеннет Э. (Университет Вашингтона, Сизтл, США); **Ренч Томас** (Технический университет, Дрезден, ФРГ); **Шефлер Уве** (Технический университет, Дрезден, ФРГ); **Вяткина Н.Б.** (Институт философии НАНУ, Киев, Украина); **Васильев В.В.** (Московский государственный университет, Москва, Россия); **Микиртумов И.Б.** (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия); **Целищев В.В.** (Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия); **Диев В.С.** (Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия); **Джонсон Марк С.** (Университет Висконсина, Мэдисон, США); **Балцер Харли С.** (Университет Джорджтауна, США); **Чалаков Иван** (Университет Пловдива, Болгария); **Вавилина Н.Д.** (Новый сибирский университет, Новосибирск, Россия); **Константиновский Д.Л.** (Институт социологии РАН, Москва, Россия); **Черныш М.Ф.** (Институт социологии РАН, Москва, Россия); **Ярская-Смирнова Е.Р.** (Государственный университет – Высшая школа экономики, Москва, Россия); **Малинова О.Ю.** (Институт информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия); **Соловьев А.И.** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия); **Чахор Рафал** (Нижнесилезская высшая школа предпринимательства и техники, Польковице, Польша); **Шестопап Е.Б.** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия); **Шуберт Клаус** (Вестфальский университет им. Вильгельма, Мюнстер, ФРГ)

EDITORIAL BOARD:

Surovtsev V.A. (Tomsk, Russia) – Editor-in-Chief
Rykun A.U. (Tomsk, Russia) – Deputy Editor-in-Chief (Sociology)
Shcherbinin A.I. (Tomsk, Russia) – Deputy Editor-in-Chief (Political Science)
Agafonova E.V. (Tomsk, Russia) – Executive Editor
Sukhushina E.V. (Tomsk, Russia) – Executive Editor (Sociology)
Skochilova V.G. (Tomsk, Russia) – Executive Editor (Political Science)
Borisov E.V. (Tomsk, Russia)
Ogleznev V.V. (Tomsk, Russia)
Syrov V.N. (Tomsk, Russia)
Chernikova I.V. (Tomsk, Russia)
Ladov V.A. (Tomsk, Russia)
Uzhaninov K.M. (Tomsk, Russia)
Shcherbinina N.G. (Tomsk, Russia)
Kashpur V.V. (Tomsk, Russia)

EDITORIAL COUNCIL:

Himma K. E. (University of Washington, Seattle, USA); **Rentsch T.** (Technical University Dresden, Germany); **Scheffler U.** (Technical University Dresden, Germany); **Viatkina N.B.** (Institute of Philosophy of NASU, Kiev, Ukraine); **Vasilyev V.V.** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); **Mikirtumov I.B.** (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia); **Tselishchev V.V.** (Institute of Philosophy and Law of SB RAS, Novosibirsk, Russia); **Diev V.S.** (Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia); **Johnson M. S.** (University of Wisconsin, Madison, USA); **Balzer H.S.** (Georgetown University, USA); **Tchalakov I.** (University of Plovdiv, Bulgaria); **Vavilina N.D.** (New Siberian Institute, Novosibirsk, Russia); **Konstantinovskiy D.L.** (Institute of Sociology, Moscow, Russia); **Chernysh M.F.** (Institute of Sociology, Moscow, Russia); **Iarskaia-Smirnova E.R.** (National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia); **Malinova O.Y.** (Institute of Information on Social Sciences of RAS, Moscow, Russia); **Soloviov A.I.** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); **Czachor Rafal** (Lower Silesian University of Entrepreneurship and Technology, Polkowice, Poland); **Shestopal E.B.** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); **Shubert K.** (Westphalian Wilhelm University, Muenster, Germany)

СОДЕРЖАНИЕ

ОНТОЛОГИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, ЛОГИКА

Борисов Е.В. Эпистемический аспект апории неожиданного экзамена	5
Ефимов И.П., Ладов В.А. Инференциалистский подход Д. Рипли к решению семантических парадоксов	14
Ковалёв С.П., Родин А.В. Проблема обоснования в формальном представлении знаний	22
Коробков Л.Г. Метарепрезентация и проблема квалиа	30
Ладов В.А., Стоев С.М. О классификации парадоксов на группы <i>A</i> и <i>B</i> у Ф. Рамсея	39
Ламберов Л.Д. Понятие доказательства в контексте теоретико-типového подхода, I: доказательство программ	49
Нехаев А.В. Машина Поста, самореференция и парадоксы	58
Шевченко С.Ю. Моделируя технонауку: от эпистемических сетей к дискурсивным играм	67

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Кэлер Л. Необходимость философии права	76
Оводова С.Н. Диалог культур: объяснительные возможности постколониальной оптики в философии культуры	86
Тухватулина Л.А. Междисциплинарность и экспертное знание в социальных науках: случай «права и экономики»	95

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Апресян Р.Г. Две версии принципа универсализации в моральной философии И. Канта	104
Гарин С.В. Топика Аристотеля и лингвистический конвенционализм в контексте диалектической аргументации	112
Родин К.А. Витгенштейн и Дж. Перри о видении красного: вокруг аргумента знания	121

СОЦИОЛОГИЯ

Иванова Н.А. Диссонирующие профили научного габитуса в условиях коммерциализации научной практики	128
Погодаев Н.П. Образ Григория Потанина в общественном сознании сибиряков: от модерна к постмодерну и далее	137
Филькина А.В. Правовой контроль над новыми религиозными движениями: исторический экскурс и социологический анализ	145

ПОЛИТОЛОГИЯ

Аванесова Е.Г. Опыт взаимодействия органов государственной власти и религиозных организаций в современной России	157
Михайлова О.В. Эпистемические сообщества в процессе продвижения идей в повестку дня государственного управления	167
Шамшурин В.И., Шамшурина Н.Г. О политике, экономике и икономике (О роли ответственности в монастырской жизни православия)	176

МОНОЛОГИ, ДИАЛОГИ, ДИСКУССИИ

Бутаков П.А. Философская теология до и после Платинги	183
Вострикова Е.В. «Логико-философский трактат» Л. Витгенштейна и его вклад в семантику	193
Касавина Н.А. Проблемы современной науки в социологических дискуссиях (аналитический обзор)	203

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	211
----------------------------------	-----

CONTENTS

ONTOLOGY, EPISTEMOLOGY, LOGIC

Borisov E.V. The epistemic aspect of the surprise exam puzzle.....	5
Efimov I.P., Ladov V.A. Ripley's inferentialist approach to the solution of semantic paradoxes.....	14
Kovalyov S.P., Rodin A.V. The problem of justification in formal knowledge representation.....	22
Korobkov L.G. Metarepresentation and the qualia problem.....	30
Ladov V.A., Stoev S.M. On Ramsey's classification of paradoxes.....	39
Lamberov L.D. The concept of proof in the context of a type-theoretic approach, I: Proof of computer program correctness.....	49
Nekhaev A.V. Post machine, self-reference and paradoxes.....	58
Shevchenko S.Yu. Modeling technoscience: From epistemic networks to discursive games.....	67

SOCIAL PHILOSOPHY AND PHILOSOPHY OF HUMANITY

Kaehler L. The inevitableness of legal philosophy.....	76
Ovodova S.N. Dialogue of cultures: Explanatory possibilities of postcolonial optics in the philosophy of culture.....	86
Tukhvatulina L.A. Interdisciplinarity and expert knowledge: A case of "law and economics".....	95

HISTORY OF PHILOSOPHY

Apresyan R.G. Two versions of universalizability principle in Immanuel Kant's moral philosophy.....	104
Garin S.V. Aristotle's "Topics" and linguistic conventionalism in the context of dialectical argumentation.....	112
Rodin K.A. Wittgenstein and John Perry on the vision of red: Around the argument of knowledge.....	121

SOCIOLOGY

Ivanova N.A. Discordant profiles of academic habitus in the conditions of academic practice commercialization.....	128
Pogodaev N.P. The image of Grigory Potanin in the public consciousness of Siberians: From modernity to post-modernity and beyond.....	137
Filkina A.V. Judicial control of the new religious movements: A historical overview and a sociological analysis.....	145

POLITICAL SCIENCE

Avanesova E.G. Interaction of government authorities and religious associations: The experience of modern Russia.....	157
Mikhaylova O.V. Epistemic communities in the promotion of ideas in the agenda of public administration.....	167
Shamshurin V.I., Shamshurina N.G. On politics, economy and oeconomy (On the role of property in the monastic life of Orthodoxy).....	176

MONOLOGUES, DIALOGUES, DISCUSSIONS

Butakov P.A. Philosophical theology before and after Plantinga.....	183
Vostrikova E.V. <i>Tractatus Logico-Philosophicus</i> and its influence on semantics.....	193
Kasavina N.A. Problems of modern science in sociological discussions: An analytical review.....	203

INFORMATIONS ABOUT THE AUTHORS	211
---	-----

ОНТОЛОГИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, ЛОГИКА

УДК 160.1

DOI: 10.17223/1998863X/46/1

Е.В. Борисов

ЭПИСТЕМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ АПОРИИ НЕОЖИДАННОГО ЭКЗАМЕНА¹

В статье рассматривается апория, известная в литературе как «парадокс неожиданного экзамена». Предлагается решение данной апории, основанное на учете того факта, что рассуждения агента изменяют его эпистемическое состояние. Показано, что в традиционных изложениях данной апории видимость парадокса возникает из-за игнорирования каузальной связи между рассуждениями агента и его эпистемическими состояниями.

Ключевые слова: апория неожиданного экзамена, эпистемическое состояние, знание, рассуждение, парадокс, Куайн.

Введение

В статье речь пойдет об апории, известной в литературе как «Парадокс неожиданного экзамена». Она представлена в следующей истории. Преподаватель сообщает студенту, что на следующей неделе проведет для него экзамен, и называет два условия его проведения:

(1) Экзамен будет проведен в один из дней с понедельника по пятницу.

(2) День экзамена будет для студента неожиданным, т.е. вечером предэкзаменационного дня студент не будет знать, что экзамен состоится на следующий день.

В дальнейшем будем иметь в виду, что и студент и преподаватель по умолчанию принимают следующие условия: а) в указанный период будет проведен только один экзамен; б) он будет проведен в дообеденное время. Кроме того, в (2) предполагается, что у студента не будет никаких свидетельств, позволяющих сделать заключение о дате предстоящего экзамена, кроме объявленных условий, знаний о структуре недели и наблюдений за тем, состоялся ли экзамен в тот или иной день. Предполагается, например, что студент не сможет узнать дату экзамена, подслушав разговор преподавателя², что релевантные мнения студента являются обоснованными, т.е. студент не имеет случайных мнений относительно предстоящего экзамена [1. Р. 39].

Получив это сообщение, студент задается вопросом, в какой именно день может состояться экзамен, и рассуждает так:

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00057).

² Кроме того, здесь по умолчанию принимается ряд посылок: что в любой день студент знает, какой это день недели, что студент всегда помнит, состоялся ли экзамен в предыдущие дни, и т.п. Я не прописываю эти посылки явно, полагаясь на их интуитивную очевидность.

(а) Предположим, экзамен пройдет в пятницу. Согласно условию (1) пятница – последний из возможных для этого события дней. Но если так, то в четверг вечером я буду знать, что экзамен состоится на следующий день. Это противоречит условию (2). Следовательно, преподаватель не станет проводить экзамен в пятницу. Таким образом, мы можем уточнить (1). Уточненная версия такова:

(1') экзамен состоится не позже чем в четверг.

(б) Допустим, экзамен пройдет в четверг. Согласно (1') четверг – последний из возможных для этого события дней. Но если так, то в среду вечером я буду знать, что экзамен состоится на следующий день. Это противоречит условию (2). Таким образом, четверг тоже исключен, и можем принять (1''): экзамен состоится не позже чем в среду.

Воспроизведя аналогичный аргумент относительно среды, вторника и понедельника, студент приходит к выводу, что ни один из дней следующей недели не может быть днем экзамена. Будучи отличником по логике и обоснованно полагаясь на свои логические способности, студент заключает, что преподаватель не сможет провести экзамен на следующей неделе, не нарушив условие (2). Будучи обоснованно высокого мнения о логических способностях преподавателя, студент заключает, что на следующей неделе экзамена не будет. Однако на следующей неделе утром одного из рабочих дней (это мог быть любой день с понедельника по пятницу) преподаватель объявил, что в этот день будет экзамен. Естественно, для студента эта новость оказалась неожиданной. Но это значит, что преподаватель провел экзамен в полном соответствии с условиями (1) и (2).

Итак, рассуждение студента, в результате которого он пришел к выводу, что на следующей неделе экзамена не будет, оказалось фактически некорректным. В то же время это рассуждение кажется безупречным: разве не очевидно, что если экзамен не проведен до четверга включительно, то для проведения экзамена остается только пятница? И разве не очевидно, что в четверг вечером это было бы очевидно студенту? И столь же очевидными представляются (по крайней мере, на первый взгляд) все последующие шаги рассуждения студента. Таким образом, данный сюжет представляет собой нетривиальную задачу: найти ошибку в рассуждениях студента. Ниже я предлагаю анализ данной апории, близкий к анализу, предложенному Куайном [2. Р. 21–23]. При этом я выскажу некоторые возражения против трактовок данной апории, предложенных Соренсеном [3], Джанавеем [4] и Олин [1]. Итог анализа, который я хочу предложить, состоит в следующем:

1. Рассуждения студента приводят к изменению его эпистемического состояния: если в начале рассуждений он принимает (1) и (2) за истину, то в конце он ставит их под сомнение.

2. При этом рассуждения студента существенным образом зависят от его эпистемического состояния, в частности от его установки по отношению к (1) и (2).

3. Поэтому изменение эпистемического состояния отменяет результаты рассуждений. Учет этого факта устраняет апорию. Видимость парадокса возникает из-за ошибки студента, состоящей (в изложенном сюжете) в том, что он не обращает внимания на динамику своего эпистемического состояния.

Анализ апории

Рассуждение студента начинается с рассмотрения гипотетической ситуации, в которой он оказывается в четверг вечером, если экзамена на этот момент еще не было. Эпистемическое состояние студента в этой ситуации определяется следующими обстоятельствами:

(а) он считает истинными (1) и (2) – условия экзамена, объявленные преподавателем;

(б) он помнит, что с понедельника по четверг экзамена не было.

В этом эпистемическом состоянии студент начинает рассуждать. Сначала он из (1) и (б) выводит (вполне правомерно), что экзамен состоится в пятницу. Придя к этому выводу, он замечает, что осознает этот вывод, т.е. *знает*, что экзамен состоится в пятницу. Затем он замечает, что последнее обстоятельство противоречит условию (2), и заключает, что данная гипотетическая ситуация невозможна. В результате студент сужает (1) до (1'). Здесь мы уже можем заметить ключевой для моего анализа феномен: в результате рассуждения *студент подвергает ревизии свои посылки, что изменяет его эпистемическое состояние*. Если в начале этого этапа рассуждения студент принимал в качестве посылки (1), то в конце он принимает (1'), т.е. находится в новом эпистемическом состоянии. Однако это изменение эпистемического состояния студента еще не является главным; главное изменение обнаружится чуть ниже.

После уточнения (1) студент, как мы помним, рассматривает следующую гипотетическую ситуацию: ситуацию, в которой он находится в среду вечером, помня, что до того момента экзамена не было. Применяя аналогичное рассуждение (включающее аналогичные умозаключения и каузальные связи), студент уточняет (1') до (1''). Таким образом, на этом шаге рассуждения его эпистемическое состояние претерпевает еще одно изменение. После пятого шага рассуждения студент заключает, что экзамен не может быть проведен с соблюдением обоих объявленных условий. Принятие этого тезиса определяет главное изменение эпистемического состояния студента: если до сих пор он был уверен в истинности (1) и (2), то теперь считает, что (1) и (2) не могут быть истинными одновременно.

Поскольку посылки студента изменились, он должен начать новый раунд рассуждений. Как мы помним, в традиционном изложении данного сюжета новый раунд оказался коротким: студент сделал вывод, что экзамена не будет. Это, конечно, поспешный вывод: из $\sim [(1) \& (2)]$ не следует $\sim (1)$; из этого следует $\sim (1) \vee \sim (2)$. То есть студент должен был заключить, что преподаватель нарушит либо первое условие (не проведет экзамен), либо второе (проведет экзамен, но его день не будет для студента неожиданным). Заключение студента, что экзамена не будет, представляло собой неоправданное усиление его новой посылки $\sim [(1) \& (2)]$.

Как студенту следовало рассуждать в его новом эпистемическом состоянии? Прежде всего, он должен был заметить, что теперь он не уверен в том, что экзамен состоится. Отсюда он должен был заключить, что в любой день до следующего четверга вечером он не может знать, что экзамен состоится на следующий день. Из этого он должен был сделать финальный вывод: если преподаватель проведет экзамен в любой день следующей недели в соответ-

ствии с условием (1), то условие (2) тоже будет выполнено. Если бы студент пришел к этому выводу, то дальнейшее развитие событий – экзамен, состоявшийся с соблюдением условия (2) – не оказалось бы для него сюрпризом. Итак, видимость парадокса исчезает, если мы понимаем, что студент в своих рассуждениях должен учитывать динамику своих установок (от доверия к сомнению) по отношению к (1) и (2).

Как я отметил выше, данное решение апории близко к решению Куайна¹ [2. Р. 21–23]. По Куайну, уже на первом этапе рассуждения (рассматривая гипотетическую ситуацию, в которой до четверга включительно экзамена не было) студент должен был принять в расчет две возможности: а) экзамен будет в пятницу, и он об этом знает; б) экзамен будет в пятницу, и он об этом не знает. Иначе говоря, Куайн считает, что студент уже на этом этапе не должен иметь знание о своем знании о том, что экзамен будет в пятницу. Я считаю этот тезис необоснованным. Действительно, тезис, что экзамен будет в пятницу, следует из (1) и (b). Поэтому если студент принимает (1) за истину (Куайн с этим согласен), то он, конечно, должен сделать вывод, что экзамен будет в пятницу. И я не вижу причин, почему бы ему не осознать тот факт, что он сделал этот вывод. Но осознать этот факт – значит получить знание о своем знании о том, что экзамен будет в пятницу. Итак, я думаю, что мы можем допустить, что студент имеет это знание, но только временно: до ревизии его установки по отношению к (1) и (2). Я согласен с Куайном в том, что студент приходит к выводу, что он не знает дату экзамена, но считаю, что Куайн неверно определил этап рассуждения, на котором студент приходит к этому выводу. Думаю, мой анализ показал, что студент может прийти к этому выводу не раньше чем после рассмотрения всех пяти релевантных гипотетических ситуаций.

Еще одно полемическое замечание. Решения данной апории, предложенные Соренсенем [3], Джанавеем [4] и Олин [1. Р. 51–57], базируются на ограничении возможностей студента знать те или иные релевантные обстоятельства. Джанавей и Олин считают (как и Куайн, но по другим основаниям), что уже в первой гипотетической ситуации студент не может знать, что экзамен будет в пятницу; Соренсен утверждает, что студент не может знать, что день экзамена будет для него неожиданным. Детальный анализ их аргументов выходит за рамки данной статьи; здесь я только хочу отметить, что все три автора налагают ограничения на возможные знания студента без учета динамики его эпистемических состояний. Специфика (и, как я надеюсь, достоинство) предложенного мной анализа состоит в том, что в нем ограничения на возможные знания студента релятивизированы к его эпистемическим состояниям.

Рассмотренная апория имеет круговую структуру, подобную структуре известных семантических парадоксов, таких как парадокс лжеца: принятие (1) и (2) за истину приводит студента к отрицанию (1) & (2), последнее же делает (1) & (2) истинным. Однако наша апория отличается от упомянутых парадоксов в двух аспектах: а) она формулируется без использования автореферентных предложений и предиката «ложно»; б) она базируется не только

---

¹ Куайн анализирует более драматичный сюжет, в котором подсудимому объявляют приговор о повешении и сообщают условия, аналогичные (1) и (2). Я перевожу его анализ в термины нашей истории об экзамене.

на отношениях логического следования между предложениями, но и на каузальных связях между рассуждениями студента и его эпистемическими состояниями¹.

Вариации

В предложенном решении апории студент на втором раунде своих рассуждений сомневается в истинности (1) & (2). Это значит, что теперь он уже не рассматривает слова преподавателя как абсолютно надежный источник информации. Можно ли модифицировать сюжет так, чтобы доверие студента к словам преподавателя оставалось в силе постоянно? В этом разделе статьи я рассмотрю попытку «спасти» апорию, изложив условия экзамена в более «осторожной» редакции. Анализ этого варианта сюжета покажет, что изменение установки студента по отношению к сообщению преподавателя неизбежно и в этом случае. Этот результат будет важен для понимания природы данной апории.

Заменим (1) и (2) положениями (1*) и (2*):

(1*) *Возможно*, на следующей неделе будет проведен экзамен. *Если* он будет проведен, то в один из дней с понедельника по пятницу.

(2*) Для любого дня d с понедельника по пятницу следующей недели, такого, что экзамен не был проведен до d , верно следующее: вечером предыдущего дня студент не будет знать, что если экзамен вообще состоится, то именно в d .

Как видим, (1*) отличается от (1) только модальностью. Различия между (2) и (2*) лучше показать, переведя их на формальный язык. Будем использовать следующие обозначения:

– $d_1, d_2, \dots, d_5$ – рабочие дни следующей недели в естественной нумерации (d_1 – понедельник; d_5 – пятница); добавим к этому d_0 – день, когда преподаватель сообщил студенту о предстоящем экзамене (или любой другой день до конца текущей недели).

– $E(d_i)$ = «Экзамен проходит в день d_i ».

– R = $(\exists i: 1 \leq i \leq 5) E(d_i)$. То есть R говорит, что экзамен состоится в один из указанных преподавателем дней.

– $K_x P$ = «В d_x студент знает, что P ».

– « $\supset$ » означает материальную импликацию; « $\rightarrow$ » означает кондизионал.

На этом языке (2) и (2*) формализуется как (3) и (3*) соответственно:

(3) $(\forall i: 1 \leq i \leq 5) [E(d_i) \supset \sim K_{i-1} E(d_i)]$

(3*) $(\forall i: 1 \leq i \leq 5) [(\forall j < i) \sim E(d_j) \rightarrow \sim K_{i-1} (R \supset E(d_i))]$.

Данная формализация показывает два различия между (3) и (3*):

а) В (3*) после $(\forall i: 1 \leq i \leq 5)$ следует кондизионал, тогда как в (3) – материальная импликация. Почему при формализации (2*) я использую кондизионал, а не материальную импликацию, станет ясно ниже.

б) В (3*) речь идет об условном знании студента (*если* экзамен вообще состоится, то в такой-то день), тогда как в (3) – о категорическом знании.

¹ См. обзор семантических парадоксов в монографии Хаак [5. Р. 135–151]. Обзор современных взглядов на роль автореферентности в генерировании парадоксов представлен В.А. Ладовым в [6]. См. также его исследование исторических истоков идеи автореферентности в философии Платона [7].

Как видим, (1*) и (2*) – это более «осторожные», чем (1) и (2), формулировки, поскольку в них уже не утверждается категорически, что экзамен будет, и рассматривается не категорическое, но только условное знание студента.

Пусть студент принимает (1*) и (2*) на веру, т.е. считает их истинными. Как в таком случае он должен рассуждать? Мы видели, что в гипотетической ситуации, когда до четверга включительно экзамена не было, (2) оказывается ложным. Равным образом ложным оказывается в этой ситуации (2*) и, соответственно, (3*): в данной ситуации студент знает, что единственным возможным днем для возможного экзамена является пятница, поэтому он знает, что *если* экзамен состоится, то только в пятницу. Следовательно, $(\forall j < i) \sim E(d_j) \rightarrow \sim K_{i-1}(R \supset E(d_i))$ не выполняется для $i = 5$, что фальсифицирует (2*) / (3*). Значит, и в данном варианте сюжета студенту приходится подвергнуть ревизии свое первоначальное доверие к сообщению преподавателя.

Итак, (2*) оказалась недостаточно «осторожной» формулировкой. Ниже будет рассмотрена еще более осторожная версия, но сначала будет уместно объяснить, почему при формализации (2*) я использую кондиционал, а не материальную импликацию. Итак, теперь студент считает, что (2*) ложно, а значит, отрицание (2*) истинно. Если бы формализацией (2*) была формула

$$(4) (\forall i: 1 \leq i \leq 5) [(\forall j < i) \sim E(d_j) \supset \sim K_{i-1}(R \supset E(d_i))],$$

получающаяся из (3*) заменой « $\rightarrow$ » на « $\supset$ », то отрицание (2*) было бы эквивалентно

$$(\exists i: 1 \leq i \leq 5) [(\forall j < i) \sim E(d_j) \& K_{i-1}(R \supset E(d_i))].$$

Как мы только что видели, отрицание (2*) выполняет пятница, т.е. $i = 5$. Это значит, что если (4) является корректной формализацией (2*), то должно быть истинным

$$(5) [(\forall j < 5) \sim E(d_j)] \& K_4(R \supset E(d_5)).$$

(5) говорит, в частности, что до четверга включительно экзамена не было. Однако наш сюжет не обязывает нас считать это истинным: по сюжету экзамен мог состояться в любой из дней с понедельника по четверг. Если бы это случилось, то как первый, так и второй конъюнкт (5) оказался бы ложным. Это значит, что (4) является некорректной формализацией (2*). Формализация (3*) выдерживает этот тест, во всяком случае, если использовать семантику кондиционалов, предложенную Столнейкером [8]. Существенной особенностью этой семантики является то, что в ней действует закон исключенного третьего для кондиционалов: $(p \rightarrow q) \vee (p \rightarrow \sim q)$ [9. Р. 23–30]. С учетом этого закона отрицание (3*) эквивалентно $(\exists i: 1 \leq i \leq 5) [(\forall j < i) \sim E(d_j) \rightarrow K_{i-1}(R \supset E(d_i))]$. Данную формулу выполняет $i = 5$. Это значит, что (6) должно быть истинным:

$$(6) [(\forall j < 5) \sim E(d_j)] \rightarrow K_4(R \supset E(d_5)).$$

В отличие от (5) (6) не содержит категорического утверждения, что до четверга включительно экзамена не было. (6) говорит, что *если бы* экзамена не было до четверга включительно, то в четверг вечером студент знал бы, что если экзамен состоится, то только в пятницу. Истинность этого условного утверждения очевидна.

Рассмотрим еще одну редакцию «смягченного» условия (2): (2**) и его формализацию (3**):

(2**) В интервале с понедельника по пятницу следующей недели есть (как минимум один) день d такой, что *если* экзамен не будет проведен до d , то вечером предыдущего дня студент не будет уверен в том, что если экзамен вообще состоится, то именно в d .

(3**) $(\exists i: 1 \leq i \leq 5) [(\forall j < i) \sim E(d_j) \rightarrow \sim K_{i-1}(R \supset E(d_i))]$.

В данном случае «смягчение» формулировки состоит в том, что вместо универсальной квантификации по рабочим дням следующей недели используется экзистенциальная квантификация. Преимущество такой трактовки второго условия состоит в том, что теперь студент может сохранить доверие к сообщению преподавателя после рассмотрения гипотетической ситуации, в которой экзамена не было до четверга включительно. Как мы помним, результат рассмотрения этой ситуации состоял в том, что $(\forall j < i) \sim E(d_j) \rightarrow \sim K_{i-1}(R \supset E(d_i))$ не выполняется для $i = 5$. Этого было достаточно для фальсификации (2*)/(3*), но этого недостаточно для фальсификации (2**) / (3**).

Однако и эта трактовка второго условия может только отсрочить просмотр студентом его посылок. В самом деле, тот факт, что $(\forall j < i) \sim E(d_j) \rightarrow \sim K_{i-1}(R \supset E(d_i))$ не выполняется для $i = 5$, мотивирует следующий шаг студента, аналогичный шагу (б) его первоначального рассуждения: он отбрасывает пятницу как возможный день экзамена. Тем самым он уточняет (1*) до следующего условия: *Возможно, на следующей неделе будет проведен экзамен. Если он будет проведен, то в один из дней с понедельника по четверг.* Дальнейший ход его событий нетрудно предугадать: студент придет к заключению, что проведение экзамена с соблюдением (2**) невозможно, и должен будет отменить свое исходное доверие к сообщению преподавателя.

Таким образом, изменение эпистемического состояния студента и последующая ревизия результатов рассуждений, осуществленных в исходном состоянии, оказываются неизбежными. Думаю, этот аспект сюжета является конститутивным для данной апории.

Заключение

Представленный анализ апории неожиданного экзамена показал, что изменение эпистемических состояний студента является необходимым условием ее возникновения. В исходном эпистемическом состоянии студент принимает сообщение преподавателя за истину и использует его в качестве посылки рассуждения. В новом эпистемическом состоянии студент сомневается в сообщении преподавателя, поэтому не должен принимать заключение осуществленного рассуждения за истину. Видимость парадокса возникает из-за того, что (в традиционном изложении апории) студент не обращает внимания на динамику своего эпистемического состояния.

Литература

1. Olin D. Paradoxes. Chesham: Acumen, 2003.
2. Quine W.V. The Ways of Paradox and Other Essays. New York : Random House, 1966.
3. Sorensen R.A. Conditional Blindspots and the Knowledge Squeeze: A Solution to the Surprise Paradox // Australasian Journal of Philosophy. 1984. Vol. 62. P. 126–35.
4. Janaway C. Knowing About Surprises: A Supposed Antinomy Revisited // Mind. 1989. Vol. 98 (391). P. 391–410.
5. Haack S. Philosophy of Logics. Cambridge: Cambridge University Press, 1978.

6. Ладов В.А. Критический анализ иерархического подхода Рассела – Тарского к решению проблемы парадоксов // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 44. С. 11–24.

7. Ладов В.А. Самоотрицание, самопредикация, самореферентность в философии Платона // СХОΛΗ (Schole). Философское антиковедение и классическая традиция. 2018. Т. 12, № 1. С. 54–62.

8. Stalnaker R. A Theory of Conditionals // Harper W.L., Stalnaker R., Pearce G. (eds.) *IFS. Conditionals, Belief, Decision, Chance, and Time*. Dordrecht : D. Reidel Publishing Company, 1981. P. 41–56.

9. *Bentham J. van*. A manual of intensional logic. Stanford: CSLI, 1998.

Evgeny V. Borisov, Tomsk Scientific Center, SB RAS (Tomsk, Russian Federation); Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: borisov.evgeny@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 46. pp. 5–13.

DOI: 10.17223/1998863X/46/1

THE EPISTEMIC ASPECT OF THE SURPRISE EXAM PUZZLE

Keywords: surprise exam puzzle; epistemic state; knowledge; logic; reasoning; paradox; Quine.

In the paper, the puzzle known as the ‘surprise exam paradox’ is examined. The puzzle is generated by the following story: A student was told that the following week, from Monday to Friday, she was going to get an exam and that a day before the exam she would not know that the next day would be the exam day. The student observed that if the exam was going to take place on Friday she would know that Thursday night, so she concluded that Friday was not suitable for the exam. By analogous reasons she also excluded all days from Monday to Thursday and came to believe that there would be no exam at all the following week. But on Monday the exam took place, and since that was a surprise for the student, we can observe that the exam was held in perfect accordance with the initial announcement. The puzzle is generated by the fact that the student’s reasoning seems to be quite sound whereas its conclusion turns out to be wrong. The author proposes a solution to the puzzle close to the one offered by Quine but differing from it in an important respect. The author agrees with Quine in the point that the student should not exclude any day from the period suitable for the exam. The author’s solution differs from Quine’s: he explains this by showing that the student’s reasoning affected her epistemic state, and that the student should have taken this into account (but failed to do it). Thus, in the author’s solution, the dynamics of the student’s epistemic states plays a crucial role. The author demonstrates that the seeming paradox is generated by the following circumstances: 1. The student’s reasoning was dependent on her epistemic states. 2. In the course of the reasoning, her epistemic state was substantially changed. 3. This change nullified the justification of the conclusion she came to. 4. In the traditional version of the story, the third point was not noticed by the student, which brought about a wrong expectation on her side. That point seems not to be noticed by the authors of some solutions to the puzzle either. The author of the paper also shows that the puzzle in question differs from logical paradoxes in the fact that a non-logical factor – the causal link between reasoning performed by the agent and her epistemic states – plays an essential role in it.

References

1. Olin, D. (2003) *Paradoxes*. Chesham: Acumen.
2. Quine, W.V. (1966) *The Ways of Paradox and Other Essays*. New York: Random House.
3. Sorensen, R.A. (1984) Conditional Blindspots and the Knowledge Squeeze: A Solution to the Surprise Paradox. *Australasian Journal of Philosophy*. 62. pp. 126–35. DOI: 10.1080/00048408412341321
4. Janaway, C. (1989) Knowing About Surprises: A Supposed Antinomy Revisited. *Mind*. 98(391). pp. 391–410. DOI: 10.1093/mind/XCVIII.391.391
5. Haack, S. (1978) *Philosophy of Logics*. Cambridge: Cambridge University Press.
6. Ladov, V. (2018) Critical analysis of the hierarchical approach to the solution of the paradox problem. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 44. pp. 11–24. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/44/2

---

7. Ladov, V. (2018) Self-refutaion, self-predication and self-reference in the philosophy of Plato. *Schole. Filosofskoye antikovedeniye i klassicheskaya traditsiya – Schole. Ancient Philosophy and the Classical Tradition*. 12(1). pp. 54–62. (In Russian). DOI: 10.21267/AQUILO.2018.12.10418

8. Stalnaker, R. (1981) A Theory of Conditionals. In: Harper, W.L., Stalnaker, R. & Pearce, G. (eds.) *IFS. Conditionals, Belief, Decision, Chance, and Time*. Dordrecht: D. Reidel Publishing Company. pp. 41–56.

9. Benthem, J. van. (1998) *A Manual of Intensional Logic*. Stanford: CSLI.

УДК 160.1

DOI: 10.17223/1998863X/46/2

И.П. Ефимов, В.А. Ладов

ИНФЕРЕНЦИАЛИСТСКИЙ ПОДХОД Д. РИПЛИ К РЕШЕНИЮ СЕМАНТИЧЕСКИХ ПАРАДОКСОВ¹

Рассматривается новый подход к понятию истины и к решению семантических парадоксов, предложенный современным австралийским логиком и философом Дэвидом Рипли. Д. Рипли предлагает инференциалистский и билатералистский метод решения семантических парадоксов, основываясь на работах И. Рамфитта, Г. Ресталла и Р. Брэндома. Д. Рипли отталкивается от классической логики высказываний, которую он перерабатывает, устраняя правило сечения (the rule of cut). Д. Рипли утверждает, что парадоксы образуют такие высказывания, которые не следует ни утверждать, ни отрицать. Логик выделяет два пути такого решения парадоксов – строгий (strict) и толерантный (tolerant). Цель настоящей статьи заключается в критическом анализе логической концепции Д. Рипли, в выявлении существенных характеристик его подхода к решению проблемы парадоксов.

Ключевые слова: *инференциализм, билатерализм, семантический парадокс.*

Введение

Критика ортодоксального иерархического подхода к решению семантических парадоксов показала, что данный классический подход зачастую оказывается грубым и искусственным [1]; возможны не только просчёты и ошибки в решении парадоксов, но и парадокс, который в принципе нельзя решить посредством ортодоксального подхода по той причине, что данный парадокс вообще не имеет самореферентности [2]. Это обстоятельство может натолкнуть исследователей на поиск альтернативы классическим воззрениям.

В своей работе «Paradoxes and Failures of Cut» [3] австралийский логик и философ Дэвид Рипли предлагает нам, как он сам выражается, новый логический и философский подход к определению того, что такое истина и как следует обращаться с семантическими парадоксами. В качестве концептуального направления своей логической семантики Рипли берёт билатерализм, одну из разновидностей инференциалистской доктрины, разработанной Р. Брэндомом [4]. Также Рипли в формализации своей логической системы зачастую опирается на классическую логику высказываний, проводя процесс формализации методом исчисления секвенций Г. Генцена [5].

Цели настоящей статьи заключаются в анализе логико-семантической концепции Рипли, выявлении наиболее существенных аспектов его подхода к проблеме истины и семантических парадоксов в сравнении данного подхода как с ортодоксальным иерархическим подходом А. Тарского, так и с другими подходами, предложенными в истории логики и философии.

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00057).

Билатерализм и инференциализм

Инференциализм, по словам самого Рипли, есть точка зрения, согласно которой значение должно объясняться в терминах действительного вывода (valid inference) [3. Р. 140]. Билатерализм же он определяет как концепцию, согласно которой сам действительный вывод должен объясняться тем, какие условия утверждения и отрицания (assertion and denial) он имеет. Чтобы лучше прояснить его достаточно пространные формулировки, нам следует обратиться к тем, к кому Рипли отсылает.

Билатерализм является разновидностью инференциалистской концепции, и был сформулирован у философов И. Рамфитта [6] и Г. Ресталла [7]. Рамфитт сформулировал билатералистские логики примитивных речевых актов утверждения и отрицания с целью исследования возможности того, «как определять значения в их дедуктивном использовании (use)» [6. Р. 810]; он и Ресталл говорят об интуиционистском характере их логических систем. Переходя к инференциализму, стоит повторить, что данная концепция развивалась в работах Р. Брэндома, который видел инференциализм как оппозицию денотационализму и репрезентационализму: если в них значение мыслилось как нечто внешнее и философы определяли значение высказывания как нечто соответствующее этому значению в объективном мире, то Брэндом обращается к когерентной концепции истинности – значение зависит не только от денотата, но и от того, насколько соотносятся друг с другом высказывания внутри определенной системы знаний.

Рипли опирается на такие подходы в семантике по следующим причинам: 1) инференциализм и билатерализм позволяют обращать больше внимания на то, насколько непротиворечиво высказывание в целом; 2) данные концепции представляют собой оппозиции денотационализму и репрезентационализму.

Введение в логическую модель Рипли

Рипли анализирует классическое исчисление высказываний и предлагает свою систему (он называет эту систему «ST»), которая является несколько изменённой версией классической логической системы. Он проводит анализ фундамента логической системы с помощью метода исчисления секвенций немецкого логика и математика Г. Генцена [5]. Он работает в контексте логики множественных выводов.

Давайте представим себе пару множеств утвердительных и отрицательных высказываний $\langle \Gamma, \Delta \rangle$. Такая позиция будет утверждать всё, что входит в множество Γ , и отрицать всё в множестве Δ . Некоторые такие позиции являются *доступными* (in bounds), а другие – *недоступными* (out of bounds). Например, представим себе позицию, которая содержит утверждения «Мельбурн больше Брисбена» и «Брисбен больше Дарвина», отрицание же суждения «Мельбурн больше Дарвина» недоступно. Здесь очевидно, что слово «больше» приобретает свое значение через правило транзитивности. С другой стороны, позиция, которая содержит данные утверждения, оставляет их доступными, что не нарушает никаких выводимых свойств этих выражений.

Рипли пишет, что суждение $\Gamma \vdash \Delta$ сейчас может быть прочитано как требование, согласно которому вышеупомянутая позиция является недоступной.

Следовательно, это даёт возможность понять последовательность данных высказываний в терминах первичных понятий принуждений на утверждения и отрицания.

Какую структуру мы можем найти в выводимости последнего из первого? Это зависит от того, какие утверждения и отрицания находятся вне доступа. Следует заметить, что утверждение и отрицание одной и той же вещи должно быть недоступным (поскольку, очевидно, такой случай является логическим противоречием). Следовательно, у нас есть суждение $A \vdash A$ для каждого A . Не является случайностью то, что данное правило есть привычная аксиома о тождестве в системах доказательств, основанных на исчислении секвенций.

Также мы можем ввести правило ослабления; если позиция уже является недоступной, тогда включение большего количества утверждений и отрицаний не может сделать её доступной. В формальной записи:

$$\frac{\Gamma \vdash \Delta}{\Gamma, \Gamma' \vdash \Delta, \Delta'}$$

Большая часть структуры следования, как мы увидели в примере, будет зависеть от того, какой конкретный словарь (vocabulary) будет вовлечён в исследование. Кроме принципов тождества и ослабления, мало что может быть полностью независимым от словаря. Однако мы вправе использовать имеющиеся средства для того, чтобы описать обыкновенный логический словарь.

Например, мы можем описать классическое правило отрицания следующим образом: отрицание A может быть утверждаемо тогда, когда его противоположность может быть отрицаемой, и отрицание A отрицаемо тогда, когда A утверждаемо. Данные условия оправдывают правила классического отрицания [З. Р. 141]:

$$\frac{\Gamma \vdash A, \Delta}{\Gamma, \neg A \vdash \Delta} \qquad \frac{\Gamma, A \vdash \Delta}{\Gamma \vdash \neg A, \Delta}$$

Следовательно, мы можем увидеть те условия утверждения и отрицания, которые могут быть использованы для описания отрицания в классической системе. Это оставляет нам набор классических правил секвенции, необходимых для дальнейшего обсуждения. Рипли пропускает правила для дизъюнкции и квантора существования, поскольку они определимы в обыкновенном смысле и будут подчиняться тем же правилам секвенции. Полное изложение классической логики первого порядка в генценовском исчислении Рипли показывает следующим образом [Ibid. P. 142]:

$$\frac{\Gamma \vdash A, \Delta \quad \Gamma, B \vdash \Delta}{\Gamma, A \supset B \vdash \Delta} \qquad \frac{\Gamma, A \vdash B, \Delta}{\Gamma \vdash A \supset B, \Delta}$$

$$\frac{\Gamma, A \vdash \Delta \quad \Gamma, B \vdash \Delta}{\Gamma, A \vee B \vdash \Delta} \qquad \frac{\Gamma \vdash A \text{ (или } B), \Delta}{\Gamma \vdash A \vee B, \Delta}$$

$$\frac{\Gamma, A(t) \vdash \Delta}{\Gamma, \forall x A(x) \vdash \Delta}$$

$$\frac{\Gamma \vdash A(a), \Delta}{\Gamma \vdash \forall x A(x), \Delta}.$$

Секвенция доказуема в этой системе в том случае, если она имеет смысл в обыкновенной классической модели. С инференциалистской точки зрения полнота и замкнутость служат оправданием для разговора о референтности, денотации, семантической осмысленности и т.д. [3]. Следовательно, данные модель-теоретические термины получают свой смысл от связи между моделями и осмысленным выводом.

Что наиболее важно, представленное нами изложение уже показывает, каким образом значения предложений, образованных с логическими союзами и кванторами ($\neg$, $\supset$, $\forall$ и т.д.), композиционно выводятся из значений их компонентов. Нет нужды в подробном анализе, чтобы это увидеть, говорит читателю Рипли. Утверждение или отрицание $\neg A$ является доступным или, наоборот, определяется целиком тем случаем, когда утверждения или отрицания A находятся вне доступа, с помощью правил, определяющих включение союза отрицания, и так для каждого союза или квантора.

Это причина, по которой важно, что аксиомы тождества, необходимые для данной секвенции исчисления, – это аксиомы атомарных высказываний [Ibid. P. 141]. Само собой разумеется, что нельзя утверждать и отрицать A в одно и то же время, однако это не должно просто указываться как некая данность; по мнению Рипли, как часть законченного высказывания, это должно выводиться от значений A и знака отрицания. В данном здесь исчислении секвенций тождество для всех составляющих высказываний может быть выведено индуктивным путём от тождества только атомарных высказываний; если же это не так, то данная секвенция была бы проблематично некомпозициональным предприятием с точки зрения билатерализма.

Правило сечения (the rule of cut) формулируется Рипли следующим образом [Ibid. P. 143]:

$$\frac{\Gamma, A \vdash \Delta \quad \Gamma \vdash A, \Delta}{\Gamma \vdash \Delta}.$$

Согласно данной Рипли интерпретации классической логики, правило сечения есть ограничение *растяжимости* утверждения и отрицания. Оно говорит нам, что если даны утверждение Γ и отрицание Δ , является недоступным утверждать или отрицать A , и тогда уже утверждение Γ и отрицание Δ становятся недоступны. Любая позиция, согласно которой то, что доступно, должно быть растяжимо для любой позиции, которая утверждает или отрицает A . Можно подумать, что это жизненно необходимое условие структуры утверждения или отрицания, на пару с аксиомами тождества. Но это не является нашей единственной возможностью. В конце концов, правило исключения исключается в последовательности исчислений, представленной выше. Другими словами, таблица доказуемых секвенций уже замкнута под этим правилом. Нам не нужно создавать особые условия для этого: оно может быть частью структуры утверждения и отрицания, когда это ограничено классической логической семантикой. После того как мы это показали, данное обстоятельство не играет существенной роли. Сам Рипли соглашается с тем, что правило сечения имеет необходимое техническое значение в теории доказательств, это не оспаривается: он говорит о том, что в данном случае

дело касается философской теории значения [3. Р. 150]. Сечение, по мнению Рипли, представляет одну из тех трудностей, которые возникают в случае логического противоречия: препятствует правилу сечения.

Согласно Рипли сечение, как правило, не является необходимым для построения какой-либо логической модели; он предлагает даже пойти таким радикальным путём, как построение логических моделей из недоказуемых секвенций; как он пишет, мы должны ориентироваться на максимально произвольные модели без правила сечения.

Парадоксы: толерантное и строгое отношения

Возвращаясь к проблеме решения парадоксов, Рипли утверждает, что его модель позволяет избегать как утверждения, так и отрицания парадоксов. Рипли говорит, что в рамках его теории следует понимать парадокс как случай, когда высказывание настолько «растяжимо», что правомерно как утверждать, так и отрицать его; однако Рипли, как и любой логик, говорит, что не следует поступать таким образом и поэтому не надо делать ни того, ни другого. Также Рипли выделяет отдельный класс зависимых (contingent) парадоксов, парадоксальность которых зависит от дополнительной информации, т.е. нужно знать содержание парадокса, чтобы признать его таковым.

По мнению Рипли, описанным выше зависимым парадоксом может быть и парадокс Лжеца. Например, предложение «первое предложение в параграфе 4.1 является ложным» [Ibid. Р. 151] может стать парадоксом только в том случае, когда мы узнаем о нём дополнительную информацию, которая позволила бы отнести его к классу противоречивых высказываний. Подобная “зависимость” может относиться и к парадоксу Карри: высказывание к таково, что $k = T \langle k \rangle \supset p$, где p – свободная переменная. Мы можем вывести следующее [Ibid. Р. 153]:

$$\underline{T \langle k \rangle \vdash T \langle k \rangle p} \vdash p$$

$$T \langle k \rangle, k \supset p \vdash p$$

$$T \langle k \rangle, k \vdash p$$

$$T \langle k \rangle \vdash p.$$

С этого места Рипли выводит $\vdash T \langle k \rangle$ [Ibidem]:

$$\underline{T \langle k \rangle \vdash p}$$

$$\vdash T \langle k \rangle \supset p$$

$$\vdash k$$

$$\vdash T \langle k \rangle.$$

Если совместить обе секвенции, то мы получим вывод $\vdash p$. Рипли показывает нам, что отрицание p невозможно [Ibidem]:

$$\underline{\vdash T \langle k \rangle T \langle k \rangle} \vdash p.$$

$$\vdash p$$

Поскольку p было произвольным, мы оказываемся в неловкой ситуации: Рипли считает, что мы должны были бы нечто отрицать. Однако в предлагаемой системе мы не можем соединить обе секвенции, поскольку Рипли удалил это правило.

Теперь о строгом и толерантном путях решения парадоксов. Под толерантным подходом Рипли подразумевает такой ответ (утверждение или отрицание), который будет разрешаться в логической модели, а под строгим – противоположный случай. То есть когда мы идём путём толерантного ответа на парадокс, мы можем с одинаковой уверенностью как согласиться, или утвердить его, так и отказаться, т.е. отрицать его. Строгий ответ подразумевает, что оба варианта (утверждение и отрицание) равно бессмысленны, поскольку находятся вне доступа в логической системе.

Преимущества данного подхода к решению парадоксов

Рипли выделяет следующие преимущества своего подхода:

1. Транспарентность, или прозрачность. Исключение правила сечения позволяет Рипли ввести предикат транспарентной истинности.

2. Связь с классическим подходом (classicality).

3. Подходящая обусловленность. Если в том или ином подходе отсутствуют такие принципы, как *modus ponens* или принцип тождества, то такой подход (т.е. логическая система) обречен встретить трудности при практическом исполнении. Подход же Рипли, по его собственному мнению, обладая классическими условиями (принципами), в то же время позволяет избегать трудностей ортодоксального метода.

4. Ограниченная квантификация. Данное свойство логической системы, как считает Рипли, теснее всего связано с классическими условиями в СТ. Ограничение квантификации даёт нам необходимый логический инструментарий, избегая при этом проблем, с которыми сталкиваются неклассические теории [3. Р. 156].

5. Единообразие. Рипли утверждает, что предложенная им модификация СТ обладает однородностью, позволяющей нам удобнее расправляться с семантическими парадоксами.

Выводы

В данной статье был проведен анализ логической теории Д. Рипли, основанной на инференциализме и билатерализме. Согласно этой теории значение высказывания напрямую зависит не от того, каким денотатом оно обладает, а от значений других высказываний, его составляющих. Можно было бы предположить, что если мы рассматриваем данное обстоятельство на наиболее фундаментальном уровне, на уровне атомарных высказываний, то денотация является единственным способом определить значение, однако ценность инференциалистского подхода заключается в том, что такой подход обращает внимание логиков и философов на содержание высказывания.

Примером может выступать парадокс Лжеца. С точки зрения ортодоксального иерархического подхода данный парадокс действительно является парадоксом: высказывание Лжеца истинно, когда оно ложно, и ложно, когда оно истинно. Но если посмотреть на это же противоречие с точки зрения инференциалистского подхода, рассматриваемого в данной работе, то вовсе не

обязательно расценивать его как неразрешимое противоречие: данное предложение вполне может иметь осмысленное и непротиворечивое значение, если относиться к этому значению инференциалистски.

Что же касается отношения к парадоксам вообще, то позиция Рипли может вызывать сомнение. Утверждение или отрицание парадокса может быть толерантным или строгим, однако оно зависит от того, кто рассматривает парадокс; более того, как говорит Рипли, некоторые семантические парадоксы становятся таковыми только в том случае, если мы имеем дополнительное знание о том, какие элементы в него входят. Хотя такой способ решения парадоксальных случаев может показаться бегством от решения парадоксов, подход Рипли имеет преимущество как раз в том, что предлагает два варианта отношения к парадоксам: признавая противоречие, мы можем для начала либо выяснить, действительно ли такое высказывание является парадоксом, либо признать парадокс просто бессмысленным предложением. Данное обстоятельство показывает, насколько актуальной является проблема поиска подходящего решения семантических парадоксов, которое избегало бы как трудностей ортодоксального подхода, так и бегства от парадоксов, и инференциалистский подход Рипли является одним из наиболее удобных вариантов таких логических теорий.

Литература

1. Ладов В.А. Критический анализ иерархического подхода Рассела – Тарского // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 44. С. 11–24.
2. Yablo S. Paradox without Self-Reference // Analysis. 1993. Vol. 53. P. 251–252.
3. Ripley D. Paradoxes and a Failure of Cut // Australasian Journal of Philosophy. 2013. № 1. P. 139–164.
4. Brandom R. Articulating Reasons: an Introduction to Inferentialism. Harvard University Press. 2000.
5. Gentzen G. Untersuchungen über das logische Schließen // Mathematische Zeitschrift. 1935. № 3. P. 405–431.
6. Rumfitt I. “Yes” and “No” // Mind. 2000. № 436. P. 781–823.
7. Restall G. Truth Values and Proof Theory // Studia Logica. 2009. № 2. P. 241–264.

Innokenty P. Efimov, Tomsk Scientific Center, SB RAS (Tomsk, Russian Federation); Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: innocentefim@gmail.com

Vsevolod A. Ladov, Tomsk Scientific Center, SB RAS (Tomsk, Russian Federation); Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: ladov@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 46. pp. 14–21.

DOI: 10.17223/1998863X/46/2

RIPLEY'S INFERENCEALIST APPROACH TO THE SOLUTION OF SEMANTIC PARADOXES

Keywords: inferentialism; bilateralism; semantic paradox.

The authors of this paper consider a new approach to the notion of truth and to the solution of semantic paradoxes suggested by David Ripley – a contemporary Australian logician and philosopher. The object of the paper is a critical analysis of the logical conception of Ripley and an elicitation of substantial features of his approach to the solution of the paradox problem. Ripley suggests an inferentialist and bilateralist approach to the solution of semantic paradoxes underlying in works of Ian Rumfitt, Greg Restall and Robert Brandom. Bilateralism as a particular form of inferentialism states that a meaning of a sentence depends on validity of its inferences based in terms of conditions of assertion

and denial. Bilateralism and inferentialism are influenced by the coherent theory of truth as it opposes denotationalism which is based on the traditional correspondence view. Ripley changes the classical first-order logic by eliminating the rule of cut and adding the predicate of transparent truth but keeping all other axioms of the classical logical system. He considers that paradoxes are such sentences that cannot be either asserted or denied; as a bilateralist, Ripley argues that one should consider some sentences as paradoxes only if we have extra information about elements of the sentence: some paradoxes might not be considered as ones. He proposes two distinct ways of solving paradoxes – strict and tolerant approaches. The difference between these two ways is that if we choose the tolerant way, we can either assert or deny a paradox and if we choose the strict one, we must estimate paradoxes as senseless sentences. The question is how we are able to deal with semantic paradoxes if we cannot actually solve them: Ripley's approach supposes at least a more suitable way to deal with paradoxes considering their contradictory nature. The authors of the paper drew a conclusion that Ripley's inferentialist approach is one of possible ways of solving semantic paradoxes.

References

1. Ladov, V.A. (2018) Critical analysis of the hierarchical approach to the solution of the paradox problem. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 44. pp. 11–24. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/44/2
2. Yablo, S. (1993) Paradox without Self-Reference. *Analysis*. 53. pp. 251–252. DOI: 10.1093/analysis/53.4.251
3. Ripley, D. (2013) Paradoxes and a Failure of Cut. *Australasian Journal of Philosophy*. 1. pp. 139–164. DOI: 10.1080/00048402.2011.630010
4. Brandom, R. (2000) *Articulating Reasons: an Introduction to Inferentialism*. Harvard University Press.
5. Gentzen, G. (1935) Untersuchungen über das logische Schließen [Investigations on logical reasoning]. *Mathematische Zeitschrift*. 3. pp. 405–431.
6. Rumfitt, I. (2000) “Yes” and “No”. *Mind*. 436. pp. 781–823.
7. Restall, G. (2009) Truth Values and Proof Theory. *Studia Logica*. 2. pp. 241–264.

УДК 164–165

DOI: 10.17223/1998863X/46/3

С.П. Ковалёв, А.В. Родин

ПРОБЛЕМА ОБОСНОВАНИЯ В ФОРМАЛЬНОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ ЗНАНИЙ¹

Понятие знание, которое используется в компьютерной науке, не включает в себя обычное для философской эпистемологии требование обоснования знания. Такое положение вещей имеет глубокие корни в истории философской логики в XX в. и приводит к негативным практическим последствиям. Исследования последних лет в области теоретико-доказательной семантики, гомотопической теории типов и формальной эпистемологии позволяют наметить теоретическую основу для решения этой проблемы.

Ключевые слова: *представление знаний, обоснование, доказательство, теоретико-доказательная семантика, гомотопическая теория типов.*

1. Понятие знания в философской эпистемологии и в компьютерной науке

В центре современной эпистемологической дискуссии (по крайней мере в аналитической философской традиции) находится восходящая к Платону так называемая JTB-концепция знания, согласно которой знание – это обоснованное истинное мнение (Justified True Belief). Это определение расшифровывается так: эпистемический агент A знает, что p (где p это некоторое высказывание), если и только если выполнены следующие три условия:

- пропозиция p истинна (является истинным высказыванием);
- агент A верит, что p ;
- A имеет достаточное основание g , для того чтобы верить, что p .

Если речь идет об общем знании, то агент A может специально не указываться: в этом случае говорят, что « p известно».

Заметим, что в рамках JTB-теории предполагается, что предмет знания в общем случае – это пропозиция. Такое знание называют пропозициональным знанием или знанием-что (knowledge that).

В связи с JTB-теорией широко обсуждаются так называемые «проблемы типа Гетье» [1], которые показывают, что понятие обоснования нуждается в дальнейшем уточнении. В частности, необходимы критерии, по которым можно было бы оценивать предложенное обоснование данного утверждения и признавать или не признавать его достаточным. Предпосылка JTB-теории, что всякое знание является пропозициональным, также широко обсуждается и оспаривается многими философами. Оставляя в стороне примеры другого рода, заметим, что согласно JTB-теории знание теоремы Пифагора требует умения доказывать эту теорему, а не только веры в то, что утверждение этой

---

¹ Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта РФФИ «Логические и эпистемологические аспекты конструктивного знания», грант 16-03-00364-ОГН.

теоремы истинно. Однако знание доказательства теоремы (в смысле умения ее доказывать) – это уже не пропозициональное, а процедурное знание (знание-как). Таким образом, понятие обоснования, которое используется в ЛТВ-теории, по крайней мере в некоторых важных случаях, требует включения в рассмотрение понятия процедурного знания.

Компьютерная наука в отличие от философской эпистемологии не ставит своей целью построить общую теорию знаний и рассуждений. Тем не менее в некоторых монографиях по компьютерному представлению знаний делаются попытки неформально определить эти базовые понятия [2–4]. Ни одно из таких определений, из числа тех, которые нам удалось найти в компьютерной литературе, не включает в себя требование ЛТВ-теории, чтобы знание включало в себя обоснование. Хотя представители компьютерных наук в последние годы много говорят и пишут о знаниях, как правило, они не проводят никакого различия между знанием высказывания p и самим этим высказыванием.

Вместе с тем проблема обоснования знаний не является чисто теоретической и тем более чисто философской. Ненадежность распространяемой и получаемой через электронные средства коммуникации информации в последние годы стала социальной и даже политической проблемой. Некоторые философы и публицисты говорят в этой связи о наступлении «эпохи пост-правды» [5]. На наш взгляд, в данном случае мы имеем дело с недостатком существующих компьютерных и коммуникационных технологий, который может и должен быть исправлен. В этой статье мы не предлагаем технических решений, но анализируем истоки проблемы и показываем, что она имеет фундаментальный логический аспект. Далее мы описываем некоторые новые подходы в логической семантике, которые, на наш взгляд, могут послужить теоретической основой для будущих технических решений.

2. Логическое следование и логический вывод

В своей последней статье с говорящим названием «Пренебрежение эпистемологическими соображениями в логике» Горан Зундольм [6] показывает, что в мейнстриме развития философской логики XX в. эпистемологические соображения систематически игнорировались. Опираясь на анализ Зундольма, мы показываем, что «пренебрежение» проблемой обоснования в теории и практике компьютерного представления знаний связано с тем, что создатели концепции искусственного интеллекта и их последователи до сих пор ориентировались на системы классической логики и логической семантики, в которых эпистемологические соображения являются второстепенными по сравнению с онтологическими соображениями.

Отождествление рассуждения с синтаксической процедурой будет бессодержательным, если не объяснить, как и почему данная синтаксическая процедура символическим образом выражает некоторое рассуждение. Семантическая теория, которая отвечает на этот вопрос, была предложена Альфредом Тарским в классической работе «О понятии логического следования» 1936 г. [7]. Тарский определяет это отношение так:

Формула B логически следует из совокупности формул $A_1, \dots, A_n$, если всякая интерпретация теории, при которой формулы $A_1, \dots, A_n$ интер-

претируются как истинные высказывания, также интерпретирует формулу B как истинное высказывание.

Тарский использует понятие логического следования в качестве эрзаца понятия логического *вывода*, не определяя это последнее понятие формально. Стандартные логические исчисления обладают свойством *корректности* (soundness): если формула B выводится (т.е. порождается в согласии с синтаксическими правилами дедукции) из формул $A_1, \dots, A_n$, то B логически следует из и формул $A_1, \dots, A_n$ в смысле приведенного выше определения. Такое свойство логического исчисления позволяет думать о синтаксическом выводе (т.е. «механической» дедукции) как о логическом выводе, т.е. процедуре, которая позволяет устанавливать логические следствия из данных предпосылок. Такую семантику логического вывода называют *теоретико-модельной*, чтобы отличить ее от *теоретико-доказательной* семантики, о которой мы скажем ниже.

Теоретико-модельная семантика логического вывода не несет никакой эпистемологической нагрузки. Отношение логического следования по Тарскому – это отношение между формулами, которое формулируется в терминах истинных предложений и их классов. Классическое понятие истины, которое здесь используется, предполагает, что истинность предложения никак не зависит от того, знает какой-либо эпистемический агент это предложение или нет. Таким образом, данная логико-семантическая схема рассуждений не имеет никакого эпистемологического содержания.

Могут возразить, что в нашем кратком описании классической логической семантики мы просто забыли упомянуть о таком важном эпистемологически нагруженном понятии, как *доказательство*. Этим словом Гильберт и Бернайс [8] стали называть синтаксические выводы, т.е. цепочки формул, включающих ряд предпосылок $A_1, \dots, A_n$ (они могут иметь статус *аксиом* теории), из которых в соответствии с правилами дедукции данной теории выводится искомая формула B : такую цепочку вслед за Гильбертом и Бернайсом часто называют доказательством формулы B на основании предпосылок (аксиом) $A_1, \dots, A_n$. Однако, как убедительно аргументирует Правиц [9], такое понятие доказательства является чисто техническим и также не имеет эпистемологического содержания. Чтобы формальные доказательства выполняли эпистемические функции и работали как доказательства в обычном смысле слова, на них необходимо накладывать дополнительные требования. Сами по себе эти синтаксические конструкции позволяют лишь определенным образом структурировать классы высказываний.

Такая структуризация совершенно необходима при компьютерном представлении знаний в форме теорий, поскольку любой компьютер обладает конечными ресурсами памяти и в принципе не способен хранить в явной форме все предложения теории [10]. За уменьшение расхода памяти приходится платить увеличением времени, требуемого для проверки истинности того или иного утверждения. Достижение баланса между расходом памяти и скоростью обработки относится к числу классических проблем теории алгоритмов и практики программирования, однако постановка и решение этой технической проблемы по-прежнему никак не учитывает эпистемическую функцию логического вывода.

3. Формальные онтологии

Теоретико-модельную логическую семантику в духе Тарского можно простым образом связать с онтологией, т.е. теорией о том, какого рода сущности существуют («бывают») в мире, по крайней мере в интересующей нас части мира. Для этого достаточно принять следующий тезис:

Для всякого истинного высказывания существует некоторая вещь (или вещи), которая делает это высказывание истинным.

Такую вещь по отношению к данному высказыванию в современной философской логике и аналитической метафизике принято называть *фактором истины* (truth-maker) этого высказывания, а приведенный выше тезис – тезисом *реализма факторов истины* (truth-maker realism, TMR).

TMR не решает вопроса о том, каков фактор или факторы истины каждого конкретного истинного предложения. Однако если речь идет о первопорядковой теории, то простейшим ответом на вопрос о факторах истины предложений этой теории будет онтологическое допущение о существовании индивидов (с их свойствами и отношениями), с помощью которых данная теория интерпретируется. Именно такой подход используется в *формальной онтологии*, которая в настоящее время является не только философской, но и компьютерной дисциплиной, имеющей приложения в искусственном интеллекте, и в первую очередь в области компьютерного представления знаний. Основным вариантом использования онтологии в инженерии компьютерных систем является проектирование структур информационного обеспечения [11]: баз данных, протоколов межпрограммного взаимодействия, форм пользовательского интерфейса и отчетов. Языки описания формальных онтологий предусматривают возможность задавать нетривиальные аксиомы и выводить из них утверждения, не записанные в структуре в явном виде.

Использование философских подходов наработок в теории и практике компьютерного представления знаний можно только приветствовать, но в данном случае вызывает недоумение тот факт, что для решения задач представления знаний компьютерная наука заимствует из философии именно онтологические, а не эпистемологические подходы.

4. Формальная эпистемология и конструктивная логика

В рамках описанной выше стандартной логической архитектуры компьютерного представления знаний истинностные значения приписываются высказываниям «с точки зрения Всезнающего Высшего Существа» без учета того, каким образом то или иное истинностное значение стало известным. Как нужно изменить эту стандартную архитектуру, чтобы учесть эпистемологическую сторону дела? Для решения этой задачи лучше подходит иная концепция логики, которую сегодня по историческим причинам принято называть *конструктивной*. Истина (предложения) понимается в конструктивной логике как существование доказательства (этого предложения), но при этом понятие доказательства понимается более широко, чем в классическом случае; в частности, доказательствами (или, как принято говорить в конструктивной логике, *свидетельствами*) при таком подходе могут считаться сами факторы истины. В последние годы были также построены новые семантики логического вывода, которые сегодня называют *теоретико-*

доказательными [12]. Идея такой семантики состоит в том, чтобы синтаксическим процедурам и правилам вывода одних формул из других поставить в соответствие подробно эксплицированные эпистемологические процедуры. Сохранение истинности при всех возможных интерпретациях по-прежнему мыслится как необходимое, но уже не как достаточное требование для того, чтобы данная синтаксическая процедура представляла логический вывод. С этим связано введение дополнительных (по сравнению со случаем теоретико-модельной семантики) синтаксических ограничений.

Представим информационную систему, которая не просто выдает пользователю в удобном виде некоторую полезную информацию по его запросу, осуществляя при этом поиск и обработку данных, но и предоставляет пользователю дополнительно соответствующее формальное *обоснование* в виде доступного для человеческого понимания и анализа описания выполненной процедуры. С помощью такого описания пользователь сможет (1) отождествить первоначальный источник нужной ему информации и (2) увидеть, по крайней мере в общих чертах, как именно информационная система обрабатывала исходные данные, чтобы ответить на его запрос [13]. Теоретико-доказательная семантика выводов может быть использована в такой ситуации для спецификации требований, при соблюдении которых предоставляемые компьютерной системой доказательства надежности информации будут валидными.

5. Гомотопическая теория типов как новая теоретическая модель для компьютерного представления знаний

Говоря о формальных выводах, мы подразумевали, что формулы, представляющие посылки и заключения таких выводов, интерпретируются как высказывания. Сейчас кратко опишем формальную систему ГТТ (гомотопическая теория типов), которая имеет более широкие семантические возможности. Синтаксис ГТТ в первоначальном варианте этой теории совпадает с синтаксисом теории типов Мартина – Лефа (ТТМЛ) [14]. Базовые формулы этого исчисления имеют вид $a : A$, где A называется *типом*, а a – *термом* данного типа. Сами такие формулы называются *суждениями* и, согласно первоначальной идее Мартина – Лефа, всегда допускают любую из следующих неформальных интерпретаций:

- a является доказательством пропозиции A ;
- a является элементом множества A ;
- a является решением задачи A ;
- a является реализацией намерения A .

Существенный прогресс в исследовании ТТМЛ, который заставил пересмотреть некоторые ключевые аспекты семантики этой теории, был достигнут в течение последнего десятилетия после того, как Владимир Воеводский установил связь между ТТМЛ и геометрической теорией гомотопий [15]. ТТМЛ и аналогичные теории с новой гомотопической семантикой сегодня принято называть *гомотопической теорией типов* (ГТТ). В рамках гомотопической семантики типы интерпретируются как абстрактные пространства (для которых определены основные понятия теории гомотопий), а термы – как точки таких пространств. ГТТ позволила установить, что «не все типы одинаковы»: только типы специального вида (гомотопического уровня), а

именно типы, содержащие самое большое единственный терм, можно отождествить с высказываниями; типы другого специального вида отождествляются с множествами; типы более высоких уровней мы оставим в стороне. Таким образом, первоначальная идея о том, что всякий тип допускает интерпретации как высказывание, множество и т.д., в контексте ГТТ не выглядит убедительной. Однако по всякому данному типу высшего порядка можно каноническим образом построить соответствующее высказывание, искусственно отождествляя все термы данного высшего типа. Такую процедуру в ГТТ называют *обрезанием* (truncation).

Покажем теперь, каким образом ГТТ может быть использована в качестве теоретической модели для систем представления знаний. Синтаксис ГТТ представляет собой систему правил, которые по отношению к пропозициональным типам (высказываниям) применяются как логические правила (правила вывода), а по отношению к типам более высоких гомотопических уровней – как правила построений непропозициональных конструкций, которые используются для верификации соответствующих высказываний. В настоящее время такой подход уже успешно используется для формализации и компьютерной проверки математических доказательств. Мы предполагаем, что он может быть использован и за пределами чистой математики. В задачах представления технологических знаний предлагаемый подход открывает возможность не только описывать технологические процедуры с помощью программного кода, но и моделировать на компьютере процесс изготовления изделия и проверять на этой модели, будет ли спроектированное изделие обладать требуемыми характеристиками.

6. Заключение

В последние годы в компьютерном представлении знаний широко используются подходы анализа больших данных, машинного обучения и искусственных нейронных сетей. Существует даже мнение, что классические средства представления знания, основанные на явном символьном выражении фактов и законов, безнадежно устарели и скоро будут заменены нейронными сетями, хранящими знания в неявном распределенном виде. Однако распределенное знание ненадежно и трудноверифицируемо, легко допускает ввод в заблуждение [16]. Поэтому, на наш взгляд, нейронные сети и другие средства анализа больших данных могут значительно обогатить, но никоим образом не заменить собой логические подходы и инструменты в компьютерном представлении знания.

Для успешного использования логических подходов в компьютерном представлении знаний недостаточно пользоваться классической логической архитектурой и связанными с этой архитектурой онтологиями, которые, как показывает наш анализ, полностью лишены всякого эпистемологического содержания. Хотя методы формальной эпистемологии пока еще недостаточно развиты, чтобы уже сегодня найти применение в компьютерной науке и технологии, совместная работа в этой области логически ориентированных философов и представителей компьютерных наук открывает многообещающие перспективы как в теоретическом, так и в практическом плане.

Литература

1. Hetherington S. Gettier Problems // Internet Encyclopedia of Philosophy. URL: <https://www.iep.utm.edu/gettier/> (дата обращения: 20.11.18).
2. Jakus G., Milutinović V., Omerović S., Tomažič S. Concepts, Ontologies and Knowledge Representation. Springer Science & Business Media, 2013. 67 p.
3. Abraham A., Grosan C. Intelligent Systems : A Modern Approach. Springer, 2011. 450 p.
4. Lakemeyer G., Nebel B. (Eds.) Foundations of Knowledge Representation and Reasoning. Springer, 1994. 355 p.
5. Fuller S. Post-Truth: Knowledge as a Power Game. CUP, 2018. 207 p.
6. Sundholm G. The Neglect of Epistemic Considerations in Logic: the Case of Epistemic Assumptions // Forthcoming in Topoi. Springer, 2018. URL: https://www.researchgate.net/publication/325547849_The_Neglect_of_Epistemic_Considerations_in_Logic_The_Case_of_Epistemic_Assumptions (дата обращения: 20.11.18).
7. Tarski A. On the Concept of Logical Consequence // Logic, Semantics, Metamathematics. Hackett Publ., 1983. P. 409–420.
8. Гильберт Д., Бернайс П. Основания математики. Т. 2 : Теория доказательств. М. : Наука, 1979. 557 с.
9. Prawitz D. On the Idea of the General Proof Theory // Synthese. 1974. 27, № 1–2. P. 63–77.
10. Muggleton S., De Raedt L. Inductive Logic Programming: Theory and Methods // The Journal of Logic Programming. 1994. Vol. 19–20. P. 629–679.
11. Ковалёв С.П. Применение онтологий при разработке распределенных автоматизированных информационно-измерительных систем // Автометрия. 2008. Т. 44, № 2. С. 41–49.
12. Piesha Th., and Schroeder-Heister, P. (Eds.) Advances in Proof-Theoretic Semantics. Springer, 2015.
13. Васильев С.Н. и др. Интеллектуальное управление динамическими системами. М.: Физматлит, 2000. 352 с.
14. Martin-Lof P. Intuitionistic Type Theory. BIBLIOPOLIS, 1984. 91 p.
15. Univalent Foundations Program, Homotopy Type Theory. IAS Princeton, 2013. 473 p.
16. Szegedy C. et al. Intriguing Properties of Neural Networks. CoRR abs/1312.6199. 2013.

Sergei P. Kovalyov, Institute of Control Sciences, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation).

E-mail: kovalyov@sibnet.ru

Andrei V. Rodin, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation).

E-mail: andrei@philomatica.org

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 46. pp. 14–29.

DOI: 10.17223/1998863X/46/3

THE PROBLEM OF JUSTIFICATION IN FORMAL KNOWLEDGE REPRESENTATION

Keywords: knowledge representation; justification; proof; proof-theoretic semantics; homotopy type theory.

The concept of knowledge used in the computer science unlike the one widely used in today's philosophical epistemology (knowledge as justified true belief) does not involve the requirement according to which knowledge has to be justified. The neglect of this issue in the computer science originates from the philosophical logic of the 20th century where for various historical and conceptual reasons the concept of justification has been left out of the mainstream and as a consequence remained without a proper formal treatment. This situation has perceivable negative outcomes in the existing knowledge representation technologies, which makes a certain thinker become skeptical about the capacities of such technologies to convey truths or even about the truth concept itself. Recent research in the fields of proof-theoretic semantics, homotopy type theory and formal epistemology help us to outline a theoretical background for solving this problem.

References

1. Hetherington, S. (n.d.) *Gettier Problems*. [Online] Available from: <https://www.iep.utm.edu/gettier/>. (Accessed: 20th November 2018)

2. Jakus, G., Milutinović, V., Omerović, S., Tomažič, S. (2013) *Concepts, Ontologies and Knowledge Representation*. Springer Science & Business Media.
3. Abraham, A. & Grosan, C. (2011) *Intelligent Systems: A Modern Approach*. Springer.
4. Lakemeyer, G. & Nebel, B. (eds) (1994) *Foundations of Knowledge Representation and Reasoning*. Springer.
5. Fuller, S. (2018) *Post-Truth: Knowledge as a Power Game*. Cambridge University Press.
6. Sundholm, G. (n.d.) The Neglect of Epistemic Considerations in Logic: the Case of Epistemic Assumptions. *Topoi*. [in print]. [Online] Available from: https://www.researchgate.net/publication/325547849_The_Neglect_of_Epistemic_Considerations_in_Logic_The_Case_of_Epistemic_Assumptions. (Accessed: 20th November 18)
7. Tarski, A. (1983) On the Concept of Logical Consequence. In: Corcoran, J. (ed.) *Logic, Semantics, Metamathematics*. Hackett Publ. pp. 409–420
8. Hilbert, D. & Bernays, P. (1979) *Osnovaniya matematiki* [Foundations of Mathematics]. Vol. 2. Translated from German by N. Nagornyy. Moscow: Nauka.
9. Prawitz, D. (1974) On the Idea of the General Proof Theory. *Synthese*. 27(1-2). pp. 63–77. DOI: 10.1007/BF00660889
10. Muggleton, S. & De Raedt, L. (1994) Inductive Logic Programming: Theory and Methods. *The Journal of Logic Programming*. 19–20. pp. 629–679. DOI: 10.1016/0743-1066(94)90035-3
11. Kovalev, S.P. (2008) Domain Engineering of Distributed Measurement Systems. *Avtometriya*. 44(2). p. 41–49. (In Russian).
12. Piesha, Th. & Schroeder-Heister, P. (eds). *Advances in Proof-Theoretic Semantics*. Springer.
13. Vasiliev, S.N. et al. (2000) *Intellectnoe upravlenie dinamecheskimi sistemami* [Intellectual Control of Dynamic Systems]. Moscow: FISMATLIT.
14. Martin-Lof, P. (1984) *Intuitionistic Type Theory*. BIBLIOPOLIS.
15. Univalent Foundations Program. (2013) *Homotopy Type Theory*. IAS Princeton.
16. Szegedy, C. et al. (2013) *Intriguing Properties of Neural Networks*. CoRR abs/1312.6199.

УДК 165.24

DOI: 10.17223/1998863X/46/4

Л.Г. Коробков

МЕТАРЕПРЕЗЕНТАЦИЯ И ПРОБЛЕМА КВАЛИА

Проблему научного объяснения феноменального опыта, который многими рассматривается в качестве основного критерия разума, философы называют «трудной». Цель статьи – продемонстрировать, что макросвойства реальности, данные нам, например, в ощущениях боли, имеют функциональную природу. Подход, предлагаемый в статье, использует дистинкцию двух смыслов термина «квалиа». Основная мысль заключается в том, что квалиа второго порядка – свойства опыта, натурализация которых представляет трудность, – поддаются описанию в терминах метарепрезентации и в конечном счёте редуцируются к функциональным свойствам.

Ключевые слова: метарепрезентация, феноменальная интенциональность, квалиа, принцип транзитивности, осознанность.

Д. Розенталь и ряд других философов полагают, что ко всем явлениям в области сознания применим критерий транзитивности / интранзитивности. При этом аспекты активности сознания, связанные с адаптивными реакциями и оптимизацией поведения, могут классифицироваться как транзитивные, например в случаях осознания опасности или интроспективного контроля, или интранзитивные – когда речь идёт, например, о статусе бодрствования и т.п., а разнообразные психологические аспекты – только как интранзитивные [1. Р. 18]. К адаптивным аспектам применяют термин «сознание организмов», а к психологическим (интенциональным установкам) – «сознание состояний». Состояния, которые мы приписываем себе и другим, могут быть когнитивными и объясняться в таких понятиях, как убеждение, осознанное желание и т.п., или феноменальными и фиксироваться в особых понятиях субъективного опыта. В соответствии с *принципом транзитивности* состояние называется феноменальным, если оно способно выступать как объект транзитивного сознания – если оно осознаётся субъектом, причём это осознание (обозначаемое термином «метарепрезентация») осуществляется в фоновом режиме и само может попасть в фокус внимания только в акте интроспекции [2]. Данный принцип используется когнитивистами для объяснения природы психологических явлений в терминах транзитивности / интранзитивности – феноменальное сознание выступает при этом как дополнительное реляционное свойство состояния. У. Кригель, Р. Ван Гулик и др., не принимающие идей Розенталя, придерживаются брентановского *принципа саморепрезентации*: любая мысленная репрезентация для них уже сама по себе является феноменальной¹. У. Кригель полагает, что помимо транзитивного сознания актов интроспекции существует также особое интранзитивное самосознание, которое конституирует их феноменальный характер. В его концеп-

---

¹ Мы будем называть этот принцип принципом феноменальной интенциональности, а теорию, утверждающую первичность феноменальных свойств, – теорией феноменальной интенциональности (ТФИ).

ции субъективность выступает как производная рефлексии [3]. Как справедливо рассуждает Ч. Сиверт, принцип транзитивности и принцип саморепрезентации несовместимы, поскольку если согласно первому мы допустим, что субъект находится в феноменальном состоянии благодаря тому, что оно выступает как объект сознания второго порядка, а согласно второму – что акт сознания второго порядка сам по себе имеет феноменальный характер, то окажемся во власти бесконечного регресса [4. Р. 244]. Сторонники принципа транзитивности отмечают, что в их определении нет порочного круга: существуют транзитивные установки, не сопровождающиеся сознанием состояний. Например, в случаях подпорогового восприятия или восприятия мира людьми, страдающими «псевдослепотой» (которые отчитываются, что не видят ничего, но чудесным образом ухитряются обходить преграды), ощущения не подлежат осознанию. В таких случаях мы, скорее по недоразумению, рассуждаем о фактах «сознания», поэтому во избежание эквивокаций вместо термина «транзитивное сознание организма» предлагается использовать термин «восприятие».

Как отмечает У. Ликан, в середине прошлого века термин «квалиа», как правило, относился к свойствам «чувственных данных», типичный пример которых – послеобраз, возникающий в результате адаптации глаза к яркому стимулу. С точки зрения материализма зелёный послеобраз – эффект, присутствующий после того, как красная лампа исчезает из поля зрения, не существует, поэтому критиками материализма было предложено «менее специфическое» понятие квалиа, которое У. Ликан называет «странным» [5. Chapter 6]. В первой части статьи мы объясним, почему существование странных квалиа считается проблемой для функциональной парадигмы когнитивных наук. Во второй части попытаемся обосновать тезис, что теории метарепрезентации, основанные на принципе транзитивности, способны достичь в деле объяснения квалиа более убедительных результатов, чем ТФИ. На наш взгляд, это обусловлено тем, что данный подход полностью основан на натуралистических принципах – он исходит из того, что интенциональность представляет собой реальное, а не какое-либо мистическое отношение – к аспектуальным смыслам, «узким» содержаниям и т.п. Согласно ему семантические содержания сознания конституируются их ролью в процессах приписывания интенциональности, устроенных до некоторой степени единообразно в субъективном и объективном отношениях.

1

Классический когнитивизм основан на постулате о кодировании информации в психике и конструктивной теории восприятия. Суть постулата о кодировании заключается в том, что отражение предмета в восприятии нельзя свести к свойствам стимуляции. Все данные о мире опосредуются рецепторной активностью и передаются в мозг в форме кодов – аналоговых (образных) или символических репрезентаций. Конструктивистская теория исходит из такого фундаментального свойства восприятия, как согласованность с субъективными моделями: восприятие регистрирует постоянство определённых свойств предмета в широком диапазоне изменения актуальных условий. Конструктивизм строго различает ощущение и восприятие, утверждая, что ощущения сами по себе не способны к уникальному отображению мира.

В 80-х гг. прошлого века Джон Сёрль опубликовал ряд работ, в которых содержалась критика методов редукции сознания в когнитивных науках. По его мнению, феномен символической репрезентации неоправданно получил статус базового в исследованиях сознания. Он пишет: «Существуют только процессы в мозговой ткани и сознание, но ничего между ними – никаких следований правилам, информационных процессов, бессознательных выводов, ментальных моделей и универсальной грамматики» [6. Р. 228]. Сознание, утверждал Сёрль, не сводится к процедурным или декларативным репрезентациям, к способности достигать цели или иметь истинные убеждения. М. Фаликман по этому поводу справедливо отмечает, что «если для когнитивной психологии на первых этапах её развития центральным понятием было понятие ментальной репрезентации, а исследования строились во многом вокруг вопросов о формате и содержании этих внутренних репрезентаций, то новые направления подчеркивают недостаточность этого понятия в качестве объяснительного и по сути занимают антирепрезентационистскую позицию» [7. С. 2]. Сёрль показал, что когнитивная парадигма не учитывает связь сознания с самосознанием – не учитывает того, что сознание всегда предстаёт для его субъекта в качестве феноменального единства. Он приписывает субъекту свойство «всеведения»: мы имеем неограниченный привилегированный доступ ко всем эпизодам нашего опыта. Выдвинутый Сёрлем принцип соединения (*connection principle*) подчёркивает фундирующую роль самосознания и гласит, что интенциональными должны считаться либо осознаваемые состояния, либо такие, которые не исключают осознанности. «Я утверждаю, что только существо, способное иметь сознательные интенциональные состояния, может иметь интенциональные состояния как таковые вообще, и каждое бессознательное состояние по крайней мере потенциально сознательно», – писал он [6. Р. 132]. Согласно его точке зрения существует как подлинная интенциональность, свойственная осознаваемым установкам, так и некая производная, свойственная символам, используемым в актах коммуникации. Он пишет: «Принципиально то, что подлинная интенциональность имеет аспектуальную форму. Наши мысленные репрезентации схватывают мир в специфических аспектах, и эти аспектуальные черты существенно важны для ментальных состояний и определяют их природу» [8. Р. 585]. Что касается потенциально сознательных состояний, то остаётся неясным, имеются ли у Сёрля чёткие основания для признания за ними какой-либо формы. Выдвигая идею аспектуальной формы, Сёрль исходит из того, что никакие физические факты не могут определять различия в способах описания определённого предмета. Следовательно, по его мнению, источником смысла должно быть феноменальное сознание.

Рассуждая о квалиа как фундаменте подлинной или феноменальной интенциональности, имеет смысл различать следующие аспекты их природы. ТФИ, как правило, утверждают, что субъект имеет доступ к фактам сознания, который можно назвать прямым в двух отношениях. Этот доступ, во-первых, *эпистемически* прямой – в том смысле, что интроспективные приписывания не основываются на каких-либо процессах интерпретации, а отражают «знание по знакомству». В суждениях самосознания мы, так сказать, не набрасываем концептуальных сетей на явления, потому что наши феноменальные термины изолированы от всяких схем: для того чтобы отличить ощущение

холода от ощущения боли, никакого схематизма не требуется. Данное свойство квалиа называют «непогрешимостью» или семантической прозрачностью, и оно означает, что «если я осознаю факт моей мысли о положении дел Р, то я действительно думаю, что Р». Во-вторых, привилегированный доступ является *метафизически* прямым – в том смысле, что условия истинности суждений о квалиа онтологически зависят от категорий рассудка. Точнее говоря, из истинности этих суждений с необходимостью следует знание их истинности. Специфика самосознания, стало быть, проявляется в том, что для него сущность и явление, реальность и видимость всегда совпадают. Данное свойство называют свойством самопрезентации (self-intimacy), и оно означает, что «если я имею установку, что Р, и Р истинно, то я неизбежно осознаю эту установку». Если Д. Чалмерс и Б. Гертлер, ограничивающиеся тезисом о непогрешимости, остаются в рамках репрезентационизма и рассуждают о единстве сознания как единстве его эмпирических составляющих – зрительных, тактильных и т.д. репрезентаций, то принимающие также более сильный второй тезис Дж. Сёрль, У. Кригель и др., склоняются к идее синтеза, выходящего за пределы чувственного опыта. Мысль о том, что единство сознания обладает абсолютной реальностью, очень характерна для Сёрля, который пишет, например, что «не существует такой вещи как отдельное зрительное сознание», а также что «возможно вообще неправильно считать, что сознание составлено из частей» [9. Р. 55–56]. М. Фаликман по этому поводу замечает: «Так или иначе, включение сознания в предмет когнитивных исследований... ознаменовало возвращение когнитивистов к классическим проблемам психологии, тем более что на очередном витке исследования этих проблем ученые вновь – впрочем, не отказываясь от опоры на накопленные знания о субстрате, – обратились к более содержательным вопросам, таким как единство сознания...» [10]. Содержательным вопрос о единстве сознания впервые делает Кант, который, вводя понятие апперцепции, различает эмпирическое единство, возникающее посредством ассоциации и носящее случайный характер, и его условия – априорную деятельность, необходимую для объединения многообразия потока представлений. У Сёрля трансэмпирическое единство сознания проявляется в феномене понимания речи: в мысленном эксперименте с «китайской комнатой» он приходит к выводу, что только априорные способности носителей языка обуславливают феномен понимания. Понимать, с его точки зрения, способны интеллектуальные агенты, воплощающие подлинную интенциональность, несводимую к интенциональным операциям, т.е. к синтаксическому манипулированию готовыми репрезентациями – лексемами из словаря.

В трактовке Дж. Сёрля и Н. Блока, квалиа – это обеспечивающие единство сознания и онтологически отличные от физических элементы опыта, которые вслед за Г. Харманом иногда называют «ментальной краской». Сёрль пишет: «...испытываем горизонтальное единство организации сознательного опыта внутри коротких отрезков времени и вертикальное единство при одновременном осознании различных черт нашего опыта» [6. Р. 130]. В качестве примера вертикального единства можно привести явление семантической синестезии, когда в субъективном мире человека (синестета) квалиа устойчиво ассоциируются со значениями. Было замечено, что синестетическая реакция активируется различными репрезентациями понятия-стимула,

например как цифра 4, так и слово «четыре» или игральная кость с четвёркой точек ассоциируются у испытуемых с определённым цветом. Согласно ТФИ даже процессы отвлечённого концептуального анализа сопровождаются специфическими характеристиками – когнитивной феноменологией. Наиболее распространённым аргументом в пользу её существования является аргумент «феноменального контраста». Если Джек и Жак смотрят программу новостей на французском языке, различие их субъективного опыта невозможно объяснить только с помощью сенсорных данных. Различия состояний объясняются в данном случае различием когнитивных свойств, а точнее, неотделимой от них внутренней феноменологией [11]¹.

В заключение этой части отметим, что основная проблема ТФИ состоит в том, что она не выработала чёткого критерия приписывания интенциональности бессознательным состояниям. Концепция аспектуальных форм непригодна потому, что в сущности предполагает приписывание значений невыраженным предложениям. Посредством чего можно было бы интерпретировать значения, на которые она ссылается? Если использовать для объяснения этих значений понятие гипотетического намерения, то что тогда следует принять в качестве нормы, ограничивающей эти конституирующие намерения? Всё дело в том, что здесь невозможно обойтись без использования принципа композициональности, без обращения к значениям слов. Слова же существуют независимо от локализованных в голове правил. Кроме того, можно также отметить, что объяснение бессознательных диспозиций должно учитывать причинную роль, которой квалиа наделяются интуицией, а аспектуальные формы не вполне приспособлены для этого. Субъект, интроспективно познающий феноменальные свойства, должен обладать способностью осуществлять референцию к ним, но если эти свойства представляются как аспектуальные смыслы или иные эпифеноменальные сущности, то они, не аффицируя способность суждения, не могут служить основанием суждений опыта. Многие сторонники ТФИ признают решение проблемы бессознательного Дж. Сёрлем неудовлетворительным и в связи с этим склоняются к мысли, что сознание и интенциональность связаны не столь непосредственно, как предположил он.

2

С точки зрения популярной среди когнитивистов теории метарепрезентации, основанной на принципе транзитивности, бессознательное – это однородная сфера, в которую включаются все неподдающиеся волевому контролю явления. В природе психологических установок нет ничего такого, что делало бы их сознательными или потенциально сознательными. Из принципа транзитивности следует, что с обретением феноменального характера в самой установке ничего не изменяется, – поэтому ситуация осознания и называется просто репрезентацией второго порядка. Такие представления о феномене осознания, в отличие от представлений Дж. Сёрля и У. Кригеля, согласуются с результатами экспериментов Б. Либета, которые показывают, что репрезентации первого и второго порядка не могут осуществляться одновременно.

---

¹ У. Кригель с помощью понятия когнитивной феноменологии также объясняет конститутивное семантическое отношение между сознанием и его «узким» содержанием.

Принятию решений, судя по всему, предшествуют скрытые нейронные процессы – исследователи зарегистрировали изменение потенциала готовности мозга до того, как испытуемый осознавал свой волевой акт. Осознание выполняет функцию ретроспективной синхронизации: хотя на самом деле ощущение боли осознаётся спустя 500 миллисекунд после укола иглой, в субъективной перспективе впечатление свидетельствует об одновременности стимула и реакции.

По мнению Д. Деннетта – одного из предтеч метарепрезентационизма, то, что Дж. Сёрль называет «подлинной» интенциональностью, скорее представляет собой осознание значения [12]. Было бы ошибкой считать сознательное приписывание значения источником интенциональности – это приписывание носит инструментальный характер, как и всякая интерпретация, и не имеет отношения к сущностным свойствам сознания. Интенциональность ментальных состояний – в том же смысле производная, что и интенциональность символов и образов. Другие сторонники идеи метарепрезентации – У. Ликан и П. Каррутерс – говорят о необходимости чётко различать два смысла термина «квалиа» – квалиа первого и квалиа второго порядка. Квалиа первого порядка – это сенсорные свойства предмета, преломлённые восприятием, а квалиа второго порядка – это свойства восприятия, которые отличаются от них ввиду того, что требуют интерпретации или осознания [13. P. 107]. Первые могут быть выражены средствами используемого в сообществе языка, а вторые – поскольку они относятся к изолированному субъективному опыту – не выражаются в обыденных или теоретических понятиях. Метарепрезентационисты согласны с У. Кригелем в том, что феноменальный характер не исчерпывается одними лишь репрезентациями первого порядка, но они также не предполагают того, что индивидуации квалиа могли бы непосредственно содержать понятия: квалиа второго порядка не являются фактами или пропозициями, а имеют, по-видимому, функциональную природу. Идея квалиа не противоречит функциональному принципу множественной реализуемости, и основным моментом, объединяющим квалиа человека и функционально изоморфного ему агента, могло бы быть то, что они представляют собой репрезентации, которые на метауровне осознаются как зрительные, слуховые и т.п. Путь к объяснению феноменального сознания лежит именно через анализ ситуаций выработки и применения особых субъективных понятий. П. Каррутерс, например, полагает, что квалиа второго порядка конституируются доступностью репрезентаций для использования их в субъективной теории, связанной с особым модулем нейронных сетей. Точнее, применение субъективных понятий, представляющее собой функцию модуля, «потребляющего» репрезентации, собственно и создаёт качественную перспективу сознания¹.

Д. Розенталь, У. Ликан и П. Каррутерс едины во мнении, что интринсикализм – защищаемый ТФИ тезис о том, что квалиа субстанциально присущи психологическим установкам – несостоятелен. Мы попробуем реконструировать ход рассуждений, приводящий к этому сомнительному тезису. Если бы феноменальный характер конституировался мысленной репрезентацией второго порядка, – рассуждает сторонник ТФИ, – то это могло бы приводить к

¹ Он пишет, что «сознательной будет считаться такая установка, которая доступна для мыслей, предметом которых является её фактичность» [13. P. 123].

тому, что свойство предмета восприятия искажалось бы в ней, ведь ошибка неизбежно сопутствует любой репрезентации. В том случае, если, например, реальный красный цвет предмета представлялся бы, скажем, как зелёный, нам пришлось бы либо признать первопорядковое свойство (красный) бесполезным, либо считать субъекта иррациональным – его истинное высказывание «этот предмет красный» игнорировало бы характер восприятия (зелёный). У. Кригель, Р. Ван Гулик и др. делают из этого вывод, что акт сознания, конституирующий феноменальный характер, следует мыслить как непогрешимый. Такие акты не могут существовать отдельно от восприятий, воспоминаний и фантазий и, по сути, не являются репрезентациями в привычном смысле. Метарепрезентационисты иначе обходят проблему – они полагают, что субъективное понятие цвета на метауровне применяется к *неконцептуальному* содержанию восприятия. Первостепенное свойство опыта существует независимо от классификаций в понятиях цвета и т.п. Применение понятия к эмпирическим свойствам имеет индексальный характер и выражается такими, например, суждениями, как «это восприятие есть восприятие красного предмета». Если бы эмпирические данные заранее включали в себя понятие цвета, то такие суждения, как «это восприятие при иных условиях могло бы не быть восприятием красного» были бы невозможны (суждение означало бы, что понятие, содержанием которого является красный, не обязательно имеет своё содержание).

Проблема квалиа, с нашей точки зрения, имеет решение в теории метарепрезентации – квалиа второго порядка, объективная индивидуация которых считается трудной проблемой, поддаются описанию в терминах функциональных ролей, а квалиа первого порядка могут быть полностью натурализованы – они редуцируются к свойствам репрезентаций. У. Ликан и П. Каррутерс утверждают, что «провал в объяснении» опыта как раз не должен нас удивлять, ведь каждый из нас уникальным образом осознаёт свои установки, классифицируя их свойства в приватном языке мышления. «Ментальные краски» фиксируются благодаря особого рода терминам – «опознающим», т.е. таким, в которых внимание выполняет роль, аналогичную роли языковых указателей. Применение этих терминов контролируется свободным неконцептуальным осознанием, которое и конституирует сущность феноменального характера. У нас имеются основания утверждать, что доступность репрезентаций для «потребляющего» их функционального модуля может рассматриваться как концептуальная предпосылка феноменального сознания.

Литература

1. *Rosenthal D. Varieties of higher-order theory* // Higher-Order Theories of Consciousness: An Anthology / Ed. R. Gennaro. Amsterdam : Johns Benjamins Publishing Company, 2004. P. 17–44.
2. *Rosenthal D. Higher-Order Theories Of Consciousness* // The Oxford Handbook of Philosophy of Mind / Ed. B. McLaughlin, A. Beckermann, S. Walter. OUP, 2009. P. 239–252.
3. *Kriegel U. Consciousness and self-consciousness* // The Monist, 2004. Vol. 87, № 2. P. 182–205.
4. *Siewert Ch. Phenomenality and Self-Consciousness* / U. Kriegel (ed.). Phenomenal Intentionality. Oxford University Press, 2013. P. 235–259.
5. *Lycan W. Consciousness and Experience*. MIT Press, 1996.
6. *Searle J.R. The Rediscovery of the Mind*. MIT Press, 1999.
7. *Фаликман М.В.* Новая волна Выготского в когнитивной науке: разум как незавершенный проект // Психологические исследования. 2017. Т. 10, № 54. С. 2–2.

8. Searle J.R. Consciousness, Explanatory Inversion, and Cognitive Science // *The Behavioral and Brain Sciences*. 1990. Vol. 13, № 4. P. 585–696.

9. Searle J.R. *Consciousness / Consciousness and Language*. Cambridge University Press, 2002. P. 36–60.

10. Фаликман М.В. Когнитивная парадигма: есть ли в ней место психологии? // *Психологические исследования*. 2015. Т. 8, № 42. С. 3–3.

11. Strawson G. *Mental Reality*. MIT Press, 1994.

12. Dennett D. *Fast Thinking / The Intentional Stance*. MIT Press, 1987. P. 323–337.

13. Carruthers P. *Consciousness: Essays from a Higher-Order Perspective*. Oxford : Oxford University Press, 2005.

Leonid G. Korobkov, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation).

E-mail: 5in7in5@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 46. pp. 30–38.

DOI: 10.17223/1998863X/46/4

METAREPRESENTATION AND THE QUALIA PROBLEM

Keywords: metarepresentation; phenomenal intentionality; qualia; transitivity principle; awareness.

The main two-level theories of consciousness are metarepresentationism and self-representationism. According to metarepresentationism, conscious states are conscious in virtue of being targeted by suitable higher-order representations. According to self-representationism, phenomenal consciousness is injected into the world when subject's internal states acquire the capacity to represent themselves. So the disagreement is over the question whether it is possible to experience something without being peripherally aware of experiencing it or not. Examining the relationship between these two opposing trends may occur instructive, because it suggests that the sense of a mental state being conscious that self-representationists have fixed on may not be the same that most others have in mind. The author of the paper defends here the view that intentionality is explanatorily prior to consciousness. The primary aim of this paper is to show that while the way the self-representationalist approach captures the fundamental facts about the phenomenon of permanent implicit self-awareness gives it prima facie phenomenological adequacy, there is no ultimate phenomenological evidence in favor of self-representationalism. The author's argument rests on a straightforward observation that there are two types of qualities which self-representationalists fail to distinguish. We must make a distinction between first-order perceptual qualia and second-order "what it is like" to experience these qualia. The second type requires awareness and so is something distinct from the quality itself. When we are careful to draw this distinction, the assumption that qualia are irreducible appears unjustified: first-order qualia are fully reducible to representational content, and second-order qualia can be defined in functional terms. The argument proceeds as follows. The author elucidates the irreducibility thesis and cases that support it. Further he argues that Galen Strawson's case for cognitive phenomenology and Searle's arguments do not extend to unconscious intentionality. The author closes with some considerations making metarepresentationism preferable to self-representationism.

References

1. Rosenthal, D. (2004) Varieties of higher-order theory. In: Gennaro, R. (ed.) *Higher-Order Theories of Consciousness: An Anthology*. Amsterdam: Johns Benjamins Publishing Company. pp. 17–44.

2. Rosenthal, D. (2009) Higher-Order Theories Of Consciousness. In: McLaughlin, B., Beckermann, A. & Walter, S. (eds). *The Oxford Handbook of Philosophy of Mind*. Oxford University Press. pp. 239–252.

3. Kriegel, U. (2004) Consciousness and self-consciousness. *The Monist*. 87(2). pp. 182–205. DOI: 10.5840/monist20048725

4. Siewert, Ch. (2013) Phenomenality and Self-Consciousness. In: Kriegel, U. (ed.) *Phenomenal Intentionality*. Oxford University Press. pp. 235–259.

5. Lycan, W. (1996) *Consciousness and Experience*. Cambridge, MA: MIT Press.

6. Searle, J.R. (1999) *The Rediscovery of the Mind*. Cambridge, MA: MIT Press.

7. Falikman, M.V. (2017) New Vygotskian wave in cognitive science: The mind as an unfinished project. *Psikhologicheskie issledovaniya – Psychological Studies*. 10(54). pp. 2. (In Russian).

-
8. Searle, J.R. (1990) Consciousness, Explanatory Inversion, and Cognitive Science. *The Behavioral and Brain Sciences*. 13(4). pp. 585–696. DOI: 10.1017/S0140525X00080304
  9. Searle, J.R. (2002) *Consciousness and Language*. Cambridge University Press. pp. 36–60.
  10. Falikman, M.V. (2015) The cognitive paradigm: is there room for psychology within? *Psikhologicheskie issledovaniya – Psychological Studies*. 8(42). pp. 3. (In Russian)
  11. Strawson, G. (1994) *Mental Reality*. Cambridge, MA: MIT Press.
  12. Dennet, D.C. (1987) *The Intentional Stance*. Cambridge, MA: MIT Press. pp. 324–337.
  13. Carruthers, P. (2005) *Consciousness: Essays from a Higher-Order Perspective*. Oxford University Press.

УДК 160.1

DOI: 10.17223/1998863X/46/5

В.А. Ладов, С.М. Стоев

О КЛАССИФИКАЦИИ ПАРАДОКСОВ НА ГРУППЫ А И В У Ф. РАМСЕЯ¹

Обсуждается проблема классификации парадоксов. Ф. Рамсей классифицировал парадоксы на группы А и В. Группу А образовывали логические парадоксы, основанные на проблематичности некоторых понятий логики и математики, а в группу В входили семантические (лингвистические) парадоксы, основанные на проблематичности средств языкового выражения понятий. Авторы статьи утверждают, что провести четкую демаркацию между группами А и В весьма затруднительно, так как некоторые из парадоксов носят «пограничный» характер и могут быть рассмотрены и как логические, и как семантические. Предлагается проект новой классификации, учитывающей выявленные затруднения.

Ключевые слова: Рамсей, Рассел, парадокс, логика, математика, язык, множество, класс, высказывание, пропозиция, классификация.

Введение

К проблеме парадоксов в современной логике впервые обратился Б. Рассел [1]. Он сформулировал ряд парадоксов, которые, по его мнению, имеют подобие между собой. Позднее Ф. Рамсей [2] предложил классифицировать рассмотренные Расселом парадоксы на две группы А и В, утверждая при этом, что парадоксы из разных групп не могут расцениваться как подобные. Рамсей настаивал на том, что парадоксы группы А возникают на основании проблематичности определенных понятий логики и математики, тогда как парадоксы группы В возникают на основании проблем не с понятиями, а, скорее, со способами их именованья. При введении данной классификации сам Рамсей ссылался на Д. Пеано, который, в частности, утверждал, что хотя парадокс Ришара формулируется через обращение к предметной области математики, тем не менее имеет не математическую, а лингвистическую природу [Там же. С. 157].

Классификация Ф. Рамсея стала хрестоматийной для логики XX в. Однако в логической литературе последних десятилетий данная позиция подвергается критике. Так, австралийский логик Г. Прист настаивает на том, что прав был все-таки Рассел, представляя все парадоксы как подобные, а Рамсей, соответственно, ошибался [3. Р. 25].

Рамсееву классификацию можно было бы попытаться защитить за счет различения таких понятий, как структура парадоксов и природа парадоксов [4]. Можно сказать, что представленные в исследованиях Рассела и Рамсея парадоксы сходны по своей структуре, и в этом смысле прав Рассел. Но вме-

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00057). Данная статья является апробацией результатов научно-исследовательской деятельности в рамках специальности (профиля) «Онтология и теория познания» на национальном теоретическом семинаре Томского научного центра СО РАН.

сте с тем данные парадоксы можно классифицировать как различные по их природе, одни из них возникают на основании некоторых проблем с понятиями мышления (логического и математического), тогда как другие на основании проблем со способами именования понятий, т.е. с языком, и в этом смысле прав Рамсей.

Однако даже с учетом этой поправки на различие структуры и природы парадоксов Рамсея классификация все равно испытывает трудности в обосновании. Дело в том, что некоторые из рассмотренных Расселом и Рамсеем противоречивых рассуждений представляют собой своего рода «пограничные парадоксы», которые могут быть сформулированы и как относящиеся к понятиям мышления, и как относящиеся к средствам языкового выражения понятий, т.е. могут быть представлены и как чисто логические, и как семантические (лингвистические) парадоксы.

В данной статье авторы ставят перед собой цель зафиксировать «пограничные парадоксы», которые демонстрируют проблематичность Рамсеевой классификации.

Экспликация парадоксов

Г. Прист утверждает, что Рассел прав, считая приведенные им в работе «Математическая логика, основанная на теории типов» парадоксы подобными. Все они подобны по своей структуре. Назовем структуру, объединяющую все парадоксы, Структурой Рассела по аналогии с понятием Схема Рассела, которое вводит Г. Прист.

Из исследований Г. Приста мы заимствуем идею подобия парадоксов по их структуре, тем не менее выражение самой этой структуры нам видится несколько иным, нежели то, что представлено Г. Пристом. Мы предлагаем обсудить все перечисленные парадоксы в рамках структуры, которая имеет следующий вид:

- (1) $w = \{x: p(x)\}$
- (2) $e \in x$
- (3) $(e \in w) \& (e \notin w)$.

Рассмотрим, как эта структура обнаруживается в обсуждаемых парадоксах.

Парадокс Рассела. Будем собирать в класс w классы x , но только все те, которые имеют свойство p , а именно свойство быть классом, не являющимся своим собственным элементом. При образовании класса w возникает новый элемент e , который принадлежит x , поскольку тоже является классом. Причем в роли элемента e в парадоксе Рассела выступает сам образуемый класс w . Относительно элемента e оказываются истинными противоречащие друг другу положения, а именно: данный класс e и принадлежит классу w , и не принадлежит классу w . Предположим, что e принадлежит w , следовательно, e обладает свойством p , т.е. не является своим собственным элементом. Поскольку в роли e выступает сам образуемый класс w , постольку предыдущее предложение может прочитываться следующим образом. Предположим, что w принадлежит себе самому, следовательно, w имеет свойство не принадлежать себе самому. Предположим, что w не принадлежит себе самому, следовательно, w принадлежит себе самому, поскольку класс w содержит в себе все возможные классы x , обладающие свойством p – свойством не принадле-

жать себе самому. С какого бы предположения мы ни начинали рассуждение, вывод оказывается противоречащим посылке.

Парадокс Бурали – Форти. Для любого упорядоченного множества важной характеристикой выступает не только количество его элементов, но и их упорядоченность. Любой элемент упорядоченного множества может быть представлен в качестве порядкового номера – ординала, обозначаемого порядковым числом: первый, второй, третий и т.д. Если любое множество в качестве элементов может содержать также и другие множества, то любое множество может быть рассмотрено в качестве ординала того или иного упорядоченного множества. Будем собирать в упорядоченное множество w все возможные элементы x , которые обладают свойством p – свойством быть ординалом. Однако само w также может быть рассмотрено в качестве одного из ординалов множества всех ординалов. Таким образом, при образовании w возникает новый элемент e , который, во-первых, принадлежит x , поскольку тоже является ординалом, и во-вторых, является самим w . Относительно этого нового элемента e оказываются истинными два противоречивых положения: e и принадлежит w , и не принадлежит w . Обоснование вывода (3) в Структуре Рассела в отношении парадокса Бурали – Форти таково. В упорядоченное множество w включены все возможные ординалы. Причем среди них в качестве последнего элемента должен существовать самый большой ординал. Но само w также может быть рассмотрено в качестве ординала множества ординалов, а значит, оно должно иметь возможность быть своим собственным элементом. В таком случае w должно иметь порядковый номер, больший на 1, нежели порядковый номер последнего элемента в w . Таким образом, w оказывается ординалом, который больше самого большого ординала, т.е. если мы предполагаем, что w принадлежит w , то отсюда следует вывод, что w не принадлежит w .

Парадокс отношения. В формулировке Рамсея данный парадокс представлен как парадокс отношения между двумя отношениями, где одно не находится в отношении самого себя к другому [2. С. 38].

Этот парадокс сложно подкрепить примерами, ибо не просто привести пример отношения, которое находится в своем собственном отношении к другому отношению. Представляется, что формулировку данного парадокса можно было бы упростить, если вместо собственного отношения некоторого отношения к другому отношению рассмотреть собственное отношение некоторого отношения к самому себе. Это уточнение будет вполне уместным, ибо у Рассела, от которого отталкивается Рамсей, речь идет о *любых* отношениях R и S [1. С. 22], таким образом, S можно заменять на R , и наоборот, R на S . Следовательно, формулировка проблемы может быть представлена в рамках лишь одного отношения R к самому себе (R в отношении R к R).

Например, логическое отношение пересечения между понятиями не находится в отношении пересечения к себе самому. А вот логическое отношение тождества между понятиями находится в отношении тождества к себе самому.

Теперь посмотрим, как в данном парадоксе представлена Структура Рассела. Образует класс w , состоящий из отношений x , таких, которые обладают свойством p , сформулированном в высказывании: «Отношение, которое не имеет собственного отношения к себе самому».

В класс w попадут, например, такие логические отношения между понятиями, как отношение пересечения или отношение подчинения, тогда как отношение тождества в данный класс не попадет. Однако высказывание, выражающее свойство p отношений x , образующих w , также обозначает и новое специфическое отношение e в чистом виде, т.е. без каких-либо иных свойств, кроме свойства быть отношением, не имеющим собственного отношения к себе самому. В таком случае если e состоит в отношении e к e , то, поскольку e является таким отношением, которое не имеет собственного отношения к себе самому, e не состоит в отношении e к e . Следовательно, нельзя непротиворечиво утверждать, относится ли e к классу w .

Парадокс Лжеца. Образует класс w , состоящий из высказываний x , имеющих свойство p , выраженное в высказывании: «Высказывание, которое не является истинным». В данный класс w попадут, например, такие высказывания, как « $2 + 2 = 5$ » или «На обратной стороне Луны нет кратеров», тогда как высказывания « $2 + 2 = 4$ » и «На обратной стороне Луны имеются кратеры» в класс w не попадут.

Однако при образовании класса w возникает новый специфический элемент e в качестве высказывания, выражающего свойство p элементов x , т.е. e представляет собой высказывание «Высказывание, которое не является истинным». Высказывание e принадлежит x , поскольку является одним из высказываний наряду с теми, которые были упомянуты выше. Но когда мы пытаемся ответить на вопрос, принадлежит ли элемент e классу w , мы впадаем в противоречие, а именно: высказывание «Высказывание, которое не является истинным» не является истинным (т.е. принадлежит w) только в том случае, когда оно верно говорит о себе, что оно не является истинным, т.е. является истинным (а значит, не принадлежит w).

Парадокс Берри. Образует класс w , состоящий из таких x , которые обладают свойством p , выраженным следующей фразой: «Наименьшее целое число, не именуемое менее чем десятью словами». Очевидно, что под x может подразумеваться только один-единственный специфический элемент e – наименьшее целое число, не именуемое менее чем десятью словами. Однако когда мы пытаемся ответить на вопрос, попадает ли данный элемент e в класс w , то приходим к противоречию. С одной стороны, e обладает свойством быть наименьшим целым числом, не именуемым менее чем десятью словами, а значит, попадает в w , с другой стороны, этот элемент e обозначается при помощи фразы «Наименьшее целое число, не именуемое менее чем десятью словами», которая содержит девять слов русского языка, а значит, e не обладает свойством p и, следовательно, не попадает в w .

Парадокс наименьшего неопределимого ординала. Существуют неопределимые ординалы. Среди этих ординалов имеется наименьший. Следовательно, существует наименьший неопределимый ординал. Однако этот ординал определяется с помощью выражения «наименьший неопределимый ординал». Следовательно, данный ординал является определимым.

В Структуру Рассела данный парадокс может быть вписан следующим образом:

x – ординалы;

p – свойство быть наименьшим неопределимым ординалом;

w – класс ординалов, которым присуще свойство p ;

e – наименьший неопределимый ординал;

e принадлежит x ;

e и принадлежит, и не принадлежит w .

Парадокс Ришара. Здесь рассматривается класс десятичных дробей, которые могут быть определены за конечное число слов. Затем вводится определение такой дроби, которая не будет попадать в этот класс. Вместе с тем утверждается, что само определение такой дроби дается за конечное число слов. Отсюда делается вывод, что данная дробь и попадает в класс десятичных дробей, которые могут быть определены за конечное число слов, и не попадает.

Как пишет Рассел: «Парадокс Ришара родствен парадоксу о наименьшем неопределимом ординале» [1. С. 23]. Данное родство действительно можно заметить, но только при том условии, что мы произведем определенную инверсию парадокса Ришара и начнем его формулировку с рассмотрения класса десятичных дробей, которые не могут быть определены за конечное число слов. Определим конкретный элемент данного класса при помощи выражения «Дробь, которая не может быть определена за конечное число слов». При этом указанное выражение, очевидно, имеет конечное число слов. Следовательно, рассматриваемая дробь и может, и не может быть определена за конечное число слов.

В такой «инверсионной» формулировке парадокс Ришара соответствует Структуре Рассела аналогично тому, как соответствует этой Структуре парадокс наименьшего неопределимого ординала, а именно:

x – дроби;

p – свойство быть дробью, которая не определяется за конечное число слов;

w – класс дробей, которым присуще свойство p ;

e – дробь, которая не определяется за конечное число слов;

e принадлежит x ;

e и принадлежит, и не принадлежит w .

Парадокс Греллинга. Данный парадокс Рассел не упоминал, но Рамсей его указал в своей классификации, поэтому имеет смысл обсудить и его. Все прилагательные можно разделить на два типа – гетерологические и автологические. Гетерологическим называется такое прилагательное, которое обозначает свойство, не присущее ему самому. Например, слово «сладкое» само не является сладким. Автологическим называется такое прилагательное, которое обозначает свойство, присущее ему самому. Например, слово «русское» само русское.

Поставим вопрос относительно слова «гетерологическое». Это слово является автологическим или гетерологическим? Если оно автологическое, то ему присуще свойство, которое оно выражает, а значит, оно гетерологическое. Если оно гетерологическое, то ему не присуще свойство, которое оно выражает, а значит, оно не является гетерологическим и, как следствие, является автологическим. С какой бы посылки мы ни начинали, получаем противоречие.

Парадокс Греллинга вписывается в Структуру Рассела следующим образом. Образует класс w , состоящий из прилагательных x , которым присуще свойство p – быть гетерологическим. Однако при формулировке p возникает

новый специфический элемент e – слово «гетерологическое». Об элементе e можно однозначно сказать, что он принадлежит x , поскольку e – прилагательное. Однако об элементе e нельзя однозначно сказать, принадлежит он x или не принадлежит.

Несмотря на то, что все рассмотренные парадоксы подобны по своей структуре, их природа может быть разной, и здесь нельзя отрицать, что введенная Рамсеем классификация имеет смысл. Парадоксы имеют различную природу в том смысле, что сложности в некоторых из них возникают с самими логическими или математическими понятиями, тогда как другие парадоксы возникают, скорее, из-за проблем языка, из-за сложностей с прояснением значений языковых выражений, в которых понятия мышления выражены.

Так, к первой группе может быть отнесен парадокс Рассела, возникающий на основании проблематичности самого понятия множества множеств или класса классов. Сюда же попадает и парадокс Бурали – Форти, возникающий на основании проблематичности математического понятия ординала множества всех ординалов или наибольшего ординала. Рамсей причислял к данной группе и парадокс об отношении между двумя отношениями, ибо проблема здесь, по его мнению, возникает именно с логическим понятием отношения.

В других парадоксах, если рассуждать в духе Рамсея, речь идет либо о словах, выражающих понятия, либо о высказываниях, выражающих логические суждения. Одним из наиболее характерных примеров здесь выступает берущий начало в Античности парадокс Лжеца. В данном парадоксе речь идет о высказывании одного из жителей острова Крит о своих согражданах. А. Тарский, как и Рамсей, подчеркивал семантический характер данного парадокса, формулируя его таким образом, что в нем речь шла даже не о высказываниях, а о предложениях языка, т.е. о лингвистических сущностях [5. Р. 157–158].

К семантическим или лингвистическим парадоксам Рамсей относил также парадокс Берри, в котором ставится вопрос об именовании некоторого числа определенным языковым выражением, парадокс наименьшего неопределимого ординала, в котором речь снова идет об именовании некоторого ординала определенным языковым выражением, парадокс Ришара, в котором конкретное дробное число задается через определение, выраженное в соответствующей языковой конструкции, а также парадокс Греллинга, где речь идет об особом слове среди прилагательных, а именно о таком прилагательном, как «гетерологическое».

Перевод логических парадоксов в семантические и семантических парадоксов в логические («пограничные парадоксы»)

И все же даже с учетом различия понятий структуры парадоксов и природы парадоксов, что позволяет в определенной степени оправдать Рамсея, его классификация испытывает затруднения в ином аспекте, на котором критик Рамсея – Г. Прист – не фиксирует своего внимания. Дело в том, что провести строгую демаркацию между парадоксами группы A и группы B , как это задумывал Рамсей, оказывается весьма затруднительно. По крайней мере, некоторые из парадоксов таковы, что они могут быть представлены и как чи-

сто логические, т.е. возникающие на основании проблем с понятиями мышления, и как семантические, т.е. возникающие на основании проблем с языковым выражением понятий. Далее снова рассмотрим парадоксы, представленные в исследованиях Рассела и Рамсея, под данным углом зрения.

Парадоксы Рассела и Бурали – Форти в указанном выше аспекте сомнений не вызывают. Их однозначно можно отнести к парадоксам, связанным с понятиями логики и математики. В парадоксе Рассела фиксируется проблематичность логического понятия класса или математического понятия множества, если они используются без каких-либо ограничений на способы их построения. В парадоксе Бурали – Форти фиксируется проблематичность математического понятия наибольшего ординала. Конечно, проблематичный класс в парадоксе Рассела выражается в языке при помощи определенной лингвистической конструкции, а именно: «Класс всех классов, которые не являются своими собственными элементами». Однако сам факт использования данного языкового выражения никакой роли для образования парадокса не играет. То же можно сказать и о парадоксе Бурали – Форти. А вот в парадоксе отношения уже можно усмотреть двусмысленность в трактовке природы данного парадокса. Он может быть проинтерпретирован как чисто логический, если говорить о проблеме со специфическим отношением e как логическим понятием. С другой стороны, данное специфическое отношение e возникает в тот момент, когда одно и то же языковое выражение именуется и само отношение e , и свойство p , по которому отношения собираются в класс w , а именно языковое выражение: «Отношение, которое не вступает в собственное отношение к самому себе». Таким образом, уже здесь можно увидеть сложность в однозначной классификации данного парадокса как логического или же как семантического. Рамсей относил этот парадокс в группу А, но, как мы можем видеть, фактор языка оказывается здесь весьма существенным, ибо парадоксальное отношение e возникает именно в момент именованности свойства p -отношений, образующих класс w в Структуре Рассела для данного парадокса.

Еще более выразительный пример «пограничного парадокса» являет собой классический парадокс Лжеца. Казалось бы, этот парадокс имеет ярко выраженную лингвистическую природу, поскольку в класс w в Структуре Рассела мы в данном случае собираем лингвистические сущности – высказывания. И проблематичный элемент e также является одним из высказываний, а именно высказыванием: «Высказывание, которое не является истинным». Рамсей не сомневается в том, чтобы поместить этот парадокс в группу В в своей классификации. Однако достаточно поставить вопрос о том, что есть высказывание, и проблематичность классификации данного парадокса сразу становится явной. Высказывание может быть рассмотрено в качестве лингвистической сущности – определенной языковой конструкции, но также оно может быть интерпретировано и в чисто логическом смысле как форма мысли, а именно как пропозиция, в которой определенному логическому субъекту приписан соответствующий предикат. Если мы будем трактовать высказывание во втором из указанных смыслов, то в класс w в качестве элементов x будут попадать не лингвистические, а логические сущности. И специфический элемент e также будет представлять собой пропозицию, в которой зафиксировано свойство p пропозиций x , образующих класс w . В такой интер-

претации парадокс Лжеца оказывается чисто логическим парадоксом, в котором фиксируются определенные проблемы мышления, а не языка. И в таком случае непонятно, почему мы должны относить данный парадокс в группу *B*, как это предлагал Рамсей.

Подобного же рода сомнения можно высказать и относительно парадокса Греллинга. Прилагательные, которые представляют собой элементы *x* класса *w* в Структуре Рассела для этого парадокса, можно трактовать как лингвистические сущности, и это первое, что приходит на ум в данном случае. При такой интерпретации данный парадокс оказывается семантическим и помещается в группу *B* в Рамсеевой классификации. Но прилагательные можно трактовать и иначе. Они могут быть интерпретированы как понятия мышления, в каждом из которых фиксируется какое-либо свойство предметов. Одним из таким понятий оказывается и парадоксальное понятие «гетерологическое» в качестве специфического элемента *e*, относительно которого невозможно без противоречия утверждать, попадает оно в класс *w* или нет. В таком случае парадокс Греллинга становится логическим парадоксом и должен быть перемещен из группы *B* в группу *A*.

Парадокс наименьшего неопределимого ординала внешне также похож на чисто лингвистический парадокс. Существует наименьший неопределимый ординал, который определяется при помощи языкового выражения «Наименьший неопределимый ординал». Таким образом, этому неопределимому предмету дается определение, что приводит нас к противоречию. Однако мы также можем поставить вопрос о сущности определения. Конечно, определение фиксируется в словах, и все же языковая конструкция представляет собой лишь внешнее выражение определения, понятого в качестве одной из важнейших логических операций. Такому математическому предмету *e*, являющемуся одним из ординалов *x*, дается классическое родовидовое логическое определение: *e* есть наименьший неопределимый ординал. В таком случае проблематичной оказывается сама логическая операция определения, именно она приводит к парадоксу, а не ее лингвистическое оформление, и парадокс наименьшего неопределимого ординала должен быть перемещен из группы *B* в группу *A*.

И все же в группе *B* остаются парадоксы, которые могут быть сформулированы только на лингвистическом уровне, – это парадокс Берри и парадокс Ришара. В парадоксе Берри некоторому специфическому элементу *e* также дается логическое определение: *e* есть наименьшее целое число, не именуемое менее чем десятью словами. Казалось бы, здесь, как и в случае с парадоксом наименьшего неопределимого ординала, мы можем легко перевести рассуждение с лингвистического на чисто логический уровень и также представить парадокс Берри как «пограничный парадокс». Однако специфика данного парадокса состоит в том, что в логическом родовидовом определении элемента *e* дается указание именно на средства языкового выражения – слова, чего нет в определении, фиксируемом в парадоксе наименьшего неопределимого ординала. Если из определения элемента *e* в парадоксе Берри убрать отсылку к словам, то сам парадокс просто невозможно будет сформулировать. Его суть состоит в том, что логическое определение элемента *e* в своем внешнем языковом выражении представлено с помощью меньшего количества слов, нежели указано в самом этом определении. Таким

образом, парадокс Берри занимает стабильное место в группе В Рамсеевой классификации.

Аналогичную ситуацию можно наблюдать в парадоксе Ришара. С одной стороны, фиксацию специфического элемента *e* здесь, как и в парадоксе наименьшего неопределимого ординала, можно провести не через языковое выражение, а через логическое определение: *e* есть дробь, которая не может быть определена за конечное число слов. Но в самом логическом определении, как и в парадоксе Берри, имеется непосредственное указание на лингвистический фактор, внимание снова акцентируется именно на словах. Без обращения к языковым выражениям данный парадокс, как и парадокс Берри, не может быть сформулирован. Его суть состоит в том, что в логическом определении о данной дроби говорится как о такой, которая не может быть определена за конечное число слов, тогда как само это определение представлено в языке выражении, состоящем из конечного числа слов.

В итоге мы можем констатировать наличие следующего положения дел. В Рамсеевой группе А имеются парадоксы, которые однозначно должны попадать именно сюда, они имеют чисто логическую природу и возникают на основании проблематичности некоторых понятий мышления. Таковы парадоксы Рассела и Бурали – Форти. Вместе с тем в данной группе А у Рамсея находится парадокс, который имеет “пограничный” характер и может быть сформулирован и как чисто логический, и как семантический (лингвистический). Это – парадокс отношения.

В группе В у Рамсея также имеются парадоксы, природа которых не вызывает сомнений. Они имеют лингвистический характер и должны однозначно попадать именно в эту группу. Таковы парадоксы Берри и Ришара. Но как и в случае с группой А, в группе В также имеются «пограничные парадоксы», которые можно трактовать и как логические, и как семантические. Это – парадокс Лжеца, парадокс наименьшего неопределимого ординала и парадокс Греллинга.

Выводы

1. Рамсеева классификация проблематична из-за наличия «пограничных парадоксов».

2. Вместе с тем можно говорить о том, что данная классификация все равно имеет смысл, ибо даже при наличии «пограничных парадоксов» все же остаются те, которые можно однозначно отнести либо к чисто логическим (парадоксам мышления), либо к чисто лингвистическим (парадоксам языка).

3. В качестве гипотезы можно предложить следующее решение обсуждаемой в данной статье проблемы: Рамсеева классификация может быть сохранена, но дополнена и должна представлять собой не две, а три группы: А, В, С, где в группу А входят чисто логические парадоксы, в группу В – чисто лингвистические, а в группу С – «пограничные парадоксы», рассмотренные выше.

Литература

1. Рассел Б. Математическая логика, основанная на теории типов // Логика, онтология, язык. Томск, 2006. С. 16–62.
2. Рамсей Ф.П. Основания математики // Философские работы. М., 2011. С. 16–56.

3. Priest G. The Structure of the Paradoxes of Self-Reference // *Mind*. 1994. Vol. 103, № 409. P. 25–34.

4. Ладов В.А. Б. Рассел и Ф. Рамсей о проблеме парадоксов // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 43. С. 101–110.

5. Tarski A. The Concept of Truth in Formalized Languages // *Logic, Semantics, Metamathematics*. Oxford : Oxford University Press, 1956. P. 152–278.

Vsevolod A. Ladov, Tomsk Scientific Center, SB RAS (Tomsk, Russian Federation); Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: ladov@yandex.ru

Stanislav M. Stoev, Tomsk Scientific Center, SB RAS (Tomsk, Russian Federation); Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: stanstoev94@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 46. pp. 39–48.

DOI: 10.17223/1998863X/46/5

ON RAMSEY'S CLASSIFICATION OF PARADOXES

Keywords: Ramsey; Russell; paradox; logic; mathematics; language; set; class; statement; proposition; classification.

The problem of paradoxes is discussed in this paper. At the beginning of the 20th century the problem was presented by Bertrand Russell and Frank Ramsey. Russell thought all paradoxes as similar to each other. Ramsey asserted that they are divided into two completely different groups. The paradoxes of group *A* are logical paradoxes. The paradoxes of group *B* are semantic (linguistic) paradoxes. The paradoxes of group *A* are connected with problems of some logical and mathematical concepts. The paradoxes of group *B* are connected with problems of linguistic expression of concepts. In the second half of the 20th century Ramsey's point of view was dominant. The modern Australian logician Graham Priest affirms that Russell was right and Ramsey was wrong for all paradoxes have a common structure and one way to solve them. The authors of this paper assert that it is a difficult task to distinguish paradoxes on Ramsey's basis because there are so-called "frontier paradoxes". These paradoxes can be interpreted to be logical as well as semantic paradoxes. But it does not mean that Ramsey was wrong at all. The authors think that Priest's assessment of Ramsey's classification of paradoxes is incorrect. Ramsey's classification is meaningful but it should be corrected. As a conclusion, the authors offer the project of a new classification of paradoxes. Ramsey's classification may be retained but it would be supplemented. The classification should consist of three groups of paradoxes: *A* (pure logical paradoxes), *B* (pure linguistic paradoxes) and *C* (frontier paradoxes).

References

1. Russell, B. (2006) *Matematicheskaya logika, osnovannaya na teorii tipov* [Mathematical Logic as Based on the Theory of Types]. Translated from English by V.A. Surovtsev. In: Surovtsev, V.A. (ed.) *Logika, ontologiya, yazyk* [Logic, ontology, language]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 16–62.

2. Ramsey, F.P. (2011) *Osnovaniya matematiki* [The foundation of mathematics]. Translated from English by V.A. Surovtsev. In: Ramsey, F.P. *Filosofskie raboty* [Philosophical Papers]. Moscow: Kanon+. pp. 16–56.

3. Priest, G. (1994) The Structure of the Paradoxes of Self-Reference. *Mind*. 103(409). pp. 25–34. DOI: 10.1093/mind/103.409.25

4. Ladov, V.A. (2018) Russell and Ramsey on the problem of paradoxes. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 43. pp. 101–110. (In Russian). DOI: DOI: 10.17223/1998863X/43/9

5. Tarski, A. (1956) The Concept of Truth in Formalized Languages. In: Tarski, A. (ed.) *Logic, Semantics, Metamathematics*. Oxford: Oxford University Press. pp. 152–278.

УДК 160.1, 165.0, 510.20
DOI: 10.17223/1998863X/46/6

Л.Д. Ламберов

ПОНЯТИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В КОНТЕКСТЕ ТЕОРЕТИКО-ТИПОВОГО ПОДХОДА, I: ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ПРОГРАММ¹

Рассматривается теоретико-типовое понятие доказательства корректности компьютерных программ. Исследуются особенности этого понятия, а также ряд связанных с ним теоретико-познавательных проблем. Особое внимание уделяется проблеме обоснованности и связи априорного и апостериорного. Настоящая статья является первой в серии о понятии теоретико-типового доказательства.

Ключевые слова: основания математики, доказательство, теория типов, компьютерные науки, корректность.

При рассмотрении понятия доказательства в контексте теоретико-типового подхода в дальнейшем будут выделены три основных момента. Во-первых, это доказательство корректности программ, чему посвящена настоящая статья. Во-вторых, это доказательство математических результатов с помощью специальных компьютерных средств (например, *Coq* и *Agda*), что будет рассматриваться в следующей статье. В-третьих, это доказательство с точки зрения современного теоретико-типового подхода в рамках унивалентных оснований математики, что является предметом уже третьей статьи. Для начала следует отметить, что все три темы тесным образом связаны. Так, для доказательства корректности программ используются достаточно выразительные системы типов (например, с зависимыми типами), с помощью которых на формальном языке можно выразить спецификацию программы (её тип), а затем с помощью компилятора проверить, соответствует ли программа своей спецификации. Далее, благодаря соответствию Карри – Говарда, согласно которому, грубо говоря, тип соответствует математическому утверждению, а объект данного типа (например, функция) – доказательству этого утверждения (предъявлению или построению искомого объекта), математические результаты могут быть записаны и доказаны с помощью формального языка (достаточно выразительной) теории типов, а затем проверены компилятором точно так же, как проверяется корректность программ. Последнее разительным образом отличает применение вычислительных машин для получения математических результатов с помощью различных реализаций исчислений типов от доказательств методом перебора (как, например, в случае с доказательством теоремы о четырёх красках 1977 г.).

Собственно, мотивация понятия доказательства программ достаточно ясна. 5 октября 1960 г. из-за ошибки [1. Р. 23–24] в работе радарной установки в Каанааке (Гренландия) BMEWS система раннего обнаружения баллистических ракет, проработавшая на тот момент всего четыре дня, сообщила о пя-

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00301.

той, наивысшей степени угрозы. Этот уровень угрозы предполагал, что с территории СССР с вероятностью 99,9% по территории США произведён массовый запуск ракет, наиболее вероятно снаряжённых атомными боеприпасами. На принятие решения о дальнейших действиях у военного руководства было около 20 минут. Маршал авиации Рой Слемон, ответственный в то время за соответствующие решения, догадался уточнить у главы разведки NORAD, Командования воздушно-космической обороны Северной Америки, Харриса Халла текущее местонахождение Первого секретаря ЦК КПСС Никиты Хрущёва. Как оказалось, последний находился в Нью-Йорке, где всего через несколько дней сделал своё знаменитое выступление «с ботинком» по поводу венгерского вопроса. Из обстоятельств, сообщённых разведкой, Слемон заключил, что тревога (скорее всего) является ошибочной. «Это было типичное человеческое умозаключение: оно могло быть ошибочным, но оно *убедило* (курсив везде мой. – Л. Л.) Слемона» [1. Р. 24].

В настоящее время вычислительные устройства окружают нас почти везде и встречаются практически во всякой человеческой деятельности, от многих из них зависит множество человеческих жизней. Все мы заинтересованы в том, чтобы в работе наших вычислительных машин ошибки возникали как можно реже, а в лучшем случае не возникали вообще. К этому можно приблизиться двумя способами, один из которых (тестирование) больше похож на методы естественных наук, а другой (формальное доказательство) – на методы математики. В силу сложности и многоуровневости вычислительных машин ни тот ни другой метод не даёт абсолютных гарантий, тем не менее если абстрагироваться от возможных проблем с оборудованием и операционной системой и сконцентрироваться исключительно на разработке программного обеспечения, то следует отметить следующие особенности указанных методов. Тестирование предполагает перебор некоторых типичных, а также некоторых крайних, предельных случаев, которые, естественно, не может покрыть все случаи использования ПО, что делает этот метод схожим с вероятностными методами естественных наук. Никто не может гарантировать, что тесты покрывают какой-нибудь случай, который произойдёт при реальном использовании программы, поэтому они изначально «неполны» и не могут гарантировать строгой определённости. С другой стороны, формальное доказательство с помощью вывода типов (в особенности построенное с использованием зависимых типов) даёт определённость при условии, что используемая при доказательстве формальная система корректна сама по себе и корректно реализована в виде языка программирования. Кроме того, благодаря соответствию Карри – Говарда вывод типов может использоваться и для доказательства конструктивных математических теорем (теорема представляет собой тип, а доказательство – объект данного типа). В дальнейшем внимание будет сосредоточено именно на формальных доказательствах.

В 1968 г. на конференции в Гармише был провозглашён «кризис программного обеспечения», для решения которого была предложена «инженерия разработки ПО», состоящая из двух компонент: практических дисциплин из области инженерии и теоретических оснований, выстраивающихся на основе математики и логики. По словам одного из основоположников компьютерных наук Э. Дейкстры, конференция в Гармише положила конец тёмному Средневековью в этой области исследований и открыла эпоху Просвещения.

Одной из отличительных черт этого процесса стало развитие и использование формализованных «математизированных» доказательств для демонстрации того, что та или иная программа соответствует своей спецификации, т.е. выполняет именно ту работу, для которой она задумывалась. К 1960-м гг. ещё не были построены строго определённые математические интерпретации инструкций большинства языков программирования. Языки программирования описывались по большей части исключительно синтаксически, описание же семантики было далеко не тривиальной задачей. Не будет преувеличением сказать, что развитие семантики языков программирования было связано в первую очередь с развитием идеи формальной верификации программ. Безусловно, некоторые черты семантического подхода можно обнаружить, допустим, в работах Дж. фон Неймана и А. Тьюринга. Тем не менее активная работа в этом направлении началась в 1960-х гг., в частности с указания на важность семантического описания Дж. Маккарти, который в статье «По направлению к математической науке вычислений» [2] призывал использовать математические методы для доказательства того, что те или иные процедуры позволяют решать те или иные проблемы, т.е., по словам Дж. Маккарти, можно было бы избавиться от процесса отладки и передать заботу о проверке доказательства самой вычислительной машине. В конечном счёте это привело к построению различного рода операционных и денотационных семантик языков программирования, возникновению логики Хоара, бурному развитию и применению теории типов, а также реализации различных исчислений в виде таких языков программирования и средств интерактивного доказательства теорем, как *Coq*, *Agda*, *Isabelle*, *Mizar* и мн. др. В настоящее время эти средства используются как для написания верифицированных программ (т.е. программ, содержащих «математическое» доказательство своего соответствия спецификации), так и для написания формальных доказательств математических теорем.

В действительности доказательства программ и доказательства теорем оказываются теснейшим образом связанными не только концептуально (о чём речь пойдёт ниже), но и исторически. Компьютерное доказательство теоремы о четырёх красках было опубликовано¹ К. Аппелем и В. Хакеном в 1977 г. За публикацией доказательства теоремы о четырёх красках последовала реакция со стороны как математического, так и философского сообщества. Однако высказанная критика, можно сказать, «витала в воздухе», поскольку в самом начале 1977 г. была опубликована совместная статья Р. Демилло, Р. Липтона и А. Перлиса [5], в которой особое внимание обращалось на социальные процессы легитимации математических результатов и, собственно, во многом предвосхищалась критика компьютерных доказательств математических теорем. Работая над формальным подходом к доказательству программ, Р. Демилло и Р. Липтон в одном из частных обсуждений² около 1974 г. задались вопросом, чем же является доказательство, ответ на который Р. Липтон сформулировал в духе натурализации философии математики: «Доказательства представляют собой не больше и не меньше, чем то, что делают математики».

¹ Подробное изложение даётся в серии из двух статей, разделённых с учётом авторства: [3, 4]. Краткое изложение дано в [5].

² См.: [1. P. 201–202].

Статья Р. Демилло, Р. Липтона и А. Перлиса открывается замечательной цитатой знаменитого логика XX в. Дж. Россера (вообще каждый раздел статьи начинается с подобного эпиграфа или даже нескольких): «Мне хотелось бы задать тот же вопрос, что задал Декарт. Вы собираетесь дать точное определение логической корректности, которое должно совпасть с моим смутным интуитивным ощущением логической корректности. Но как вы намерены доказать, что они совпадают? Средний математик не должен забывать, что интуиция является последним авторитетом». Согласно авторам и целью верификации программ, и целью математической деятельности является увеличение степени уверенности – уверенности в том, что программа корректна, или в том, что теорема истинна. Для построения доказательства в математике может использоваться логический вывод, представляющий собой цепочку элементарных шагов, каждый из которых является либо аксиомой, либо получен из предыдущих с помощью обоснованных правил вывода. Тем не менее это далеко не всё, что составляет доказательство. Помимо самого доказательства, которое может быть либо выражено формальным способом, либо представлено в формальном виде лишь частично, важна роль сообщества. Следует обратить внимание на то, что одна из целей, для которых доказательство строится, – повышение степени уверенности. Другими словами, доказательство представляет собой аргумент, призванный убеждать. Кроме того, необходимо отметить, что ошибки математиков – это не что-то из ряда вон выходящее. Математики, как и все люди, совершают ошибки, но эти ошибки не остаются незамеченными, они обнаруживаются или самим авторами доказательств, или другими математиками.

Однако даже несмотря на то, что целью доказательства является убеждение, доказательство само по себе ещё никакого убеждения не даёт. Кроме того, возникает вопрос, во что же мы верим, когда верим в математические результаты. Мы верим в (возможно, принципиальное) существование чистого формального доказательства либо в то, что результат имеет место с некоторой вероятностью (как например, в случае с откровениями Рамануджана или вероятностным методом определения простоты М. Рабина). Доказательство представляет собой своего рода «элементарный шаг» процесса развития математики, а потому само понимание того, чем является математика, зависит от понимания этого «элементарного шага». В случае, если доказательство понимается первым из указанных способов, природа математики оказывается кардинально отличной от природы остальных наук. Если же доказательство даёт лишь вероятностную уверенность, то математика представляет собой нечто подобно естественным наукам.

Используя метафору Р. Демилло, Р. Липтона и А. Перлиса [6. Р. 273], можно сказать, что доказательство математического результата представляет собой «сообщение», а не некоторый идеальный объект, удостоверившись в существовании которого исследователь может спокойно отдохнуть. И наоборот, с построения доказательства ещё только начитается его «жизнь». Доказательство математического результата в дальнейшем проходит сложный путь: оно изучается сообществом, рецензируется, публикуется, обсуждается, интернализируется и перефразируется (т.е. участники математического сообщества стремятся согласовать новое доказательство со своими собственными взглядами и вписать его в свою собственную «математическую картину

мира»), обобщается, используются и связывается с другими результатами, входит в доказательства других результатов, в том числе и в других областях математики. Даже известный математический результат открывается множество раз и порой разными способами. Указанные обстоятельства, представляющие собой скорее социальную жизнь математических результатов, значительно усиливают убеждённость доказательства для всего математического сообщества. Фактически такая обработка математического результата приводит к стабилизации ключевых понятий, после чего он в полной мере становится частью признанного математического знания, а убеждённость в нём может оказаться достаточной, чтобы верить в существование чистого формального доказательства, даже несмотря на то, что изначально результат мог восприниматься как вероятностный.

Описанный социальный процесс имеет и прагматические мотивы, а именно: обычное желание изучать чёткие и ясные проблемы, работать с простыми понятиями и проверять простые доказательства¹.

Рассмотрим некий идеализированный процесс по разработке программного обеспечения и соответствующего доказательства корректности. Разработка начинается с формулировки требований, предъявляемых к ПО, и описания работы итоговой программы. По своей природе эти требования и описание являются неформальными, поэтому для начала требуются определённые (и порой весьма серьёзные) усилия как для их формулировки, так и для формулировки формализованных требований и описания. После этого разрабатывается программное обеспечение, для которого затем строится доказательство его корректности, где под корректностью понимается, во-первых, соответствие формализованной спецификации, а во-вторых, отсутствие ошибок, связанных со смешением типов данных в программе. Было бы весьма странно требовать, чтобы указанное доказательство строилось непосредственно людьми, поскольку малейшее изменение исходного кода программы требует переработать по меньшей мере соответствующие фрагменты доказательства. Такие доказательства строятся разработчиками ПО лишь частично через определение типов данных подходящим для проверки образом, подробное описание спецификации каждой отдельно взятой функции, а также через определение специальных вспомогательных функций. В дальнейшем построение доказательства для отдельно взятой программы выполняется компилятором. Такой подход к разработке ПО оказывается весьма затратным по времени и в настоящее время распространён очень мало. В первую очередь это связано с тем, что полноценные доказательства даже для относительно простых программ занимают довольно много строк кода².

Следует обратить внимание на то, что само по себе «доказательство» программы не имеет социального измерения. Так, доказательство в полном смысле (вместе с непосредственной проверкой компилятором) не интересует никого, за исключением, пожалуй, узких специалистов (и то в редких случаях отладки собственно компилятора). Тем не менее понятие доказательства программ сталкивается с двумя более фундаментальными затруднениями. Во-

¹ О роли простоты доказательства см.: [7].

² Например, можно сравнить реализацию алгоритма быстрой сортировки, которая на языке Haskell занимает три строки кода, а на языке Agda вместе с доказательством соответствия кода спецификации занимает уже 240 строк. Реализацию и доказательство на Agda см.: [8].

первых, доказательство является формальным, но в нём доказывается соответствие неформальным требованиям. В этом случае необходимо объяснить, каким образом неформальное описание желательной работы программы может быть сделано формальным. Эта ситуация подобна ситуации с тезисом Чёрча [9, 10]. Во-вторых, доказательство неотделимо от собственно программы, поскольку программы имеют свойство меняться, переписываться, в них исправляются ошибки и добавляются новые возможности. Таким образом, практически при каждом изменении меняется и доказательство. В настоящее время это уже не является такой уж серьёзной проблемой и имеет чисто техническое решение. Однако спецификация какой-либо нетривиальной программы с учётом всех входных и выходных данных может занимать огромный объём, что требует наличия развитых инструментов программирования, отсутствующих в настоящий момент. Таким образом, спецификация и собственно программы отделены друг от друга и для того, чтобы доказательство было адекватным, не должны смешиваться, что обеспечить в ходе разработки весьма затруднительно¹. Следует указать, что работа над спецификацией и над доказательством не может быть отдана на откуп автоматам, поскольку в этом случае в цепочке звеньев, каждое из которых требует веры в свою надёжность, появится ещё одно звено.

Допустим, исследователям удалось построить систему для автоматического доказательства программ. Что в таком случае будет знать программист, когда получит автоматическое доказательство?² В этом случае программист будет находиться в ситуации, которая мало чем отличается от ситуации с предсказаниями Рамануджана, которому результаты диктовала богиня Наматжири, или математического авторитета марсианина Саймона [11]. В конечном счёте прагматическая цель разработки программ состоит в том, чтобы они были в первую очередь надёжными, а лишь во вторую (или третью, четвёртую) – проверяемыми.

Действительно, доказательство выполняет определённую социальную роль, а потому обладает социальным характером. При этом само по себе доказательство является скорее цепочкой логических рассуждений. Вычислительная машина вполне справляется с построением формального доказательства как такой цепочки рассуждений и может построить то, что можно назвать «полным доказательством» в отличие от его наброска [12]. Согласно Дж. Фетцеру полное доказательство относится в области априорного знания, а потому является абсолютно достоверным. Однако следует обратить особое внимание на то, что собой представляет компьютерная программа. Исполнение *любой* компьютерной программы приводит к изменению физического состояния³ конкретной вычислительной машины. Таким образом, программа представляет собой не просто реализацию абстрактного алгоритма для абстрактной машины, а каузальную сущность. Обладаем ли мы и можем ли в принципе обладать априорным знанием о каузальных сущностях? Другими словами, могут ли утверждения о физических объектах и причинно-

¹ К примеру, в ходе разработки программа «подгоняется» под спецификацию либо спецификация меняется в случае обнаружения каких-либо ранее неучтённых технических аспектов.

² Необходимо ещё раз отметить, что размер доказательства значительно превышает размер программы.

³ Это так, даже если исключить программы, которые управляют, допустим, сервоприводами или другими устройствами.

следственных связях между ними быть настолько же достоверными и обладать таким же необходимым характером, как утверждения чистой математики? Представляется, что нет, а потому и сама идея доказательства программ, по мнению Дж. Фетцера, является категориальной ошибкой.

Однако, как кажется, ситуация с понятием доказательства программ не так однозначна. Дело в особых и довольно многомерных понятиях [13] абстракции и сокрытия информации в компьютерных науках. Коротко говоря, сокрытие информации предполагает отделение реализации, принадлежащей более низкому уровню, от интерфейса, доступного на определённом уровне для работы. Абстрагирование же предполагает обобщение и отбрасывание некоторой информации или особенностей с тем, чтобы иметь возможность «реализовывать» общие абстрактные структуры в разных конкретных сущностях. Такое понимание сокрытия информации и абстракции находится под серьёзным влиянием идей классической логики и не является единственным или таким уж однозначным в компьютерных науках. Как бы то ни было, эти понятия важно учитывать при рассмотрении доказательства программ, что поможет прояснить саму идею такого доказательства. Так, странно было бы предполагать, что доказательство программы, открывающей, допустим, DVD-привод, является формальным доказательством того, что при выполнении этой программы DVD-привод вычислительной машины *всегда* будет открываться. Очевидно, это не так. Дело в том, что доказательство такой программы представляет собой формальное доказательство корректной реализации некоторого алгоритма, доказательство соответствия программы её формально определённой спецификации. В этом случае имеется в виду, что программа будет выполнять определённые вычисления, требующиеся для взаимодействия с DVD-приводом через соответствующий интерфейс (например, через соответствующие функции операционной системы или драйверов устройства). Это доказательство, безусловно, не является математическим доказательством того, что некоторое данное физическое устройство перейдёт в строго определённое физическое состояние. Оно является формальным доказательством только на определённом уровне абстракции, при условии сокрытия и без учёта подлежащей реализации; в более же широком контексте оно уже не будет обладать искомыми характеристиками чистого формального доказательства. Таким образом, критика Дж. Фетцера представляется необоснованной, хотя следует признать, что она поднимает весьма интересную проблему.

Литература

1. MacKenzie D. *Mechanizing Proof: Computing, Risk, and Trust*. Cambridge, Mass. : The MIT Press, 2004. xi+428 p.
2. McCarthy J. *Towards a Mathematical Science of Computation* // *Information Processing 1962: Proceedings of IFIP Congress 62* / ed. by M. Popplewell. Amsterdam : North Holland, 1963. P. 21–28.
3. Appel K., Haken W. Every Planar Map is Four Colorable. I. Discharging // *Illinois Journal of Mathematics*. 1977. Vol. 21, № 3. P. 429–490.
4. Appel K., Haken W., Koch J. Every Planar Map is Four Colorable. II. Reducibility // *Illinois Journal of Mathematics*. 1977. Vol. 21, № 3. P. 491–567.
5. Appel K., Haken W. *The Solution of the Four-Color-Map Problem* // *Scientific American*. 1977. Vol. 237, № 4. P. 108–121.
6. DeMillo R., Lipton R., Perlis A. *Social Processes and Proofs of Theorems and Programs* // *Proceedings of the Fourth ACM Symposium on Principles of Programming Languages*. 1977. P. 206–214.

7. Черепанов Е.М. Простота как критерий убедительности доказательства // *Философия науки*. 2010. № 1. С. 91–101.
8. *Верифицированный QuickSort на Agda* // Хабр. 2012. URL: <https://habr.com/post/148769/> (дата обращения: 20.11.18).
9. Целищев В.В. Тезис Чёрча. Новосибирск: Параллель, 2008. 173 с.
10. Бессонов А.В., Хлебалин А.В., Целищев В.В. Можно ли доказать тезис Чёрча? // *Философия науки*. 2008. № 2. С. 44–61.
11. Timoczko T. The Four-Colour Problem and Its Philosophical Significance // *Journal of Philosophy*. 1979. Vol. 76, № 2. P. 57–83.
12. Fetzer J. Program Verification: The Very Idea // *Communications of the ACM*. 1988. Vol. 31, № 9. P. 1048–1063.
13. Osternamm K., Giarrusso P.G., Kästner C., Rendel T. Revisiting Information Hiding: Reflections on Classical and Nonclassical Modularity // ECOOP 2011 – Object-Oriented Programming. ECOOP 2011. Lecture Notes in Computer Science / ed. by M. Mezini. Berlin, Heidelberg : Springer, 2011. P. 155–178.

Lev D. Lamberov, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russian Federation).

E-mail: lev.lamberov@urfu.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 46. pp. 49–57.

DOI: 10.17223/1998863X/46/6

THE CONCEPT OF PROOF IN THE CONTEXT OF A TYPE-THEORETIC APPROACH, I: PROOF OF COMPUTER PROGRAM CORRECTNESS

Keywords: foundations of mathematics; proof; type theory; computer science; correctness.

When considering the concept of proof in the context of a type-theoretic approach, one should refer to the concepts of (1) proof of a computer program correctness, (2) proof of mathematical results by means of special computer tools, (3) proof from the point of view of the modern type-theoretical approach within the framework of univalent foundations of mathematics. This paper is devoted to the concept of proof of computer program correctness. Currently, computing devices surround us almost everywhere and are found in virtually every human activity. We are all interested in the correct functioning of our computers, so errors occur as rarely as possible, and at best do not occur at all. A formal proof using type inference gives certainty, provided that the formal system used in the proof is consistent and correctly implemented as a programming language. One of the purposes for which proof is formulated is to increase the degree of confidence. However, the proof itself does not give any conviction. If our belief in a proof is belief in the existence of pure formal proof, then the nature of mathematics is radically different from the nature of other sciences. If our belief implies a certain proportion of probability, then mathematics turns out to be similar to the natural sciences. The proof of the mathematical result is a “message”, and not some ideal object. The social aspect of mathematical results greatly enhances conviction. In fact, it leads to the stabilization of key concepts, after which the result becomes part of recognized mathematical knowledge, and conviction in it may be sufficient to belief in the existence of purely formal proof. Proof of the computer program correctness does not have this characteristic. Further, it is assumed that the execution of the program leads to a change in the physical state of a particular computer. Since we cannot have a priori proofs for the a posteriori phenomenon, a number of researchers suggest that the concept of proof of correctness is a categorical error. Nevertheless, it is necessary to take into account the peculiarities of the concepts of abstraction and information hiding in computer science. With a careful approach, the concept of proof of correctness is quite reasonable and does not contain a categorical error.

References

1. MacKenzie, D. (2004) *Mechanizing Proof: Computing, Risk, and Trust*. Cambridge, Mass.: MIT Press.
2. McCarthy, J. (1963) Towards a Mathematical Science of Computation. In: Popplewell, M. (ed.) *Information Processing 1962: Proceedings of IFIP Congress 62*. Amsterdam: North Holland. pp. 21–28.
3. Appel, K. & Haken, W. (1977) Every Planar Map is Four Colorable. I. Discharging. *Illinois Journal of Mathematics*. 21(3). pp. 429–490. DOI: 10.4236/jmf.2011.13014 4,016

4. Appel, K., Haken, W. & Koch, J. (1977) Every Planar Map is Four Colorable. II. Reducibility. *Illinois Journal of Mathematics*. 21(3). pp. 491–567. DOI: 10.1090/conm/098
5. Appel, K. & Haken, W. (1977) The Solution of the Four-Color-Map Problem. *Scientific American*. 237(4). pp. 108–121.
6. DeMillo, R., Lipton, R. & Perlis, A. (1977) Social Processes and Proofs of Theorems and Programs. *Proceedings of the Fourth ACM Symposium on Principles of Programming Languages*. pp. 206–214.
7. Cherepanov, E.M. (2010) Prostota kak kriteriy ubeditel'nosti dokazatel'stva [Simplicity as a criterion for convincing evidence]. *Filosofiya nauki – Philosophy of Sciences*. 1. pp. 91–101.
8. Verified QuickSort on Agda. (2012) [Online] Available from: <https://habr.com/post/148769/>. (Accessed: 20th November 2018).
9. Tselishchev, V.V. (2008) *Tezis Chercha* [Thesis of Church]. Novosibirsk: Parallel'.
10. Bessonov, A.V., Khlebalin, A.V. & Tselishchev, V.V. (2008) Mozhno li dokazat' tezis Chercha? [Is it possible to prove the thesis of Church?]. *Filosofiya nauki – Philosophy of Sciences*. 2. pp. 44–61.
11. Timoczko, T. (1979) The Four-Colour Problem and Its Philosophical Significance. *Journal of Philosophy*. 76(2). pp. 57–83. DOI: 10.2307/2025976
12. Fetzter, J. (1988) Program Verification: The Very Idea. *Communications of the ACM*. 31(9). pp. 1048–1063. DOI: 10.1145/48529.48530
13. Osternamm, K., Giarrusso, P.G., Kästner, C. & Rendel, T. (2011) Revisiting Information Hiding: Reflections on Classical and Nonclassical Modularity. In: Mezini, M. (ed.) *ECOOP 2011 – Object-Oriented Programming. ECOOP 2011. Lecture Notes in Computer Science*. Berlin, Heidelberg: Springer. pp. 155–178.

УДК 160.1

DOI: 10.17223/1998863X/46/7

А.В. Нехаев

МАШИНА ПОСТА, САМОРЕФЕРЕНЦИЯ И ПАРАДОКСЫ¹

Иерархический подход Рассела – Тарского рассматривает явление самореференции в качестве унифицированной причины возникновения обширного семейства различных семантических парадоксов. Появление в конце XX в. инфинитных форм парадоксов без признаков самореференции сделало иерархический подход Рассела – Тарского объектом многочисленных критических атак. На примере парадокса «Бесконечного лжеца» С. Ябло исследуются аналитические возможности оригинальной вычислительной семантики, исключающей любые виды рекурсии при определении истинностного значения и демонстрирующей эффективность базовых принципов иерархического подхода Рассела – Тарского в борьбе против новых форм семантических парадоксов.

Ключевые слова: самореференция, иерархический подход Рассела – Тарского, парадокс Ябло, машина Поста, вычислительная семантика.

Моя цель заключается в том, чтобы изменить *установку* по отношению к противоречию и к доказательству противоречивости...

Людвиг Витгенштейн (RFM, III, 82)

Запрет на предложения (или их последовательности), которые содержат в себе признаки самореференции (self-reference), является, пожалуй, самым популярным из существующих традиционных средств борьбы с семантическими парадоксами² (ср. с этим: [2. Р. 32; 3. Р. 15; 4. Р. 8–9; 5. С. 105; 6. С. 11–12]. Появление такого запрета обычно связывают с именем Бертрانا Рассела, и прежде всего с его знаменитой теорией типов, в которой любые самореферентные предложения рассматриваются как примеры бессмысленных (meaningless) выражений [7. С. 110–112, 114, 129–130, 135–141; 8. С. 22–26, 64–65]³. Альфред

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00057).

² Другим традиционным средством борьбы с семантическими парадоксами обычно служит запрет Ханса Херцбергера на так называемые «незаземленные» предложения (groundless sentences) [1. Р. 147–150]. Если предложения или их последовательности тем или иным образом в конечном числе итераций отсылают нас к чему-то надежно фиксированному в реальном мире (скажем, как это делают предложения «Снег бел» или «Первое предложение этого текста на русском языке»), мы вправе рассматривать подобные предложения в качестве того, что способно обладать истинностным значением. Если же предложения или их последовательности этого не делают (например, как в случаях с предложениями наподобие «Это предложение истинно», «Это предложение ложно», «Все последующие предложения ложны. Все последующие предложения ложны. ... и т.д.»), они лишаются права иметь какое-либо истинностное значение.

³ В «Principia Mathematica» Бертран Рассел и Альфред Уайтхед устанавливают запрет на самореферентность следующим образом: «Анализ парадоксов, которых необходимо избежать, показывает, что они все происходят из порочного круга некоторого вида. Порочные круги возникают при предположении, что некоторое собрание объектов может содержать элементы, которые могут быть определены лишь посредством этого собрания как единой совокупности. <...> Предложения... должны составлять множество, не имеющее всеобъемлемости. То же самое справедливо... и для пропозициональных функций... <...> ... в соответствии с принципом порочного круга значения функции не могут содержать терминов, определенных только в терминах этой функции. <...> Следовательно, не должно быть предложений вида $f(x)$, в которых x имеет значение, которое вовлекает $f(x)$. <...> Т.е. символ ' $f(x)$ '... должен быть символом, который ничего не выражает...» [7. С. 110–114]. В «Математической философии, основанной на теории типов» тот же самый запрет формулируется Бертраном Расселом еще более лаконичным образом: «Если определенная совокупность, при условии, что она обладает целостностью, имела бы элементы, определенные только с точки зрения этой целостности, то эта совокупность не обладает целостностью» [8. С. 25–26].

Тарский позднее распространил действие этого запрета на область всей теоретической семантики, показав проблематичность использования любых семантически замкнутых языков из-за таящейся в них угрозы появления парадоксов¹. Предложениям просто строго воспрещалось высказываться о самих себе² [9. Р. 402–403; 10. Р. 158–165, 186–188, 265–267; 12. С. 99–100; ср. с этим также: 13. Р. 65; 14. Р. 44; 15. Р. 219]. И хотя иногда казалось, что они нарушают этот запрет (например, как это пытается делать предложение «Это предложение ложно»), расселовские иерархии логических типов и тарскианские иерархии метаязыков обычно без труда устраняли последствия неудобств, возникающих из-за несовершенства грамматических конструкций подобного рода предложений.

Многие логики, однако, остались недовольны иерархическим подходом Рассела – Тарского, и прежде всего самим запретом на самореферентные предложения (или их последовательности) (например, см.: [16. Р. 69–71; 17. Р. 394; 18. Р. 528; 19. Р. 89; 20. Р. 298; 21. С. 476–480]). Помимо очевидных логических выгод, такой запрет сулил также и довольно серьезные семантические издержки. С одной стороны, он был очевидным образом слишком широк, поскольку не позволял использовать такие невинные с виду самореферентные предложения, как «Это предложение на русском языке»³; с другой – слишком узок, ибо попустительствовал таким последовательностям предложений, которые содержали в себе порочный регресс (вроде цепочки предложений «Следующее за мной предложение ложно. Следующее за мной предложение ложно. <...> и т.д.») и могли при определенных обстоятельствах вести к появлению новых неожиданных парадоксов (например, см.: [22. Р. 146; 23. Р. 168]).

¹ В «The Establishment of Scientific Semantics» Альфред Тарский сетует: «...не всегда принимается во внимание то, что семантические понятия имеют относительный характер, – то, что они обязательно должны быть связаны с конкретным языком. ...Язык, о котором мы говорим, отнюдь не обязан совпадать с языком, на котором мы говорим (курсив мой. – А. Н.). <...> ...Напротив, семантическим понятиям просто-напросто нет места в языке, к которому они относятся... язык, который содержит свою собственную семантику... неизбежно должен быть несогласованным» [9. Р. 402]. Решением этой деликатной проблемы, по мнению Альфреда Тарского, должен стать запрет на самореферентность, который устанавливается им следующим образом: «...методы (научной семантики. – А. Н.)... требуют использования в метаязыке категорий более высокого порядка, чем все категории изучаемого языка, и по этой причине он принципиально отличается от всех грамматических форм этого языка» [10. Р. 253]. Хотя необходимо помнить, что «посредством введения символа 'T' метаязык ни в коей мере не становится семантически универсальным, он не совпадает с самим этим языком и не может быть в нем истолкован» [10. Р. 262]. Введение подобной иерархии языков в конечном счете означало, что любая предикация, утверждающая истинность или ложность некоторого предложения определенного языка уровня n , должна быть обязательно выражена предложением, принадлежащим языку уровня $n + 1$.

² Кит Доннеллан в этой связи однажды иронично заметил, что сторонники запрета на самореференцию обычно клеймят предложения с подобными признаками в качестве предложений, лишенных какого-либо истинностного значения, и на этом дело с концом [11. Р. 116].

³ Мнимая невинность подобных предложений мигом испаряется, когда возникает необходимость в переводе таких предложений с одного языка на другой (например, см.: [18. Р. 523–524]). В этом случае переводчик сталкивается с головоломной дилеммой: каким из принципов – формальной корректностью или материальной эквивалентностью – он готов пожертвовать? Ведь если «Это предложение на русском языке» перевести, скажем, на английский «This sentence is in Russian», то очевидно, что оригинал и перевод нарушат требования формальной корректности, поскольку оригинал является истинным предложением, перевод же – ложным. Напротив, если постараться соблюсти требование формальной корректности, используя в качестве перевода предложение «This sentence is in English», то очевидно, что оригинал и перевод не будут материально эквивалентны друг другу.

Особые неприятности в этой связи причиняет так называемый «Бесконечный лжец» Стивена Ябло [24. Р. 251–252]. Именно этот парадокс обычно рассматривается как наиболее веский и убедительный контраргумент против иерархического подхода Рассела – Тарского (ср.: [6. С. 19–21]). Предложенная американским логиком бесконечная последовательность предложений $S_1, S_2, S_3, \dots, S_n$, каждое из которых сообщает, что все следующие за ним предложения не являются истинными, образует следующую парадоксальную конструкцию:

S_1 : для всех $k > 1$, S_k не является истинным

S_2 : для всех $k > 2$, S_k не является истинным

S_3 : для всех $k > 3$, S_k не является истинным

...

S_n : для всех $k > n$, S_k не является истинным.

Если некоторое произвольное предложение S_n такой бесконечной последовательности являлось бы истинным, все следующие за ним предложения $S_{n+1}, S_{n+2}, \dots, S_{n+m}$ не были бы таковыми. Но предложение S_{n+1} , подобно предложению S_n , тогда также оказалось бы истинным, поскольку оно само фактически утверждает, что все следующие за ним предложения $S_{n+2}, \dots, S_{n+m}$ не являются таковыми. Значит, подобно всем следующим за ним предложениям $S_{n+1}, S_{n+2}, \dots, S_{n+m}$ некоторое произвольное предложение S_n такой бесконечной последовательности истинным не является. Но оно должно быть таковым, поскольку само фактически утверждает, что все следующие за ним предложения $S_{n+1}, S_{n+2}, \dots, S_{n+m}$ не являются истинными. Налицо очевидный парадокс!

«Бесконечный лжец», кажется, не содержит в себе явных признаков самореференции (ср. с этим: [3. Р. 29; 22. Р. 139; 25. Р. 206]). Каждое из предложений этой бесконечной последовательности говорит не о себе самом, но всегда только обо всех следующих за собой предложениях. В этом отношении логическая конструкция «Бесконечного лжеца» очевидным образом изоморфна иерархической структуре как таковой, что и делает этот парадокс столь убийственно сильным критическим контраргументом против иерархического подхода Рассела – Тарского. Однако является ли «Бесконечный лжец» в действительности реальной угрозой для него?

Чтобы ответить на этот вопрос, нам потребуется иная стратегия семантического анализа, радикальным образом отличная от той, что обычно используется для демонстрации парадоксальности «Бесконечного лжеца». Прежняя не способна нас удовлетворить, поскольку она готова мириться с присутствием процедур рекурсивного определения истинностного значения некоторых отдельных предложений, составляющих подобную бесконечную последовательность. Например, истинностное значение предложения S_{n+1} , казалось бы, определяемое с помощью предложения S_n , тем не менее находится в скрытой рекурсивной зависимости от истинностного значения всех следующих за ним предложений $S_{n+2}, \dots, S_{n+m}$. Разделяющий же базовые принципы иерархического подхода Рассела – Тарского семантический анализ «Бесконечного лжеца», не должен содержать в себе возможности для рекурсивных определений; и для этих целей нам как нельзя лучше подходит модифицированный вычислительный алгоритм так называемой «машины Поста». Такая простейшая абстрактная машина, как известно, состоит из бесконечной

ленты, разделенной на отдельные ячейки, и оперирующего над ней механизма нанесения / удаления меток [26. Р. 103]. Если представить предложения «Бесконечного лжеца» в качестве отдельных команд для программы действий машины Поста (табл. 1), некоторое произвольное предложение S_n «для всех $k > n$, S_k не является истинным» этой бесконечной последовательности на языке такой абстрактной машины означало бы, что ее механизм нанесения / удаления меток, расположенный над определенной ячейкой (n), должен был бы последовательно сдвигаться вправо по ленте, нанося или удаляя метки в каждой из ячеек (k), в зависимости от того, оказалась ли помеченной сама эта ячейка (n) или нет.

Таблица 1. Программа машины Поста «Бесконечный лжец»

Номер ячейки в ленте	Номер команды в программе	Описание команды
(n) :	S_n	Все $k_{(k>n)}$ не являются истинными
$(n + 1)$:	S_{n+1}	Все $k_{(k>n+1)}$ не являются истинными
$(n + 2)$:	S_{n+2}	Все $k_{(k>n+2)}$ не являются истинными
$(\dots)$:	$S_{\dots}$	Все $\dots$ не являются истинными

Например, если бы некоторая произвольная стартовая ячейка (n) бесконечной ленты машины Поста вдруг оказалась пуста¹, механизм нанесения / удаления меток последовательно сдвигался бы вправо по ленте, нанося метки в каждой из ячеек (k), и напротив, если бы она оказалась помеченной², механизм нанесения / удаления меток также последовательно сдвигался бы вправо по ленте, но при этом удалял бы метки в каждой из ячеек (k). Но что произойдет, если мы заставим машину Поста выполнять алгоритм, формирующий бесконечную последовательность предложений Ябло, в качестве своеобразной программы? Столкнется ли она с невозможностью ее выполнить? Иными словами, будет ли выполнимым для машины Поста инфинитный детерминированный процесс, репрезентируемый предложениями «Бесконечно-го лжеца», или нет?

Невыполнимость (или парадоксальность) для машины Поста системы команд из бесконечной последовательности предложений Ябло подразумевала бы ее нерезультативную остановку, или ситуацию, в которой механизм нанесения / удаления меток, сдвинувшись вправо на необходимую ячейку, пытался бы выполнить невозможное действие, например нанести метку в том случае, когда она уже есть, или же удалить ее, если метки там нет. Однако наблюдение за видимой³ (неоперабельной) частью ленты после выполнения соответствующей команды из бесконечной последовательности предложений Ябло очевидным образом свидетельствует, что алгоритм программы «Беско-

¹ Пустая ячейка (n) в исходном состоянии ленты машины Поста была бы, таким образом, эквивалентна предположению, что некоторое произвольно выбранное предложение S_n в бесконечной последовательности Ябло не является истинным.

² Помеченная ячейка (n) в исходном состоянии ленты машины Поста, напротив, была бы эквивалентна предположению, что некоторое произвольно выбранное предложение S_n в бесконечной последовательности Ябло является истинным.

³ Разумеется, «видимость» этой ленты не является эмпирическим фактом, поскольку процесс, приводимый в движение последовательностью предложений Ябло, является нескончаемо детерминированным (т.е. машина Поста не имеет в этом случае отдельной команды «стоп»), а значит, запустив этот процесс, мы не сможем дождаться появления «видимой» части ленты. Поэтому, говоря о «видимой» части ленты, мы скорее рассуждаем не о результате реального эмпирического наблюдения, а лишь о том, на что мы могли бы с полным основанием рассчитывать, столкнувшись с подобной ситуацией.

нечный лжец» при любом исходном состоянии ленты и стартовой позиции механизма маркировки ячеек оказывается вполне выполнимым для машины Поста. Пустая стартовая ячейка (n) не приводит машину Поста к нерезультативной остановке (табл. 2)¹.

Таблица 2. Состояния машины Поста при выполнении программы «Бесконечный лжец» (стартовая ячейка является пустой)

Состояние машины Поста		Номер ячейки ленты					
		(n)	($n + 1$)	($n + 2$)	($n + 3$)	($n + 4$)	($n + \dots$)
Номер команд программы	S_n		–	–	–	–	–
	S_{n+1}		–				
	S_{n+2}		–				
	S_{n+3}		–				
	S_{n+4}		–				
	$S_{n+\dots}$		–				

Не происходит нерезультативной остановки машины Поста и в том случае, когда стартовая ячейка (n) оказывается помеченной (табл. 3).

Таблица 3. Состояния машины Поста при выполнении программы «Бесконечный лжец» (стартовая ячейка имеет метку)

Состояние машины Поста		Номер ячейки ленты					
		(n)	($n + 1$)	($n + 2$)	($n + 3$)	($n + 4$)	($n + \dots$)
Номер команд программы	S_n	–					
	S_{n+1}	–		–	–	–	–
	S_{n+2}	–		–			
	S_{n+3}	–		–		–	–
	S_{n+4}	–		–		–	
	$S_{n+\dots}$	–		–		–	

Отсутствие нерезультативной остановки машины Поста при выполнении команд «Бесконечного лжеца» объяснимо тем, что вычислительный алгоритм такой программы имеет вид монотонной иерархической структуры, в которой каждое произвольное предложение S_n бесконечной последовательности фиксирует значение только строго следующих за собой предложений S_{n+1} , S_{n+2} , ..., S_{n+m} , что полностью исключает любые формы рекурсивных определений. При выполнении команд «Бесконечного лжеца» машина Поста всегда сдвигается только вправо по ленте и никогда влево, а стало быть, несмотря на бесконечные повторные манипуляции над одними и теми же ячейками, она никогда не сталкивается с требуемыми для нерезультативной остановки ситуациями.

Но что случится, если мы, например, посадим очевидным образом страдающего от избыточной референции² «Бесконечного лжеца» на «диету»,

¹ В табл. 2 и 3 темно-серым цветом выделена видимая (неоперабельная), а светло-серым – невидимая (операбельная) часть ленты машины Поста после выполнения соответствующей команды программы «Бесконечный лжец».

² Отличительной особенностью логического «дизайна» предложенного американским логиком парадокса служит «избыток» референциальных ссылок как таковых. Образующий предложениями S_n , S_{n+1} и S_{n+2} такой бесконечной последовательности «минимальный сектор референции» хотя и не несет в себе самореферентных ссылок (self-reference links), однако обязательно содержит так называемый «цикл удвоенной референции» (double-referential cycle), на основе которого и возникает парадокс «Бесконечного лжеца» (например, см.: [3. Р. 24–26]; также см.: [5. С. 113–114; 27. С. 69–70, 73–74]).

нарушив тем самым монотонность иерархической структуры предложений внутри самой этой последовательности? Как поведет себя машина Поста, например, если мы представим ей для выполнения такую бесконечную последовательность предложений, где любое произвольное предложение S_n будет ссылаться не на все расположенное непосредственно за ним множество, а только на два ближайших предложения S_{n+1} и S_{n+2} (табл. 4)? Останется ли такой своеобразный «Диетический бесконечный лжец» выполнимым для нее алгоритмом?

Таблица 4. Программа машины Поста «Диетический бесконечный лжец»

Номер ячейки в ленте	Номер команды в программе	Описание команды
(n) :	S_n	$(n + 1)$ и $(n + 2)$ не являются истинными, $(n + 1)$
$(n + 1)$:	S_{n+1}	$(n + 2)$ и $(n + 3)$ не являются истинными, $(n + 2)$
$(n + 2)$:	S_{n+2}	$(n + 3)$ и $(n + 4)$ не являются истинными, $(n + 3)$
$(...)$:	$S_{...}$	$(...)$ и $(...)$ не являются истинными, $(...+1)$

Исчезновение монотонности внутри иерархической структуры бесконечной последовательности предложений Ябло почти мгновенно приводит к нерезультативной остановке машины Поста при любом исходном состоянии ленты и стартовой позиции механизма маркировки ячеек. Пустая стартовая ячейка (n) «Диетического бесконечного лжеца» приводит машину Поста к нерезультативной остановке в ячейке $(n + 3)$ (табл. 5)¹.

Таблица 5. Состояния машины Поста при выполнении программы «Диетический бесконечный лжец» (стартовая ячейка имеет метку)

Состояние машины Поста		Номер ячейки ленты					
		(n)	$(n + 1)$	$(n + 2)$	$(n + 3)$	$(n + 4)$	$(n + ...)$
Номер команды программы	S_n	-	-	-	-	-	-
	S_{n+1}	-	-	-	!	-	-

Если стартовая ячейка (n) «Диетического бесконечного лжеца» оказывается помеченной, нерезультативная остановка машины Поста также происходит в ячейке $(n + 3)$ (табл. 6).

Таблица 6. Состояния машины Поста при выполнении программы «Диетический бесконечный лжец» (стартовая ячейка имеет метку)

Состояние машины Поста		Номер ячейки ленты					
		(n)	$(n + 1)$	$(n + 2)$	$(n + 3)$	$(n + 4)$	$(n + ...)$
Номер команды программы	S_n	-	-	-	-	-	-
	S_{n+1}	-	-	-	!	-	-

Различие в поведении, которое демонстрирует машина Поста при выполнении программ «Бесконечного лжеца» и «Диетического бесконечного лжеца», служит очевидным свидетельством эффективности базовых принципов иерархического подхода Рассела – Тарского в борьбе против семантических парадоксов. Бесконечная последовательность предложений Ябло может рассматриваться в качестве оригинального семантического парадокса, если и только если мы готовы принимать ее в качестве одномоментно заданного инфинитного множества элементов, значение которых фиксируется с по-

¹ В табл. 5 и 6 символ «!» указывает на место нерезультативной остановки машины Поста при выполнении команд программы «Диетический бесконечный лжец».

мощью рекурсивных определений¹. Парадоксальность такой последовательности исчезает, как только мы начинаем трактовать ее в качестве аналога монотонной иерархической структуры, элементы которой пошагово конструируются согласно принципам не содержащего рекурсивные определения вычислительного алгоритма. Строгое следование монотонной иерархии команд программы «Бесконечного лжеца» не ведет к нерезультативной остановке машины Поста. В полном соответствии с идеалами иерархического подхода Рассела – Тарского кажущаяся нам парадоксальной последовательность предложений «Бесконечного лжеца» оказывается выполнимым для машины Поста вычислительным алгоритмом.

Литература

1. Herzberger H.G. Paradoxes of Grounding in Semantics // The Journal of Philosophy. 1970. Vol. 67, № 6. P. 145–167. DOI: 10.2307/2023885.
2. Priest G. The Structure of the Paradoxes of Self-Reference // Mind. 1994. Vol. 103, № 409. P. 25–34. DOI: 10.1093/mind/103.409.25.
3. Jongeling T.B., Koetsier T., Wattel E. Self-Reference in Finite and Infinite Paradoxes // Logique et Analyse. 2002. Vol. 45, № 177/178. P. 15–30.
4. Bolander T., Hendricks V.F., Pedersen S.A. Introduction // Self-Reference. Stanford : CSLI, 2006. P. 1–25.
5. Ладов В.А. Решение логических парадоксов в семантически замкнутом языке // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 52, № 2. С. 104–119. DOI: 10.5840/eps201752233
6. Ладов В.А. Критический анализ иерархического подхода Рассела – Тарского к решению проблемы парадоксов // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 44. С. 11–24. DOI: 10.17223/1998863X/44/2
7. Уайтхед А., Рассел Б. Основания математики: в 3 т. Самара : Самарский ун-т, 2005. Т. 1. 721 с.
8. Рассел Б. Математическая логика, основанная на теории типов // Введение в математическую философию : Избранные работы. Новосибирск : Сиб. унив. изд-во, 2007. С. 21–65.
9. Tarski A. The Establishment of Scientific Semantics // Logic, Semantics, Metamathematics : Papers from 1923 to 1938 by Alfred Tarski. Oxford : Clarendon Press, 1956. P. 401–408.
10. Tarski A. The Concept of Truth in Formalized Languages // Logic, Semantics, Metamathematics: Papers from 1923 to 1938 by Alfred Tarski. Oxford : Clarendon Press. 1956. P. 152–278.
11. Donnellan K.S. Categories, Negation, and the Liar Paradox // The Paradox of the Liar / R.L. Martin (ed.). New Haven : Yale University Press, 1970. P. 113–120.
12. Тарский А. Семантическая концепция истины и основания семантики // Аналитическая философия: становление и развитие (антология). М., 1998. С. 90–129.
13. Martin R.M. Some Comments on Truth and Designation // Analysis. 1950. Vol. 10, № 3. P. 63–67. DOI: 10.1093/analys/10.3.63.
14. Martin R.M. On «Analytic» // Philosophical Studies. 1952. Vol. 3, № 3. P. 42–47. DOI: 10.1007/bf02333167
15. Stroll A. Is Everyday Language Inconsistent? // Mind. 1954. Vol. 63, № 250. P. 219–225. DOI: 10.1093/mind/LXIII.250.219
16. Fitch F.B. Self-Reference in Philosophy // Mind. 1946. Vol. 55, № 219. P. 64–73. DOI: 10.1093/mind/lv.219.64
17. Bar-Hillel Y. Do Natural Languages Contain Paradoxes? // Studium Generale. 1966. Vol. 19. P. 391–397.
18. Hart W. D. On Self-Reference // The Philosophical Review. 1970. Vol. 79, № 4. P. 523–528. DOI: 10.2307/2184292
19. Bartlett S.J. The Idea of a Metalogic of Reference // Methodology and Science: Interdisciplinary Journal for the Empirical Study of the Foundations of Science and Their Methodology. 1976. Vol. 9, № 3. P. 85–92.
20. Sorensen R. A. Blindspots. Oxford: Clarendon Press, 1988. 456 p.

¹ В случае с машиной Поста рекурсия означала бы возможность вернуться в видимую (неоперабельную) часть ленты, чтобы изменить значение некоторой произвольной стартовой ячейки (n).

21. Патнэм Х. Реализм с человеческим лицом // Аналитическая философия: становление и развитие (антология). М., 1998. С. 466–494.
22. Sorensen R.A. Yablo's Paradox and Kindred Infinite Liars // *Mind*. 1998. Vol. 107, № 425. P. 137–155. DOI: 10.1093/mind/107.425.137
23. Sorensen R. A. Vagueness and Contradiction. Oxford : Clarendon Press, 2004. 208 p.
24. Yablo S. Paradox without Self-Reference // *Analysis*. 1993. Vol. 53, № 4. P. 251–252. DOI: 10.1093/analysis/53.4.251
25. Tennant N. On Paradox without Self-Reference // *Analysis*. 1995. Vol. 55, № 3. P. 199–207. DOI: 10.2307/3328581
26. Post E.L. Finite Combinatory Processes-Formulation 1 // *The Journal of Symbolic Logic*. 1936. Vol. 1, № 3. P. 103–105. DOI: 10.2307/2269031
27. Нехаев А.В. О жуликах и ворах, или О том, содержит ли «парадокс Ябло» самореференцию? // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2014. № 4 (28). С. 64–77.

Andrei V. Nekhaev, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation); Omsk State Technical University (Omsk, Russian Federation); Tomsk Scientific Center, SB RAS (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: A_V_Nehaev@rambler.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 46. pp. 58–66.

DOI: 10.17223/1998863X/46/7

POST MACHINE, SELF-REFERENCE AND PARADOXES

Keywords: self-reference; Russell–Tarski hierarchical approach; Yablo’s paradox; Post machine; computational semantics.

The Russell–Tarski hierarchical approach regards self-reference as a unified source of the emergence for a broad family of various semantic paradoxes. The Russell–Tarski hierarchical approach became the object of numerous critical attacks after the appearance of infinite forms of paradoxes without self-reference at the end of the 20th century. The “Infinite Liar” proposed by the American logician Stephen Yablo, in particular, is usually seen as the most powerful and convincing counterargument against the Russell–Tarski hierarchical approach. The “Infinite Liar” does not contain self-reference. Each of the sentences of this infinite sequence does not speak of itself, but always only of all the following sentences, and the logical construction of this paradox is obviously isomorphic to the hierarchical structure as such. However, the truth-values of individual sentences in the “Infinite Liar” are based on recursive functions. The “Infinite Liar” by Yablo provides analytical possibilities for constructing the original computational semantics that excludes any kind of recursion in determining the truth-value, and it demonstrates effectiveness of the basic principles of the Russell–Tarski hierarchical approach in the struggle against new forms of semantic paradoxes. The “Infinite Liar” sentences are transformed into a modified computational algorithm for the Post machine. The analysis shows that for any initial state of the tape and the starting position of the cell marking mechanism, the “Infinite Liar” algorithm is quite feasible for the Post machine. The absence of a Post machine nonresultative stop in performing the “Infinite Liar” is explained by the fact that the computational algorithm of such a program has the form of a monotonous hierarchical structure in which every arbitrary sentence S_n of an infinite sequence fixes the meaning of strictly following sentences $S_{n+1}, S_{n+2}, \dots, S_{n+m}$, which completely excludes any form of recursive definitions. The disappearance of monotony in the hierarchical structure of the so-called “Dietary Infinite Liar” almost instantly leads to a nonresultative stop of the Post machine at any initial state of the tape and the starting position of the cell marking mechanism. The difference in performing demonstrated by the Post machine when executing the programs of the “Infinite Liar” and the “Dietary Infinite Liar” is a clear evidence of the effectiveness of the basic principles of the Russell–Tarski hierarchical approach in the struggle against new forms of semantic paradoxes. That is why the ban of sentences (or their sequences) with self-reference remains the most popular of standard ways in the struggle against semantic paradoxes.

References

1. Herzberger, H.G. (1970). Paradoxes of Grounding in Semantics. *The Journal of Philosophy*. 67(6). pp. 145–167. DOI: 10.2307/2023885
2. Priest, G. (1994) The Structure of the Paradoxes of Self-Reference. *Mind*. 103(409). pp. 25–34. DOI: 10.1093/mind/103.409.25

3. Jongeling, T.B., Koetsier, T. & Wattel, E. (2002) Self-Reference in Finite and Infinite Paradoxes. *Logique et Analyse*. 45(177/178). pp. 15–30.
4. Bolander, T., Hendricks, V.F., Pedersen, S.A. (2006) Introduction. In: Bolander, T., Hendricks, V.F. & Pedersen, S.A. (eds) *Self-Reference*. Stanford: CSLI. pp. 1–25.
5. Ladov, V.A. (2017) Logical paradoxes solution in semantically closed language. *Ehpistemologiya i filosofiya nauki– Epistemology & Philosophy of Science*. 52(2). pp. 104–119. (In Russian). DOI: 10.5840/eps201752233
6. Ladov, V.A. (2018) Critical analysis of the hierarchical approach to the solution of the paradox problem. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 44. pp. 11–24. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/44/2
7. Whitehead, A.N. & Russell, B. (2005) *Osnovaniya matematiki* [Principia Mathematica]. Vol. 1. Samara: Samara State University.
8. Russell, B. (2007) *Vvedenie v matematicheskuyu filosofiyu: izbrannye raboty* [Introduction to mathematical philosophy. Selected Works]. Novosibirsk: Sibirskoye universitetskoye izd-vo. pp. 21–65.
9. Tarski, A. (1956a) *Logic, Semantics, Metamathematics: Papers from 1923 to 1938*. Oxford: Clarendon Press. pp. 401–408.
10. Tarski, A. (1956b) *Logic, Semantics, Metamathematics: Papers from 1923 to 1938*. Oxford: Clarendon Press. pp. 152–278.
11. Donnellan, K.S. (1970) Categories, Negation, and the Liar Paradox. In: Martin, R.L. (ed.) *The Paradox of the Liar*. New Haven: Yale University Press. pp. 113–120.
12. Tarski, A. (1998) Semanticheskaya kontseptsiya istiny i osnovaniya semantiki [Semantic concept of truth and the foundations of semantics]. In: Gryaznov, A.F. (ed.) *Analiticheskaya filosofiya: stanovlenie i razvitie* [Analytic philosophy: genesis and development]. Moscow: DIK, Progress-Traditsiya. pp. 90–129.
13. Martin, R.M. (1950) Some Comments on Truth and Designation. *Analysis*. 10(3). pp. 63–67. DOI: 10.1093/analys/10.3.63
14. Martin, R.M. (1952) On “Analytic”. *Philosophical Studies*. 3(3). pp. 42–47. DOI: 10.1007/bf02333167
15. Stroll, A. (1954) Is Everyday Language Inconsistent? *Mind*. 63(250). pp. 219–225. DOI: 10.1093/mind/LXIII.250.219
16. Fitch, F.B. (1946) Self-Reference in Philosophy. *Mind*. 55(219). pp. 64–73. DOI: 10.1093/mind/lv.219.64
17. Bar-Hillel, Y. (1966) Do Natural Languages Contain Paradoxes? *Studium Generale*. 19. pp. 391–397.
18. Hart, W.D. (1970) On Self-Reference. *The Philosophical Review*. 79(4). pp. 523–528. DOI: 10.2307/2184292
19. Bartlett, S.J. (1976) The Idea of a Metalogic of Reference. *Methodology and Science: Interdisciplinary Journal for the Empirical Study of the Foundations of Science and Their Methodology*. 9(3). pp. 85–92.
20. Sorensen, R.A. (1988) *Blindspots*. Oxford: Clarendon Press.
21. Putnam, H. (1998) Realizm s chelovecheskim litsom [Realism with a human face]. In: Gryaznov, A.F. (ed.) *Analiticheskaya filosofiya: stanovlenie i razvitie* [Analytic philosophy: genesis and development]. Moscow: DIK, Progress-Traditsiya. pp. 466–494.
22. Sorensen, R.A. (1998) Yablo's Paradox and Kindred Infinite Liars. *Mind*. 107(425). pp. 137–155. DOI: 10.1093/mind/107.425.137
23. Sorensen, R.A. (2004) *Vagueness and Contradiction*. Oxford: Clarendon Press.
24. Yablo, S. (1993) Paradox without Self-Reference. *Analysis*. 53(4). pp. 251–252. DOI: 10.1093/analys/53.4.251
25. Tennant, N. (1995) On Paradox without Self-Reference. *Analysis*. 55(3). pp. 199–207. DOI: 10.2307/3328581
26. Post, E.L. (1936) Finite Combinatory Processes-Formulation 1. *The Journal of Symbolic Logic*. 1(3). pp. 103–105. DOI: 10.2307/2269031
27. Nekhaev, A.V. (2014) About crooks and thieves: does Yablo's paradox contain self-reference, or doesn't?. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 4(28). pp. 64–77. (In Russian).

УДК 167.7

DOI: 10.17223/1998863X/46/8

С.Ю. Шевченко

МОДЕЛИРУЯ ТЕХНОНАУКУ: ОТ ЭПИСТЕМИЧЕСКИХ СЕТЕЙ К ДИСКУРСИВНЫМ ИГРАМ¹

В статье гуманитарная экспертиза технонаучного проекта рассмотрена как вариант преодоления основных методологических недостатков социальных исследований науки и технологии (STS). В рамках проведения такой экспертизы построение сетей распределения знаний и распространения технологий должно быть дополнено рассмотрением на более локальном уровне онтологии социальных объектов и «дискурсивных игр», происходящих в рамках их взаимодействия.

Ключевые слова: *технонаука, гуманитарная экспертиза, методология.*

Два «слепых пятна» социальных исследований науки и технологии

Теснейший симбиоз между научными изысканиями и технологическими разработками является одной из ключевых особенностей современного общества знания. В рамках большинства активно развивающихся дисциплинарных полей, в первую очередь вовлечённых в процессы НБИКС-конвергенции, наука и технология оказываются столь тесно связанными, что их различение становится проблематичным. Для обозначения такой ситуации в научной гуманитаристике широко используется термин «технонаука». При этом данное понятие также имплицитно вписывает научные и технические практики в более масштабные социальные процессы, их ориентацию на вненаучные цели и ценности. Один из наиболее известных ученых, работающих с технонаучной проблематикой, Б. Латур провозглашает исчезновение единой и независимой от политики и общества науки, на смену которой приходит разнообразие исследовательских инициатив. Основными объектами исследования социального ученого и философа науки становятся технонаучные проекты, предполагающие ориентацию на практический результат [1]. Вместе с тем эти проекты реализуются в условиях контингентного характера как собственно объектов исследования и материальных условий производства знания, так и социальных, экономических и политических процессов, влияющих на развитие исследовательской инициативы.

«Латурнианские» методологические установки получили широкое распространение среди российских и западных исследователей технонауки. Для этой наиболее ранней версии программы социальных исследований науки и технологии (STS) характерны две важные методологические особенности: во-первых, ориентация только на дескрипцию существующих технонаучных практик; во-вторых, представление технонауки как совокупности взаимодей-

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-311-00315.

ствий между включенными в её практики человеческими и не-человеческими акторами. Во многом данные особенности присущи и более поздним «волнам» STS-исследований и служат предметом серьезной критики крупных социальных учёных и философов. Так, британский социолог С. Фуллер отмечает, что ориентация на дескрипцию не только сужает исследовательский горизонт STS, но и снижает социальную значимость результатов таких исследований, так как не позволяет перейти от вопроса, как были сконструированы практики науки и технологии в прошлом, к проблеме, как они должны быть сконструированы в будущем. Положительным контрпримером у Фуллера выступает программа логических эмпиристов, оказавшая существенное воздействие на развитие методологии науки [2].

Критика американского философа Г. Хармана направлена на редукционистский характер онтологии латурнианской программы, сводящей всякий объект к совокупности его взаимодействий с другими объектами. На примере истории голландской Ост-Индской компании он показывает, что между формированием (социального) объекта и началом его активности могут пройти годы, в течение которых объект не перестаёт существовать [3].

В настоящей статье мы сначала кратко очертим один из уже имеющихся вариантов выхода за пределы дескрипции и включения философской рефлексии в контекст решения актуальных социогуманитарных проблем. Затем в свете обозначенного подхода к исследованию технонауки будет рассмотрен методологический инструментарий такого исследования.

Выходя за рамки дескрипции

Предложенная Б.Г. Юдиным концепция гуманитарной экспертизы проектов технонауки позволяет решить задачи прогнозирования и минимизации гуманитарных рисков как особого типа угроз, связанных с технологическими и социальными (социотехническими) инновациями. Эта концепция учитывает ряд центральных тенденций в исследовании науки и технологии, хотя открыто на них не опирается – вероятно, из-за опасности связать само развитие гуманитарной экспертизы как социальной практики с раз и навсегда заданным набором подходов¹. Ряд параллелей связывают гуманитарную экспертизу с концептуализированной в работах Г. Коллинза и Р. Эванса «взаимодействующей экспертизой» (*interactional expertise*). Сходство с подходом этих STS-исследователей заключается в анализе социальной роли эксперта и переоценке роли экспертного знания, в том числе через включение в экспертную деятельность «рядовых обывателей» (*laypersons*) [5]. Также гуманитарная экспертиза ориентирована на «предваряющее, моделирующее обживание обществом ситуаций, порождаемых внедрением научно-технических и социальных новшеств» [4]. Фасилитируя эти процессы, деятельность по гуманитарной экспертизе предполагает детальное изучение социальных ожиданий и социотехнических образов будущего, в терминологии американского STS-исследователя Ш. Ясановфа – «мнимостей» (*imaginaries*) [6].

То есть значительная часть подходов современных STS воспринята методологией гуманитарной экспертизы, при этом последняя не ограничивается

---

¹ Задачи данной статьи не предполагают полного изложения концепции гуманитарной экспертизы. Детальное её описание содержится в [4].

дескрипцией социальных взаимодействий в рамках развития технаучного проекта, но и раскрывает эпистемологические и аксиологические основания такого развития, а главное, применяет эти знания для идентификации гуманитарных рисков и способов их минимизации. Ниже мы тезисно приведем ключевые особенности философской концептуализации технауки в рамках гуманитарной экспертизы:

- Технаука – особое явление в рамках постнеклассической науки, ключевой особенностью которой служит взаимопроникновение внутринаучных и общесоциальных ценностей и целей.

- Научное познание встроено в деятельность как по созданию, так и по продвижению новых технологий.

- В рамках реализации технаучного проекта формируется общественный запрос на эффективные инновации и его удовлетворение.

- Разрабатываемые технологии имеют «человекоориентированный» характер, т.е. изменяют самого их потребителя в биологическом, ментальном и социальном смысле.

- Реализация технаучного проекта предполагает функционирование социального контура, в который включены четыре типа объектов (агентов): лаборатория, общество (широкая общественность), бизнес и медиа [7].

Роли каждого типа агентов в функционировании социальной структуры проекта принципиально различны и несводимы одна к другой, при этом исполнение каждой из них служит необходимым условием реализации проекта. Вместе с тем вклады различных элементов социального контура технауки в его функционирование, или степени их влияния на другие элементы, могут быть сравнимы благодаря представлению всего контура в одной из онтологий философских (или шире – гуманитарных) дисциплин. Такого рода представление технаучного проекта, а точнее, его моделирование, предполагающее высокую степень абстракции, позволяет помимо познавательных задач решить ещё и задачи координации междисциплинарной команды, осуществляющей изучение и собственно гуманитарную экспертизу проекта технауки. Иными словами, абстрактное моделирование позволяет решить три важные задачи гуманитарной экспертизы. Во-первых, оно служит инструментом, разделяющим континуум процессов развития технаучного проекта на несколько срезов дисциплинарных онтологий. Во-вторых, (что очевидно) моделирование позволяет осуществить рационализацию процессов эволюции проекта. И в-третьих, оно позволяет выйти за рамки дескрипции, предложив несколько альтернативных структурных вариантов развития технауки, выступающих в качестве системы координат гуманитарной экспертизы.

Одним из методологических инструментов такого моделирования, активно развивающегося в рамках формальной эпистемологии, служат эпистемические сети. Их построение предполагает представление научного и/или инженерного сообщества в виде графа. В рамках моделирования отдельные социальные группы представлены как вершины этого графа, а интеракции между ними – как ребра графа. По мнению разработчиков эпистемических сетей, эти и другие абстрактные сетевые модели могут быть рассмотрены не как адекватная дескрипция реальных практик, но как способ указать оптимальные конфигурации взаимодействий социальных агентов

и идентифицировать возможные риски, характерные для актуальных конфигураций такого рода [8].

Модели: эпистемические сети и сети диффузии технологий

В последние десять лет рост интереса исследователей науки к коммуникативной структуре, обеспечивающей производство знания, выразился в развитии методов логического и математического моделирования внутри- и межгрупповых эпистемических взаимодействий. Одной из центральных фигур этого движения в эпистемологии является К. Золльман, американский философ, активно применяющий теоретико-игровой подход для моделирования различных социальных взаимодействий – от воспитания детей до коммуникации между лабораториями. Теоретическим стимулом для исследований Золльмана стала опубликованная в 1998 г. работа, посвященная влиянию структуры и типов «межсоседских» взаимодействий на принятие экономических решений. Ее авторы, экономисты В. Бала и С. Гол, приходят к неожиданному заключению, что зачастую более верные решения принимаются в сообществе, члены которого скрывают часть информации [9]. В первых работах, посвященных моделированию научной коммуникации, Золльман приходит к во многом сходным выводам: в некоторых случаях уменьшение числа каналов коммуникации позволяет группе ученых сформировать истинные убеждения относительно закономерностей, имеющих место в исследуемой области [10]. Валидность этого заключения, понимаемая как вероятность появления схожих коммуникативных ситуаций в реальной науке, критически обсуждается в более поздних работах по эпистемическим сетям [8]. Однако методологическая ценность данного теоретического подхода не ограничивается дескрипцией. При этом упомянутая выше легкость, с которой Золльману удалось перейти от моделирования принятия экономических решений к представлению эпистемического процесса поиска истины, служит важным преимуществом этого подхода. Ведь агенты (социальные объекты), вовлеченные в развитие технонаучного проекта, также участвуют во множестве типов взаимодействий. При этом возможность перевода одного типа интеракций в другой (скажем, трансляции убеждений в финансовое инвестирование) не делает эпистемические модели исчерпывающими.

Истинность вывода или максимизация экономических выгод для агентов развития проекта не тождественны успешности социального распространения инновационного продукта. Согласно основным типам моделей социальной диффузии технологий выигрышность стратегии может определяться близостью темпов диффузии к логистической кривой. В рамках так называемой «эпидемической модели» основным фактором, лимитирующим скорость распространения технологий, выступает пропускная способность информационных каналов, связывающих узлы сети [11]. Этот вывод эксплицитно противоречит приведенным выше результатам эпистемического и экономического моделирования. То есть наиболее близкие к истине представления о возможностях технологии и экономически оптимальное поведение сообществ, участвующих в её распространении, как минимум не всегда предполагают наиболее быстрое её распространение. Более продвинутые модели жестко связывают темпы диффузии технологий с топологией сети взаимодействий. Так, статус конкретного узла – готовность представленного им агента к ис-

пользованию инновации – определяется количеством его связей с другими узлами и их статусами (гомогенностью их степеней готовности к применению новой технологии). В гораздо меньшей степени статус конкретного узла зависит от тренда развития всей сети [12]. При этом данные модели описывают меньший фрагмент реальности, чем эпистемические сети. В сетях диффузии технологий, как правило, представлены только агенты, напрямую не включенные в процессы разработки инновации. Таким образом, в рамках гуманитарной экспертизы оптимальная структура сетей распространения технологии может быть сопоставлена с оптимальной структурой эпистемической сети всего технаучного проекта. Тем самым может быть выявлен класс стратегий развития проекта, в рамках которых истинность (адекватность фактам) представлений о возможностях разрабатываемой технологии может быть принесена в жертву скорости её распространения. К примеру, в рамках рассмотрения конкретного проекта ситуация его реализации может быть смоделирована так, что сокращение числа информационных связей между социальными агентами действительно приведет к более адекватным убеждениям о возможностях инновации. Тогда в рамках гуманитарной экспертизы проекта может быть поставлен вопрос: изоморфно ли это сокращение формированию кластеров социальных агентов, ведущему к более успешному распространению технологии?

Тем самым эпистемическая адекватность служит ориентиром для рассмотрения возможных социально-экономических процессов диффузии технологии. Сама же обширность классов возможных социальных ситуаций, которые могут быть представлены в виде эпистемических сетей, обусловлена использованием теории игр и байесовского подхода при их построении. При этом данные типы моделей нельзя рассматривать как варианты байесовских сетей.

Байесовские сети относятся к обширному классу моделей, в которых процесс получения вероятностного вывода также представлен через структуру графа. При этом задачей эпистемических сетей является моделирование существующей или возможной структуры социальных интеракций, задача построения байесовских сетей – получение инструмента, помогающего в принятии решений в условиях неопределённости. Этот инструмент не ориентирован на возможность существования представленных графом взаимодействий в социальной реальности. Более того, байесовские сети предполагают одностороннюю передачу информации вершинами графа и исключают циклические структуры, что делает крайне проблематичным их применение в моделировании развития технаучного проекта [13]. Эпистемические же сети свободны от связанных с этим недостатков, однако для них характерна редукция моделируемого объекта к взаимодействиям между его частями, объектами меньшего масштаба. Это методологическое ограничение эпистемических сетей полностью аналогично описанному в начале статьи второму «слепому пятну» акторно-сетевому подходу, против которого направлена критика Г. Хармана. Как мы покажем ниже, методология эпистемических сетей должна быть дополнена теоретическим инструментарием социальной онтологии и дискурсивных игр, чтобы валидно моделировать такой ключевой для технауки параметр, как время реализации конкретного проекта или отдельных его этапов.

Инновации: почему так медленно?

В рамках эпистемических сетей и сетей распространения инновации время выработки вероятностного вывода всеми агентами сети и время диффузии технологии связано лишь с количеством последовательно соединенных ребер в графе, т.е. с максимальной длиной пути взаимодействий между узлами. Переменные, отражающие состояние представленного узлом агента, присваиваются этому узлу моментально, а каждое ребро графа представляет однократное (пусть и продолжительное) взаимодействие. Кроме того, каждый узел не может самопроизвольно исчезнуть из актуальной конфигурации связей и возникнуть в другом месте сети с отличным набором переменных или значений этих переменных. Рассмотренные типы сетей несвободны от актуализма, свойственного акторно-сетевому подходу Б. Латура и последующим традициям в STS. Согласно им нечто или некто существует только потому, что постоянно воспроизводится активностью других агентов сети, служит фактором, влияющим на их взаимодействия, и вместе с тем их результатом. Однако вполне реальной и обыденной выглядит такая «запрещенная» актуализмом ситуация, в которой конкретный агент исчезает из сети взаимодействий и появляется в новой её области с другими свойствами. Например, конкретный ученый, ранее выступавший проponentом развития технологии, уходит в творческий отпуск для подготовки научно-популярной книги. Год спустя выходит его книга, в которой он уже резко критикует технологию, на которую ранее возлагал большие надежды. Он выступает бок о бок с другими спикерами, получает исследовательские гранты от других частных и государственных фондов и т.д.

Согласно отстаиваемой Г. Харманом точке зрения социальные агенты (объекты) не должны выпадать из поля зрения исследователя, даже если они актуально не включены в сеть взаимодействий. Более того, порождаемые объектами события являются эхом ранее сформировавшихся свойств этих объектов. Харман показывает, что между обретением свойств и наступлением событий может пройти несколько десятилетий.

Наиболее явными эти черты объектов социального поля технауки становятся при рассмотрении конкретных примеров. Так, один из главных вопросов трансляционной медицины может быть сформулирован следующим образом: «Почему между получением готовой технологической разработки и её внедрением в клинику проходит 17 лет?». При этом совокупная продолжительность клинических испытаний безопасности и эффективности технологии, кампаний по распространению информации о технологии и обучению сотрудников клиник в среднем в 2–3 раза меньше [14]. Одно из наиболее популярных решений этой проблемы состоит во внедрении новых технологий коммуникации между социальными агентами, участвующими в инновационном процессе (в случае трансляционной медицины – клиникой, фармкомпанией, контролирующими органами). Однако даже применение блокчейн технологий, моментально снабжающих всех агентов одинаковыми данными, не позволяет приписать им одинаковые убеждения относительно эффективности технологии или успешности технонаучного проекта. Лежащий в основе такого решения актуалистский подход не учитывает того, что между участниками коммуникации постоянно происходит не только обмен данными (о состоянии

сети или иных, внешних по отношению к агентам реалиях), но и обмен доводами, где каждый довод означает принятие на себя и приписывание другому новых обязательств. При этом, согласно аналитическому философу Р. Брэн-дому, «общий счет в этой игре отсутствует», однако существуют общие правила дискурсивной игры, соблюдая которые игроки могут достигнуть интерпретационного равновесия [15]. Таким образом, каждая взаимосвязь между социальными агентами обладает собственной «глубиной»: ребро графа эпистемической сети перестаёт быть простым объектом, который может быть описан через одну переменную. Более пристальный взгляд на эту локальную взаимосвязь показывает, что на фоне «глобальных» сетевых стратегий разворачиваются стратегии локальных взаимодействий, причем продолжительность и итог этих дискурсивных игр не определены структурой сети, в которую включены эти агенты.

Еще более значимым фактором, не учтенным в актуалистских сетевых моделях, выступает «глубина» самих социальных агентов, в терминологии Хармана – объектов. Согласно взглядам на социальную онтологию Дж. Сёрла формирование групповых интенций и убеждений предполагает формирование своего рода коллективного осознания («collective awareness»), которое является условием возникновения групповой агентности. Причем эти доинтенциональные установки не могут быть описаны категорией «убеждения» («beliefs»), на изменениях которых и строятся байесовские модели [16]. То есть социальный агент не может быть в достаточной степени описан через его убеждения, время и сила его реакции могут зависеть от его свойств, не явленных в рамках социальных взаимодействий. При этом такие свойства могут служить основой возникновения гуманитарных угроз или трудностей и задержек в реализации проекта (как в примере с трансляционной медициной).

Представления о «глубине» социальных объектов и связей между ними служат важным дополнением сетевых моделей технаутки, позволяющих в рамках гуманитарной экспертизы предсказывать широкий диапазон рискованных ситуаций, имеющих разный генезис и масштаб.

Литература

1. Черникова И.В., Черникова Д.В. Новая концепция производства знания в технаутке // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 39. С. 48–58
2. Фуллер С. Социология интеллектуальной жизни: карьера ума внутри и вне академии / пер. с англ. С. Гавриленко, А. Морозова, П. Хановой. М.: Изд. дом «Дело», 2017.
3. Харман Г. Имматериализм: Объекты и социальная теория / пер. с англ. А. Писарева. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2018.
4. Юдин Б.Г. От этической экспертизы к экспертизе гуманитарной // Гуманитарное знание: тенденции развития в XXI веке: В честь 70-летия Игоря Михайловича Ильинского / под общ. ред. В.А. Лукова. М., 2006. С. 214–237.
5. Collins H.M., Evans R.J. The Third Wave of Science Studies: Studies of Expertise and Experience // Social Studies of Sciences. 2002. Vol. 32, № 2. P. 235–296
6. Jasanoff S. Kim S.-H. Containing the Atom: Sociotechnical Imaginaries and Nuclear Power in the United States and South Korea // Minerva. 2009. 47 (2). P. 119–146.
7. Юдин Б.Г. Об этосе технаутки // Философские науки. 2010. № 12. С. 58–66.
8. Rosenstock S., Bruner J., O'Connor C. In Epistemic Networks, Is Less Really More? // Philosophy of Science. 2017. № 2. P. 234–252.
9. Venkatesh B., Goyal S. Learning from Neighbours // Review of Economic Studies. 1998. № 65. P. 565–621.

10. Zollman, K.J. The Communication Structure of Epistemic Communities // *Philosophy of Science*. 2007. № 74 (5). P. 574–587.
11. Geroski P.A. Models of Technology Diffusion // *Research Policy*. 1999. № 29. P. 603–625.
12. McCullen N.J., Rucklidge A.M., Bale C.S.E., Foxon T.J., Gale W.F. Multiparameter Models of Innovation Diffusion on Complex Networks // *SIAM Journal on Applied Dynamical Systems*. 2013. Vol. 12, № 1. P. 515–532.
13. Тулубев А.Л., Николенко С.И., Сироткин А.В. Байесовские сети: Логико-вероятностный подход. СПб. : Наука, 2006.
14. Morris Z.S., Wooding S., Grant J. The answer is 17 years, what is the question: understanding time lags in translational research // *Journal of the Royal Society of Medicine*. 2011. № 104 (12). P. 510–520.
15. Brandom R. Making it explicit Reasoning, Representing, and Discursive Commitment. Cambridge; London : Harvard University Press, 1994.
16. Searle J.R. Collective Intentions and Actions // *Intentions in Communication* / Philip R. Cohen, Jerry Morgan and Martha E. Pollack (eds.). Cambridge : Bradford Books, 1990. P. 401–415.

Sergey Yu. Shevchenko, Institute of Philosophy, RAS (Moscow, Russian Federation).

E-mail: simurg87@list.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 46. pp. 67–75.

DOI: 10.17223/1998863X/46/8

MODELING TECHNOSCIENCE: FROM EPISTEMIC NETWORKS TO DISCURSIVE GAMES

Keywords: technoscience; humanitarian expert examination; methodology.

In this paper, the author proposes a set of methodological approaches to the study of technoscientific projects. Their application allows to overcome two main shortcomings of modern science and technology studies (STS): (1) orientation only on the description of existing practices; (2) reduction of objects to their interactions. Humanitarian expert examination is a variant of overcoming of the first STS deficiency, as it implies a ‘forward reaction’ to the risks associated with the development of a specific technology. Simultaneously, the methodology of humanitarian expert examination includes the most dynamically developing approaches of the STS program: the study of social expectations and “sociotechnical imaginaries”, the development of new approaches to expert practices. At the same time, the necessity to predict the socio-humanitarian effects of a technoscientific project assumes the creation of models of such development. The structure of epistemic networks and network models of innovation diffusion are considered as methodological variants of modeling, not so widely known yet in the Russian tradition of STS. In the framework of the humanitarian expert examination of a significant technoscientific project, a comparison of the structures of epistemic networks and networks models of innovation diffusion allows us to specify the class of strategies within which the adequacy of knowledge about the possibilities of technology can be sacrificed for the effectiveness of its dissemination. The implementation of these network models can overcome the first of the above-mentioned shortcomings of the STS program, but it is not free from the second one. Reduction of the social object to its interactions, in particular, does not allow to solve the problem of time lag between the development of innovation and its application. This problem is central for a number of areas of technoscience, for example, for translational medicine. In the framework of overcoming the second of the indicated shortcomings, the structure of network models should be supplemented by a more local and detailed consideration of the ontology of social objects and the discursive games occurring within the framework of their interaction. Ontological problems can be dealt with both within the concept of formation of group intentions elaborated by John Searle and within Gilbert Harman’s object-oriented ontology. The conceptual apparatus for investigating discursive games is most fully described in Robert Brandom’s *Making It Explicit*.

References

1. Chernikova, I.V., Chernikova, D.V. (2017) The new concept of knowledge production in technoscience. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 39. pp. 48–58. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/39/6

2. Fuller, S. (2017) *Sotsiologiya intellektual'noy zhizni: kar'era uma vnutri i vne akademii* [The sociology of intellectual life: the career of the mind in and around the academy]. Translated from English by S. Gavrilenko, A. Morozova, P. Hanova. Moscow: Delo.
3. Harman, G. (2018) *Immaterializm. Ob'ekty i sotsial'naya teoriya* [Immaterialism: Objects and Social Theory (Theory Redux)]. Translated from English by A. Pisarev. Moscow: Gaidar Institute.
4. Yudin, B.G. (2006) Ot eticheskoy ekspertizy k ekspertize gumanitarnoy [From ethical examination to humanitarian expertise]. In: Sorokin, A.N. (ed.) *Gumanitarnoe znanie: tendentsii razvitiya v XXI veke* [Humanitarian Knowledge: Trends of Development in the 21st Century]. Moscow: National Institute of Business. pp. 214–237.
5. Collins, H.M. & Evans, R.J. (2002) The Third Wave of Science Studies: Studies of Expertise and Experience. *Social Studies of Sciences*. 32(2). pp. 235–296
6. Jasanoff, S. & Kim, S.-H. (2009) Containing the Atom: Sociotechnical Imaginaries and Nuclear Power in the United States and South Korea. *Minerva*. 47(2). pp. 119–146.
7. Yudin, B.G. (2010) Ob etose tekhnologii [About Ethos of Technoscience]. *Filosofskie nauki – Russian Journal of Philosophical Sciences*. 12. pp. 58–66.
8. Rosenstock, S., Bruner, J. & O'Connor, C. (2017) In Epistemic Networks, Is Less Really More? *Philosophy of Science*. 84(2). pp. 234–252.
9. Venkatesh, B. & Goyal, S. (1998) Learning from Neighbours. *Review of Economic Studies*. 65. pp. 565–621.
10. Zollman, K.J. (2007) The Communication Structure of Epistemic Communities. *Philosophy of Science*. 74(5). pp. 574–587. DOI: 10.1086/525605
11. Geroski, P.A. (1999) Models of Technology Diffusion. *Research Policy*. 29. pp. 603–625. DOI: 10.1016/S0048-7333(99)00092-X.
12. McCullen, N.J., Rucklidge, A.M., Bale, C.S.E., Foxon, T.J. & Gale, W.F. (2013) Multiparameter Models of Innovation Diffusion on Complex Networks. *SIAM Journal on Applied Dynamical Systems*. 12(1). pp. 515–532. DOI: 10.1137/120885371
13. Tulupev, A.L., Nikolenko, S.I. & Sirotkin, A.V. (2006) *Bayesovskie seti: Logiko-veroyatnostnyy podkhod* [Bayesian Networks: The Logical-Probabilistic Approach]. St. Petersburg: Nauka.
14. Morris, Z.S., Wooding, S. & Grant, J. (2011) The answer is 17 years, what is the question: understanding time lags in translational research. *Journal of the Royal Society of Medicine*. 104(12). pp. 510–520. DOI: 10.1258/jrsm.2011.110180
15. Brandom, R. (1994) *Making it explicit Reasoning, Representing, and Discursive Commitment*. Cambridge; London: Harvard University Press.
16. Searle, J.R. (1990) Collective Intentions and Actions. In: Cohen, P.R., Morgan J. and Pollock, M.E. (eds) *Intentions in Communication*. Cambridge: Bradford Books. pp. 401–415.

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 340.124

DOI: 10.17223/1998863X/46/9

Л. Кэлер

НЕИЗБЕЖНОСТЬ ФИЛОСОФИИ ПРАВА¹

Что такое философия права? Чтобы ответить на этот вопрос, следует обратиться к исследованию ее оснований. Это исследование неизбежно даже тогда, когда разделяется позитивистская критика спекулятивного и морального характера идеалистических правовых теорий. В философии права могут не только анализироваться отдельные философские проблемы, но и применяться целые философские теории.

Ключевые слова: философия права, идеализм, позитивизм, неизбежность философии.

1. Уклонение философии права от юридического позитивизма

Для любой теории права крайне важным является вопрос, охватывает ли она всё многообразие теоретических исследований права или же есть другие области, которые остаются без её внимания. Чтобы ответить на это вопрос, надо рассмотреть, как отдельно взятая теория права соотносится с самой философией права. Но для этого сначала следует установить предмет философии права. Его можно было бы определить так: это философия, связанная с правом. Но это определение слишком абстрактно: в объяснении нуждается то, что именно означает философский вопрос, касающийся права.

Ни понятие права, ни понятие философии не являются бесспорными, следовательно, их соотношение далеко не всегда понятно. Можно даже назвать эти понятия «спорными по своей сути» [1. Р. 169], потому как невозможно понять их значение, не признавая при этом существование постоянного спора вокруг их содержания. Это приводит к тому, что теории в философии права могут не только дать ответ на исследуемые вопросы, но и повлиять на то, что признается ее надлежащим предметом.

Например, если предположить, что утверждение эмпирического позитивизма о том, что право состоит из таких социальных фактов, как решения законодательного органа, судей или других должностных лиц [2. Р. 75; 3; 4. Р. 23], верно, то философский анализ права будет весьма ограниченным. Право, рассматриваемое в качестве философской теории, вряд ли может зависеть от эмпирических фактов, которые по своей природе являются случайными. Следовательно, с точки зрения эмпирического позитивизма не получится ни установить необходимые истины о праве, ни выявить какие-либо его общие

---

¹ Перевод с англ. и нем. В.В. Оглезнева. Публикуется впервые и с разрешения автора.

Перевод выполнен при финансовой поддержке Совета по грантам Президента РФ (проект № МД-1530.2018.6).

свойства. Философия права, таким образом, ограничивается объяснением того, что нет никаких необходимых истин о праве. В этом случае философское исследование, направленное на установление таких истин, утрачивает свою значимость, а философия права – свой основной предмет.

Действительно, Кельзен и многие другие юридические позитивисты избегали понятия «философия права» [5], что в результате повысило популярность понятия «теория права» [6. Р. 5]. Отчасти это обусловлено стремлением избавить научные исследования от метафизических спекуляций [5. Р. 80; 6. Р. 11]. Подобные спекуляции обнаруживаются, прежде всего, в работах таких идеалистов, как Фихте [7] и Гегель [8], которые открыто называли свои теории философией права. Но чтобы была возможность отличить теории этих мыслителей от позитивистских учений и указать на то, что должен развиваться другой тип теории, понятие философии права было изменено. В этом смысле упадок идеализма во второй половине XIX в. сказался и на увядании «философии права».

Уклонение юридических позитивистов от «философии права» также было связано и с идеей «очищения» права от моральных соображений [5. Р. 1]. Теория права должна была стать научным исследованием, в котором моральные, а также политические соображения не должны играть существенной роли, поскольку, согласно этой точке зрения, эти соображения невозможно рационально обосновать. Считалось, что они основываются исключительно на субъективных мнениях или имеют произвольный характер. Таким образом, был сделан вывод, что нет никакой моральной философии, которая могла бы быть научно исследована, следовательно, нет никакой философии права, поскольку она будет также основана на моральных соображениях.

Есть по меньшей мере три критические позиции, почему понятия философии права часто избегали и продолжают избегать сегодня: скептицизм в отношении вечных истин о праве, скептицизм в отношении моральной философии и стремление создать научную теорию, свободную от метафизических спекуляций. Эта критика не утратила своей привлекательности, несмотря на то, что современные критики не стремятся к её открытой поддержке. Они часто уклоняются от понятия «философия права», никак не объясняя, почему её предмет не подходит для философского исследования. Вместо этого они предпочитают использовать такие понятия, как «теория права» или «юриспруденция» [9] – традиционные названия философии права, распространенные среди английских юристов. Эти понятия предполагают, что можно ответить на теоретические вопросы о праве, не принимая во внимание их философские основания. Это позволяет не только обрести дисциплинарную автономию, но и защититься от философских дискуссий, с которыми профессиональные юристы вряд ли знакомы.

Однако, получая новое наименование, философия права не исчезает. Как бы она ни называлась, её проблемы и аргументы остаются теми же самыми. Нет оснований полагать, что эти аргументы имеют менее рациональный и, значит, более сильный метафизический характер, чем другие философские аргументы. Использование метафизических соображений может рассматриваться как аргумент против философии права только тогда, когда можно показать, что такие соображения, во-первых, являются необходимой частью

любой философии права, во-вторых, они слишком ненадежны, чтобы обосновать какое-либо положение теории права или саму теорию права.

Подобная демонстрация сама по себе становится философским предприятием. Потому как требуется показать, что любая теория о понятии и природе права в принципе зависит от метафизических аргументов и что эти аргументы отличаются тем, что они принципиально недопустимы, иррациональны или по иным причинам несостоятельны. Для обоснования этих утверждений нужны аргументы, истинность которых не зависит от эмпирических фактов и которые, следовательно, являются философскими по своей природе. Как бы это парадоксально ни звучало, но, чтобы показать, что философия права не является подходящим предметом для рационального исследования, нужны философские аргументы. Пытаясь ответить на вопрос, является ли философия права надлежащим предметом исследования, мы уже проводим исследование и неявно опровергаем любые утверждения о том, что философии права не существует. Это одна из причин неизбежности философии права.

Кроме того, философия права не должна придерживаться взглядов определённой философской школы, например, такой, как идеализм, в рамках которого, действительно, процветали спекулятивные рассуждения о природе права. Но философия права может разделять и более трезвые взгляды на то, что теории должны развиваться intersubjectively понятным образом. Таким примером является аналитическая философия права, которая помимо идей Витгенштейна использует, например, теории таких аналитических философов, как Сёрл или Крипке, но, что более важно, она приобретает стиль установления ясности используемых понятий повседневного языка [10. P. 31; 11. P. 55]. Это свидетельствует о том, что понятие философии права не ограничивается идеализмом или каким-либо другим философским течением. До тех пор, пока есть место для философии, философия права, исследующая в качестве своего предмета влияние философии на право, останется неизбежной, поскольку в противном случае невозможно ухватить всю важность философской теории.

Здесь следует учитывать то, что даже если предположить, что идеалистические теории права были отчасти основаны на метафизических спекуляциях, это не доказывает, что их утверждения неверны. Эти утверждения могут быть истинными по иным причинам, но тогда они будут лишь недостаточно обоснованными, но никак не неверными. Чтобы оценить этот подход, нужно рационально исследовать достоинства этих философских по природе теорий, и тогда мы увидим, что это оценивание является лишь другим названием философского исследования. Значит, простое существование философских утверждений о праве подтверждает необходимость философии права.

Более того, спекуляции относительно природы права могут оказаться оправданными, если они были частично исправлены или рационально реконструированы. Неоправданность аргумента не свидетельствует о том, что его альтернативная версия несостоятельна. Даже работы представителей идеализма могут стать основой новых теорий. Например, некоторые современные исследования до сих пор находятся под влиянием философии права Гегеля [12. P. 35; 13. P. 385–388]. Критика спекулятивного характера идеалистиче-

ской философии права, следовательно, не опровергает возможность самой философии права.

Связь философии права с моральной философией также не является основанием для отрицания её существования, поскольку ни практическая философия, ни философия права не ограничиваются моральной философией. Моральные соображения играют важную роль в юридической этике. Но это лишь один из многих разделов философии права, которые помимо всего прочего также заняты исследованием онтологических вопросов о природе права; и совсем не обязательно, чтобы эти вопросы зависели от моральных соображений. В частности, можно изучать статус правил и других элементов права независимо от определённой моральной теории. Таким образом, скептицизм в отношении вопросов морали не является основанием для отрицания возможности философии права в целом.

Самое главное здесь то, что зависимость правовых правил от эмпирических или социальных фактов не препятствует философскому изучению права. Эта зависимость лишь ограничивает сферу этого изучения, которое не должно опираться на эмпирические аргументы, существующие во всех правовых системах. Отдельные правовые правила, принципы или положения могут отражать определённые свойства права, но при этом не являются основанием для общих философских положений. Но даже вывод, что философия права имеет ограниченную сферу, будет всё равно отличаться от утверждения, что вообще нет никакой философии права. Поскольку, как и в других областях, одно дело сказать, что невозможно понять определённый предмет, но другое – сказать, что это понимание ограничено. Существование и процветание – это разные понятия.

Поэтому, даже если кто-то и разделяет скептицизм позитивистов в отношении метафизики и этики, философия права всё равно остаётся подходящим предметом для рационального исследования. Таким образом, теория о том, что философия права из-за ограниченности права не может существовать, будет содержать внутренние противоречия.

2. Независимость правовой системы?

Опровержение аргументов против философии права намекает на то, почему это всё-таки предмет, подходящий для исследования, но ничего не говорит о том, в чём именно заключается этот предмет. Весьма поверхностным представляется определение, что предметом философии права является развитие общих учений о праве. В этом случае философия права становится равнозначной «юридической науке», или «юриспруденции» (оригинальному латинскому термину), широко распространённому названию в англоговорящем мире [9. Р. 5]. Согласно этому мнению научное исследование права ограничивается исследованием общей теории права, независимой от каких-либо правовых систем. Так, на вопросы, например, об отдельных нормах правовой системы можно было бы ответить только при помощи моральных и политических соображений, а не при помощи юридической науки. Такую позицию действительно иногда разделяли юридические позитивисты или, по крайней мере, её предлагали [5. Р. 108].

Но даже если и возможно допустить научное обсуждение юридических вопросов, то не все из них должны быть связаны с вневременными философ-

скими проблемами. Напротив, большая их часть касается определённых норм и их толкования, что не оказывает существенного влияния на более фундаментальные философские теории, которые являются истинными для любых правил любого общества. Но то, что возможно дать разные толкования закона, зависит в основном от его формулировки, структуры и генезиса, но вряд ли от природы права.

Даже тогда, когда определённый вопрос о праве является открытым, следует обращаться не к дополнительным моральным аргументам, но к тщательному анализу источников права. Для такого анализа часто требуется обсуждение разнообразных аргументов и их сложной взаимосвязи, и это становится похожим, по крайней мере с точки зрения осуществляемой деятельности, на другие виды рационального исследования, характерные для науки.

С другой стороны, такое исследование вряд ли является философским, поскольку оно связано с анализом конкретных законов, имеющих юридическую силу в определённое время и в определённом месте. Правильнее было бы сказать, такое исследование вырабатывает догматические представления о том, как надо исследовать правовые правила. Юридическая догматика может обладать таким же рациональным и в этом смысле научным характером, как и философия права, но при этом сохранять свои отличия. У неё свои цели и задачи: анализ положений определённой правовой системы. Следовательно, неизбежность философии права не выводится из необходимости юридической науки. Может оказаться, что необходимость юридической науки заключается лишь в догматических исследованиях определённой правовой системы.

Но как только философия права сталкивается с вопросами, не зависящими от определённой правовой системы, возникает другой вопрос, может ли она предложить что-то существенное для этой правовой системы. Поскольку для философии права не имеет значения, каково содержание конкретной правовой системы и соответствуют ли её нормы стандартам морали, то складывается впечатление, что философия права имеет дело лишь с формальными («юридическая логика») и в большей степени моральными («юридическая этика») вопросами, не зависящими от действующего права.

Ограничиваются ли всем этим интересы философии права? Разве нет вопросов о природе права, для ответа на которые знакомство с конкретной правовой системой было бы полезным или даже необходимым? Чтобы наилучшим образом ответить на эти вопросы, следует более внимательно рассмотреть то, с чем непосредственно связана философия права. Это можно сделать разными способами. С позиций философских теорий уместно спросить, имеют ли отношение к праву вопросы, обсуждаемые в философии. Философия права в таком случае становится применением философских теорий к праву. Но эти теории развиваются независимо от права и от анализа результатов их применения. Не случайно этот подход распространён среди философов, которые, не имея постоянного контакта с юриспруденцией, тем не менее применяют для её анализа свои философские теории.

Наиболее показательным примером является подход Канта, который в своей теории права использовал аргументы, сформулированные им в рамках теоретической и практической философии, не имеющей к праву прямого от-

ношения. В частности, его концепция была основана на утверждении, что для создания теории права эмпирических наблюдений недостаточно [14. Р. 230]. Это в полной мере согласуется с положениями его теоретической и практической философии [15. Р. 84–85; 16. Р. 388], что для формирования знания эмпирических ощущений недостаточно. Именно по этой причине он берётся за разработку теории права *a priori*, т.е. не зависящей от какого-либо опыта [14. Р. 230].

Для его теории также было важным разграничение права и морали. По его мнению, право может устанавливать лишь внешние обязанности. Законодательство не предполагает, что самой идеи обязанности достаточно для побуждения людей к совершению правомерных действий [Ibid. С. 219]. Напротив, право необходимо связано с возможностью применения силы для обеспечения исполнения этих обязанностей [Ibid. Р. 231], что уже является достаточным стимулом. Но если мы соглашаемся с тем, что обязанность является достаточным основанием для побуждения к совершению действий, то нам, по мнению Канта, следует обратиться к внутренней обязанности, которую он назвал «моральным долгом» [Ibid. С. 219]. Такая обязанность не нуждается ни в наличии внешнего мотива, например санкции, ни во внешней силе для обеспечения её соблюдения. Юридические обязанности, напротив, являются внешними, связанными с полномочиями по обеспечению их соблюдения силой принуждения [Ibid. С. 231]. Кант пришёл к этим выводам, не рассматривая какую-либо правовую систему. В противном случае ему потребовалось бы провести эмпирический анализ права, что противоречило бы его устремлениям создать философию права *a priori*.

Но этот вывод кажется преждевременным. Ведь одно дело – доказать истинность общего положения, но другое – его опровергнуть. Доказательство не может быть основано исключительно на исследовании одной или нескольких правовых систем. Поскольку в таком случае нужно исключить то, чтобы все другие правовые системы и даже просто любые произвольные системы приводили бы к опровержению. Общие положения не выводятся из отдельных случаев. В этом смысле критика Кантом того, что анализа определённой правовой системы недостаточно, представляется оправданной. Но для опровержения общих правовых положений достаточно продемонстрировать один случай, который им противоречит. Как и в эмпирических науках, достаточно лишь одного контрпримера. Так что до тех пор, пока речь идёт об опровержении общего положения, анализ определённых правовых систем будет релевантным философии права.

Поэтому не следует трактовать философию права так односторонне, т.е. с точки зрения философских утверждений, не зависящих от времени и пространства. Ценные результаты также можно получить, обратившись к конкретным примерам применения правовых правил и уточнив, есть ли для них подходящие общие положения и выводы определённой теории. Например, строгое разграничение Кантом юридических и внешних обязанностей и его утверждение, что все юридические обязанности исполняются посредством принуждения, становятся весьма сомнительными, если принимать во внимание определённые правовые системы. Ведь в них можно обнаружить, что есть обязанности, которые, с одной стороны, являются юридическими, но, с другой стороны, не могут быть исполнены посредством принуждения.

Например, согласно законодательству Германии супружеская пара обязана сохранять свой брак, и хотя эта обязанность прямо закреплена в законе, ее исполнение не может обеспечиваться принуждением¹. В противном случае тесные дружеские отношения будут разрушены, что только навредит браку, а не улучшит его. Тем не менее такая обязанность сформулирована в законе в качестве неотъемлемой части и принципа семейного права. Закон вместо того, чтобы полагаться на санкцию или силу, признаёт эту обязанность для института брака юридической. Но эта обязанность всё равно отличается от моральной обязанности, которая без юридического оформления не может оказывать влияния на содержание этого социального института.

Есть много аналогичных ситуаций, когда санкция за неисполнение обязанностей наносит больше вреда, чем приносит пользы, поэтому закон оправданно от неё воздерживается. Но это совсем не означает, что закон не может признавать такое правило в качестве правового. Вместо этого закону хоть иногда следовало бы полагаться на то, что его правила исполняются добровольно, когда закон сам этого требует. Но подобная воздержанность в отношении санкций скорее зависит от соображений законодателя, чем от понятия права. Итак, простой пример супружеских обязанностей, которые хотя и признаются юридическими, но не санкционируются законом, ставит под сомнение жесткую позицию Канта, что таких обязанностей в принципе существовать не может.

Таким образом, для того чтобы объяснить общие положения философских теорий, знание определённой правовой системы может оказаться весьма полезным. Кроме того, сама правовая система предоставляет возможности проверить эти теории, потому что они могут содержать контрпримеры, опровергающие отдельные их положения. Такое опровержение не является тривиальным, потому что недостаточно лишь показать, что закон приводит конкретное требование к противоречию с общим положением философской теории. Может оказаться так, что это требование также необоснованно. Например, можно обсудить, являются ли супружеские обязанности юридическими или лишь моральными обязанностями. Но даже в этом случае общие положения философии права проверяются посредством сравнения их с правилами определённой правовой системы.

В то же время нельзя понять правовую систему, если не знать, являются ли её свойства случайными или необходимыми, а значит, характерны ли они для всех правовых систем. Таким образом, без философского исследования, которое, исходя из его свойств, является необходимым, анализ любой правовой системы остаётся неполным. Философия права через обсуждение того, какие свойства правовой системы не зависят от времени и пространства, восполняет этот пробел.

Особенно это касается наиболее обсуждаемого вопроса, существует ли необходимая связь между правом и моралью [17. Р. 96; 18. Р. 31–136; 19. Р. 63–105]. Если такая связь существует, то правовые правила являются действительными только тогда, когда они отвечают минимальным моральным требованиям. Если же такая связь не является необходимой, то даже очевидно аморальные правила, наносящие вред человеческому достоинству, могут

---

¹ См.: 120 par. 3 Gesetz über das Verfahren in Familiensachen und in den Angelegenheiten der freiwilligen Gerichtsbarkeit.

быть юридическими. Следовательно, чтобы различить условные и необходимые свойства права, нам не удастся избежать обращения к философии права.

Более того, только философия права позволяет понять и ответить на конкретные вопросы, которые возникают в отношении современной правовой системы. Вместо того, чтобы спрашивать, какое влияние оказывает определённая философская теория на право в целом, следовало бы, *visa versa*, исследовать, какие философские вопросы возникают в отношении действующего права. У такого подхода есть преимущества, он позволяет решать проблемы, актуальные для действующего права, но не имеющие особого значения для других правовых систем. Знакомство с определённой правовой системой позволяет, таким образом, выбирать среди безграничного количества философских вопросов те, которые имеют потенциальное влияние на право, те, которые праву наиболее релевантны.

Это наиболее характерно для юридической этики, которая является разделом философии права. Юридическая этика рассматривает вопросы о том, может ли и до какой степени может определённое правовое правило обосновываться при помощи этических стандартов. В рамках юридической этики вполне возможно обсуждать правила, которые никогда не являлись и не являются правовыми. Но если мы хотим, чтобы юридическая этика принесла сегодня пользу и позволила нам понять нашу ситуацию, то тогда следует обратить внимание на этические аспекты действующего права. Для этого необходимо как минимум знание о том, что представляет собой действующее право.

Подобным образом столкновение различных национальных правовых систем друг с другом, а также с наднациональными правовыми системами приводит к более фундаментальному вопросу: может ли и до какой степени может право содержать противоречия. Философское обсуждение этого вопроса оказывает влияние на онтологию права, поскольку позволяет понять, все ли правовые системы имеют одинаковые основания или они могут существовать независимо друг от друга. Таким образом, чтобы установить актуальность философских вопросов для действующего права, было бы полезным его проанализировать.

Хотя знание действующего права и способствует развитию философских теорий, его тем не менее недостаточно. Ведь анализ конкретных правил, имеющих юридическую силу в определённое время и в определённом месте, не может ответить на общие вопросы о понятии, юридической действительности, онтологическом статусе и этическом обосновании права. В том числе и по этой причине философия права остаётся неизбежной, несмотря на то, что её результаты и значение становятся заметными лишь тогда, когда они совмещаются с изучением определённых правовых систем.

Литература

1. *Gallie W.B.* Essentially Contested Concepts // Proceedings of the Aristotelian Society, New Series. 1956. Vol. 56. P. 167–198.
2. *Coleman J.* The Practice of Principle. Oxford: Oxford University Press, 2003.
3. *Green L.* Legal Positivism // The Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: <http://plato.stanford.edu/entries/legal-positivism/#Bib>, 2003 (accessed 12.10.2018).
4. *Kähler L.* Kelsen and the Problems of the Social Fact Thesis. Cham : Springer. 2017. P. 23–42.
5. *Kelsen H.* Reine Rechtslehre, 2nd edition. Wien : Verlag Österreich, 1960.

6. Dreier R. Was ist und wozu Allgemeine Rechtstheorie? Tübingen: Mohr, 1975.
7. Fichte J.G. Grundlage des Naturrechts nach Principien der Wissenschaftslehre. Jena/Leipzig : Gabler, 1796.
8. Hegel G.W.F. Grundlinien der Philosophie des Rechts. Berlin : Nicolaische Buchhandlung, 1821.
9. *The Handbook Jurisprudence and Philosophy of Law* / ed. by J. Coleman, S. Shapiro. Oxford : Oxford University Press, 2002.
10. Searle J. The Construction of Social Reality. London : Penguin, 1995.
11. Kripke S. Wittgenstein on Rules and Private Language. Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 1982.
12. Honneth A. The Struggle for Recognition: The Moral Grammar of Social Conflicts. Cambridge : Polity Press, 1995.
13. Taylor C. Sources of the Self. Cambridge : Cambridge University Press, 1989.
14. Kant I. Metaphysik der Sitten, original 1797, edition of the Prussian Academy. Vol. 6. Berlin : de Gruyter, 1968.
15. Kant I. Kritik der reinen Vernunft, second edition, original 1787, edition of the Prussian Academy. Vol. 3. Berlin : de Gruyter, 1968.
16. Kant I. Grundlegung zur Metaphysik der Sitten, original 1785, edition of the Prussian Academy. Vol. 4. Berlin : de Gruyter, 1968.
17. Dworkin R. Law's Empire. London : Fontana, 1986.
18. Alexy R. Begriff und Geltung des Rechts, 2nd ed. Freiburg : Karl Alber, 2005.
19. Pfordten D. von der. Rechtsethik, 2nd ed. Munich : Beck, 2011.

Lorenz Kaehler, University of Bremen (Bremen, Germany); Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

Email: lkaehler@uni-bremen.de

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 46. pp. 76–85.

DOI: 10.17223/1998863X/46/9

THE INEVITABLENESS OF LEGAL PHILOSOPHY

Keywords: legal philosophy; positivism; idealism; inevitableness of philosophy.

Legal philosophy is a disputed subject. Not only is the concept itself much discussed, but also the field it deals with. After the heydays of legal philosophy in the aftermath of idealist thinking when Kant, Fichte and Hegel developed their own versions of it, legal philosophy had a difficult stand. Many legal positivists tried to avoid it and instead coined the concept of legal theory. Thereby they wanted to avoid speculative arguments as well as the engagement with moral questions and tried to develop a scientific study of law. However, already the question whether there is a subject of legal philosophy engages in a philosophical debate and shows its inevitability. Fundamental questions about the nature of law and the status of its properties would remain unanswered, if lawyers as well as philosophers ceased to engage in it. Even speculative theories about the nature of law could turn out to be true for different arguments than the ones with which they were introduced so that it is not sufficient to criticize the speculative character of their theses. Instead one needs to discuss their merits in a philosophical debate. Answers to philosophical questions can be searched for from above, i.e. by applying general philosophical theories to law. This approach is typically taken by philosophers who are not familiar with a particular legal system. Contrary to that is an approach from below that starts from single legal norms as well as problems and looks for philosophical arguments to answer its questions. For this purpose the philosophical dimension of the current law is investigated. This is the typical approach of lawyers. Both approaches do not necessarily lead to the same questions, as not all philosophical questions are relevant for every legal system. The knowledge of a particular legal system is necessary in order to find the philosophical questions that are most relevant for it. However, the arguments remain independent of such a system and are thus philosophical in kind.

References

1. Gallie, W.B. (1956) Essentially Contested Concepts. *Proceedings of the Aristotelian Society, New Series*. 56. pp. 167–198.
2. Coleman, J. (2003) *The Practice of Principle*. Oxford: Oxford University Press.

3. Green, L. (2003) *Legal Positivism*. [Online] Available from: <http://plato.stanford.edu/entries/legal-positivism/#Bib>, 2003. (Accessed: 12th October 2018).
4. Kähler, L. (2017) *Kelsen and the Problems of the Social Fact Thesis*. Cham: Springer. pp. 23–42.
5. Kelsen, H. (1960) *Reine Rechtslehre*. 2nd ed. Vienna: Verlag Österreich.
6. Dreier, R. (1975) *Was ist und wozu Allgemeine Rechtstheorie?* Tübingen: Mohr.
7. Fichte, J.G. (1796) *Grundlage des Naturrechts nach Principien der Wissenschaftslehre* [Basis of natural law according to principles of the science teaching]. Jena/Leipzig: Gabler.
8. Hegel, G.W.F. (1821) *Grundlinien der Philosophie des Rechts* [Principles of the philosophy of law]. Berlin: Nicolaische Buchhandlung.
9. Coleman, J. & Shapiro, S. (2002) *The Handbook Jurisprudence and Philosophy of Law*. Oxford: Oxford University Press.
10. Searle, J. (1995) *The Construction of Social Reality*. London: Penguin.
11. Kripke, S. (1982) *Wittgenstein on Rules and Private Language*. Cambridge, Mass: Harvard University Press.
12. Honneth, A. (1995) *The Struggle for Recognition: The Moral Grammar of Social Conflicts*. Cambridge: Polity Press.
13. Taylor, C. (1989) *Sources of the Self*. Cambridge: Cambridge University Press.
14. Kant, I. (1968a) *Metaphysik der Sitten* [Metaphysics of Manners]. Vol. 6. Berlin de Gruyter.
15. Kant, I. (1968b) *Kritik der reinen Vernunft* [Critique of Pure Reason]. 2nd ed. Vol. 3. Berlin: de Gruyter.
16. Kant, I. (1968c) *Grundlegung zur Metaphysik der Sitten* [Basis on the metaphysics of ethics]. Vol. 4. Berlin: de Gruyter.
17. Dworkin, R. (1986) *Law's Empire*. London: Fontana.
18. Alexy, R. (2005) *Begriff und Geltung des Rechts* [Concept and validity of the law]. 2nd ed. Freiburg: Karl Alber.
19. Von der Pfordten, D. (2011) *Rechtsethik* [Legal ethics]. 2nd ed. Munich: Beck.

УДК. 130.2

DOI: 10.17223/1998863X/46/10

С.Н. Оводова

ДИАЛОГ КУЛЬТУР: ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ПОСТКОЛОНИАЛЬНОЙ ОПТИКИ В ФИЛОСОФИИ КУЛЬТУРЫ¹

Под влиянием постколониальных исследований происходит трансформация теории диалога культур в философии культуры. Сформулированные М.М. Бахтиным и В.С. Библером ключевые концепты (понимание Другого, бытие на границе культуры, полифоничность, амбивалентность) получают новое прочтение. Осмысление диалога культур как взаимодействия равнозначных культур отвергается, акцент переносится на периферийные практики отстаивания угнетенными культурами независимости и идентичности.

Ключевые слова: культура, диалог, глобальное, локальное, постколониальные исследования.

Дискурс «глобального» и «локального» оказывает существенное влияние на современную философию и теорию культуры, что находит отражение в вопросах о транснациональной истории, взаимовлиянии культур, принципах консолидации локальных культур в глобальном мире, судьбе национальной культуры, выражающейся в нарративе нации и т.п.

Тема диалога культур является для философии и теории культуры «классической» и осмысливается уже не одним поколением исследователей. Возможность или невозможность взаимопонимания между культурами, различие языковых картин мира, дискурсивная обусловленность восприятия, доминирование и подчинение – эти вопросы попадали в поле зрения разных философов на протяжении всего XX в. Как отмечает В.И. Разумов, в связи с актуализацией новых средств коммуникации, порождающих новые формы субъектности, актуальным для современного философского знания стало переосмысление социального неравенства [1. С. 93].

Теория диалога М.М. Бахтина в свое время повлияла на понимание принципов взаимодействия культур в отечественной и зарубежной науке. Возрастающая роль дискурса «глобального» и «локального» в философии и теории культуры сопряжена с актуализацией в современных социально-гуманитарных исследованиях постколониального дискурса, акцентирующего внимание на принципах взаимодействия культур, как в исторической перспективе, так и в современной ситуации. В связи с этим необходимо обратиться к теории диалога культур, разработанной М.М. Бахтиным и В.С. Библером, для переосмысления ряда ее положений. Наша работа будет построена вокруг осмысления ключевых элементов теории диалога культур, выявим, как под влиянием *postcolonial studies* в философии культуры трансформировалось понимание диалога культур.

Концепция диалога М.М. Бахтина выстроена на литературоведческом материале, однако выводы могут быть транслированы на культуру в целом, а

---

¹ Исследование проводилось при поддержке гранта Президента РФ, проект МК-6373.2018.6.

не только на отдельные произведения. Диалог у Бахтина может осуществляться между героем и автором романа, между героями, между читателем и автором, между разными уровнями культуры. Главным является осознание несводимости их позиций, их одновременное сосуществование. Смысл диалога в том, чтобы постоянно пребывать в актуальном состоянии, что требует возобновления диалога, быть в диалоге – значит быть в преддверии диалога, так как диалог характеризуется принципиальной незавершенностью. Участники диалога обращены вовне, их бытие представляет собой «бытие на грани», вне этой направленности на Другого бытия в принципе не может быть. Диалог есть возможность самоопределения, именно в диалоге, на грани с Другим происходит формирование участников диалога. Самоопределение возможно только через ощущение своей границы, предела, поэтому диалог выступает в качестве механизма непрекращающегося самообразования и самосознания. Диалог рассматривается Бахтиным на разных уровнях: на уровне культуры, на уровне произведения и на уровне слова. Постулируется вариативность использования этого понятия, диалогизм не замыкается на творчестве Ф.М. Достоевского или Ф. Рабле, а размыкается по направлению к универсальности. Идея диалогизма, полифоничности и амбивалентности как принципов и даже в некоторой степени методологии в дальнейшем развивалась во многих работах, но наиболее ярко представлена в трудах В.С. Библера и Ю. Кристевой.

Библер свою концепцию диалога выстраивает, отталкиваясь от идей М.М. Бахтина и Г.В.Ф. Гегеля. Данные фигуры являются гранями, формирующими смысловое поле диалогизма Библера. Диалог не только тема философии Библера, но и способ организации композиции текста. Понимание участников диалога как принципиально несводимых друг к другу, признание ценности обладания ими своеобразной логикой и подчеркивание невозможности завершения диалога – это те идеи Бахтина, которые, преломляясь, истолковываются Библером в нечто иное – в логику диалога культур. Диалог культур, по Библеру, начинает приобретать форму драматического произведения, когда возможно общение, но никак не обобщение участников диалога. Диалог позволяет сосуществовать в едином пространстве разным логикам, не приводя их при этом к общему знаменателю. Каждая логика своеобразна и в этой своей единичности приближается к произведению искусства, поэтому диалог культур, диалог произведений, диалог логик есть пространство, внутри которого возможно со-бытие. Данная форма мышления не предполагает синтеза, все своеобразие данного подхода заключается в признании плюрализма (но не релятивизма) и попытке создания модели развития множественности: «каждое из моих «Я» (внутренних собеседников) обладает своей собственной логикой – не «худшей», не «лучшей», не более «истинной», чем логика «другого Я». Но вместе с тем здесь не требуется никакой «металогик» (которая стояла бы где-то над моим спором с самой собой). Не требуется, поскольку само бытие моей логики – в качестве диалогик – определяет ее постоянное развитие: в ответ на реплику внутреннего собеседника «Я» развиваю и коренным образом трансформирую, совершенствую «свою» аргументацию, но то же самое происходит с логикой моего «другого Я» (alter ego)» [2. С. 41]. На формирование концепции диалога логик культур Библера кроме Бахтина повлиял Гегель, который всю историю понимает как эволю-

ционную лестницу культур и самосовершенствования абсолютного духа. Все эпохи и культуры выстраиваются в некую единую линию, каждому участнику внутри нее отведено свое место. Каждая новая ступень данной эволюционной лестницы представляет собой более совершенный этап по сравнению с предыдущей традицией. Направление движения и цель развития едины для всех, различие состоит лишь в том, на каком отрезке данного пути находится та или иная культура, что делает возможным оценивать и ранжировать культуры. Очевидно, что критерий оценки также имеет в своем основании некоторую логику, значит, предполагается возможность превалирования и доминирования одной логики над остальными.

Монологичность гегелевского подхода к истории культур задолго до В. Библера критиковал О. Шпенглер. Он постулировал отказ от эволюционно-гегельянского подхода к истории культур и писал о герметичности и локальности культур в своем знаменитом труде «Закат Европы» [3]. Гегель признавал возможность единства культурного развития, однако размещал культуры на умозрительных ступенях единой лестницы, ведущей к апогею самоосуществления абсолютного духа [4]. Шпенглер критикует существующее до него представление о том, что Западная Европа представляет собой центр, вокруг которого выстраиваются остальные культуры. Провозглашенный Гегелем «глобальный» подход отвергается «локальным» подходом Шпенглера. Признавая уникальность и самобытность культур, Шпенглер вместе с тем признает невозможность единой глобальной истории культуры, так как основания единения ставятся им под сомнение. С одной стороны, Шпенглер признает ценностное равенство культур, они разнозначные участники диалога, ни одна из культур не может главенствовать над другой и задавать матрицу восприятия другой культуре. С другой стороны, условное «общение» культур затруднено, так как каждая культура в полной мере может «раскрыться» только своему носителю, а для представителя иной культуры будет набором штампов и стереотипов, вырванных из контекста. Глобальная история для Шпенглера предстает как множество историй локальных культур, несводимых друг к другу. Шпенглер еще не руководствуется постколониальным подходом, но уже замечает наличие смещения акцентов в сторону Западной Европы при сопоставлении и теоретическом описании разных культур европейцами. В отличие от Шпенглера Библиер видит возможным говорить о едином пространстве диалога культур, который выстроен по принципу драматического произведения, где каждая реплика значима и необходима для всего строя произведения.

Библиер, так же как и Шпенглер, критикует эволюционный, монологичный подход Гегеля к истории культуры, но опирается на гегелевскую идею самосознания и рефлексии, которую он кладет в основание диалога культур. Рефлексия представителями культуры своих оснований является для Библиера критерием эффективности и возможности диалога культур. Библиер сопрягает подход Бахтина, представляющий собой неконтролируемый диалог с акцентом на принципиальной незавершенности, и подход Гегеля. Такое сопряжение необходимо для Библиера, так как он пытается ограничить, направить, сделать продуктивным неконтролируемый, спонтанный, постоянно длящийся диалог культур Бахтина, что осуществляется Библиером в идее диалога куль-

тур как диалога логик: «Диалог культур возможен лишь тогда, когда сама культура понимается – в пределе – в своем логическом начале» [5. С. 210].

Таким образом, Библер сужает понятие диалога, так как диалог логик культур – это диалог в пространстве интеллектуальной культуры. За скобки выносятся культурные практики, где в процессе коммуникации нет выхода на уровень логического обоснования своей позиции. Однако в реальной ситуации диалог культур разворачивается не только в пространстве интеллектуальных матриц, но и в маргинальном пограничье, где существуют вытесненные на периферию представители угнетенной культуры. Вслед за Бахтиным и Библером представители постколониальных исследований обращают внимание на границы культур, на пространства ментальных стыков, но пограничье осмысляется *postcolonial studies* не только как пространство становления самосознания в процессе диалога с представителем другой культуры, но и как место маргинальности и угнетения.

Постколониальные исследования занимают критическую позицию по отношению к ставшим привычными концептам Востока и Запада, к концептам нации, гендера, расы, империи, колонии. Взгляд исследователя концентрируется на наличии угнетения и доминирования. В рамках постколониальной оптики становится невозможным разговор о диалоге культур как о пространстве коммуникации равнозначных сторон. Появление постколониального дискурса в социально-гуманитарных науках сопряжено с фиксацией иллюзии равного диалога. Концепты Другого, границы культур, полифоничности и дискурсивности проблематизируются.

У Бахтина и Библера Другой равен «Я», они равнозначны и равноценны в пространстве диалога, признается важность развития каждой из логик, участвующих в диалоге, при этом ни одна из логик не превалирует. Однако в постколониальных исследованиях доказывается, что Другой либо принадлежит колониальному и, следовательно, маргинален, вытесняем и угнетаем, либо Другой – это представитель доминирующей силы, а значит, своей целью в процессе взаимодействия он видит насаждение своего властного порядка. Как отмечает Г. Спивак, субалтерн не может быть равноценным участником диалога, так как его позиция не репрезентирована в дискурсе [6]. Если от имени субалтернов говорит социальный институт, то он не использует нарратив угнетенных, а конструирует язык, соответствующий собственным потребностям. В колониальной и имперской ситуации диалог на равных затруднителен.

Для Бахтина и Библера граница – это пространство бытия культуры: «Культура есть там, где есть две культуры <...> Культура – это грань культур, момент их взаимоначинания и взаимостановления как культуры» [5. С. 234]. Для постколониальных исследователей понятие границы культур также является значимым, но это место появления гибридных культур, которые являются продуктом и колониальной (угнетенной) и имперской (доминирующей) культур одновременно. «Собрания изгнанников, *emigrés* и беженцев, встречающихся на грани «чужих» культур; собрания на приграничных полосах; собрания в гетто или кафе городских центров; собрания в полураспаде, полумраке чужих языков или в сверхъестественном владении языком другого; накопления знаков одобрения и приязни, степеней, дискурсов, дисциплин; собрания воспоминаний об экономической отсталости, о других мирах, в которых жили задним числом» [7. С. 68]. Понятие гибрид-

ной культуры вводит в своих работах Х. Баба. Формирование таких культур происходит на границе с доминирующей и колонизируемой культурой. В ходе колонизации коренная культура вынужденно трансформируется, подстраиваясь под культуру империи. Вновь сформированная культура отличается и от культуры метрополии, и от исконной культуры, она приобретает черты гибридности, так как формируется на стыке двух культур в пространстве диалога и подавления.

Бахтин и Библер целью диалога видят понимание Другого, осознание своей самости, формулирование своей логики. В ситуации бытия на грани угнетенная культура, конечно, вынужденно начинает осознавать свою самость, которая является причиной вытеснения представителей этой культуры на периферию. Такая ситуация порождает два сценария: во-первых, сохранение своей идентичности и героически агрессивное сопротивление властному дискурсу, насаждаемому извне; во-вторых, признание властной культуры и ассимиляция. При смене исследовательских оптик произошел переход от акцентуации внимания на понимании к осознанию борьбы дискурсов в диалоге культур.

Полидискурсивность диалога культур заключается в признании сосуществования несводимых друг к другу дискурсов и нарративов, каждый из которых репрезентирует отдельную идентификационную модель в культуре. Принципы взаимодействия дискурсов исследователи описывают по-разному. Библер понимал полидискурсивность как полилогичность диалога культур. Каждый дискурс обладает собственной логикой, которая осознается своими носителями в момент столкновения с логикой Другого.

Бахтин использует понятие полифоничности для описания отличительной черты поэтики Достоевского. Полифоничность предполагает особый тип представления взаимоотношений героя и автора. Возрастающая значимость Другого возвышает героя до уровня автора, таким образом уравнивая их позиции: «Герой для автора не «он» и не «я», а полноценное «ты», т.е. другое чужое полноправное «я» [8. С. 73]. Для доказательства этого положения Бахтин подробно разбирает типы двуглового слова («слово с оглядкой», «слово с лазейкой»), его интересуют механизмы соприсутствия чужих слов внутри на первый взгляд монологического высказывания. Внутри одного текста одновременно соприсутствуют несколько дискурсов, за каждым из которых стоит определенное мировоззрение. Понимание Бахтиным полифоничности текста созвучно пониманию полидискурсивности в рамках постколониальных исследований.

В нарративе о своей самости гибридная культура, сформированная на грани с иными культурами, говорит с оглядкой на доминирующую и исконную культуры. Дискурс гибридной культуры полифоничен, пограничное бытие изменяет ее, делает маргинальной для культур, под воздействием которых она образовалась. Граница культур – это не только их разделение, но и пространство их пересечения. Гибридная культура несет на себе отпечатки культур, на грани которых она формировалась, ее самость скрыта, она представляет собой симбиоз чужих смыслов. Концепт гибридной культуры позволяет не только описать особый статус культуры, возникшей в ситуации диалога, но и зафиксировать ее амбивалентный и полидискурсивный характер. Нарратив гибридной культуры о своей самости демонстрирует амбива-

лентное взаимное отрицание и взаимную обусловленность минимум двух дискурсов.

Понятие амбивалентности как взаимозависимости, взаимообусловленности и одновременно взаимного отрицания нескольких культур было осмыслено Бахтиным в работе «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса». Посредством анализа романа «Гаргантюа и Пантагрюэль» Бахтин вскрывает механизмы функционирования средневековой культуры. Культура этого времени предстает не монолитным образованием, она есть неразделимое сопряжение народной смеховой и официальной культур. Разделение культуры на эти пласты является не формально-механическим, взаимодействие народной и официальной культур носит амбивалентный характер. Смех является проводником, который осуществляет переход от одного миропорядка к другому, он позволяет средневековой культуре бытийствовать. Время господства смеха – карнавал: «Карнавал – это вторая жизнь народа, организованная на начале смеха» [9. С. 13]. «Карнавал носит вселенский характер, это особое состояние всего мира, его возрождение и обновление, которому все причастны» [Там же. С. 12]. Пространство карнавала выступает местом разворачивания диалога между разными типами культур. В карнавале мир переворачивается, ставится с ног на голову, сбиваются привычные мировоззренческие координаты, законы и нормы осмеиваются, подвергаются снижению и обругиванию.

Карнавальное мироощущение и мироощущение официальное – две разные позиции, завязанные в единое целое посредством диалога. Являясь условием возможности друг друга, они организованы по разным основаниям и принципиально несводимы друг к другу. Карнавал черпает материал для осмеяния в официальности, официальность обновляется, получает возможность посмотреть на себя как на иное и возвращается в себя посредством отчуждения, – таков почти терапевтический принцип диалога между ними.

Принцип амбивалентности культур, описанный Бахтиным, постулирует многоуровневость, когда внутри одной культуры могут существовать находящиеся в диалоге разные культуры. Кажущееся доминирование официальной культуры над культурой карнавальная Бахтиным проблематизируется. Эти два уровня культуры оказываются взаимообусловленными и даже взаимосвязанными, они нуждаются друг в друге. В постколониальных исследованиях также на первый план выходит связанность культур, имеющих разную генерацию, но вынужденных существовать в одном пространстве и времени. Дискурсы «доминирующего» и «подавляемого» взаимообусловлены, поддерживая друг друга и существуя лишь в отношении противоположной культурной грани. Империя не является таковой без колоний, господствующий и подчиняющийся взаимоопределяются. Западу для осознания своей уникальности и специфики необходим образ Востока, который предстает как Другой Запада [10]. Власть Запада над Востоком порождает не только Восток, но и Запад. Вне властного доминирования невозможна субъектность подчиненного. В кантовской системе имманентное возможно постольку, поскольку есть трансцендентное, равное человеческому опыту возникает благодаря тому, что есть нечто принципиально для него непостижимое, и поэтому, говоря о самосознании гибридной культуры, что формируется под влиянием властного регулирования, мы настаиваем на определенном универсализме такого подхо-

да. Постколониальная оптика выступает своеобразным «всеобщим» для многих «особенных» маргинальных дискурсов современности. Например, для гендерной проблематики. Попытаемся воспринять сквозь данную оптику сказанное Джудит Батлер: «Регулирующая власть не просто накладывается на предшествующего ее приложению субъекта, но она же и формирует его; более того, таким эффектом обладает любая юридическая форма власти. Во-вторых, становиться субъектом, к которому применяется регулирование, означает субъективироваться с помощью этой процедуры, то есть превращаться в субъект именно благодаря регуляции» [11]. Субъективация происходит под воздействием регулирования, т.е. обретение идентичности осуществляется в процессе соотнесения с системой нормативной регуляции. Локальная культура осознает себя как таковая только при столкновении с глобальным, тогда ею начинает осмысляться своя уникальность и самобытность.

Деконструкция и маргинальность, ключевые понятия философии Мишеля Фуко, достаточно удалены от «колониальной» темы, но постколониальная оптика позволяет рассматривать их как еще одно «особенное», оказавшее влияние на развитие «всеобщего: Во-первых, прием деконструкции, взятый у Ж. Деррида, был применен к образам и идентичностям, которые сопряжены с концептами нации, расы, Востока, Запада, империи и колонии. Во-вторых, введенный М. Фуко прием анализа институтов власти и систем подавления постколониальными исследователями транслируется в отношении господства и подчинения в культуре во множестве вариантов. Объяснительный потенциал приема Фуко позволил даже в периферийных культурах найти внутреннюю периферию. Внутренняя периферия в постколониальных исследованиях – это то, что вытесняется из современности как неактуальное. Механизмы такого вытеснения могут быть различны, от маргинализации и музеефикации до критики «цветным феминизмом» западного феминизма.

Постколониальные исследования изменяют восприятие концепции диалога культур в философии, истории и теории культуры. Используя постколониальную матрицу различений, мы не можем сказать, что диалог культур осмысляется как взаимодействие равных культур. Акцент переносится на наличие господства и подчинения и на трансформацию обеих культур в процессе взаимодействия. Граница культур становится не только местом самоопределения, но и пространством борьбы за свою идентичность.

Литература

1. *Разумов В.И.* Проблемы философии: прошлое, настоящее, будущее // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 40. С. 89–97.
2. *Библер В.С.* От наукоучения – к логике культуры: два философских введения в двадцать первый век. М. : Политиздат, 1990. 413 с.
3. *Шпенглер О.* Закат Европы : Очерки морфологии мировой истории. Т. 1: Гештальт и действительность / пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К.А. Свасьян. М. : Мысль, 1993. 663 с.
4. *Гегель Г.В.Ф.* Лекции по философии истории / пер. А.М. Водена. СПб. : Наука, 1993. 480 с.
5. *Библер В.С.* На гранях логики культуры : Книга избранных очерков. М. : Русское феноменологическое общество, 1997. 440 с.
6. *Spivak G.C.* Can the Subaltern Speak? // Colonial Discourse and Post-Colonial Theory: A Reader / P. Williams, L. Chrisman. New York : Columbia University Press, 1994. С. 66–111.

7. Баба Х. Диссеминация: время, повествование и края современной нации / пер. с англ. И. Борисовой // Синий диван. 2005. № 6. С. 68–118.
8. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. 4-е изд. М. : Сов. Россия, 1979. 320 с.
9. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. 2-е изд. М. : Худож. лит., 1990. 543 с.
10. Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб. : Русский Мир, 2016. 672 с.
11. Батлер Дж. Гендерное регулирование // Неприкосновенный запас. 2011. № 76. URL: <http://www.nlobooks.ru/node/2458> (дата обращения: 22.02.2018).

Svetlana N. Ovodova, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russian Federation).

E-mail: sn_ovodova@rambler.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 46. pp. 86–94.

DOI: 10.17223/1998863X/46/10

DIALOGUE OF CULTURES: EXPLANATORY POSSIBILITIES OF POSTCOLONIAL OPTICS IN THE PHILOSOPHY OF CULTURE

Keywords: culture; dialogue; global; local; postcolonial studies.

Postcolonial studies transform the theory of the dialogue of cultures in the philosophy of culture. The key concepts formulated by Mikhail Bakhtin and Vladimir Bibler (understanding the Other, being on the border of culture, polyphony, ambivalence) acquire a new reading. The understanding of the dialogue of cultures as the interaction of equivalent cultures is rejected. The emergence of postcolonial discourse in social and humanitarian sciences is associated with the fixation of the illusion of an equal dialogue. In postcolonial studies, the emphasis is shifted to peripheral practices of upholding the independence and identity of oppressed cultures; the existence of dominance and subordination in the communication is emphasized. Bakhtin and Bibler formulated a thesis that, in the dialogue, the logic of culture is formed and the culture realizes its own uniqueness. In postcolonial studies, this thesis is strengthened. It is recognized that culture needs to defend the right to its discourse. In postcolonial studies, the border of cultures as a space of cultural creativity is interpreted as a borderland where hybrid cultures are formed. To analyze the simultaneous existence of multiple discourses in the narrative of a hybrid culture, the author uses the concept of a polyphonic culture proposed by Bakhtin. The border of cultures is not only their division, but also the space of their intersection. A hybrid culture bears the imprint of cultures on the edges of which it was formed. A hybrid culture is a symbiosis of other people's meanings. The concept of hybrid culture allows not only to describe the special status of a culture that arose in the situation of a dialogue, but also to fix its ambivalent and polydiscursive character. The narration of a hybrid culture about one's self demonstrates the ambivalent mutual negation and mutual conditioning of a minimum of two discourses. The popularity of postcolonial discourse in social and humanitarian sciences leads to an extensive application of postcolonial methodology. Traces of imperial discourse, domination and subordination begins are searched for beyond colonial practices.

References

1. Razumov, V.I. (2017) Problems of philosophy: past, present, future. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 40. pp. 89–97. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/40/9
2. Bibler, V.S. (1990) *Ot naukoucheniya – k logike kul'tury: dva filosofskikh vvedeniya v dvadtsat' pervyy vek* [From science to the logic of culture: two philosophical introductions into the twenty-first century]. Moscow: Politizdat.
3. Spengler, O. (1993) *Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoy istorii* [The Decline of the West]. Vol. 1. Translated from German by K.A. Svasyan. Moscow: Mysl'.
4. Hegel, G.V.F. (1993) *Lektsii po filosofii istorii* [Lectures on the philosophy of history]. Translated from German by A.M. Vodena. St. Petersburg: Nauka.
5. Bibler, V.S. (1997) *Na granyakh logiki kul'tury. Kniga izbrannykh ocherkov* [On the verge of the logic of culture. Book of selected essays]. Moscow: Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo.
6. Spivak, G.C. (1994) Can the Subaltern Speak? In: Williams, P. & Chrisman, L. *Colonial Discourse and Post-Colonial Theory*. New York: Columbia University Press. pp. 66–111.

7. Baba, Kh. (2005) *DissemiNatsiya: vremya, povestvovanie i kraja sovremennoy natsii* [Dissemination: time, narration and the edges of the modern nation]. Translated from English by I. Borisova. *Siniy divan*. 6. pp. 68–118.

8. Bakhtin, M.M. (1979) *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's poetics]. 4th ed. Moscow: Sovetskaya Rossiya.

9. Bakhtin, M.M. (1990) *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Rennessansa* [Creativity of Francois Rabelais and folk culture of the Middle Ages and Renaissance]. 2nd ed. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

10. Said, E. (2016) *Orientalizm. Zapadnye kontseptsii Vostoka* [Orientalism. Western concepts of the East]. Translated from English by A.V. Govoruniv. St. Petersburg: Russkiy Mir.

11. Butler, J. (2011) *Gendernoe regulirovanie* [Gender regulation]. *Neprikosnovenny zapas*. 76. [Online] Available from: <http://www.nlobooks.ru/node/2458>. (Accessed: 22nd February 2018).

УДК 167.1.

DOI: 10.17223/1998863X/46/11

Л.А. Тухватулина

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ И ЭКСПЕРТНОЕ ЗНАНИЕ В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ: СЛУЧАЙ «ПРАВА И ЭКОНОМИКИ»¹

Анализируются некоторые аспекты формирования и развития междисциплинарных связей между правоведением и экономической наукой. Автор полагает, что внешним стимулом к формированию междисциплинарного направления «право и экономика» является высокая заинтересованность современного общества в выработке практикоориентированного (экспертного) социального знания, которое может быть использовано как средство политического реформирования. Автор полагает, что именно междисциплинарное взаимодействие является неперенным условием формирования такого рода знания.

Ключевые слова: междисциплинарность, экспертиза, право и экономика, социальная эпистемология, методологический империализм, политика.

Классическая формулировка Ф. Бэкона «scientia potentia est» до сих пор в наибольшей мере соответствует представлениям и ожиданиям в отношении естественных наук. В свою очередь, социально-преобразовательный потенциал знания об обществе в отечественном философском дискурсе обсуждается в основном в связи с проблемой социально-гуманитарной экспертизы технологических разработок в сфере *hard science*. Это обстоятельство указывает на то, что значение социогуманитарного знания зачастую сводится к выработке ценностных и мировоззренческих ориентиров собственно научного (по сути, естественно-научного) поиска. При этом функция социальных наук рассматривается как сугубо вспомогательная, в то время как их познавательные ресурсы как бы отходят на второй план. По-видимому, такое отношение сложилось вследствие того, что социальные науки в России во многом воспринимаются как та или иная версия предметно-специализированной социальной философии. Эта характеристика, как представляется, может быть справедливой по меньшей мере для тех теоретических областей постсоветской социальной науки, которые не являются полной калькой современных западных течений.

«Право и экономика»: предпосылки междисциплинарности

В этой связи особенно примечательно то, что западная социальная наука, при всем многообразии внутридисциплинарных исследований, все же ориентирована на предметную разработку практикоориентированного знания. В этом плане все большее внимание уделяется методологии междисциплинарного поиска. Ярким примером здесь выступает «право и экономика» – одно из наиболее успешных направлений в социальной науке, в рамках которого создана крепкая теоретическая платформа, позволяющая намечать ори-

---

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 17-29-09178 «Анализ языка и междисциплинарность».

ентиры и разрабатывать рекомендации в области социальной политики. Формирование «права и экономики» в качестве самостоятельной субдисциплины дает богатый материал для эпистемологической рефлексии. Одним из привлекательных для методологов обстоятельств является то, что в рамках этого направления взаимодействуют уже как минимум три области социального знания – экономика, юридическая наука и психология. Иными словами, это чистый (и до сих пор редкий) случай междисциплинарности в социальной науке, который, несмотря на весь свой эвристический потенциал, выявляет также и существенные риски. Прежде чем перейти к обсуждению специфики практикоориентированного (экспертного) знания в «праве и экономике», следует бегло рассмотреть некоторые особенности междисциплинарного статуса этого направления.

Как известно, проблема правомерности и эпистемологических оснований расширения сферы применения экономического анализа на протяжении долгого времени является одной из наиболее обсуждаемых. Суть дискуссий здесь может быть выражена вопросом о том, действительно ли социальная онтология может быть смоделирована на языке экономики. Позиции в обсуждении этого вопроса варьируют между оправданием «методологического экюменизма» [1] и разоблачением «методологического империализма»¹. Остроту этому спору добавляет то, что в последние годы благодаря усилиям сторонников «поведенческой экономики» и при активном участии психологов эрозии подверглась теоретическая основа классической версии «права и экономики» – теория рационального выбора. Своего рода политическим выражением победы «фрондеров» стало присуждение Нобелевской премии в 2017 г. Ричарду Талеру за исследования в области поведенческой экономики.

Наблюдаемая трансформация экономической теории еще более обостряет проблему оснований междисциплинарного диалога для правоведения. Формирование союза с экономикой в классической версии «права и экономики» мотивировалось именно тем, что экономика предложила теорию рационального выбора как способ моделирования человеческого поведения и тем самым решила (по меньшей мере закрыла) для правоведов проблему «доступа к субъекту» [3]. Ключевой философской предпосылкой этого союза стало допущение того, что теория рационального выбора предлагает единый для права и экономики язык описания общества. Суть универсального подхода, по мнению одного из родоначальников «права и экономики», нобелевского лауреата Гэри Беккера, сводится к «совокупности допущений о максимизирующем поведении, рыночном равновесии, устойчивости предпочтений, используемой неуклонно и повсеместно» [4. Р. 4]. При этом другой американский экономист, Джек Хиршлейфер, отмечает, что «именно такое понимание оснований экономической методологии до сих пор способствовало ее проникновению на дисциплинарное поле других социальных наук. Однако нельзя не отметить, что подобного рода экспансионизм имеет и значимые эпистемологические преимущества: «именно аналитический аппарат науки экономики (такие понятия, как «дефицит», «издержки», «предпочтения», «возможности» и проч.) подкрепляет ее «империалистские» притязания.

---

¹ «Экономическим империализмом» называют «настойчивое стремление расширить сферу применения теории рационального выбора в предметном поле смежных с экономикой социальных дисциплин» [2. Р. 238].

Здесь важнее всего структурная композиция этих понятий, позволяющая сочетать различные, но взаимосоотнесенные уровни анализа – индивидуальный и социальный. Экономика в действительности предлагает универсальную грамматику социального анализа» [5. Р. 53].

Стоит отметить, что этот эпистемологический ресурс науки экономики был позитивно воспринят некоторыми правоведами (до сих пор преимущественно американскими), что позволило «праву и экономике» стать едва ли не универсальной программой, необходимой для решения широкого спектра собственно юридических задач – как сугубо прикладных (прогнозирование конкретных судебных решений), так и философско-правовых (разработка новых эффективных моделей правопонимания и правоприменения) [3]. Обобщая всю совокупность аргументов, можно сказать, что основным стимулом к интеграции с экономикой стала возможность преодоления «нормативной слепоты» правовой теории – обретения научного языка, способного фиксировать *реалии* ценностных предпочтений и значимых факторов мотивации социальных действий. Кроме того, экономический анализ предлагает наилучшее для юристов объяснение¹ социальных отношений и выступает предпочтительной альтернативой психологическому подходу². Ожидаемым следствием применения этого подхода видится большая эффективность правового регулирования, а также возможность правовой коррекции стимулов экономического поведения. К слову, правоведа – сторонники «права и экономики» само предназначение права видят как раз в «изменении стимулов» (*altering incentives*) поведения [7]. А потому в их понимании союз с экономикой оказывается ограничен задачам науки о праве.

Междисциплинарный поворот в науке о праве: трудности в обосновании

В этой связи нельзя не отметить, что междисциплинарный поворот в науке о праве знаменует новую веху в развитии этой дисциплины. Дело в том, что западное правоведение на протяжении долгого времени рьяно отстаивало принципы дисциплинарного суверенитета. Не случайно магистральным течением западного правоведения в XX в. оставался юридический позитивизм, в рамках которого идея самостоятельности науки о праве нашла развитие в разработке герметичного метода толкования правовых норм (большая заслуга здесь принадлежит Г. Кельзену). Поэтому неудивительно, что сохранение позиций юридического позитивизма требовало подтверждения обоснованности междисциплинарного поворота. В этой связи особенно любопытна статья классика «права и экономики» судьи Ричарда Познера, в которой он последовательно обосновывает нетривиальную идею о том, что междисциплинарное направление в целом соответствует принципам позитивистского анализа права [8]. И коль скоро юридический позитивизм считается правовой теорией *par excellence*, «право и экономику» также следует при-

---

¹ В той мере, в какой объяснение понимается как реконструкция «каузальной истории» (*causal history*) того или иного события [6].

² Мера адекватности здесь определяется познавательными установками исследователя: для правоведа предпочтительно объяснить рост преступности через связь с ростом безработицы – этого требует общий характер правоведческого анализа. Для психолога больший интерес может представлять осмысление индивидуальных биографий преступников.

знать полноценным направлением в правоведении, а отнюдь не выражением «колониальной политики» науки экономики.

Следуя этим путем, американский правовед Р. Познер отстаивает позицию о соответствии идеи экономического анализа права духу «чистого учения о праве» Г. Кельзена¹. Его тезис таков: совокупность правовых норм главным образом «распределяет полномочия» в решении правовых вопросов. При этом сама суть выносимых решений во многом зависит от судебской интерпретации норм, а она, в свою очередь, может быть мотивирована в том числе и принципом экономической целесообразности. Так, «...поскольку судья занимается, по сути, правотворчеством в ходе уточнения конкретных норм, его не должно смущать привнесение экономического в содержание новой нормы. Он может ошибиться, но он не окажется вне закона (he is not being lawless)» [8. P. 123]. Здесь стоит отметить, что при всем интеллектуальном изяществе этих аргументов они противоречат ключевому положению концепции Кельзена.

Стремясь обосновать преемственность между «чистым учением о праве» Г. Кельзена и «правом и экономикой», Р. Познер как будто игнорирует ключевую идею этого автора – утвердить дисциплинарную самостоятельность науки о праве на базе «чистого» метода интерпретации правовых норм. В соответствии с этим требованием юридическое толкование должно быть подчинено имманентным самому праву строго формализованным принципам – только такой подход позволяет обеспечить желанное единство применения правовых установлений. Правовед не может руководствоваться внеюридическими соображениями (скажем, интересами политической или экономической целесообразности), если этого напрямую не требует буква закона. Эпистемологическим выражением этой установки было, в частности, требование строгого разведения науки о праве и социологии права [9. P. 14] – стоит ли говорить о том, насколько чужда духу «чистого учения» установка на междисциплинарность?

И все же именно уязвимость аналогии, предложенной Р. Познером, позволяет предположить, что поиск позитивистских истоков в «праве и экономике» стимулировался стремлением предложить еще один весомый аргумент в пользу легитимности междисциплинарного поворота. Не случайно им демонстрируется методологическое соответствие исходных установок «права и экономики» общей позитивистской направленности науки о праве XX в. С учетом этого аргумент американского юриста можно считать скорее «политическим ходом», чем эпистемологической новацией. При этом создается впечатление, что Р. Познер выступает в качестве своего рода «дипломата-мироотворца», заверяющего противоположную сторону в соблюдении ее интересов, а вовсе не радикального «революционера», порывающего с традицией. Подобная мироотворческая установка обеспечивала достаточно сильную позицию в деле легитимации и «популяризации» нового направления среди весьма консервативного сообщества европейских правоведов. Во многом благодаря ей создалась ситуация, позволившая «праву и экономике» со временем закрепиться и в континентальной Европе. Кроме того, переориентация

---

¹ Заметим, что Г. Кельзена традиционно считают основоположником формального нормативизма в правоведении, однако это направление можно считать одной из разновидностей юридического позитивизма.

сторонников позитивизма демонстрировала, что смена доминирующих направлений в социальных науках не требует взаимной аннигиляции методологических оснований. Напротив, условием завоевания авторитета оказывается неперемнная отсылка к классикам, стремление обосновать собственную легитимность посредством демонстрации теоретической преемственности. В нашем же случае установка на верность традиции показывает, что междисциплинарный диалог выстраивается на паритетных началах и направляется не в последнюю очередь интересами самой науки о праве.

Экспертное знание и политическое реформирование

Несмотря на все перипетии, связанные с обоснованием этого союза, «право и экономика» достигло той фазы дисциплинарной институционализации, которая предполагает артикуляцию знания «вовне», разработку экспертных рекомендаций по социально-политическому реформированию. Ситуации, которые подлежат экспертному рассмотрению, главным образом бывают связаны с поиском оптимального способа размещения и использования общественных ресурсов. При этом наиболее существенно, что вопрос о распределении значимого ресурса не может быть разрешен чисто рыночным способом (сообразно готовности того или иного персонажа платить за такой ресурс), поскольку жесткая логика рынка нередко вступает в противоречие с устоявшимися общественными представлениями о благе и справедливости. А потому вопросы о регуляции такого рода распределения уже не могут решаться в границах чисто экономического подхода. Зачастую от их разрешения зависит сохранение легитимности существующих социальных институтов и, как следствие, поддержание консенсуса в обществе. Эти функции обеспечивает преимущественно система права – именно поэтому оказывается необходимым союз между экономистами и юристами.

Отсюда следует, что междисциплинарная кооперация становится неперменным условием усиления социально-преобразовательного потенциала научного знания. Теоретическая программа «права и экономики» сегодня применяется к анализу широчайшего круга проблем – от маркетинговых технологий до защиты природы. Универсалистские притязания этого междисциплинарного направления выражаются в том числе и в выработке рекомендаций (которые зачастую предстают едва ли не пошаговыми инструкциями) по политическому реформированию. В качестве примера хотелось бы привести два любопытных кейса о наиболее оптимальных моделях регуляции рынков наркотиков и донорских органов, описанных в книге экономиста Дж. Лейцеля «Принципы права и экономики: руководство для любознательных» [10]. Автор отмечает, что каждый из этих рынков отличают чрезвычайно высокий спрос и катастрофическая нехватка предложения. Последняя в известной мере обусловлена запретительным государственным регулированием¹. Это, в свою очередь, стимулирует экспансию «черных рынков» в этой области. Последствия, к которым приводит неэффективное управление в этих сферах, оплачиваются налогоплательщиками – здесь стоит вспомнить о тюрьмах, которые переполнены осужденными за хранение незначительных

---

¹ В книге речь идет о США, но данная проблема актуальна также для России и других стран.

доз опиатов¹, а также о системе здравоохранения, которая расходует колоссальные средства на поддержание пациентов, годами ожидающих пересадки донорских органов.

В качестве одного из перспективных путей борьбы с подпольным рынком донорских органов рассматривается стимулирование людей к принятию решения о добровольном посмертном донорстве. Это решение может поощряться разными способами – позитивными и негативными (радикально-негативный практикуется в Сингапуре, где люди, отказавшиеся стать донорами, автоматически попадают в конец очереди в том случае, если пересадка потребуется им самим). Важной мерой здесь может стать введение «правила по умолчанию», согласно которому государство обязывает граждан принять конкретное решение о донорстве органов в случае своей внезапной смерти. Такое решение может стать, например, обязательным условием получения водительских прав. Наряду с этим подобный регламент предусматривает возможность изменения решения в течение жизни. При этом важным его преимуществом оказывается то, что «правило по умолчанию» позволяет разрешить дискуссии об этической допустимости принятия решения за умершего родственника, а также создать единый реестр потенциальных доноров. Помимо прочего, «правило по умолчанию» призвано компенсировать «моральные страдания», сопряженные с болезненной темой собственной смерти. Однако же с точки зрения «права и экономики» преобладающие здесь поведенческие установки все же большей частью иррациональны – люди предпочитают попросту не принимать никаких решений и сохранить *status quo*, надеясь, что их эта проблема не затронет [11].

Характерно, что того же рода иррациональность является одним из главных зол и на рынке наркопотребления – ведь чем, как не желанием сиюминутного удовольствия и игнорированием отдаленных следствий, можно объяснить растущий спрос на наркотики? Как раз с позиций «права и экономики» подобного рода иррациональность отнюдь не воспринимается как случайное отклонение – в отличие от идеальной модели экономической рациональности, опирающейся на базовое эпистемологическое допущение неинституциональной экономической теории. Напротив, иррациональность индивида, принимающего экономические решения, отныне считается едва ли не нормой, а исследовательской задачей становится всестороннее рассмотрение его реальных мотивов – что открывает возможность прогнозирования наиболее вероятных исходов [12]. Именно поэтому в случае с рынком наркотиков речь, главным образом, ведется о том, как локализовать и направить иррациональный выбор таким образом, чтобы минимизировать последующий ущерб. Негативный эффект от такого рода иррациональности, полагает Лейцель, нельзя нейтрализовать иначе, как декриминализацией потребления наряду с оформлением государственных лицензий, предполагающих специальную медицинскую страховку, а также обязательное прохождение образовательного курса, который позволит потребителю получить полную и максимально адекватную информацию о вероятных рисках. Очевидно, что эта

---

¹ По подсчетам экономистов, общество терпит в целом большие убытки от содержания таких людей в тюрьмах, чем от последствий потребления ими наркотических средств. Кроме того, помимо материальных издержек, нельзя не учитывать негативного влияния криминогенной среды в тюрьмах, которая препятствует реализации задач исправительной системы.

либертарианская по своей сути идея является крайне уязвимой с этической точки зрения, а потому едва ли вызовет всеобщее одобрение. Соображения экономической целесообразности здесь вступают в конфликт со сложившимся стереотипом о преступном (а в глазах многих греховном) характере наркопотребления и необходимости борьбы за его тотальное искоренение. Тем не менее, несмотря на сильные моральные позиции борцов с наркотиками, экономическая максима «спрос рождает предложение» точнее характеризует реальное положение дел, обозначая перспективу регулирования столь специфического спроса через преобразования в сфере предложения. Кроме того, скепсис в отношении такой модели реформы несколько умеряется дополнительным преимуществом, поскольку она еще предлагает разумное решение проблемы потребления суррогатов.

Приведенные примеры показывают, что установки «права и экономики» позволяют заниматься разработкой экономически целесообразных решений наиболее острых и дискуссионных общественных проблем. Принципиальная неразрешимость этических дискуссий здесь снимается переводом рассмотрения проблемы в плоскость экономического анализа. Более того, из приведенных выше примеров видно, что предлагаемые решения подаются едва ли не в форме инструкций, готовых рецептов, которые осталось лишь облечь в правовую форму, чтобы добиться желаемого результата. Заметим, что рецептурность экспертного знания, по мнению многих исследователей, является его неотъемлемой чертой. Как полагают известные социологи Г. Коллинз и Р. Эванс, «...потребителей научного знания, в отличие от его производителей, не интересует свойственный этому знанию элемент неопределенности» [13. С. 246]. Кроме того, «решения, затрагивающие публичные интересы, должны быть приняты в строго установленное заказчиком время. А значит, это должно произойти еще до того, как осядет пыль от научных дискуссий, поскольку динамика политической повестки значительно выше скорости достижения научного консенсуса» [13. Р. 241]. Это обстоятельство позволяет заключить, что в режиме тесного взаимодействия со сферой политики наука оказывается в своеобразной ловушке. Ученые более не располагают достаточным временем для проверки своих гипотез, а их выводы, обретая «рецептурную» форму, высвобождаются от эпистемологически значимых ограничений. А потому экспертное знание уже не удовлетворяет в полной мере статусу научного, что тем не менее не мешает ему использовать признанный за наукой статус «фабрики истин». В случае с социальными науками обретенная таким образом легитимность может использоваться еще и в качестве политического ресурса, способствующего продвижению тех или иных властных решений.

Можно полагать, что, несмотря на указанные особенности, заинтересованность «информационного общества» в компетентной экспертизе, по-видимому, будет только возрастать. В этой связи стимулом к развитию междисциплинарных связей (прежде всего в социальных науках) становится именно общественный запрос на знание, способное обозначить перспективное направление политических реформ. При этом синтетический характер знания, получаемого в ходе междисциплинарного взаимодействия, по-видимому, призван отчасти компенсировать недостатки присущей ему рецептурной формы, выводящей его за рамки строго научного дискурса. Таким образом, проблемы развития междисциплинарности и разработки экспертно-

го знания могут быть прояснены при условии их рассмотрения во взаимосвязи. Как представляется, такого рода рассмотрение открывает большие исследовательские перспективы в сфере социальной эпистемологии.

Литература

1. *Jackson F., Pettit P.* Program Explanation: A General Perspective // *Analysis*. 1990. Vol. 50, № 2. P. 107–117.
2. *Mäki U.* Explanatory Ecumenism and Economics Imperialism // *Economics and Philosophy*. 2002. Vol. 17, iss. 2. P. 235–257.
3. *Калабреззи Г.* Будущее права и экономики : Очерки о реформе и размышления / пер. с англ. И.В. Кушнareвой; под науч. ред. М.И. Одинцовой. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2016. 304 с.
4. *Becker G.* The Economic Approach to Human Behavior. Chicago : University of Chicago Press., 1976. 314 p.
5. *Hirschleifer J.* The Expanding Domain of Economics // *The American Economic Review*. 1985. Vol. 75, № 6. P. 53–68.
6. *Jackson F., Pettit, P.* Structural Explanation in Social Theory // *Reduction, Explanation, and Realism* / ed. by D. Charles, K. Lennon. Oxford : Clarendon Press, 1992. P. 97–131.
7. *Posner R.* The Economic Approach to Law // *Texas Law Review*. 1975. Vol. 757. P. 757–782.
8. *Posner R.* Kelsen, Hayek, and the economic analysis of law. 2001. URL: <http://users.ugent.be/~bdpoorte/EALE/posner-lecture.pdf> (дата обращения: 17.05.2016).
9. *Kelsen H.* Introduction to the Problems of Legal Theory. Oxford : Clarendon Press, 1992. 216 p.
10. *Лейцель Дж.* Принципы права и экономики : руководство для любознательных / пер. с англ. И.В. Кушнareвой; под науч. ред. М.И. Одинцовой. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2017. 416 с.
11. *Sunstein C.R.* Deciding by Default // *Sunstein, C.R.* Choosing not to Choose. Understanding the Value of Choice. New York : Oxford University Press, 2015. P. 25–52.
12. *Jolls C., Sunstein C.R., Thaler R.* A Behavioral Approach to Law and Economics // *Stanford Law Review*. 1998. Vol. 50. P. 1471–1550.
13. *Collins H.M., Evans R.* The Third Wave of Science Studies: Studies of Expertise and Experience // *Social Studies of Science*. 2002. Vol. 32, № 2. P. 235–296.

Liana A. Tukhvatulina, Institute of Philosophy, RAS (Moscow, Russian Federation).

E-mail: spero-meliora@bk.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 46. pp. 95–103.

DOI: 10.17223/1998863X/46/11

INTERDISCIPLINARITY AND EXPERT KNOWLEDGE: A CASE OF “LAW AND ECONOMICS”

Keywords: interdisciplinarity; expert knowledge; law and economics; social epistemology; methodological imperialism; politics.

The author discusses some aspects of interdisciplinary cooperation between law and economics. She argues that this cooperation has its own social purpose to develop an expert knowledge which is to be used as a source for political reforming. The author claims that interdisciplinarity in social sciences should be considered as an essential condition for the development of this sort of knowledge. She analyzes some epistemological issues of interdisciplinary collaboration in law and economics, namely, whether it should be considered as a bilateral dialogue or as an attempt of methodological invasion of economics into the field of law. In this respect, the author discusses some arguments provided by the supporters of so-called “methodological ecumenism” and “methodological imperialism”. She argues that the expansion of the domain of economics should be understood as an attempt to create a unified social ontology. In this respect, she discusses the ideas of Gary Becker and Jack Hirschleifer who advocated the principle that “the social universe is written in the language of economics”. The author also considers the arguments by Richard Posner in support of a bilateral dialogue between economics and law. It is shown that Posner aimed to find epistemological links between “law and economics” and legal positivism. These links were supposed to prove the unconventional idea that cooperation with economics corresponds to the principles of legal positivism (namely, with the “pure theory of law” by Hans Kelsen). The author shows that Posner’s idea is built upon a misunderstanding of “pure theory”,

particularly, of the strict separation of sociology of law and “pure theory”. That is why the author assumes that Posner provided his arguments only for political (not epistemological) purpose (for “law and economics” legitimization). Despite the regular theoretical debates on the foundations of “law and economics”, this direction has already succeeded in the domain of expert knowledge. The author discusses two cases devoted to the problems of opiate and transplantation market regulation. The author considers these cases within the frame of expert knowledge which is to be used as a basis for political decisions. The author considers the specifics of expert knowledge in accordance with the ideas of Harry Collins and Robert Evans. She claims that expert knowledge in social sciences tends to be used as a guide for political reform – that is why it is supposed to be free from some relevant epistemological restrictions. In this respect, it seems to be reasonable to consider the issues of interdisciplinary cooperation in correspondence with the issues of expert knowledge.

References

1. Jackson, F. & Pettit, P. (1990) Program Explanation: A General Perspective. *Analysis*. 50(2). pp. 107–117. DOI: 10.1093/analys/50.2.107
2. Mäki, U. (2002) Explanatory Ecumenism and Economics Imperialism. *Economics and Philosophy*. 17(2). pp. 235–257.
3. Calabresi, G. (2016) *Budushchee prava i ekonomiki. Ocherki o reforme i razmyshleniya* [The Future of Law and Economics. Essays in Reform and Recollection]. Translated from English by I.V. Kushnareva. Moscow: Gaidara Institute.
4. Becker, G. (1976) *The Economic Approach to Human Behavior*. Chicago: University of Chicago Press.
5. Hirschleifer, J. (1985) The Expanding Domain of Economics. *The American Economic Review*. 75(6). pp. 53–68.
6. Jackson, F. & Pettit, P. (1992) Structural Explanation in Social Theory. In: Charles, D. & Lennon, K. (eds) *Reduction, Explanation, and Realism*. Oxford: Clarendon Press. pp. 97–131.
7. Posner, R. (1975) The Economic Approach to Law. *Texas Law Review*. 757. pp. 757–782.
8. Posner, R. (2001) *Kelsen, Hayek, and the economic analysis of law*. [Online] Available from: <http://users.ugent.be/~bdpoorte/EALE/posner-lecture.pdf>. (Accessed: 17th May 2016)
9. Kelsen, H. (1992) *Introduction to the Problems of Legal Theory*. Oxford: Clarendon Press.
10. Leitzel, J. (2017) *Printsipy prava i ekonomiki: rukovodstvo dlya lyuboznatel'nykh* [Concepts in Law and Economics: A Guide for the Curious]. Moscow: Gaidara Institute.
11. Sunstein, C.R. (2015) Deciding by Default. In: Sunstein, C.R. *Choosing not to Choose. Understanding the Value of Choice*. New York: Oxford University Press. pp. 25–52.
12. Jolls, C., Sunstein, C.R. & Thaler, R. (1998) A Behavioral Approach to Law and Economics. *Stanford Law Review*. 50(1471). pp. 1471–1550. DOI: 10.2307/1229304
13. Collins, H.M. & Evans, R. (2002) The Third Wave of Science Studies: Studies of Expertise and Experience. *Social Studies of Science*. 32(2). pp. 235–296. DOI: 10.1177/0306312702032002003

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 17.01+17.02

DOI: 10.17223/1998863X/46/12

Р.Г. Апресян

ДВЕ ВЕРСИИ ПРИНЦИПА УНИВЕРСАЛИЗАЦИИ В МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ И. КАНТА¹

Решение вопроса о соотношении двух версий принципа универсализации Канта – формулы универсального закона и формулы закона природы – в контексте его учения о категорическом императиве зависит от понимания значения кантовской аналогии между нравственным законом и законом природы, внутренней смысловой связи между формальными и содержательными характеристиками категорического императива и места телеологического компонента в моральной философии Канта.

Ключевые слова: И. Кант, категорический императив, принцип универсализации, формула всеобщего закона, формула закона природы.

Принципом универсализации принято называть первый практический принцип категорического императива Иммануила Канта. Кант считал категорический императив, в частности его первый практический принцип, фундаментальным критерием разделения недопустимого и достойного в морали. Критерий универсальности был для Канта ключевым и в определении морали как таковой, в утверждении ее отличия от других форм императивности – тех, что выражены в гипотетических императивах умения и благоразумия.

Принцип универсальности дается Кантом в двух основных версиях. Первая гласит: «Поступай только по такой максиме, относительно которой ты в то же время можешь желать, чтобы она стала всеобщим законом» [1. С. 143]. Действия, совершенные по всеобщему закону, составляют, по Канту, порядок, который он называет *природой*. Такое понимание природы Кант выражает не только в связи категорическим императивом; оно проводилось и в «Критике чистого разума», причем по разным поводам и в несколько более широком виде. «Под природой... – отмечает Кант, – мы разумеем связь явлений с точки зрения их бытия и по необходимым правилам, т.е. по законам» ([2. С. 355]; ср. [Там же. С. 242–243]). Кант подчеркивает, что это эмпирическое понимание природы, и оно предполагает наличие неких «первоначальных законов, лишь благодаря которым становится возможным сам опыт» [Там же. С. 355]. Имея в виду такое понимание природы, Кант модифицирует формулу принципа универсальности следующим образом: «Поступай так, как если бы максима твоего поведения по твоей воле должна была стать всеоб-

---

¹ Статья подготовлена в рамках проектного исследования «Феномен универсальности в морали», осуществляемого при финансовой поддержке Российского научного фонда, грант № 18-18-00068. The paper has been developed within a project research «The Phenomenon of Moral Universality», supported by the Russian Science Foundation, project № 18-18-00068.

шим законом природы» [1. С. 145]. Вопрос, который здесь встает, касается того, как с этой законосообразной связью явлений соотносится нравственность и как с законом природы соотносится нравственный закон.

Первая версия принципа универсальности представляет важную характеристику категорического императива, который требует, чтобы максима поступка была сообразна с всеобщим законом. На основе кантовского разъяснения в одном из примечаний во втором разделе «Основоположений» мы знаем, что максима – это субъективный принцип действия, практическое правило, которому человек как разумное существо подчиняет свое действие в соответствии с конкретными условиями его совершения, причем чаще всего, как говорит Кант, при недостатке осведомленности и под влиянием склонностей. В отличие от максимы, закон не ограничен никаким условием. В этом смысле он универсален. Категорический императив вменяет подчинение максимы универсальному закону.

К тому моменту рассуждения, где Кант вводит формулы принципа универсализации, он уже не раз имел возможность проговорить, что содержание нравственного закона изначально дано обыденному моральному разуму и в этом смысле известно ему, что оно известно еще и в силу того, что нравственный закон безусловен. Тем не менее при формулировании категорического императива Кант эксплицирует его содержание минимальным образом – пока оно выражается в негативной осведомленности о законе: «...никакого условия, которым он был бы ограничен» [Там же. С. 143]. Формулой закона природы Кант задает возможность корреляции максимы с универсальным законом как выражением существующего порядка вещей (т.е. природы в указанном выше особенном смысле), частью которого человек готов себя вообразить. В наиболее ясной форме это проговаривается Кантом в «Критике практического разума». Там же Кант отдельно признает наличие когнитивных препятствий. Они связаны с применением сверхчувственных моральных идей к возможным действиям, осуществляемым в чувственно воспринимаемом мире: «Закон свободы должен быть применен к поступкам как к событиям, которые происходят в чувственно воспринимаемом мире и постольку, следовательно, принадлежат к природе» [3. С. 455]. Трудности такого рода Кант полагает преодолеть с помощью условного, символически-репрезентативного или, по его словам, «типového» применения схемы закона природы (который представляет естественную причинность) к закону свободы. Это применение возможно в условиях мысленного эксперимента и на основе способности воображения. Посредством ее моральный субъект подвергает максимы проверке на универсальность и тем самым испытывает свои действия с точки зрения их морального достоинства (см.: [4]). Эта аналогия и отражена в различии между формулой всеобщего закона и формулой закона природы.

В кантоведении две версии принципа универсализации воспринимаются и обозначаются по-разному. Их наиболее сильное номинативное различие прослеживается в именовании первой версии «формулой универсального закона», а второй – «формулой закона природы» (см.: [5. Р. XX, 17, 78–87]).

Говоря о различии этих формул, следует прежде всего отметить, что в их *русском переводе* установка морального агента относительно его максимы в отношении к закону предстает различной: в первой формуле речь идет о же-

лании агента (а в русском слове «желание» слышатся субъективность и произвольность), а во второй – о его воле (в русском слове «воля» слышатся субъектность и осмысленность). Между тем в оригинале никаких подспудных коннотаций такого рода нет: в первой формуле Кант говорит о волеии (*wollen*) агента, во второй – о действии его воли (*Willen*). Трудно сказать, чем руководствовался Кант, описывая в разных словах установку морального агента по поводу отношения его максимы к закону, но по существу в первой и второй формулах первого практического принципа об этой установке говорится одно и то же. Также стоит добавить, что слово «должна» во второй формулировке не несет никакой морально-нормативной нагрузки, естественно ожидаемой от слова такого рода в трактате по моральной философии; оно – элемент той грамматической структуры, посредством которой передается в данном предложении сослагательное наклонение. В этой части смысл второй формулировки таков же, что у первой: «Поступай так, чтобы максима твоего поведения по твоей воле стала бы всеобщим законом природы».

Важный момент в различии этих версий касается модуляции, которую претерпела наиболее существенная ее часть: слова «всеобщий закон» в первой версии заменены словами «всеобщий закон природы» во второй. Обусловленное этой модуляцией изменение в содержании принципа универсализации отнюдь не очевидно. Из того, что говорит по поводу этих версий Кант, не ясно, в чем заключается субстанциональная и функциональная разница между «всеобщим законом» и «всеобщим законом природы». Иными словами, не ясно, что представляет собой категорический императив в качестве *всеобщего закона*, а что – в качестве *всеобщего закона природы*, чем соотношение моральным агентом максимы своего поступка с всеобщим законом отличается от соотнесения с всеобщим законом природы и каково различие эффектов этих соотнесений для индивидуальных решений и действий.

В современном отечественном кантоведении наличие двух версий принципа универсализации непременно отмечается, но не все авторы придают этому различию теоретическое значение. Так, А.П. Скрипник рассматривает формулу закона природы как частный и не имеющий самостоятельного содержания случай универсального закона. По его мнению, в движении от формулы универсального закона к формуле закона природы нет логической необходимости [6. С. 41–42], и второй версией принципа универсализации Кант указал всего лишь на некую аналогию между нравственностью и природой, что подтверждается использованием Кантом сослагательного наклонения в формулировке второй версии. Эта аналогия опирается на совпадение таких присущих нравственному закону и законам природы характеристик, как необходимость и общезначимость. Исходя из разделявшегося им в период работы над книгой понимания морали, Скрипник усмотрел за второй версией принципа универсализации представление Канта о двойственности морали, о дуализме сущего и должного. Но это не дало ему оснований для вывода о наличии динамики в содержании принципа универсализации, и обе версии этого принципа рассматривались им как равнозначные с точки зрения содержания категорического императива.

Если А.П. Скрипник стремится в процессе анализа категорического императива выстроить позитивную концепцию морали, то Э.Ю. Соловьев анализирует учение Канта о категорическом императиве как прочную основу

всего нормативного пространства, в котором социально-нормативная компонента оказывается едва ли не доминирующей. Ключевым в трактовке Соловьевым категорического императива можно считать замечание, данное в пояснение первого принципа: «Испытание максим на универсализируемость – это проверка их на *законодательную, общественно-устроительную состоятельность*. Под миром, созидателем которого человек должен себя вообразить, Кант всегда и прежде всего разумеет *общежитие*, или самими людьми учреждаемый *морально-политический порядок*» [7. С. 76]. Такой подход к трактовке первого принципа, кажется, открывает перспективу для его разъяснения как в первой, так и второй формулировке, тем более что усмотрение в процедуре испытания максим на универсализацию выхода человека на идею общежития, общеразделяемого морально-политического порядка как будто напрямую коррелирует с тем, известным уже нам, специфическим пониманием природы как связи поступков, совершенных по всеобщему закону. Однако Соловьев не ассоциирует каким-либо образом это свое разъяснение принципа универсализации со второй его версией – формулой закона природы. Более того, можно сказать, что вторая версия не становится для автора предметом специального внимания, и это, по-видимому, стало следствием ее восприятия всего лишь как «короллария», или «метафизического парафраза» первой версии [Там же. С. 71–72].

Стоит отметить, что Соловьев принимает кантоведческую традицию различения «сильной» и «слабой» версий принципа универсализации. Однако если «сильная» версия однозначно соотносится со «стандартной», как говорит Соловьев, формулой категорического императива – формулой всеобщего закона, то коррелят «слабой» версии принципа универсализации остается расплывчатым. В связи с ней всплывает одна из вариаций «формулы закона природы»: «С некоторыми действиями дело обстоит таким образом, что их максима без противоречия никогда не может быть даже помышлена как всеобщий закон природы; еще менее возможно желать, чтобы она должна была стать таковым» (в отличие от книги Соловьева цит. по [1. С. 153]). А наряду с ней и принцип человечности, или человечества как цели самой по себе, что еще и подтверждается дополнительно: «Вторая формула категорического императива корреспондирует со слабой версией универсализации максим...» [7. С. 86]. Расширение проблематики универсализации за рамки собственно первого принципа вполне в духе кантовского учения о категорическом императиве. А в перспективе комплексного понимания проблемы моральной универсальности оно представляет и более широкий философско-этический интерес.

Две версии принципа универсализации стали предметом подробного анализа А.К. Судакова, проведенного им в ходе скрупулезной и, насколько возможно, аутентичной реконструкции кантовской морально-философской мысли. В фокусе его внимания – рассуждения Канта, связанные с каждой версией принципа, их интенции, подоплеку и смысловые нюансы. Достаточно сказать, что рассмотрению каждой версии автор посвящает отдельный параграф в своей книге [8. С. 35–39, 39–49]. При этом и как исследователь, и как автор Судаков стремится сохранить себя в рамках предполагаемой им у Канта логики, всецело ей доверяясь. Это удается ему наилучшим для принятого им намерения образом, вплоть до того, что он обнаруживает нарушения

этой логики у самого Канта. Обе версии принципа универсализации направлены на решение одного из центральных для кантовской моральной философии вопроса: как возможна максима индивидуального действия в качестве принципа безусловного долженствования. Этот вопрос, выступающий в такой форме изнутри принципа универсализации, является оборотной стороной более общего вопроса о том, как возможен категорический императив.

В рассмотрении формулы универсального закона Судаков постоянно имеет в виду глубокую внутреннюю связность этих вопросов, причем настолько, что прояснение первого (как возможна универсализация субъективной максимы) проводится им в форме разъяснения относительно второго (как возможен категорический императив). В формуле универсального закона Судаков видит продолжение проведенного Кантом критического сопоставления категорического императива с гипотетическими императивами, продемонстрировавшего безусловный характер нравственного долженствования, который означает, что понимание безусловности долженствования на практике предшествует какому-либо опыту и, наоборот, любые установки по отношению к действительному опыту (иными словами, любые максимы индивидуального действия) изначально обусловлены (должны быть обусловлены) всеобщим законом. Таким образом, формула всеобщего закона принципа универсализации говорит не о процедуре универсализации избранной индивидуумом максимы, а о непреложном способе образования или избрания максимы: максима должна приниматься как такая, которая может стать универсальным законом.

Судаков уверен, что сам Кант был убежден в эквивалентности обеих версий первого принципа категорического императива. Но если это так, то требует объяснения, почему Канту понадобился переход от одной формулировки к другой? Причем вторая, ориентирующая на всеобщий закон природы, предстала у Канта столь важной, что последующий анализ иллюстраций процедуры универсализации максим в соответствии с разного рода обязанностями, осуществленный вслед за введением двух версий принципа универсализации, Кант проводит, исходя именно из формулы всеобщего закона природы. Задавшись вопросом о том, «каково преимущество второй формулировки перед первой», «что она добавляет» [8. С. 41] и «что действительно вносит в этическую норму понятие природы» [Там же. С. 45], Судаков обращается к разбору более широкого доктринального контекста понятия природы у Канта и показывает, что благодаря приобретению нравственным законом, мыслимым по аналогии с законом природы, некоего коррелята в опыте действия в чувственном мире, в этику вводится представление об объективной значимости закона, а через понятие закона природы в представление о законе вводится телеологический элемент. Тем не менее, по твердому убеждению Судакова, «в чистой этике Канта» у формулы закона природы нет никакого обоснованного места. Не видя значения второй версии принципа универсальности в рамках самого учения Канта, Судаков не берется судить о ее значении в более широком морально-философском или этико-нормативном контекстах и о ее возможных позитивно-теоретических эффектах для понимания универсальности моральных форм и различия подходов к проблематизации этого феномена.

Каждое из указанных исследований отечественных кантоведов, несомненно, заслуживает самого серьезного внимания, однако следует признать,

что вопрос о теоретической и нормативной *динамике* принципа универсализации в переходе от формулы универсального закона к формуле закона природы остался в них, по существу, незатронутым.

Концептуально интересное видение принципа универсализации в целостном контексте учения о категорическом императиве предлагает Аллен Вуд. Характеризуя различие двух формул первого практического принципа, Вуд обращает внимание на разный характер необходимости, предполагаемой универсальным законом и универсальным законом природы. Необходимость универсального закона носит нормативный характер: мы должны ему следовать как рациональные агенты. Универсальный закон представляет собой «нормативный принцип». Вопрос о том, могу ли я хотеть (волить), чтобы моя максима стала всеобщим законом, означает следующее: могу ли я хотеть, чтобы всем другим людям было позволено следовать ей. Необходимость закона природы иная, она задает особенный характер мотивации к выполнению сообразной с законом максимы, и поскольку закон природы мыслится имеющим другой онтологический статус: он является частью порядка природы, и для человека как части этого порядка каузально невозможно (*causally impossible*) не следовать ему [5. P. 79–80].

Предложенное Вудом объяснение соотношения формулы всеобщего закона и формулы закона природы вызывает ряд критических вопросов, начиная с очевидного, относительно «нормативного характера» универсального закона (каким бы форматом нормативности он ни обладал) и завершая «натурально-каузальной» характеристикой закона природы, которая входит в противоречие с проводимым Кантом пониманием законов нравственности как законов свободы. Впрочем, Вуд понимает недостаточность данного им объяснения. Более того, он полагает, что в рамках кантовского обсуждения первого практического принципа исчерпывающее объяснение перехода от универсального закона к закону природы неисполнимо. Но разъяснение перехода от одной версии принципа универсализации к другой возможно при обращении ко второму и третьему практическим принципам, посредством которых категорический императив наполняется нормативно-позитивным содержанием. Оно задается идеями человечества как цели самой по себе (второй принцип) и автономии (третий принцип), получающими развитие в дополнительных и уточняющих формулах категорического императива (не всегда данных развернуто) – так называемых формулах царства целей и самозаконодательства абсолютно доброй воли [1. С. 181, 183, 193–199]. Благодаря им становится ясно, что «царство целей возможно только по аналогии с царством природы» [Там же. С. 199]. По сути, только в соотношении с этими другими формулировками морального закона обе версии принципа универсализации обретают, по убеждению Вуда, свою теоретическую ценность [5. P. 97].

Такая интерпретация приводит Вуда к радикальному выводу, что «впечатление о формуле всеобщего закона как дефинитивно представляющей моральный закон Канта» неадекватно и непродуктивно [Ibid. P. 164]. Значение принципа универсализации в обеих его версиях ограничивается тем, что он «обеспечивает нас механизмом для проверки дозволенности какой-либо из имеющихся максим» [Ibidem], но он формален и ничего не может сказать относительно того, как же следует действовать.

Восприятие принципа универсализации как «стандартного» обусловило в посткантовской истории мысли понимание категорического императива в целом как исключительно формального. Формализм, усматривавшийся в первом принципе, переносился и на другие два принципа – принцип человечности и принцип автономии, притом что они, наоборот, задают содержательные ориентиры практическим решениям и действиям. Это очевидно с принципом человечности, но не менее очевидно и с принципом автономии, если принять к сведению его версию – формулу царства целей. Учет различий в характере нормативного содержания разных формул категорического императива позволяет понять, что хотя категорический императив выражается в равной мере в трех формулах (включая их основные и дополнительные варианты), более того, многие из кантовских комментариев относительно формулы человечности и формулы автономии опосредованы апелляцией к закону природы, – неправомерно думать, что каждая формула вместе с тем несет в себе содержание каждой другой и каждой другой предполагается. Философско-этическая весомость принципов человечности и автономии в сравнении с принципом универсализации подтверждается другими этическими и примыкающими к ним сочинениями Канта, среди которых заслуживает внимания не часто упоминаемое эссе «Предполагаемое начало человеческой истории», в котором обусловленные потребностью в социальном взаимодействии обоюдные ограничения на отношении человека к человеку как к вещи рассматриваются в качестве одного из факторов, сыгравших важную роль в генезе общества [9. С. 165].

Показательно для понимания внутренне-нормативной динамики принципа универсализации замечание Герберта Пэттона, касающееся формулы закона природы: мы можем понять ее лишь при условии, что закон природы будет истолкован телеологически, в перспективе гармонии человеческих целей [10. Р. 155]. Содержательный компонент эксплицитно присутствует во втором и третьем принципах категорического императива. Благодаря введению Кантом формулы закона природы и через это прямому сопряжению принципа универсализации с двумя другими принципами категорического императива появляется возможность обнаружить содержательный компонент и в принципе универсализации. В этом можно видеть действительное теоретическое и нормативное значение формулы закона природы и ее новационность в сравнении с формулой всеобщего закона.

Литература

1. *Кант И.* Основоположения к метафизике нравов // Соч.: в 4 т., на нем. и рус. яз. Т. 3 / подгот. к изд. Н.В. Мотрошиловой, Б. Тушлингом. М., 1997. С. 39–276.
2. *Кант И.* Критика чистого разума // Соч. : в 4 т., на нем. и рус. яз. Т. 2, ч. 1 / подгот. к изд. Н.В. Мотрошиловой, Т. Длугач, Б. Тушлингом, У. Фогелем. М., 2006. 1081 с.
3. *Кант И.* Критика практического разума // Соч.: в 4 т., на нем. и рус. яз. Т. 3 / подгот. к изд. Н.В. Мотрошиловой, Б. Тушлингом. М., 1997. С. 277–733.
4. *Westra A.* The Typic in Kant's "Critique of Practical Reason": Moral Judgment and Symbolic Representation. Berlin : De Gruyter, 2016. 264 p.
5. *Wood A.W.* Kant's Ethical Thought. Cambridge : Cambridge University Press, 1999. 462 p.
6. *Скрипник А.П.* Категорический императив Иммануила Канта. М. : Изд-во МГУ, 1978. 189 с.
7. *Соловьев Э.Ю.* Категорический императив нравственности и права. М. : Прогресс-Традиция, 2005. 416 с.

8. *Судаков А.К.* Абсолютная нравственность: этика автономии и безусловный закон. М.: Эдиториал УРСС, 1998. 237 с.

9. *Кант И.* Предполагаемое начало человеческой истории // Соч.: в 4 т., на нем. и рус. яз. Т. 1 / подгот. к изд. Н.В. Мотрошиловой, Б. Тушлингом. М., 1993. С. 149–192.

10. *Paton H.J.* The Categorical Imperative: A Study in Kant's Moral Philosophy. London: Hutchinson's University Library, 1948. 283 p.

Ruben G. Apressyan, Institute of Philosophy, RAS (Moscow, Russian Federation).

E-mail: apressyan@iph.ras.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 46. pp. 104–111.

DOI: 10.17223/1998863X/46/12

TWO VERSIONS OF UNIVERSALIZABILITY PRINCIPLE IN IMMANUEL KANT'S MORAL PHILOSOPHY

Keywords: Immanuel Kant; categorical imperative; universalizability principle; formula of universal law; formula of law of nature.

Two formulas of the universalizability principle of the categorical imperative – the formula of universal law and the formula of the law of nature – have been regularly interpreted in general philosophical literature as mutually specifying each other. The former one has been considered as representing the character of normativity peculiar to the categorical imperative, the latter one its ontological status. The law of nature has been interpreted as a physical law or as a “natural law” in the spirit of the natural law tradition. Not all commentators of Kant have taken into account his note on the concept of nature as an order of actions determined by laws. The issue of two versions of the universalizability principle, their interrelation, and functional and substantial peculiarities is important for understanding both the principle of universalizability and the concept of the categorical imperative. Taking into consideration the significance of the principle as a criterion of moral worth in Kant's ethics and the influence of this aspect of Kant's teaching on the succeeding moral philosophy, the issue of relation between two versions of the universalizability principle should be recognized as an important one for general discussion on the nature of morality. Following the critical-comparative analysis of discussion on this issue in Kant studies (A.P. Skripnik, E.Yu. Soloviev, A.K. Sudakov, H.J. Paton, A.W. Wood), the author points to the significance of analogy between moral law and the law of nature in Kant's doctrine, to the inner connection between formal and material features of the categorical imperative, and to the place of teleological component in Kant's moral philosophy. The latter puts forward the task of rethinking of the common understanding of Kant's ethics as exclusively formal and the first formula of the categorical imperative as the ‘standard’ one.

References

1. Kant, I. (1997a) *Sochineniya v 4 t.* [Works in 4 vols]. Vol. 3. Translated from German. Moscow: Moskovskiy filosofskiy fond. pp. 39–276.

2. Kant, I. (2006) *Sochineniya v 4 t.* [Works in 4 vols]. Vol. 2(1). Translated from German. Moscow: Nauka.

3. Kant, I. (1997b) *Sochineniya v 4 t.* [Works in 4 vols]. Vol. 3. Translated from German. Moscow: Moskovskiy filosofskiy fond. pp. 277–733.

4. Westra, A. (2016) *The Typic in Kant's 'Critique of Practical Reason': Moral Judgment and Symbolic Representation.* Berlin: De Gruyter.

5. Wood, A.W. (1999) *Kant's Ethical Thought.* Cambridge: Cambridge University Press.

6. Skripnik, A.P. (1978) *Kategoricheskiy imperativ Immanuila Kanta* [Immanuel Kant's categorical imperative]. Moscow: Moscow State University.

7. Soloviev, E.Yu. (2005) *Kategoricheskiy imperativ npravstvennosti i prava* [The categorical imperative of morality and law]. Moscow: Progress-Traditsiya.

8. Sudakov, A.K. (1998) *Absolyutnaya npravstvennost': etika avtonomii i bezuslovnyy zakon* [Absolute morality: The ethics of autonomy and unconditional law]. Moscow: Editorial URSS.

9. Kant, I. (1993) *Sochineniya v 4 t.* [Works in 4 vols]. Vol. 1. Translated from German. Moscow: Kami. pp. 149–192.

10. Paton, H.J. (1948) *The Categorical Imperative: A Study in Kant's Moral Philosophy.* London: Hutchinson's University Library.

УДК 16 (09)

DOI: 10.17223/1998863X/46/13

С.В. Гарин

ТОПИКА АРИСТОТЕЛЯ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КОНВЕНЦИОНАЛИЗМ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛЕКТИЧЕСКОЙ АРГУМЕНТАЦИИ

Рассматриваются аспекты античного лингвистического конвенционализма в контексте аристотелевского понимания языка в «Топике» и «Об истолковании». Диалектический принцип манипулирования различными этимологическими аспектами имени (первичный / нынешний / подходящий / буквальный) осмысливается в рамках античной теории этимологии в посткратилловской философии языка и перипатетической аргументации. Этимологические трансформации терминов, предложенные Аристотелем в «Топике» 112a в качестве полемического приема, рассматриваются в рамках аргументативной модели С. Тулмина. Обосновывается тезис о функциональной близости античного лингвистического натурализма конвенционализму для целей диалектического убеждения. Статья нацелена на пробуждение исследовательского интереса к античному логическому наследию и философии языка.

Ключевые слова: философия языка, история логики, «Топика», Аристотель, теория аргументации.

В 1968 Г. Оуэн отметил, что «Топика» Аристотеля была выбрана в качестве предмета третьего аристотелевского симпозиума в силу того, что эта книга «чрезвычайно богата дискуссионным материалом, но относительно бедна в вопросе комментаторской традиции» [1. Р. 7]. Значение «Топики» также связано с тем, что в ней можно найти описание ключевой для Аристотеля концепции метода философского исследования. Также «Топика» может быть рассмотрена и как альтернатива аподиктической логике аристотелевских «Аналитик».

Не менее интересным моментом, на наш взгляд, является проблема использования Аристотелем различных семантических толкований слова, *первичных / вторичных* смыслов, раскрывающихся методом этимологизации в риторико-диалектической полемике. Этот метод во многом связан с общеантичной дискуссией относительно природы языка в контексте понимания роли этимологического анализа.

Античная дискуссия нарождающейся философии языка представлена, как известно, в «Кратиле». Полемика, отраженная в тексте диалога, затронула не только классических философов, сажем, платоновской школы, или перипатетиков, но совершенно различных мыслителей, таких как Демокрит и Гален. Уже на исходе Античности Прокл выдвинул свою концепцию языка через знаменитые «четыре эпихейремы» (διὰ τεσσάρων ἐπιχειρημάτων), следуя четвероюкой логике аргументов Демокрита [2]. Прокл, активно используя гипотетические силлогизмы Теофраста – Евдема, выступил против «конвенционалистов» в лице Демокрита и Аристотеля. Таким образом, античная философия языка от Демокрита к Проклу рассматривала проблему подлинности имен, этимологических интерпретаций и онтологической связи между озна-

чаемым и означающим на протяжении нескольких столетий. Так, христианская ономастика и этимологизация развивали аналогичные проблемы толкования семантических компонентов слова как в рамках теории референции и значения, так и в контексте вопросов гносеологии. Именно *анализ этимологии*, поставленный в «Кратиле» в качестве одного из способов философствования, стал ключевым инструментом дохристианской и раннехристианской экзегетики [3. Р. 45]. Типичным примером этого может служить «*Etymologiae*» Исидора Севильского. В *Magnum opus* Исидор, основываясь на античном подходе к языку, разрабатывает систематическую этимологическую теорию энциклопедии, понимая под этимологией интерпретацию, основанную на семантическом разделении и движении к *основанию*:

Etimologia est origo vocabulorum, cum vis verbi vel nominis per interpretationem colligitur

Этимология это происхождение (начало) слов, когда слово или имя понимаются через интерпретацию [Etym. 1.29].

Фраза Исидора, безусловно, могла быть частью кратиловского лингвистического арсенала, основанного на экспликации *первичной* и *производной* этимологии. Движение к *подлинной* этимологии, установленной по природе либо первичным законодателем, и является главной составляющей не только кратиловского натурализма, но и платоновского инструментализма¹. Примечательно, что это движение составляет одну из аргументативных тактик, которую также упоминает и Аристотель в «Топике», будучи противником лингвистической теории имен по природе (φύσει).

Как известно, в «Кратиле» конвенционализм представлен через ключевые понятия *договора* и *соглашения*. Именно этот принцип (συνθήκη καὶ ὁμολογία) со временем станет основополагающим для конвенционалистской теории языка у перипатетиков, что, однако, не помешает им говорить об аргументативном преимуществе использования первичных этимологий имени. *Правильность* имени для конвенционалиста порождается из непосредственных, зачастую практических задач наименования и манипуляции. Кто какое имя установит, такое и будет *правильным* (ἄν τις τῶ θῆται ὄνομα, τοῦτο εἶναι τὸ ὀρθόν). Этот принцип, рассмотренный вне универсальной максимы и не распространяющийся на *весь массив* языковых выражений, является естественной частью обыденного понимания наименования. Не случайно конвенционалистский дискурс, как правило, апеллирует к сфере домашнего хозяйства и частных интересов, отражая ограниченную свободу моделирования семантического мира номенклатуры *ближнего круга*. В способности каждого давать собственные названия слугам, домашним животным и другим реалиям жизненного окружения конвенционалист видит причину недоверия теории природной предопределенности имен.

Аргументация конвенционализма разворачивается через два вспомогательных понятия, выступающих дополнительными причинами для установления имен: это *закон*, обычай (ἔθος), а также *свойство привычности* (от ἐθίζω – приручать, привыкать). Таким образом, свобода наименования домашних слуг и различие в фонетике варварских и эллинских языков – это, по сути, и

¹ Подробнее о латинской традиции этимологического анализа см. [4], а также [5. Р. 104].

весь арсенал релятивистски мыслящего античного философа языка. Примечательно, что, появившись в эпоху античной классики, доводы конвенционализма пройдут практически без изменений через весь эллинизм и позднюю Античность. Анонимный комментарий на «Кратил», приписываемый Проклу, содержит типичную экспозицию этих аргументов. Так, для опровержения конвенционализма Прокл выбирает не какого-то современного его мыслителя, который, возможно, мог бы поднять доводы до нового уровня, но самого Демокрита, жившего почти за 800 лет до Прокла. Качество и направленность аргументации лингвистического конвенционализма за почти тысячелетний период развития остались практически без изменений.

Релятивистский ракурс конвенционализма в «Кратиле» подвергается серьезной деконструкции, начинающейся с первой части диалога [385a – 391b], Сократ приближает весь лингвистический конвенционализм к максиме Протагора: «πάντων χρημάτων μέτρον εἶναι ἄνθρωπον» [386a]. Если каждый имеет право называть вещи как ему вздумается, то человек выступает в роли семантической и коммуникативной меры (μέτρον). А поскольку мерой коммуникации во многом выступают всеобщие intersubjective основания, то отдельный индивид оказывается лишь репрезентатором паттернов языка и коммуникации. Сократ, сведя тезис Гермогена к крайней форме, установив его параллель с положением Протагора, заставляет Гермогена признать, что вещи, как и поступки, должны иметь *устойчивую сущность*.

Как известно, «Кратил» включает в себя практику особого метода аналитической этимологии, целью которого является установление семантических оснований связи имени и вещи, что предполагало деконструкцию этимона на составные элементы. Именно этот метод, как было указано выше, стал определяющим для целого ряда направлений античной философии языка.

Как известно, по Аристотелю, семантические основания языка устанавливаются *соглашением*. В *De Int* Стагирит подчеркивает, что имя, являясь особой разновидностью звука, имеет смысл, установленный конвенцией:

τὸ δὲ κατὰ συνθήκην, ὅτι φύσει τῶν ὀνομάτων οὐδὲν ἐστίν, ἀλλ' ὅταν γένηται σύμβολον· ἐπεὶ δηλοῦσί γέ τι καὶ οἱ ἀγράμματοι ψόφοι, οἷον θηρίων, ὧν οὐδὲν ἐστὶν ὄνομα.

[Имена] имеют значение по соглашению, ведь нет никаких имен от природы. Оно возникает, когда становится знаком, ибо членораздельные звуки хотя и выражают что-то, как, например, у животных, но ни один из этих звуков не есть имя [De Int, 16a].

Аристотель полагает, что нечленораздельные звуки животных тоже что-то означают, но они *не являются языком*, потому что их смысл конституируется самим субъектом произнесения, а не социальными правилами и соглашениями¹. Очевидно, что точка зрения Аристотеля имеет ярко выраженный конвенциональный характер, основанный на ключевом понятии соглашения

¹ В терминах П. Грайса эту проблему можно описать так, что значение в речевом сообщении животного конституируется непосредственным актом произнесения самим животным сообщением, в то время как значение в человеческом языке имеет *интенционально-конвенциональный* характер. Интенция говорящего в человеческом языке направлена на вызов конвенционально установленных шаблонов, закрепленных в общественном дискурсе. Упрощая, можно сказать, что П. Грайс пытается устранить семантику (полагая ее фрегеанской теорией «стационарного значения») механизмами прагматики, понимая под последними интенциональность и конвенцию (см. [6], а также [7. Р. 46]).

(συνθήκη). Более того, Аристотель противопоставляет речь как искусственный конвенциональный акт натуралистическому инструментализму, поскольку речь – это не природное орудие:

Ἔστι δὸ λόγος ἄλλας μὲν σημαντικός, οὐχ ὡς ὄργανον δέ, ἀλλ' ὥσπερ εἴρηται κατὰ συνθήκην.

Всякая речь что-то обозначает, но не как естественное орудие, а, как было сказано, в силу соглашения [De Int, 17a].

Это положение может быть использовано как контраргумент и против натурализма, и против инструментализма¹.

В «Топике» Аристотель, описывая техники аргументации внутри дискурса топов, среди прочих рассматривает следующий метод:

Ἔτι τὸ ἐπιχειρεῖν² μεταφέροντα τοῦνομα κατὰ τὸν λόγον ὡς μᾶλλον προσῆκον ἐκλαμβάνειν ἢ ὡς κεῖται τοῦνομα, οἷον εὐψυχον μὴ τὸν ἀνδρεῖον, καθάπερ νῦν κεῖται, ἀλλὰ τὸν εὖ τὴν ψυχὴν ἔχοντα, καθάπερ καὶ εὐελπιν τὸν ἀγαθὰ ἐλπίζοντα · ὁμοίως δὲ καὶ εὐδαίμονα οὗ ἂν ὁ δαίμων Ἦ σπουδαῖος, καθάπερ Ξενοκράτης φησὶν εὐδαίμονα εἶναι τὸν τὴν ψυχὴν κχοντα σπουδαίαν · ταύτην γὰρ ἀκάστου εἶναι δαίμονα.

Другой метод аргументации – отнести термин к его первоначальному значению на том основании, что более уместно воспринимать его в этом смысле, чем в том, что было установлено. Например, *отважный* есть не столько *мужественный*, как считают в настоящее время, а тот, кто хорошо управляет душой, подобно тому как *преисполненный надежды* означает *надеющийся на хорошее*. И точно так же *счастливый* – это тот, чья судьба хороша; как говорит Ксенократ, счастлив тот, у кого душа добрая, ибо она есть даймонион каждого человека (курсив мой. – С.Г.) [Тор. 112a 32–40].

В данном пассаже мы встречаем нечто неожиданное для лингвистического конвенционалиста, призывающего отказаться от конвенционально установленных этимологий слова для достижения эвристических целей. Так, Аристотель предлагает трактовать *εὐψυχον* не так, как установлено *большинством* носителей языка в настоящее время (*νῦν*), т.е. «мужественный», но как «тот, кто хорошо управляет душой» (*ἀλλὰ τὸν εὖ τὴν ψυχὴν ἔχοντα*). Интересно, что Стагирит указывает на некий установленный смысл слова, например «надеющийся», и противопоставляет ему некий другой, *более подлинный*, уместный смысл.

Перевод и интерпретация этого фрагмента вызвали заметные разночтения в исследовательской литературе. Так, в полном издании трудов Аристотеля под ред. Дж. Барнса мы видим «Moreover, you may attack by reinterpreting a word in respect of its account (курсив мой. – С.Г.), with the implication that it is most fitting so to take it rather than in its established meaning» [8. P. 423]. Дж. Грот, напротив, подчеркивает, что здесь мы имеем не столько традиционное понимание слова на основании его дефиниции, или некоего

¹ См. «Кратил», 387d.

² Здесь этот термин используется, скорее, в общегреческом смысле аргументации и построения доводов, нежели, как логическое понятие, связанное с использованием *эпихейремы*, т.е. умозаключения, состоящего из нескольких энтимем.

толкования, сколько первичный этимологический смысл: «The illustrative examples which follow prove that λόγος here means the *etymological origin* (курсив мой. – С.Г.), and not the definition, which is its more usual meaning» [9. С. 291]. Грот, рассматривая особенности аристотелевской аргументации, противопоставляет этимологический смысл термина его *обычному* (common usage), т.е. общепринятому конвенциональному употреблению. Здесь, говоря об *etymological origin* слова, Грот воспроизводит логику *Etymologiae* Исидора Севильского, второе название книги которого («Origines») напрямую говорит о поиске смысловых корней происхождения слов. Одним из ключевых понятий в тексте Аристотеля выступает термин μεταφέρωντα (τοῦνομα κατὰ τὸν λόγον...), которое Liddel & Scott связывает с передачей «*буквального значения*»¹.

В гарвардском издании «Второй аналитики» и «Топики» Аристотеля от 1960 г. мы видим другое понимание данного текста: «Another method of attack is to refer back a term to its *original meaning* (курсив мой. – С.Г.) in the ground that it is more fitting to take it in this sense than in that now established [10. P. 355]. Таким образом, здесь мы встречаем неожиданное для лингвистического конвенционализма противопоставление:

a) *original meaning* vs b) *sense that now established*.

Если указанная схема совершенно уместна в рамках лингвистического натурализма, который направлен на поиск оригинального, подлинного / первичного смыслового поля (и это даже может быть особой формой гносиса, от *логоса к нозме и эйдосу*), то в конвенционализме *a* и *b* оказываются идентичны, поскольку исходное значение термина эквивалентно конвенционально установленному его использованию.

С. Рубинелли, рассматривая практику построения аргументативных техник в поздней Античности, также полагает, что семантический горизонт слова, использующегося в качестве аргументативной единицы, имеет мозаичный, неоднородный характер, где различные десигнативные составляющие вкраплены в денотативное основание, подобно электронам в атоме Томсона. Как и в случае с этимологией терминов, в некоторых случаях целесообразно пренебречь текущим его значением, пусть и конвенционально одобренным, ради первичного этимологического определения [11. P. 28].

Примечательно, что Аристотель не употребляет здесь термин «*этимологический*», описывая первичные смысловые основания слова², но говорит о некоем исходном значении термина, которое противопоставляется его распространенному конвенциональному пониманию.

Таким образом, мы получаем как минимум три возможные интерпретации указанного фрагмента:

- 1) использование *первоначального* значения термина в противовес его современному толкованию³;
- 2) использование *другой интерпретации*, отличной от современной;
- 3) использование *буквального* этимологического толкования термина.

¹ «μ. τοῦνομα ἐπὶ τὸν λόγον – transfer the word to its literal meaning».

² Именно поэтому, на наш взгляд, есть смысл говорить не об этимологии, а о некотором альтернативном семантическом поле.

³ Русский перевод этого фрагмента: «...далее, следует приводить доводы, указывая на [первоначальный] смысл имени, так как он лучше поясняет, нежели имя в употребляемом значении», примыкает к этой группе (см.: *Аристотель. Сочинения* : в 4 т. М. : Мысль, 1978. Т. 2. С. 383).

Общее в этих интерпретациях то, что они выделяют некоторое текущее толкование имени, противопоставляя ему возможную альтернативу. Использование *vōv* в связке с указанием на то или иное положение, безусловно, имеет смысл *положения во времени*, т.е. некоторое семантическое *hic et nunc*, отражающее практику использования имени в современных реалиях. Однако возникает вопрос, что именно мы противопоставляем *общепринятому* толкованию термина в рамках конвенционалистской модели языка? Ведь конвенционализм и исходит из того, что общепринятая интерпретация смысла термина и есть его *подлинное* понимание. Никакие индивидуальные манипуляции с десигнативно-денотативными элементами языка не могут претендовать на более высокий статус по отношению к коллективной конвенции и практике употребления языковых единиц. Перефразируя Витгенштейна, можно сказать, что знание истинности какого-либо высказывания – это знание конвенциональных правил использования высказывания в общепотребительных контекстах. В этой связи коммуникация, по П. Грайсу, есть интенционально-конвенциональный обмен ожидаемыми паттернами языка (см.: [6, 7]). Стабилизация динамических интенций, формирующих то, что Г. Фреге стационарно называл *Sinn*, и происходит через включение субъекта речи в конституирующие пласты речевых конвенций. Именно конвенция определяет подлинность использования того или иного термина в коммуникации. Таким образом, для лингвистического конвенционалиста не существует семантической реальности, которую можно было бы противопоставить конвенции.

Приведенные выше трактовки (1–3) значительно отличаются в понимании механизмов реализации данного аргументативного приема. Если 1 может быть рассмотрено вплоть до ослабленной версии лингвистического натурализма, согласно которой имена имеют *первичный* подлинный *ἔτιμον*¹ и задача интерпретатора заключается в том, чтобы через призму этимологий, вычленив этот сокрытый сущностный семантический пласт, то 2 может быть понято так, что у ратора есть возможность «жонглирования» различными гносеологически равнозначными этимологиями слова в контексте аргументативных тактик, в то время как 3 понимается как полемически оправданный возврат к буквальному значению имени².

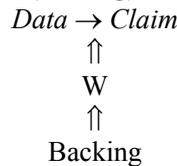
Таким образом, хотя лингвистический натурализм противопоставляется конвенционализму в качестве альтернативы, тем не менее конвенционализм также признает идею семантических иерархий имени в контексте первичности – вторичности, подлинности – неподлинности, уместности – неуместности этимологической составляющей для целей дидактики или дискуссии. В этой связи конвенционализм и натурализм становятся функционально неразличимыми в случае, если мы находимся не на уровне первичной закладки семантики имени, но в процессе подбора и использования этимологий. Причем для конвенционализма, постулирующего связь подлинного релевантного этимона с конвенцией, отказ от использования конвенционально установленного значения слова, согласно «Топике» 112a, может иметь первостепенное значение. Неразличимость натурализма и конвенционализма в вопросах

¹ Установленный законодателем имен.

² Причем понимая, что *буквальное* значение может не быть *первоначальным* с точки зрения эволюции этимона имени.

прагматики этимологизации означает наличие и в том и в другом неравнозначных, разноуровневых, разностатусных десигнативных образований, в отношении каждого из которых можно поставить вопрос о подлинности или первичности.

Очевидно, что данный прием семантической трансформации в сторону отказа от конвенционального толкования термина Аристотель использует в ходе объяснения *эристических* тактик диалектического спора, т.е. спора, который направлен на работу с условно-истинными положениями (ἔνδοξα), отличными от аподейктики. Безусловно, можно предположить, что маневр пропонента в сторону резкого смещения понимания смысла слова (выражения), задействованного в аргументации, может дать тактическое преимущество над оппонентом. Предположим, оппонент использует слово в его *общепринятом смысле* и строит свою аргументацию сообразно этому. В терминах С. Тулмина обоснованность тезиса (*claim*) будет зависеть от доводов (*data*), основания (*warrant*) и поддержки основания (*backing*)¹:

Если учесть, что *data*, т.е. первичный набор доводов, во многом определяет как *warrant*, так и степень валидности *claim*, то контраргумент, основанный на изменении смысла термина оппонента, может сыграть деструктивную роль по отношению ко всей аргументативной цепи противника:

$$\text{Data} \rightarrow \text{Warrant} \rightarrow \text{Claim}.$$

Если меняется семантика довода (*data*), то основание аргументативного следования (*warrant*) может оказаться *нерелевантным* и, как следствие, тезис остается без поддержки. Примечательно, что такой аргументативно-семантической трансформацией можно совершить деструкцию любого из указанных элементов схемы С. Тулмина [12]. Меняя этимологию термина, например переходя от интенциональных аспектов к экстенциональным, подменяя конвенционально общепринятое денотативное основание термина его различными маргинальными альтернативами, можно содержательно развести тезис (*claim*) и аргументы (*data*), лишить основание (*warrant*) рассуждения связи с поддержкой основания (*backing*) и т.д. Можно сказать, что в вопросах эристики лингвистический конвенционалист перестает быть конвенционалистом, ставя под сомнение общепринятые конвенции использования языка ради аргументативной конъюнктуры. Здесь мы видим сближение аристотелевского принципа использования *контекстуально подходящих* этимологий с «Περὶ τοῦ κληροῦ» Горгия, определяющего релятивистскую позицию участника аргументации.

Литература

1. Aristotle Topics. Books I and VIII with Excerpts From Related Texts. Oxford : Clarendon, 2003.
2. Pasquali G. Proclus In Platonis Cratylum Commentaria. Stuttgart : Teubner, 1994.

¹ Здесь мы используем минимальную схему С. Тулмина, без привлечения таких вспомогательных элементов аргументации, как *rebuttal* и *qualifier*.

3. Formigari L. *A History of Language Philosophies*. Amsterdam Studies in The Theory and History of Linguistic Science. Series III. Amsterdam : John Benjamins Publishing, 2004.
4. *Etymology and Grammatical Discourse in Late Antiquity and The Early Middle Ages*. Amsterdam, 1989.
5. Del Bello D. *Forgotten Paths: Etymology and the Allegorical Mindset*. Michigan 2007.
6. Grice H.P. Utterer's Meaning, Sentence-Meaning, and Word-Meaning // *Foundations of Language*. 1968. № 4 (3). P. 225–242.
7. Searle J.R. *The Philosophy of Language*. Oxford, 1971.
8. *The Complete Works of Aristotle / J. Barnes* (ed). Princeton, NJ : Princeton University Press, 1995.
9. Grote G. *Aristotle* / ed. by A. Bain. London : John Murray, 1880.
10. *Aristotle Posterior Analytics*. Topica. Loeb Classical Library / H. Tredennick, E.S. Foster (eds). London : HUP, 1960.
11. Rubinelli S. *Ars Topica. The Classical Technique of Constructing Arguments From Aristotle to Cicero*. Springer, 2009.
12. Toulmin S. *The Uses of Argument*. Cambridge, 2003.

Sergei V. Garin, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation).

E-mail: svgarin@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 46. pp. 112–120.

DOI: 10.17223/1998863X/46/13

ARISTOTLE'S "TOPICS" AND LINGUISTIC CONVENTIONALISM IN THE CONTEXT OF DIALECTICAL ARGUMENTATION

Keywords: ancient philosophy of language; history of logic; "Topics"; Aristotle, argumentation theory.

In the paper, some problematic aspects of ancient linguistic conventionalism in the context of Aristotelian philosophy of language, developed in "Topics" and "On Interpretation", are considered. The dialectical (dialogic-eristic) principle of manipulating various etymological aspects of names (primary / present / suitable / literal) is analyzed within the framework of ancient theories of etymology. The paper substantiates the idea of certain functional closeness of ancient linguistic naturalism to conventionalism for the purposes of dialectical persuasion. Although linguistic naturalism is opposed to conventionalism as an alternative; nonetheless, conventionalism also recognizes the idea of semantic hierarchies of names in the context of primary/secondary, authentic/non-authentic, appropriate/inappropriate etymological entities for the purpose of didactics or discussion. Conventionalism and naturalism are functionally indistinguishable at the level of selection and use of etymologies. Moreover, for conventionalism, postulating the connection of a relevant etymon with an appropriate convention, the rejection of a conventionally established meaning of a word may have specific eristic value. In the paper, the etymological transformations of names proposed by Aristotle in "Topics" 112a are explored by means of Stephen Toulmin's minimal argumentative model. Aristotle's argument can be treated as a sophistic legerdemain: if the opponent alters the semantics of the proponent's argument (data), the basis of argumentation (warrant) becomes irrelevant and, consequently, the thesis becomes unsupported. The paper aims to raise research interest in ancient logic and philosophy of language.

References

1. Aristotle. (2003) *Topics. Books I and VIII with Excerpts From Related Texts*. Oxford: Clarendon.
2. Pasquali, G. (1994) *Proclus In Platonis Cratylum Commentaria*. Stuttgart: Teubner.
3. Formigari, L. (2004) *A History of Language Philosophies. Amsterdam Studies in The Theory and History of Linguistic Science. Series III*. Amsterdam: John Benjamins Publishing.
4. Amsler, M. (1989) *Etymology and Grammatical Discourse in Late Antiquity and The Early Middle Ages*. Amsterdam. John Benjamins Publishing Company.
5. Del Bello, D. (2007) *Forgotten Paths: Etymology and the Allegorical Mindset*. Michigan: The Catholic University of America Press.
6. Grice, H.P. (1968) Utterer's Meaning, Sentence-Meaning, and Word-Meaning. *Foundations of Language*. 4(3). pp. 225–242. DOI: 10.1007/978-94-009-2727-8_2
7. Searle, J.R. (1971) *The Philosophy of Language*. Oxford: Oxford University Press.

-
8. Barnes, J. (ed.) (1995) *The Complete Works of Aristotle*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
  9. Grote, G. (1880) *Aristotle*. London: John Murray.
  10. Tredennick, H. & Foster, E.S. (eds) (1960) *Aristotle Posterior Analytics. Topica. Loeb Classical Library*. London: HUP.
  11. Rubinelli, S. (2009) *Ars Topica. The Classical Technique of Constructing Arguments From Aristotle to Cicero*. Springer.
  12. Toulmin, S. (2003) *The Uses of Argument*. Cambridge: Cambridge University Press.

УДК 1 (091)

DOI: 10.17223/1998863X/46/14

К.А. Родин

ВИТГЕНШТЕЙН И ДЖ. ПЕРРИ О ВИДЕНИИ КРАСНОГО: ВОКРУГ АРГУМЕНТА ЗНАНИЯ

В настоящей статье некоторые аргументы из философии сознания и соответствующие мысленные эксперименты рассматриваются в контексте философии позднего Витгенштейна. Особое внимание уделяется аргументу знания и мысленному эксперименту «комната Мэри» в изложении Дж. Перри.

Ключевые слова: философия сознания, лингвистический поворот, физикализм, квалиа, зомби-аргумент, аргумент знания, комната Мэри.

Нередко в философии сознания отдельные аргументы (в поддержку или в опровержение физикализма, функционализма, эпифеноменализма и различных вариантов дуализма) воспроизводятся вне исторического контекста, и в частности без учета лингвистического поворота. Будто лингвистического поворота не было. Чалмерс по ходу экспликации **логической** возможности зомби [1] упоминает (но мог бы и не упоминать) в комментариях только книжку австралийского философа Кейта Кэмпбелла [2] и известную статью Роберта Кирка [3] {сегодня Кирк продолжает вплотную заниматься философским зомби (см.: [4–6])}. Обычно формулировка какого-либо аргумента ввиду широкой известности и не требуют (в рамках концептуального обсуждения) возврата к историческому контексту. Но некоторые способы мыслить после лингвистического поворота почти полностью дезавуируют обсуждение логической (или метафизической) возможности зомби (и обсуждение непосредственно аргумента) – и обсуждение других мысленных экспериментов.

Сопутствующий аргументу зомби мысленный эксперимент требует вообразить человека (сообщество людей) (зомби), который физически совпадает с реальным человеком, но одновременно лишен переживаемых состояний боли или видения красного и пр. внутри собственного сознания. Полностью лишен сознания. Можно вспомнить и «механического человека» Декарта. Возможны разные варианты: человек-зомби по поведению **или** физиологически совпадает с реальным человеком и не имеет сознания **или** души. Все зависит от опровергаемой с помощью зомби-аргумента позиции (бихевиоризм или физикализм в широком смысле). Сразу вспоминается параграф 420 «Философских исследований» Витгенштейна [7] {в качестве отступления: Чалмерс и другие участники обсуждения зомби-аргумента вспоминают Витгенштейна только в связи с жуками в коробке}. Витгенштейн спрашивает: возможно ли вообразить людей вокруг бессознательными автоматами с сохраняющимся адекватным и неотличимым от нашего поведением. Пусть кто-нибудь произносит «дети на улице – просто автоматы». Такие слова, продолжает Витгенштейн, ничего не сообщают. Могут только вызывать смутное тревожное чувство. Дальше следует сравнение: рассматривать человека как автомат – будто видеть в какой-то фигуре другую фигуру (видеть свастику в

переплете оконной рамы). Одна логическая возможность представить зомби (пусть в таком представлении нет ничего противоречивого) неинтересна. Предлагается посмотреть на значение выражения «люди – зомби» в рамках обычной языковой практики. Человек увлекся каким-нибудь фильмом с *the Living Dead* и видит в окружающих зомби (что и сообщает на уровне простой языковой игры). В других совершенно отличных контекстах выражение не будет иметь смысл. {Пусть кто-то говорит: «Я один могу чувствовать свою боль». Оно похоже на вздыхание – и только в таком или подобном контексте (таких контекстов может быть много) имеет смысл. Выражение не предлагает разговор об эпистемическом доступе и не подразумевает проблему квалиа}. Позицию Витгенштейна следует строго отделять от возможной или существующей критики зомби-аргумента. Нам, скажем, может быть неясна связь **идеи** *qualia* и соответствующих феноменальных представлений (внутри) сознания (потому в уравнении человек – ... = зомби вычитаемое неизвестно). Или можно принять тезис о неотделимости феноменальных переживаний сознания от бытового и языкового поведения (позиция близка, например, Деннету и, скорее всего, была бы близка и Витгенштейну). Витгенштейн с самого начала отказывается признать осмысленным мысленный эксперимент (коль скоро он требует бессмысленных языковых выражений). И дальнейшее обсуждение становится неинтересным.

***

Заметки Витгенштейна напрямую соотносятся с другим известным аргументом – аргументом знания. Сопутствующий аргументу мысленный эксперимент («комната Мэри») хорошо иллюстрирует проблему в объяснении сенсорных квалиа (почти везде далее в качестве примера используется феноменальное переживание видения красного в конкретном сознании). Можно по-разному объяснять природу квалиа: через физикализм, эпифеноменализм (квалиа – нефизические следствия физических причин) и разные формы дуализма. Аргумент знания первым предложил Фр. Джексон в статье «Эпифеноменальные квалиа» [8]. Однако мы обратимся к работе Дж. Перри «Знание, возможность и сознание» [9], в которой совмещены признание своего рода нередуцируемости квалиа и одновременно тождество ментального и физического (понятно, что сторонники аргумента из нередуцируемости квалиа приходят к не-тождеству ментального и физического) {книга Дж. Перри ныне хорошо известна в России благодаря статьям: [10, 11]}.

Мысленный эксперимент. Представим себе: девушка по имени Мэри с рождения заперта в черно-белой комнате (лишена возможности видеть цвета). Или страдает редкой формой цветовой слепоты – ахроматопсией. Мэри знает полный набор фактов о физическом мире (первая посылка аргумента). Вдруг девушка выходит из комнаты (обретает нормальное зрение) и видит спелый томат. Вторая посылка аргумента: Мэри получила новое знание (**знание-как** видеть красное). Следовательно, существуют нефизические факты. По аналогии с критикой зомби-аргумента можно сказать: из логической возможности (возможности представить некоторую ситуацию) делаются метафизические выводы. Нетрудно и просто отклонить вторую посылку. Так поступает Деннет (см.: [12]). Несколько более интересной оказывается позиция Дж. Перри. Он признает нередуцируемость нового знания Мэри к знанию

физических фактов (признает вторую посылку) и одновременно остается физикалистом (отвергает вывод). Некоторое время мы будем следовать за Дж. Перри (в скобках приводятся соответствующие страницы).

Итак, Мэри узнала видение-красного и усвоила определенный пропозициональный способ говорить о новом фактическом знании (94) {можно возразить: соответствующие пропозиции девушка могла усвоить и вне феноменального опыта – как слепые вполне научаются языковой игре с использованием цветовых понятий}. Факт сенсорного субъективного опыта видения красного.

Мэри получила знание:

вот что значит для меня (в настоящий момент) соответствующий опыт

вот что значит для меня видеть красное

вот что значит видеть красное (в любое время для меня и других людей в нормальных условиях).

Поскольку Мэри не могла до выхода из комнаты узнать первое из-за отсутствия соответствующего факта, знание можно объяснить впервые возникшей фактической ситуацией восприятия красного цвета (соответствующий опыт). И для физикалиста проблемы не будет. Мэри без труда по ранее известным критериям распознает в объекте спелый томат. Прибавим знание о цвете спелого томата – и второй случай не представляет для физикалиста проблемы. В третьем варианте (пусть Мэри до выхода из комнаты отчетливо сознает собственную ущербную ситуацию и существование субъективного опыта восприятия цвета людьми (98)) Мэри узнала нечто новое, следовательно, новое знание должно соответствовать нефизическому факту (физические факты Мэри знала заранее). Отметим: собственный опыт в первом случае Мэри неизбежно принимает характерным для остальных людей в нормальных условиях.

Физикалист признает субъективный характер восприятия красного цвета за физический факт. Поэтому знание субъективного-как восприятия красного другими людьми (при нормальных и ненормальных условиях) должно входить в имеющийся набор знаний до выхода из комнаты. И поэтому в третьем случае знание субъективного опыта видения красного при нормальных условиях не будет новым знанием. Новое выражено **только** словом «вот». До выхода из комнаты Мэри точно была лишена: любых образов (в памяти) чувственного восприятия красного и возможности связать собственные ощущения с понятием-как восприятия красного другими людьми в нормальных условиях (99). Теперь следует установить различие (R) между знанием восприятия-как красного цвета людьми при нормальных условиях до освобождения из комнаты и знанием «вот что значит видеть красное (для людей в нормальных условиях)». После выхода из комнаты девушка приобрела способность описывать **собственный опыт** видения красного как нормальный опыт видения (восприятия) красного. Дескриптивное знание восприятия-как не должно было измениться, как не должен был стать неожиданным и собственный опыт видения красного. Новым оказалось возникшее соответствие между фактически новым субъективным восприятием красного и понятием субъективного восприятия красного вообще. Что значит видеть красное, было известно заранее.

Легче всего различие R объяснить через аналогию.

Пусть известно что-то про город N. Город N расположен севернее города Z. Население в городе N дружелюбное, гостеприимное и т.д. Сформировалось представление (понятие) о городе N (пусть представление соответствует реальности). Я оказался непосредственно в городе N и соотнес фактическое восприятие города с моим дескриптивным знанием. Если я вправду фактически наблюдаю город N и вижу гостеприимство жителей и т.д., мой вывод (я в городе N или: вот что значит быть в городе N) будет истинным. Пусть известно: показ фильма «Дом, который построил Джек» состоится 1 ноября. Но я никак не могу вспомнить сегодняшнее число. Потом понимаю: сегодня 1 ноября. Говорю: «Ведь 1 ноября, сегодня, можно наконец посмотреть новый фильм Триера». Я никогда не видел Ларса Триера, но пусть я знаю: Триер снял «Идиотов» и пр. В Каннах я встречаю некоторого человека и вдруг понимаю, передо мной Ларс. Дескриптивное знание сперва отделено от восприятия конкретного человека. Но внезапно я понимаю: Ларс это Ларс.

Итак, есть спелый красный помидор. Есть понятие восприятия красного и понятие спелого красного помидора. Есть моё впервые восприятие красного (Мэри увидела красный помидор). Далее устанавливается соответствие: моё настоящее восприятие (вот-этот город, настоящее число, вот-этот человек) и есть восприятие красного (город N, дата показа фильма, Ларс Триер). Человек приобретает некоторое новое рефлексивное знание: соотносит **свои собственные** обстоятельства времени или места (или сенсорные восприятия) с уже сформировавшимися до представлениями и дескриптивными знаниями.

***

Теперь мы постараемся вернуться к Витгенштейну. Проведенные аналогии могут привести к путанице: город N, Ларс, премьерный показ – обычные объекты. Видение и субъективное восприятие красного – совсем другое. Ментальный процесс видения красного должен быть непосредственно сведен к физически наблюдаемым фактам деятельности нервной системы и пр. – в противном случае аналогия не будет работать. Аналогия остается в рамках мысленного эксперимента. Ситуация напоминает предложение вообразить вместо людей зомби. Выражение «(представь себе) люди вокруг зомби» должно не иметь никакого реального языкового смысла, но и выражение «понятие видения красного» остается совершенно непонятным. Человек легко опишет собственное пребывание в городе (вот как это быть в городе N), но едва ли поймет вопрос «что такое по-твоему видение красного». С самого начала рассуждения Дж. Перри понятны только по аналогии. Витгенштейн попросил бы перейти здесь от бессмыслицы неявной к бессмыслице явной (ФИ 464). Или вспоминается другое замечание: «Ты думаешь, что должен ткать некую ткань: поскольку сидишь за ткацким станком, хотя и пустым, и делаешь движения ткача» (414). И как можно было бы отнестись, скажем, к такой аналогии: я всегда знал, каким образом можно обращаться с собственной рукой. Как человек воспринимает собственную руку (и все физические факты о восприятии собственной руки). Вдруг понял (представим: раньше я страдал странным вариантом синдрома чужой руки): вот же моя рука. Всегда можно описать некоторое расстройство: ахроматопсию или синдром чужой руки – в сравнении с нормальным зрением или ощущением собственного тела. Однако нормальная ситуация предполагает понятие нормального усред-

ненного поведения (не понятие видения красного и не понятие ощущения собственной руки). Поэтому понятно неразличение цветов (и не-видение красного) (исходную ситуацию Мэри представить как раз легко) и непонятно понятие непосредственного (субъективного или приватного) различения цветов и видения красного.

Если принять за бессмыслицу выражение «понятие видения красного», встанет под вопрос и различие R. В изложении Дж. Перри различие R выступает единственным камнем преткновения: именно разница между дескриптивным знанием видения-как красного обычными людьми в нормальных условиях и знанием собственного видения красного (в качестве примера обычного зрения) иллюстрирует разрыв между знанием физических фактов и знанием сверх. Кроме того, различие R (если все-таки различие принять) может быть только внутренним в смысле Витгенштейна: невозможно, чтобы «знание» видения-как красного было полностью (внешним образом) отделено от моего «знания» видения-как красного, потому что цвет не является объектом по типу города, человека или премьерного показа. И здесь неизбежно вмешиваются язык и общепринятая (но не единственно возможная) система цветов. При проговаривании «знание видения-как красного» необходимо понимать соответствующую систему цветов (или эффективно имитировать понимание системы цветов). Странно думать, будто знак и языковые выражения не имеют большого значения ввиду единственности (при разнообразии обозначения-именования) физической реальности субъективного восприятия-как красного: система цветов может быть совершенно **по-разному** соотнесена с восприятием цвета (может быть принята и другая система цветов), и поэтому вне системы цветов мы не способны понять выражение «видение красного». Знак (обозначающее слово) может быть любым. Но совсем убрать знак нельзя: так, люди из племени пираха не в состоянии усвоить счет и не могут понять способность или неспособность к счету, потому что в языке племени отсутствуют числительные (как категория). Или представим совершенно абсурдную аналогию: человек знает, как (для других в нормальных условиях) субъективно осуществлять арифметические действия (разве я не воспринимаю собственный фактический счет как осуществляемый мной в настоящий момент), и не умеет считать (редкая болезнь). Вдруг впервые умножает два на два и говорит: так вот оно какое – собственно перемножение двух двоек! Нет отдельного перемножения-как определенных чисел (есть языковая игра под названием «арифметика»). Не существует и отдельного видения-как красного вне системы цветов (см. «Заметки о цвете» Витгенштейна).

Теперь можно немного отступить назад. Знание собственного видения-как красного (в качестве примера обычного зрения) получено только вследствие допущения (нового) знания – знания «вот оно как для меня видеть красное». «Дефляционизм» Витгенштейна неизбежно потребует устранить «знание» и / или субъект из второй посылки аргумента. Вторая посылка окажется не истинной или ложной, но бессмысленной. Говорить о знании уместно при наличии возможности ошибки (см. заметки о достоверности). Знание собственного видения-как красного (именно я это **знаю**) не предполагает возможность ошибки (только если мы вдруг не разделяем внешним образом – через внешнее опознание – видение-как чего-то такого вот и именование чего-то такого именем красного цвета, но и в таком случае ошибку исключает

тогда знание видения-как такого вот чего-то). Не существует способов обособить подобное «знание». Представим: в доказательство собственного знания собственного высокого роста кладут руку на макушку и говорят: «Какой я рослый» (ФИ 279). Именно и только **я** знаю – как оно **для меня** видеть красное (отступаем и еще назад – до первоначальной значимой здесь интуиции). Витгенштейн, конечно, рассматривает приватный характер эпистемического доступа к подобному «знанию» как недоразумение. Я смотрю в небо. «Какое вот синее небо!» Человек (не философ) не скажет: видение-как синего неба только моё (ФИ 275).

Литература

1. Chalmers D. *The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory*. Oxford : Oxford University Press, 1996.
2. Campbell K.K. *Body and Mind*. New York : Doubleday, 1970.
3. Kirk R. *Zombies versus materialists* // Aristotelian Society. 1974. Vol. 48. С. 135–152.
4. Kirk R. *Zombies and Consciousness*. Oxford : Oxford University Press, 2005.
5. Kirk R. *The Conceptual Link from Physical to Mental*. Oxford : Oxford University Press, 2013.
6. Kirk R. *Robots, Zombies and Us*. Bloomsbury, 2017.
7. Wittgenstein L. *Philosophical Investigations*. G.E.M. Anscombe and R. Rhees (eds.). Oxford : Blackwell, 1953.
8. Jackson F. *Epiphenomenal Qualia* // *Philosophical Quarterly*. 1982. № 32. С. 127–136.
9. Perry J. *Knowledge, Possibility and Consciousness*. Cambridge, MA : MIT Press, 2001.
10. Мусеева А.Ю. Квалиа-физикализм Дж. Перри как ответ на аргумент знания // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2017. № 40. С. 67–80.
11. Мусеева А.Ю. Семантические взгляды Д. Чалмерса и Дж. Перри в контексте дискуссии о феноменальных свойствах // *Философия науки*. 2018. № 1. С. 71–76.
12. Dennett D. *Kinds of Minds: Towards an Understanding of Consciousness*. London, 1997.

Kirill A. Rodin, Institute of Philosophy and Law, SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation).
E-mail: rodin.kir@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 46. pp. 121–127.

DOI: 10.17223/1998863X/46/14

WITTGENSTEIN AND JOHN PERRY ON THE VISION OF RED: AROUND THE ARGUMENT OF KNOWLEDGE

Keywords: philosophy of mind; linguistic turn; physicalism; qualia; zombie arguments; argument of knowledge; Mary's room.

Quite often in the philosophy of mind, individual arguments (in support or refutation of physicalism, functionalism, epiphenomenalism and various versions of dualism) are reproduced outside the historical context and without considering the linguistic turn, as if there was no linguistic turn. While explicating the logical possibility of a zombie, David Chalmers only mentions the book by the Australian philosopher Keith Campbell and the famous article by Robert Kirk (today Kirk continues to work closely on the philosophical zombie) in the commentaries. Usually, the formulation of any argument does not require (within the framework of a conceptual discussion) a return to the historical context. But some ways of thinking after the linguistic turn almost completely disavow the discussion of the logical (or metaphysical) possibility of zombies (and the discussion of an argument directly), and the discussion of other arguments. In this paper, some arguments from the philosophy of mind and the corresponding thought experiments are considered in the context of the philosophy of the late Ludwig Wittgenstein. Attention is paid to the argument of knowledge and the mental experiment “Mary's room” in the presentation of John Perry.

References

1. Chalmers, D. (1996) *The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory*. Oxford University Press.

2. Campbell, K.K. (1970) *Body and Mind*. New York: Doubleday.
3. Kirk, R. (1974) Zombies versus materialists. *Aristotelian Society*. 48. pp. 135–152.
4. Kirk, R. (2005) *Zombies and Consciousness*. Oxford University Press.
5. Kirk, R. (2013) *The Conceptual Link from Physical to Mental*. Oxford University Press.
6. Kirk, R. (2017) *Robots, Zombies and Us*. Bloomsbury.
7. Wittgenstein, L. (1953) *Philosophical Investigations*. Oxford: Blackwell.
8. Jackson, F. (1982) Epiphenomenal Qualia. *Philosophical Quarterly*. 32. pp. 127–136.
9. Perry, J. (2001) *Knowledge, Possibility and Consciousness*. Cambridge, MA: MIT Press.
10. Moiseeva, A.Yu. (2017) J. Perry's qualia-physicalism as an answer to the knowledge argument. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 40. pp. 67–80. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/40/7
11. Moiseeva, A.Yu. (2018) Semantic views of D. Chalmers and J. Perry within the discussion of phenomenal properties. *Filosofiya nauki – Philosophy of Sciences*. 1. pp. 71–76. (In Russian).
12. Dennett, D. (1997) *Kinds of Minds: Towards an Understanding of Consciousness*. Basic Books.

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.013

DOI: 10.17223/1998863X/46/15

Н.А. Иванова

ДИССОНИРУЮЩИЕ ПРОФИЛИ НАУЧНОГО ГАБИТУСА В УСЛОВИЯХ КОММЕРЦИАЛИЗАЦИИ НАУЧНОЙ ПРАКТИКИ

Исследуются причины возникновения и распространения практики академического капитализма. Указывается, что коммерциализация научной практики является не только следствием распространения неолиберализма, но и результатом активности самого академического сообщества. Ставится вопрос о содержании и формах академического предпринимательства. Рассматривается разнообразие поведенческих стратегий представителей академического сообщества, представленное как результатами эмпирических исследований, так и созданием «идеальных типов».

Ключевые слова: академический капитализм, предпринимательство, научная практика, профили научного габитуса

Введение

Агент-структурный подход, признавая двойственный характер социальной реальности, утверждает диалектическое единство интернализации индивидами социальных структур и экстернализации действий агентов, воспроизводящих, трансформирующих и расширяющих социальные структуры. Цель данного исследования – показать связь институциональных процессов с поведенческими стратегиями современного научного сообщества.

Практика академического капитализма: причины, сущность и многообразие форм

Анализ причин возникновения и распространения практики академического капитализма позволяет говорить о комплексе обстоятельств, способствующих вовлечению академической сферы в отношения предпринимательства. Как отмечает американский исследователь Т. Пак, современные практики академического капитализма и предпринимательского университета, с одной стороны, рассматриваются как следствие распространения практики и идеологии неолиберализма, отмеченных снижением государственных затрат в сфере образования и рассмотрением знаний и технологий как возможных источников извлечения прибыли [1]. С другой стороны, констатируется, что изменения, которые произошли в сфере науки и образования, носят не столько вынужденный характер, сколько обусловлены тем, что академическое сообщество как профессиональная группа, реализуя стратегию «социального закрытия», само инициировало контакты с внешней средой, внося свой вклад в процесс глобализации и проект неолиберального государства, направленные не на социальное обеспечение, а на индивидуальное производ-

ство. Другими словами, трактовка знаний как товара, рассмотрение студентов как потребителей и формирование сетей трансфера технологий в неакадемические сферы политики и экономики были инициированы самим академическим сообществом. Известно, что принятый в 1980 г. закон Бэя – Доула позволил университетам приобретать право собственности на результаты исследовательской деятельности и, как следствие, инвестировать их в различные сферы и извлекать прибыль. На двойственный характер причин возникновения и распространения практики академического предпринимательства указывает и то обстоятельство, что внутри научного сообщества эта практика оценивается по-разному. Одни усматривают в ней отход от мертоновских норм универсализма, коллективизма, бескорыстия и академического скептицизма, невозможность самостоятельного выбора тематики исследований и отказ от ценностной проблематики. Другие, оценивая коммерциализацию академической сферы как форму социальной ответственности, указывают на ее позитивный эффект – возможность модернизации оборудования, привлечение молодых кадров, повышение качества образования за счет его актуализации и практической направленности.

Указанные обстоятельства порождают вопросы о том, какое понимание предпринимательства лежит в основе реализуемой сегодня практики академического капитализма, как оно реализуется, что есть общего и каковы различия между академической сферой и предпринимательской деятельностью. Прежде всего, следует отметить, что термин «предприниматель» имеет свою историю и изначально использовался для обозначения тех, чьи действия направлены на приобретение прибыли в условиях неопределённости и риска, а позже стал пониматься как способность объединять различные ресурсы в единый производственный процесс [2]. Наиболее распространенной в настоящее время является трактовка предпринимателя как субъекта инновационной активности, предложенная Й. Шумпетером, в соответствии с которой спецификой предпринимательской деятельности считается создание принципиально нового результата [3, 4]. При этом признается, что только третья часть предпринимательской деятельности носит действительно инновационный характер, т.е. производит принципиально новый продукт. Причем инновационный потенциал предпринимательства имеет структурную детерминацию и варьируется от 10 до 50%. Кроме того, принято различать предпринимательство, ориентированное на получение прибыли, и так называемое «социальное предпринимательство», предполагающее достижение некоторых позитивных социальных изменений, а также государственное предпринимательство, направленное на рост общественного благосостояния. Указанные трактовки идеи предпринимательства, с одной стороны, создают неопределённость ее использования при анализе научной практики, с другой – при тенденции сводить понимание предпринимательства к чисто экономическому аспекту (извлечению прибыли) приводят к игнорированию разнообразия форм проявления предпринимательской активности в академической сфере. В целом же следует признать, что предпринимательство в различных его формах есть продукт агент-структурной детерминации, так как зависит, с одной стороны, от внешнего контекста, с другой – от предпринимательской активности субъекта – индивидуального или коллективного.

Представляется, что академическую сферу и предпринимательскую деятельность, помимо агент-структурной детерминации, объединяют относительная автономия, самостоятельность и инициатива, последовательное решение частных задач с целью достижения результата. Различие заключается в том, что в академической сфере частное предполагает последующую генерализацию, формирование общих подходов, экономическое предпринимательство же, мотивированное частным интересом, слабо формализуется, так как отличается ситуационностью. Различным является отношение к неопределенности, академическая сфера руководствуется принципом «не навреди», осторожной стратегией и минимизацией риска. Предпринимательство нацелено на использование неопределенности и ориентировано на поиск нестандартных и рискованных решений, максимизацию выигрыша. Академическая деятельность предполагает специализацию, предпринимательство – решение различных задач, знакомство с различными сферами, что требует поверхностного, но широкого кругозора, о чем свидетельствуют результаты исследования карьерных траекторий выпускников школ, которое проводилось в конце 60-х – начале 80-х гг. XX в. в Швеции [5]. Общий вывод исследования гласил, что более высокую самозанятость имели те, чей профиль способностей был более сбалансированным. Выпускники, которые открыли собственный бизнес, в период обучения отдавали предпочтение общей неспециализированной подготовке.

Отвечая на вопрос, как реализуется предпринимательство в академической сфере, следует констатировать разнообразие предпринимательских форм. Так, можно говорить об *академическом предпринимательстве* в узком смысле, представленном участием академического сообщества в формировании и функционировании коммерческих предприятий, и *исследовательском предпринимательстве*, предполагающем привлечение ученых к консультированию, экспертизе и исследованиям на базе коммерческих предприятий. И если в основе академического предпринимательства лежат процессы кооперации, которые носят долговременный характер и представлены реализацией совместной деятельности, то исследовательское предпринимательство часто носит краткосрочный характер. Кооперация в рамках академического предпринимательства, как правило, характеризуется частным и государственным софинансированием, способствует обмену опытом между исследователями и производителями и направлена на создание новых технологий. Консультирование касается экспертизы прикладных разработок и решения конкретных задач. Следует также выделить такую форму, как *образовательное предпринимательство*, представленное участием ученых в образовательных программах как внутри, так и за пределами университетов, в форме реализации различных учебных курсов, мастер-классов, тренингов и т.п. Образовательное предпринимательство предполагает не столько принципиальную инновационность, сколько усовершенствование существующих процессов и структур, их эффективную адаптацию к изменяющимся условиям, улучшение и актуализацию качества образовательного процесса.

Представленные формы академического предпринимательства имеют национальную специфику и связаны с организационными особенностями образовательных структур. Так, например, в Германии университеты делятся на те, которые, специализируясь на прикладных и технических дисциплинах,

реализуют в основном функцию обучения и подготовки профессиональных кадров, и те, которые, совмещая образовательную и исследовательскую функции, подразделяются на университеты широкого профиля (технические, медицинские и социально-гуманитарные) и технические университеты. Последние наряду с образовательными и исследовательскими формами предпринимательства реализуют предпринимательство академическое, ориентированное на создание коммерческих организаций в форме венчурных компаний, spin-off, бизнес-инкубаторов, частных индивидуальных предприятий.

Разнообразие предпринимательских форм практики академического капитализма указывает на разрушение основополагающего принципа, заложенного Ф. Гумбольдтом, а именно принципа единства образовательного и исследовательского процессов, так как научная и преподавательская деятельность становятся автономными формами предпринимательства. Отношение указанных форм чаще характеризуется соперничеством и конфликтами, а не синергией и взаимодействием, что обусловлено ограниченностью человеческих и нечеловеческих ресурсов, представленных их дефицитом в форме недостаточной квалификации персонала, инфраструктурными, финансовыми и институциональными ограничениями и отвлечением ограниченных ресурсов от одних форм деятельности в пользу других, сложностью их распределения между различными предпринимательскими видами активности. Кроме того, образовательное предпринимательство предполагает вложения в человеческий капитал, отдача от которых возможна в долгосрочной перспективе и нацелена на общество в целом, исследовательское и академическое предпринимательство направлены на индивидуальный успех.

Анализ практики распространения в академической сфере установок на большую экономическую эффективность и управляемость показывает, что основные опасения усматриваются в возможности радикальных изменений в содержании академической профессии и кризисе профессиональной идентичности, так как коммерциализация науки и образования означает превращение их в рыночное пространство, что проявляется в переориентации научных фондов на поощрение исследований, приносящих прибыль, усилении подготовки в области патентования, расширении образования в сфере предпринимательства, упразднении функции просвещения. Менеджеризация академической сферы проявляется в управленческой профессионализации, максимальном расширении административных полномочий, унификации и стандартизации образовательного процесса, отказе от академической свободы и гуманистических ценностей, снижении открытости и доступности результатов научных исследований, краткосрочных контрактов, уходе на второй план образовательной функции университетов, утрате контроля над процессами избрания на должности и оценкой профессиональной квалификации.

Диссонирующие профили научного габитуса

В современном обществе, отмеченном процессами профессионализации различных областей и свободным предпринимательством, профессионализация академической сферы продолжает мыслиться как общественное альтруистическое служение, в то время как целью предпринимательства считается личная выгода [6]. Однако цивилизационное единство процессов профессионализации и коммерциализации указывает скорее на их сходство, а не на

принципиальное различие. Представляется, что «эгоистический» («рыночный») или «альтруистический» («социальный») характер предпринимательства и профессионализации зависит как от институциональных структур, так и от личностной мотивации. Понятие «научный габитус» в этом отношении позволяет, вслед за П. Бурдье [7], указать на реальное отношение агент-структурной зависимости, а идея диссонирующих профилей, предложенная Б. Лаиром, продемонстрировать реальное разнообразие поведенческих стратегий представителей академического сообщества [8]. Научный габитус, будучи медиумом между объективными и субъективными структурами и процессами, может быть репрезентирован как в индивидуальных, так и в коллективных или групповых формах. Профили научного габитуса – это совокупность типичных форм активности, которая характеризует современную практику академического капитализма и образует динамичную рамку, зависящую как от институциональных структур, так и от личностных диспозиций.

Современное академическое сообщество не является гомогенным, оно не обладает, как полагали М. Вебер и Р. Мертон, схожим образом жизни, общей системой ценностей, универсальным языком [9, 10]. Сегодня можно констатировать, что возникновение и распространение практики академического капитализма сопровождается изменением традиционных и формированием новых поведенческих моделей представителей академического сообщества. Если до 70-х гг. XX в. образование и знание рассматривались как социальные блага, а ученые обладали относительной автономией, что позволяло им вести свободный исследовательский поиск, то возникновение экономики знаний и снижение государственных расходов на финансирование высшего образования инициировало появление новых форм сотрудничества между университетской наукой и корпорациями и потребовало от академических работников совмещения разных форм деятельности. Двойственность идеи габитуса при анализе становления академического капитализма проявляется в указании на консервативную силу привычек («второй природы»), обусловленную многократным повторением традиционных для академической сферы форм активности, прежде всего преподавательской и исследовательской, с одной стороны, и диспозиционную природу, указывающую не столько на пассивное воспроизведение готовых схем поведения, сколько на склонности и предрасположенности, предполагающие активную реактивацию, историческую изменчивость и возможность инноваций – с другой. Именно диспозиционная природа обеспечивает формирование диссонирующих профилей научного габитуса в условиях коммерциализации научной практики.

Современное академическое сообщество подвержено процессу диверсификации и является многослойным, что отражается в создании различных типологий. Так, финские исследователи О.-Х. Илийоко и Л. Хенрикссон на основе данных фокус-групп представителей социальных наук выделяют пять типов, различающихся ценностными ориентациями, карьерными стратегиями и взаимоотношениями с университетом, назвав их «новичками в академической элите», «жертвами преподавательской ловушки», «академическими работниками», «членами академической группы», «академическими фрилансерами» [11]. Первый тип демонстрирует приверженность академической свободе, высокую публикационную активность, слабые связи с университет-

скими структурами. Он ориентирован на исследовательскую деятельность в виде участия в форумах, формирования исследовательских сетей, минимизации преподавательской деятельности. Второй тип сконцентрирован на преподавательской деятельности, которая, с одной стороны, сопровождается психологической поддержкой студентов, с другой – недооценивается руководством университетов, ожидающим от своих сотрудников демонстрации не только преподавательской, но и исследовательской компетенции. Третий тип ориентирован на устойчивую занятость посредством выработки как преподавательских, так и исследовательских навыков и нередко сопровождается выполнением административных обязанностей. Приверженность данного типа определенному университету обусловлена пониманием любой академической структуры как непрозрачной, авторитарной и постоянно меняющей правила своего функционирования. Четвертый тип демонстрирует приверженность к определенной исследовательской группе, которая, во-первых, часто носит междисциплинарный характер; во-вторых, предпочитает проекты, имеющие национальное или международное финансирование. Карьерная стратегия пятого типа направлена на создание собственного имени и исследовательской сети, приобретение репутации эксперта как в научной, так и в околонаучной среде.

Эмпирические исследования фиксируют как наличие несовпадения между научными и предпринимательскими установками и негативное влияние предпринимательской активности на научную результативность, так и формирование практики отказа от традиционной дихотомии фундаментальных и прикладных исследований, оценку ее как устаревшей и не отвечающей современным вызовам. Об этом свидетельствует изучение мотиваций учеными, которые ориентированы либо на выработку фундаментального знания, либо на прикладные исследования, либо совмещают различные виды деятельности. Использование квадранта-модели Д. Стокса позволило Н. Шишио, С.Р. Седита и Ю. Вава выделить три типа ученых, названных ими Эдисонами, Борами и Пастерами [12]. Тип «Эдисон» ориентирован на прикладные исследования, патентную и публикационную активность. Тип «Бор» представляет собой чистого теоретика, ориентированного на решение фундаментальных проблем, выработку объективного знания, имеющего, как следствие, высокий уровень цитируемости. Тип «Пастер» эффективно совмещает в себе фундаментальные исследования с решением прикладных задач. Авторы исследования делают вывод, что в условиях академического капитализма тип ученого, персонифицированный фигурой Л. Пастера, имеет наибольший успех, так как демонстрирует склонность к междисциплинарности и связь с бизнес-структурами. Однако в современных условиях подобный тип сталкивается с трудностями и ограничениями как субъективного (наличие не только исследовательских, но и предпринимательских навыков), так и объективного характера (несовпадение структурных и временных режимов работы университетов и бизнеса).

С опорой на воззрения А. Грамши, представленные в его «Тюремных тетрадах» [13], и понимание «интеллектуала» как того, кто совмещает функцию производителя знания с включенностью в более общий социальный контекст, китайский исследователь Хао Чжидун предлагает свою классификацию «идеальных типов» ученых на основе тех социальных ролей, которые

выполняют университетские профессора в современных условиях [14]. Первая ролевая функция обозначена им понятием «органический интеллеktуал» и выполняется теми, кто занимает прочные позиции в сложившейся социальной системе и отстаивает интересы определенных структур (государства, бизнеса, науки, образования). Возникновению данного типа в современных условиях способствуют сотрудничество университетов с бизнес-структурами и рост коммерчески ориентированного образования. В отличие от «органических интеллеktуалов», «профессиональные интеллеktуалы» выполняют роль производителей и трансляторов нового знания, поддерживая традицию рассмотрения академической сферы как источника общественного блага и производителя объективного знания. Говоря словами М. Фуко, это не производитель всеобщих истин («универсальный» интеллеktуал), а интеллеktуал-специалист, способный изменить «политический, экономический, институциональный строй производства истины» и освободить истину от различных форм гегемонии [15. С. 208]. Третьим типом является «критический интеллеktуал», ролевая функция которого состоит в критике и оппонировании общественной системы, рефлексивном отношении к сложившимся способам мысли и действия, попытке их объективации. Психологический дискомфорт, обусловленный современными процессами коммерциализации и корпоративизации, для «критического интеллеktуала» является неизбежным. На это указывают результаты эмпирических исследований, согласно которым 45% профессоров рассматривают процессы коммерциализации и корпоративизации как источник психологической напряженности при выполнении традиционных функций обучения, исследования, экспертизы и критики.

Представляется, что одной из причин кризиса профессиональной идентификации в современной академической сфере является отсутствие однозначности в понимании социальной миссии университета, которая варьируется от средства просвещения и выработки нового знания, выполнения функции социального контроля и роли агента социализации до участия в процессах социальной поляризации и поддержания институтов власти. В этих условиях академическое сообщество становится зависимым не только от частного интереса бизнеса или государства, но и от институциональной неопределенности самой академической сферы.

Выводы

Характерный для современной науки процесс коммерциализации имеет агент-структурную детерминацию как со стороны неолиберализма, который в качестве структуры является одновременно средой и результатом действий академического сообщества. Последнее, в качестве агента реализует различные формы предпринимательства (академическое, исследовательское, преподавательское), само конституирует теорию и практику неолиберализма. В условиях требования капитализации научных исследований современное научное сообщество не является гомогенным, оно все более диверсифицируется, что подтверждается созданием различных типологий, которые отражают разнообразие ценностных ориентаций и поведенческих стратегий и варьируются от формирования нового «рыночного» профиля до воспроизведения традиционных исследовательских и преподавательских функций. Разнообразие критериев, положенных в основание различных типологий, позволяет

говорить о габитуальном основании научной практики как единстве институциональных структур и личностных диспозиций. При этом связь личных способов видения и делания с глобальными социальными процессами может принимать форму как соперничества и конфликта, так и адаптации или взаимодействия.

Литература

1. *Park T.* Academic capitalism and its impact on the American professoriate // *Journal of the professoriate*. 2012. Vol. 6, № 1. P. 84–99.
2. *Omer Attali M., Yemini M.* Initiating consensus: Stakeholders define entrepreneurship in education // *Educational review*. 2016. P. 1–18.
3. *Шумпетер Й.* Теория экономического развития : Капитализм, социализм и демократия. М. : ЭКСМО, 2007.
4. *Макконнелл К.Р., Брю С.Л.* Экономикс. М. : ИНФРА-М, 2003.
5. *Johannisson B.* Limits to and prospects of entrepreneurship education in the academic context // *Entrepreneurship & regional development*. 2016. Vol. 28, № 5–6. P. 403–442
6. *Parsons T.* The professional and social structure // *Essays in sociological theory*. Glence (IL): Free press. 1954. P. 34–49.
7. *Bourdieu P.* Structures, habitus, practices // *The Logic of Practice*. Stanford : Stanford University Press, 1990. P. 52–65.
8. *Lahire B.* L'Homme pluriel. Les ressotts de l'action. Paris, Nathan, 1998.
9. *Вебер М.* Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. С. 707–735.
10. *Merton R.K.* Social theory and social structure. New York : The Free Press, 1968.
11. *Ylijoko O.-H., Henriksson L.* Tribal, proletarian and entrepreneurial career stories: Junior academics as a case in point // *Studies in higher education*. 2015. Vol. 42, № 7. P. 1–18.
12. *Shichijo N., Sedita S.R., Baba Y.* How does the entrepreneurial orientation of scientist affect their scientific performance? : Evidence from the quadrant model // *Technology analysis & strategic management*. 2015. Vol. 9. P. 1–17.
13. *Грамуш А.* Тюремные тетради : в 3 ч. М. : Изд-во полит. литературы, 1991. Ч. 1. 526 с.
14. *Hao Zhidong* Commercialization and corporatization versus professorial roles and academic freedom in the United States and Greater China // *Chinese sociological review*. 2015. Vol. 47, № 2. P. 103–127.
15. *Фуко М.* Интеллектуалы и власть : Избранные политические статьи, выступления и интервью / пер. с фр. С.Ч. Офергаса; под общ. ред. В.П. Визгина, Б.М. Скуратова. М. : Праксис, 2002.

Natalya A. Ivanova, Novokuznetzk Institute (Branch) of Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation).

E-mail: ivanova-nkfi@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 46. pp. 128–136.

DOI: 10.17223/1998863X/46/15

DISCORDANT PROFILES OF ACADEMIC HABITUS IN THE CONDITIONS OF ACADEMIC PRACTICE COMMERCIALIZATION

Keywords: academic capitalism; entrepreneurship; academic practice; profiles of academic habitus.

The reasons for the formation and spread of the practice of academic capitalism are considered. It is argued that the commercialization of the academic sphere is not only the effect of the spread of neoliberalism, but also the result of the activities of the academic community itself. The author asks the questions of which understanding of entrepreneurship underlies today's practice of academic capitalism, how it is realized, which common and different features the academic sphere and business have. It is shown that entrepreneurship is a product of agent-subject determination; it is represented by a variety of forms, which creates uncertainty in the use of this term in the academic practice analysis and the impossibility of its reducing entirely to the economic aspect. The forms of entrepreneurship in the academic sphere such as academic, research and educational are identified. It is stated that the formation and spread of the practice of academic capitalism is accompanied by a variety of behavioral

models of academic community representatives. The author introduces the notion of profiles of the academic habitus represented by a set of typical forms of activity that characterize the modern practice of academic capitalism and form the dynamic framework depending on institutional structures and personal dispositions. As evidence, the author refers to the results of empirical studies, according to which the academic community is exposed to diversification and it is multilayered. It is concluded that interaction between the economy and the academic sphere is asymmetric. The reduction of government spending, the disposal of different types of academic activities and the formation of the “market” profile of the academic habitus make it necessary to preserve the academic sphere as an organization whose entrepreneurship consists in the universalization of knowledge as a public good.

References

1. Park, T. (2012) Academic capitalism and its impact on the American professoriate. *Journal of the Professoriate*. 6(1). pp. 84–99.
2. Omer Attali, M. & Yemini, M. (2016) Initiating consensus: Stakeholders define entrepreneurship in education. *Educational Review*. 69(2). pp. 1–18. DOI: 10.1080/00131911.2016.1153457
3. Shumpeter, J. (2007) *Teoriya ekonomicheskogo razvitiya. Kapitalizm, socializm i demokratiya* [The Theory of Economic Development. Capitalism, socialism and democracy]. Translated from German. Moscow: EKSMO.
4. McConnell, K.R. & Brue, S.L. (2003) *Ekonomiks* [Economics]. Translated from English. Moscow: INFRA-M.
5. Johannisson, B. (2016) Limits to and prospects of entrepreneurship education in the academic context. *Entrepreneurship & Regional Development*. 28(5-6). pp. 403–423. DOI: 10.1080/0895626.2016/1177982
6. Parsons, T. (1954) *Essays in Sociological Theory*. Glence (IL): Free press. pp. 34–49.
7. Bourdieu, P. (1990) *Structures, habitus, practices. The Logic of Practice*. Stanford: Stanford University Press. pp. 52–65.
8. Lahire, B.L. (1998) *L'Homme pluriel. Les ressotts de l'action* [The plural man. The resources of the action]. Paris: Nathan.
9. Weber, M. (1990) *Isbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Translated from German. Moscow: Progress. pp. 707–735.
10. Merton, R.K. (1968) *Social Theory and Social Structure*. New York: The Free Press.
11. Ylijoko, O.-H. & Henriksson, L. (2015) Tribal, proletarian and entrepreneurial career stories: Junior academics as a case in point. *Studies in Higher Education*. 42(7). pp. 1–18. DOI: 10.1080/03075079.2015.1092129
12. Shichijo, N., Sedita, S.R. & Baba, Y. (2015) How does the entrepreneurial orientation of scientist affect their scientific performance? Evidence from the quadrant model. *Technology Analysis & Strategic Management*. 9. pp. 1–17. DOI: 10.1080/09537325.2015.1044959
13. Gramsci, A. (1991) *Tyuremnye tetradi: v 3 ch.* [Prison notebooks]. Vol. 1. Translated from Italian by G. Smirnov, V. Dmitrenko, P. Kozlov, E. Molochkovskaya, A. Orel, L. Popov, Yu. Suvorov. Moscow: Izdatelstvo politicheskoy literatury.
14. Hao Zhidong (2015) Commercialization and corporatization versus professorial roles and academic freedom in the United States and Greater China. *Chinese Sociological Review*. 47(2). pp. 103–127. DOI: 10.1080/21620555.2014.989806
15. Foucault, M. (2002) *Intellektualy i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yu* [Intellectuals and power: Selected political articles, speeches and interviews]. Translated from French by S.C. Ofertas. Moscow: Praksis.

УДК: 316.613

DOI: 10.17223/1998863X/46/16

Н.П. Погодаев

ОБРАЗ ГРИГОРИЯ ПОТАНИНА В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ СИБИРЯКОВ: ОТ МОДЕРНА К ПОСТМОДЕРНУ И ДАЛЕЕ¹

Анализируются механизмы институализации образа выдающегося исследователя Сибири Г. Потанина в общественном сознании Сибири в эпоху модерна и транзит этого образа как ценности последующим поколениям. Деятельность ученого рассматривается в сопоставлении с трудами Ф. Тёрнера, выступившего с «Тезисами о фронтире». Анализируется легенда о роли королевы Великобритании Елизаветы Второй в увековечивании памяти о сибирском патриархе.

Ключевые слова: Григорий Потанин, Сибирь, Фредерик Тёрнер, Елизавета Вторая.

Введение

Организаторы конференции, на которой был прочитан одноименный доклад, исходили из того, что Новое время было отмечено феноменом появления публичных фигур, которые становились лидерами общественного мнения. Участники форума рассматривали феномен «героев нашего времени» через анализ формирования и институализации культовых личностей в конкретные эпохи, анализировали качества, благодаря которым эти культовые личности становились проекцией коллективных надежд, страхов, фрустраций и самоиндефикации представителей разных поколений. В круг героев на конференции были включены самые различные акторы – от государственных деятелей и полководцев до видеоблогеров и законодателей мод. В секции «Учёный как «культовый герой», рассматривались механизмы институализации в общественном сознании образов выдающихся представителей науки. Целью данной статьи является анализ формирования образа сибирского исследователя, общественного деятеля, публициста, одного из идеологов сибирского областничества Григория Николаевича Потанина (1835–1920) в общественном сознании Сибири конца XIX – начала XX в. и транзит этого образа как ценности последующим поколениям.

Темпорально-топологический взгляд на проблему

Фраза «герой нашего времени» делает фокус на темпоральности. Но для нашего героя чрезвычайно важно то географическое пространство, в котором он жил и в котором сохраняется память о нём. Григорий Потанин – герой Сибири как части России. Это дает основания для рассмотрения его образа под темпорально-топологическим углом зрения.

С темпоральной точки зрения эпоха Потанина – это время, когда Сибирь уже не была источником валюты в виде пушнины и ещё не была источником

---

¹ Статья написана на основе материалов доклада, прочитанного на конференции «„Герой нашего времени“: лидеры общественного мнения и их культы в эпоху (пост)модерности», проведенной 1–3 июня 2018 г. в Москве редакцией журнала «Новое литературное обозрение» и Европейским университетом в Санкт-Петербурге.

валюты в виде углеводов. Это была эпоха, когда регион становился не только местом каторги и ссылки, но и активно заселялся свободными выходцами из-за Урала [1]. В непростых природно-климатических и социально-экономических условиях они осваивали и исследовали этот край. Г. Потанин принадлежал к тем, кто видел в Сибири не просто огромный ресурс развития страны, но и ресурс улучшения жизни тех, кто населял эти земли. И переселенцев, во всём их многообразии, и коренных народов Сибири, чья численность сокращалась, а иные исчезали вовсе. Неутомимая деятельность Потанина в эпоху модерна поставила в повестку дня проблемы, которые не просто сохраняют, а приобретают ещё большую актуальность в эпоху постмодерна. Его пассионарность, как единство личности и тех идей, что находят отклик в сердцах большого количества людей, – явление иррациональное, неуловимое, но постоянно возрождающееся из пепла и прорастающее в помыслах потомков. Идеи, которые провозглашает пассионарий, суть нерешенные проблемы, занимающие умы всё новых и новых поколений. Пассионарность Григория Потанина соединяет минувшие эпохи Сибири с нынешней и теми, что ещё не наступили. По справедливому замечанию сибирского этнографа Андрея Сагалаева, «само областничество есть скорее образ мышления и действий, чем политическая доктрина. Это сибирское умонастроение, и оно изменяется сообразно условиям местной жизни, обретает новые черты и утрачивает устаревшие» [2. С. 158]. В прочтении первых десятилетий XX в. присвоенное Потанину почетное звание «Гражданин Сибири» было проекцией нереализованной идеи автономии региона. Обращение к памяти и идеям Гражданина Сибири сегодня связано с необходимостью решения как части прежних, так и новых проблем развития.

Механизмы институализации образа культовой личности

Рост интереса к Потанину и конструирование его образа в позднесоветский и особенно в постсоветский периоды происходили под влиянием целого ряда обстоятельств, которые стали механизмами институализации образа культовой личности. Во-первых, это протест против идеологических маркеров и стигм советской эпохи, когда часть официальных историков рассматривала сибирское областничество как антигосударственную идеологию. Арест и осуждение на каторжные работы за продвижение идей областничества усиливали мессианский образ Потанина через ореол страданий. Потанин-областник рассматривается как заступник за население Сибири. Явная оппозиционность большевикам, которая рассматривалась как контрреволюционная деятельность, сегодня трактуется как сопротивление становлению тоталитарного строя. Вторая причина институализации культовой личности – это стремление воздать должное учёному, совершившему четыре выдающихся экспедиции, первым из европейцев описавшему Северную, Восточную и Центральную Монголию, Ордос, восточные окраины Тибета, получившему высшую награду Императорского Русского географического общества – Золотую Константиновскую медаль.

Герой, как правило, наделяется мускулиными чертами. Григорий Потанин был невысок ростом, не обладал мощным телосложением, не имел мундиров с орденами. Но мускулиность образа формировалась за счет образа путешественника, первопроходца, преодолевавшего тяготы экспедиций. Этот

образ имел превосходные коннотации в связи с тем, что в эпоху модерна благополучие людей во многом зависело от освоения территории, разведки её богатств. Долгая физическая и научная жизнь ученого, его активная общественная и публицистическая деятельность стали основой формирования в общественном сознании сибиряков образа сибирского патриарха.

Григорий Потанин и Фредерик Тёрнер

Образ Григория Потанина как героя пространства, исследованию которого он посвятил свою жизнь, может быть рассмотрен и в сопоставлении с другим исследователем той же эпохи. В 1893 г. американский историк Фредерик Тёрнер выступил со своими «Тезисами о фронтире». Позже идея фронта получила дальнейшее развитие в работах учёного и нашла воплощение в его более масштабной работе «Фронтир в американской истории» [3].

Описывая поступательный процесс продвижения поселенцев на Запад, Тёрнер говорил о фронтирах торговцев, ранчеров, фермеров, горняков, предпринимателей. А самого Тёрнера можно считать представителем исследовательского, научного фронта. Ту же роль в Сибири выполнял Григорий Потанин. Для Тёрнера фронтир был тем местом, где складывалась собственная культура, отличная от культуры метрополии, откуда прибыли колонисты. Именно из природы фронта Тёрнер выводит самобытность формирования их собственной культуры на осваиваемых землях. Никто не проводит безусловных аналогий между освоением Северной Америки и Сибири – различия велики и очевидны. Но и областничество возникло не на пустом месте. Оно было рефлексией на новые условия Сибири, которые представляли собой сплав целого ряда обстоятельств. Среди них удаленность от центра страны; огромные пространства, богатые лесом, зверем, рыбой, а позже и разведанными полезными ископаемыми; мировоззрение землепроходцев – людей рискованных и не всегда управляемых; тесное и непростое взаимодействие с местными народами; отсутствие помещичьего землевладения и крепостного права, относительно небольшое количество служилого дворянства, влияние купечества и его капиталов; перемешивание представителей разных территорий Центральной и Западной России в формировавшемся населении Сибири, немалое количество сосланных, беглых; наличие среди ссыльных представителей просвещенного класса из разных регионов империи, из числа военнопленных и т.д.

Так что при всём отличии тех условий, в которых находились Тёрнер и Потанин в одну и ту же эпоху, существует немалое количество обстоятельств, которые сближали их по духу, стремлению увидеть, изучить и вербализовать специфику той ситуации, которая складывалась в колонизируемых землях – будь то Северная Америка или Сибирь. И Тёрнер и Потанин обращали внимание на необходимость образования и просвещения в новых землях, необходимость становления там новых общественных институтов. Постепенно термин «фронтир» обрёл более широкое толкование как область или сфера, открывающая новые возможности. По мысли Тёрнера, фронтир формировал культуру американских фронтирмэнов. Сибирь как фронтир формировала культуру Григория Потанина. Эта культура проявлялась в его исследовательской, общественной и публицистической деятельности.

Пространство единомышленников

Сила Потанина заключалась в том, что он олицетворял собой главный тренд эпохи модерна – веру в науку и гуманизацию жизни. В этом отношении Потанин был героем того пространства единомышленников, без которого никогда бы не вошёл в историю и не остался бы в ней. Это и жена Александра Викторовна, получившая за вклад в науку Малую серебряную медаль Императорского Российского географического общества, и сподвижник Николай Михайлович Ядринцев, написавший свой труд «Сибирь как колония: к юбилею трёхсотлетия: современное положение Сибири, её нужды и потребности, её прошлое и будущее» (1882), и публицист, исследователь, редактор газеты «Сибирская жизнь» Александр Васильевич Адрианов, и геолог, писатель, академик Владимир Афанасьевич Обручев, выпустивший о Потанине две книги – в 1916 и 1947 гг.

Частью образа героя можно считать и травмы утрат. Невосполнимыми утратами были и смерть в экспедиции на территории Китая жены, тело которой Потанин вёз четыре дня, чтобы похоронить на русской земле. Землёй этой стала знаменитая приграничная Кяхта. Утратой была и трагическая кончина Николая Ядринцева, который застрелился в Барнауле. И конечно же, расстрел томскими чекистами в марте 1920 г. сибирского публициста и просветителя Александра Адрианова.

Потанин и королева: легенда и общественное сознание

Институализации образа культовой личности отчасти содействовала история перезахоронения праха первого почетного Гражданина Сибири. Она включила и своеобразие сохранения памяти о выдающихся личностях в условиях советской эпохи, и некую мифологему. Г.Н. Потанин умер летом 1920 г. и был похоронен на кладбище Иоанно-Предтеченского монастыря Томска. После войны, в конце сороковых, кладбище закрыли, а его территорию отвели под застройку. До революции и в первые годы после неё выдающихся людей Томска и революционеров хоронили в церковных оградах. В 30-е гг. многие храмы были снесены, большинство захоронений – уничтожены, а сохранённые могилы большевиков оказались в публичном городском пространстве. Тем самым был создан некий прецедент появления могил в публичном пространстве города. И хотя он не получил большого распространения, тем не менее в посмертной судьбе Потанина сыграл, возможно, немалую роль. Документально подтверждено, что идея перезахоронения праха ученого принадлежит Академии наук СССР. Именно оттуда поступило письмо по этому поводу на имя председателя Томского облисполкома. Фотокопия письма опубликована в книге В.Д. Славнина «Томск сокровенный» [4]. Но легенда гласит, что помимо академика Обручева, «Литературной газеты» и томского геолога и краеведа Д.П. Славнина, в судьбе праха почетного Гражданина Сибири приняла участие и королева Великобритании Елизавета Вторая [5. С. 45–46].

Якобы Её Величество обратилась к правительству Советского Союза с запросом о том, как на родине Потанина увековечена память о выдающемся путешественнике, и именно это стало главной причиной переноса праха ученого. Осенью 1956 г. группа из нескольких томских учёных и энтузиастов без

какой-либо помпы перезахоронила прах Г. Потанина не где-нибудь на новом кладбище, а в Университетской роще, в которой тогда ещё стояли памятник Сталину и скульптура «Ленин и Сталин в Горках». Два года спустя над новой могилой на мраморном постаменте был установлен отлитый из чугуна бюст Г. Потанина. На его открытие не пришёл ни один томский историк. Но установка памятника привела к визуализации образа сибирского патриарха для новых поколений. Локус памятника подчеркивал причастность Потанина к университету – чрезвычайно важному символу Томска, Сибири. Памятники вождям в Университетской роще исчезли, а памятник Потанину остался.

До конца неясно, почему удалось перезахоронить опального областника, яростно выступавшего против большевиков, в публичном пространстве Томска. Сюжет с запросом королевы многое вроде бы проясняет – ведь как бы при советской власти ни ругали Запад, именно перед ним та власть пыталась выглядеть прилично. Но с какой стати королева, всего четыре года тому назад вступившая на престол, озаботилась местом захоронения сибирского ученого? Ни документов, ни комментариев по этому поводу пока найти не удалось. Нет данных о том, что Потанин был членом британских королевских научных обществ. Более того, в регионах, где проходили экспедиции Потанина, интересы Российской и Британской империй сталкивались. Что до ходайств учёных и краеведов, то вряд ли власти той эпохи были склонны к ним прислушиваться. Тем более когда речь шла о человеке, открыто и яростно выступавшем против большевиков и сумевшем предугадать ужасную суть их власти. Но есть и ещё одно удивительное обстоятельство – именно в 1956 г. на Успенском кладбище Кяхты был установлен памятник жене Г.Н. Потанина – Александре Викторовне. Кладбище, где были могилы большого количества известных людей, вложивших в процветание Кяхты огромные силы и средства, позже было снесено бульдозером, а на его месте планировали построить стадион. Но могила А.В. Потаниной уцелела и обихожена до сих пор. Я видел это своими глазами летом 2017 г.

Что стоит за совпадением переноса праха Григория Потанина в Томске и установкой памятника на могиле Александры Потаниной в Кяхте спустя более шестидесяти лет после её смерти? Легенды, драматизируя события, оказывают очень мощное влияние на общественное сознание и конструирование образа выдающейся личности. Влияние культуры и науки развитых стран, несмотря ни на что, привело к тому, что помощь Запада стала архетипом российского массового сознания. Присутствие в русском менталитете убеждения в весомости заступничества Запада является ещё одним механизмом конструирования образа героя эпохи. В данном случае фигура британской королевы имеет, возможно, чисто символический характер. Главное – присутствие в общественном сознании версии, что нашим учёным, путешественником, областником и в Англии интересуются.

Транзит образа харизматической личности – к постмодерну и далее

Важной причиной обращения к образу Г.Н. Потанина является усиление региональной рефлексии в постсоветский период как населения, так и государственных структур Сибири. Что касается последних, то ими в 1990 г. была создана Межрегиональная ассоциация экономического взаимодействия «Си-

бирское соглашение», объединившая органы государственного управления 19 регионов Сибири [6]. Она предпринимала попытки отстоять на новом этапе развития страны те самые интересы региона, о которых говорил и писал Потанин. До создания в 2000 г. Сибирского федерального округа «Сибирское соглашение» активно лоббировало интересы сибирских регионов перед федеральным центром.

Несмотря на те огромные изменения, которые произошли в Сибири на протяжении XX и начала XXI в., нынешнее развитие региона связано с целым рядом прежних и вновь возникающих проблем. Это и мощный приток в Сибирь мигрантов из Центральной Азии, формирующих трансконтинентальное общество, и всё более энергичное вхождение в регион капиталов и менеджмента Китая, и проблемы федеративного устройства и местного самоуправления, необходимость удержания в регионе наиболее креативной части населения Сибири и Дальнего Востока и т.д. Внимание к изучению проблем Сибири, которому посвятил свою жизнь сибирский патриарх, прочитывается в новых реалиях, но неизменно напоминает о таланте и упорстве человека, ставшего для Сибири выразителем её надежд.

Поддача и восприятие информации о Григории Потанине определяется и особенностями когнитивного потенциала аудитории. В Томске много людей с высшим образованием, что делает образ исследователя Сибири и Центральной Азии понятным и притягательным. Но в целом аудитория, к которой обращён образ Григория Потанина, весьма гетерогенна. Её категорическим императивом выступают осознание своей региональной принадлежности в составе России и потребность отстаивать интересы самореализации и качества жизни соразмерно тем ресурсам и возможностям, которыми располагает Сибирь. На этой основе возникают некие архетипы массового сознания, в рамках которых образ Григория Потанина актуализируется в условиях разных эпох. Так возникает феномен транзита образа харизматической личности во временном пространстве – от модерна, к постмодерну и далее.

В завершение ещё раз подчеркнем, что образ героя – это всегда конструкт, возникающий в умах современников и потомков, осмысливающих и оценивающих человека в контексте эпохи и пытающихся передать его образ как ценность последующим поколениям. Поддержке образа Г.Н. Потанина служит сегодня целый ряд обстоятельств. Во-первых, это многообразные нерешенные проблемы Сибири, которые население этого огромного края испытывает на уровне своих повседневных практик. Во-вторых, неиссякаемый интерес ученых и публицистов к личности Потанина – перечень посвященных ему работ, написанных с 1915 по 2004 г., приводится в издании «Томск от А до Я. Краткая энциклопедия города» под редакцией Н.М. Дмитриенко [7]. В-третьих, то, что именем Потанина названы улицы в более чем десятке городов России и Казахстана¹. И наконец, то, что из года в год, изо дня в день всё новые и новые поколения студентов и преподавателей Томского университета, идущие от главного корпуса к Научной библиотеке и обратно, и просто томичи или гости города, зашедшие в Университетскую рощу, видят за небольшой группой кедров памятник Григорию Потанину – герою эпох модерна, постмодерна и тех, что ещё не наступили.

¹ В честь Г.Н. Потанина названы улицы в посёлке Агинское, Кяхте, Иркутске, Томске, Новосибирске, Омске, Нижнем Новгороде, Усть-Каменогорске, Кокшетау, Астане, Алматы.

Литература

1. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония: к юбилею трёхсотлетия : Современное положение Сибири, её нужды и потребности, её прошлое и будущее. СПб., 1882. XI, 471 с.
2. Сагалаев А.М., Крюков В.М. Потанин, последний энциклопедист Сибири : Опыт осмысления личности. Томск: Изд-во НТЛ, 2004. 205 с.
3. Тёрнер Ф. Фронтир в американской истории / пер. с англ. А. И. Петренко. М. : Весь Мир, 2009. 304 с.
4. Славнин В.Д. Томск сокровенный. Томск : Кн. изд-во, 1991. 328 с.
5. Корнилов Н. Спасибо королеве Великобритании за Потанина // Сибирская старина. 1999. № 16 (21). С. 45–46.
6. Сибирское соглашение Межрегиональная ассоциация экономического взаимодействия. URL: <http://www.sibacc.ru/> (дата обращения: 25.11.18).
7. Томск от А до Я: Краткая энциклопедия города / под ред. д-ра ист. наук Н.М. Дмитриенко. Томск : Изд-во НТЛ, 2004. 440 с.

Nikolay P. Pogodaev, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: nik-pogodaev@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 46. pp. 137–144.

DOI: 10.17223/1998863X/46/16

THE IMAGE OF GRIGORY POTANIN IN THE PUBLIC CONSCIOUSNESS OF SIBERIANS: FROM MODERNITY TO POST-MODERNITY AND BEYOND

Keywords: Grigory Potanin; Siberia; Frederick Turner; Queen Elizabeth II.

The paper focuses on the mechanisms by which the image of an eminent explorer of Siberia and Central Asia, Grigory Potanin, was institutionalized in the public consciousness of Siberians at the turn of the 19th century, and discusses the transmission of this image to the following generations as a public value. The hero phenomenon is treated from a temporal and topological point of view. The significance of Potanin's work is explained by the fact that the issues he put on the agenda in modern times are gaining more attention in the post-modern era, and the ideas that he voiced pose unsolved problems that are taken on by new generations of scholars. The mechanisms of institutionalizing the image of Potanin in the public consciousness of the late Soviet and post-Soviet eras were the protest against the ideological markers and stigmas of the Soviet era, the concern to honor the great scholar and the intensification in the regional critical thought both on the part of the population and the state institutions in Siberia. The work of Potanin is contrasted against the work of Frederick Turner, an American scientist who at the same time advanced his "Frontier Thesis". Siberia, as a frontier, formed Potanin's culture, which manifested itself in his scientific, public and publishing endeavors. The scholar's image was further fixed in the Siberian public consciousness by the circle of his allies and supporters. Another event that helped to institutionalize the image of this great personality, the first Distinguished Citizen of Siberia, was the reburial of his remains. Potanin's story incorporated both the Soviet features of preserving memories of outstanding persons and a certain mythology – the alleged role Queen Elizabeth II played in maintaining Potanin's grave. The paper concludes that a number of circumstances now uphold the image of Potanin in Siberians' public consciousness: the development of the Trans-Ural territory, the unwavering enthusiasm of scholars and journalists directed towards Potanin's personality, the perpetuation of his memory in street names in Russia and Kazakhstan, and the location of the "Siberian partriarch's" grave in the grove of Tomsk State University.

References

1. Yadrinsev, N.M. (1882) *Sibir' kak koloniya: k yubileyu trokhsotletiya: Sovremennoe polozheniye Sibiri, ee nuzhdy i potrebnosti, ee proshloye i budushchee* [Siberia as a colony: for the anniversary of the 300th anniversary: The current state of Siberia, its needs and requirements, its past and future]. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich.
2. Sagalae, A.M. & Kryukov, V.M. (2004) *Potanin, posledniy entsiklopedist Sibiri: Opyt osmysleniya lichnosti* [Potanin, the last encyclopaedist of Siberia: The comprehension of personality]. Tomsk: NTL.
3. Turner, F. (2009) *Frontir v amerikanskoj istorii* [Frontier in American History]. Translated from English by A.I. Petrenko. Moscow: Ves' Mir.
4. Slavnin, V.D. (1991) *Tomsk sokrovennyy* [Intimate Tomsk]. Tomsk: Kn. izd-vo.

5. Kornilov, N. (1999) Spasibo koroleve Velikobritanii za Potanina [Thanks to the Queen of Great Britain for Potanin]. *Sibirskaya starina*. 16(21). pp. 45–46.

6. Sibacc.ru. (n.d.) *Sibirskoe soglashenie Mezhhregional'naya assotsiatsiya ekonomicheskogo vzaimodeystviya* [Siberian Agreement Interregional Association for Economic Cooperation]. [Online] Available from: <http://www.sibacc.ru/>. (Accessed: 25th November 2018).

7. Dmitrienko, N.M. (ed.) (2004) *Tomsk ot A do Ya: Kratkaya entsiklopediya goroda* [Tomsk from A to Z: A Brief Encyclopedia of the City]. Tomsk: NTL.

УДК 316.7

DOI: 10.17223/1998863X/46/17

А.В. Филькина

ПРАВОВОЙ КОНТРОЛЬ НАД НОВЫМИ РЕЛИГИОЗНЫМИ ДВИЖЕНИЯМИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС И СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ¹

Анализируется практика законодательного контроля над деятельностью новых религиозных движений (НРД). Кратко обрисована история взаимодействия правовой системы с новорелигиозными группами с момента их появления в 1960-х гг. в США; рассмотрено, каким образом можно использовать концепции из социологии права (Д. Блэка и В. Чамблисса) для выделения факторов, влияющих на динамику процесса законодательного и социального контроля в отношении НРД.

Ключевые слова: социология религии, социология права, новые религиозные движения, правовой контроль.

В данной статье предлагается обзор и анализ определенного методологического фокуса в исследованиях новых религиозных движений (НРД), реализованного в работах Джеймса Ричардсона. Джеймс Ричардсон, профессор социологии и юриспруденции, долгое время возглавлявший магистерские программы по получению степени в правовых исследованиях («Master of Judicial Studies Degree Program») в Университете Невады (г. Рино, США), является одним из наиболее известных в США специалистов в области исследований НРД. Руководитель множества исследований, автор более десяти монографий, работая на стыке двух дисциплин – юриспруденции и социологии, Ричардсон в своих исследованиях правового регулирования деятельности религиозных организаций использует концепции из социологии права, в том числе теорию Дональда Блэка и подход Вильяма Чамблисса. Поскольку данный подход обладает, на мой взгляд, огромным эвристическим потенциалом и в России он мало известен, предлагаю ознакомиться с его основными положениями, а также взглянуть через его призму на историю взаимодействия НРД с законодательными системами в США, европейских странах и России.

1. Исторический экскурс: эволюция способов контроля над НРД в США и Европе

НРД как специфические формы новорелигиозных групп появились в США в 1960-е гг. В качестве социальной реакции фактически сразу же в США стало формироваться и прошло институционализацию движение сопротивления новым религиям – «антикультовое движение». Собственно, именно американское антикультовое движение в различных его формах стало

---

¹ Материал для статьи набран в ходе выполнения гранта Фулбрайта для молодых преподавателей 2015 г.

основным инициатором попыток законодательного и социального контроля в отношении НРД, сформированные в рамках этого движения идеология и дискурс были позже (в 1970-е гг.) экспортированы в Европу, где также оказали значительное влияние на отношения между правовыми системами различных европейских стран и новорелигиозными группами. Если попытаться кратко обрисовать основной вектор динамики взаимодействия правовой системы в США и Европе с новорелигиозными группами в 1960–1990-е гг., то получается следующая формулировка: смещение от обвинений в «промывке мозгов» к «обвинениям в насилии над детьми» [1. Р. 3].

Когда новые религиозные движения, или «культы», как их называли в СМИ, появились в США в 1960-х гг., они встретили очень негативную реакцию со стороны общества, которая оформилась в контркультурные и антикультурные движения [2. Р. 125]. Разница между контркультурными и антикультурными группами заключалась в том, что первые, организованные протестантскими объединениями, критиковали НРД с теологической точки зрения («уводят от истинной веры»), тогда как антикультурные движения, состоявшие изначально из обеспокоенных родственников, сфокусировались на околomedicalном и психологическом дискурсе, предъявив НРД в качестве основной претензии то, что они «вербуют» членов насильственным путем, используя определенные психотехники. Ядром антикультурной идеологии стала концепция «промывки мозгов» – предполагалось, что взрослые люди не могут стать членами новорелигиозных групп и оставаться в них, изменив обычные паттерны поведения, иначе как потому, что над ними совершается «психологическое насилие» якобы через «вводящие в транс техники» – повторение мантр, медитацию, молитвы, глоссолалию в сопровождении различных форм группового контроля – усиленного давления группы, взаимных откровений, «бомбардировки любовью», строгих выматывающих диет, информационного контроля и социальной изоляции. Не имея под собой научных аргументов [3. Р. 103–117], концепция «промывки мозгов» стала весьма действенным инструментом в формировании общественного мнения, а ее лоббисты – антикультурные движения оказали сильное влияние на законодательную политику в отношении НРД не только в США, но и в других странах.

Обвинения в «промывке мозгов» получили широкое распространение в судебной системе США, особенно в 1970–80-е гг. Гражданские суды в США нередко сталкивались с ситуацией, когда бывшие члены НРД пытались взыскать деньги с тех новорелигиозных групп, членами которых они были в недавнем прошлом, выставляя среди прочих обвинения в том, что им там «промывали мозги». Судьи в США до середины 1980-х гг. в таких случаях удовлетворяли иски и вменяли обвиняемым НРД (например, Церкви объединения, обществу «Харе Кришна», сайентологам) многомиллионные штрафы [4]. Обвинения в промывке мозгов также всплывали в тех гражданских судах, в которых рассматриваются семейные дела – например, для отчуждения детей от родителей, входящих в те или иные НРД, по заявлениям, исходящим от обеспокоенных родственников. Нередко родственники членов НРД прибегали к помощи так называемых «депрограмматоров» для извлечения родственника из «культы». Депрограмматоры фактически нарушали закон, похищая людей против их воли и применяя к ним физическое насилие, но, как

правило, похитителей оправдывали в суде, поскольку их защитники апеллировали все к той же парадигме «промывки мозгов», представляя акт похищения и депрограммирования вынужденным меньшим злом по сравнению с попаданием человека в «культ» [5].

В течение примерно тридцати лет в США судьи принимали доказательство, опирающиеся на идею «промывки мозгов», а в качестве «экспертов» на судебные слушания допускались депрограмматоры [6, 7].

К 1990-м гг. апелляция к концепту «промывки мозгов» перестала в США приниматься судами в качестве аргумента – в силу его признанной необоснованности [8]. В 1990 г. в Калифорнии федеральный судья Фишмэн вынес решение по иску бывшего сайентолога, который подал в суд на Церковь сайентологии и привлек двух известных сторонников теории «промывки мозгов» в качестве экспертов: в ходе разбирательства эти эксперты были отстранены от судебной процедуры, в иске было отказано. Это «решение Фишмэна» было использовано в качестве прецедента Федеральным апелляционным судом округа Колумбии: федеральный окружной суд допустил в качестве эксперта в деле против религиозной организации «Трансцендентальной медитации» одного из сторонников теории «промывки мозгов», который был отстранен в деле Фишмэна, и дело было решено в пользу обвинителей, но в апелляционном суде данное решение было отменено – на основании критики показаний, опирающихся на теорию «промывки мозгов». Эти ключевые судебные решения поставили точку в использовании аргументации, связанной с теорией «промывки мозгов» в американских судах [1. Р. 10].

С течением времени новые религиозные движения, появившиеся в 1960-е гг. и состоявшие преимущественно из молодых людей среднего класса, «взрослели» по мере того, как выросли их последователи. Члены НРД обзаводились семьями, детьми, их больше занимали вопросы экономического поддержания семьи, образ их жизни становился все более ординарным и респектабельным, а сами НРД – более институционализированными, менее «харизматическими» и более «одомашненными». Этот новый образ жизни сделал их более уязвимыми для новой тактики социального контроля со стороны государства. Новой ахиллесовой пятой новорелигиозных групп стали их семьи; в 1990-х гг. выросло число обвинений в насилии над детьми по отношению к членам новых религий [9. Р. 212]. Причем примечательным явлением стали не обвинения отдельных индивидов и семей в насилии над детьми (такие случаи, к сожалению, случались и случаются вне зависимости от религиозной идентичности), но именно «коллективные обвинения в насилии над детьми», предъявляемые всей новорелигиозной группе в целом.

Социологи Стюарт Райт и Сьюзан Палмер в работе «Штурм Zion» [10] описывают рейды в новорелигиозные общины в Америке, Австралии, Израиле и Западной Европе, понимая под рейдом «вторжение вооруженной дивизии правительственных военных агентов» [10. Р. 4], как правило, в сопровождении государственных чиновников. Эта тактика, которая обычно используется в отношении потенциально опасных и вооруженных преступников, например террористов или торговцев наркотиками, неоднократно применялась и в отношении новорелигиозных общин. В большинстве случа-

ев причинами рейдов стали именно обвинения в насилии над детьми, а также в сексуальном насилии, полигамии, финансовом или медицинском мошенничестве [10. Р. 5], т.е. случаи, которые, по сути, не требовали милитаризованных действий. Помимо известных трагедий с Уэйко и Аум Синреке, известность получила история с изъятием 439 детей из общины ортодоксальных мормонов и помещением их под принудительную опеку Техасскими властями в 1993 г. Позже выяснилось, что обвинение, на основании которого был произведен рейд, было сфабрикованным, дети не подвергались никакому насилию, уровень их образования и психологического самочувствия был нормальным, дети были возвращены родителям – правда, проведя на тот момент несколько месяцев в изоляции от своих семей [11. Р. 19]. Палмер и Райт обнаружили, что было проведено 116 рейдов с 1944 по 2012 г. в 17 различных странах (они искали случаи только в Северной и Южной Америке, Израиле, Австралии и Западной Европе), причем после 2000 г. произошло 35 случаев, так что данная практика отнюдь не исчезла из арсенала правоохранительных органов [10. Р. 6].

Одновременно на протяжении двадцати последних лет (примерно с начала 2000-х гг.) разворачивалась и крепла противоположная тенденция – повышение толерантности правовых систем США и Европы к новорелигиозным группам. Помимо вышеупомянутого решения судебной системы в США не принимать свидетельства против НРД, базирующиеся на концепции «промывки мозгов», эта тенденция проявилась в том, что с определенного момента Европейский суд по правам человека стал рассматривать нарушения 9-й статьи Конвенции о защите прав человека и основных свобод – о свободе религии: до этого момента, несмотря на то, что заявления о нарушении данной статьи подавались, они не рассматривались. В 1993 г. этой инстанцией было зафиксировано первое нарушение религиозной свободы, и с этого момента в нем регулярно рассматривались дела, касающиеся новых религиозных движений [12]. Ричардсон перечисляет следующие ключевые судебные решения, принятые в странах Западной Европы: в 2005 г. конституционный суд Германии признал законность организации Свидетелей Иеговы после пятнадцати лет разбирательств в судах, в 2013 г. Верховный суд Франции удовлетворил просьбу Свидетелей Иеговы о доступе к заключенным проповедников из этой организации, в декабре 2013 г. в деле о том, может ли сайентолог проводить брачную церемонию, Верховный суд Великобритании вынес решение о том, что сайентология является религией [13. Р. 70–71]. Что касается Европейского суда по правам человека, то им, в частности, были рассмотрены жалобы в отношении нарушения 9-й статьи в отношении чрезмерных налогов, которыми облагались, например, Свидетели Иеговы во Франции, а также другие новорелигиозные группы (например, Евангелическая проповедническая церковь); во всех этих случаях были приняты решения в пользу религиозных групп, правительство страны обязывалось выплатить компенсацию за нанесенный ущерб. Таким образом, деятельность Европейского суда последних лет продемонстрировала общую установку евросоюза на защиту свободы религии как свободы существования на территории европейских стран разнообразных новорелигиозных групп и соблюдение прав этих групп.

2. Концепции из социологии права применительно к анализу аспектов правовой регуляции деятельности НРД

Мы рассмотрели фактическую сторону того, как выстраивались взаимоотношения между законодательной системой и новыми религиозными группами с момента их появления. Теперь сосредоточимся на том, как, применяя концепции из социологии права, можно проанализировать этот исторический материал.

Ричардсон в своих работах чаще всего обращается к двум концепциям из социологии права: теории Дональда Блэка и подходу Вильяма Чамблисса. Блэк в ставшей классикой социологии права работе 1976 г. «Поведение закона» [14] исходит из того, что закон, являясь специфическим социальным феноменом – «осуществлением официального социального контроля государством», может рассматриваться как некая зависимая переменная, которая варьируется, во-первых, в объеме, а во-вторых, в стиле реализации. На стиль реализации «локального» закона и то, в каком он осуществляется объеме, влияют особенности социума в целом и характеристики задействованных групп. Блэк указывает на то, что осуществление закона определяют, во-первых, различные характеристики акторов – субъектов, вовлеченных в осуществление закона (представителей законодательной, исполнительной и судебной власти, людей или групп, становящихся объектами регуляции посредством юридических норм); во-вторых, относительная дистанция между ними, а в-третьих, направление закона (от высших слоев к низшим или наоборот). Всего Блэк выделяет пять типов социальных переменных, влияющих на переменную «закона»: морфология (раса, этничность, статус по рождению, семейное положение акторов – горизонтальный аспект стратификации), стратификация (класс или социоэкономический статус акторов), организация (если одна из сторон – это группа, то важными факторами будут ее структура, организованность, сплоченность), культура (порядочность, благопристойность, уровень образования групп) и социальный контроль (способы, которым люди принуждают других оставаться в определенных рамках без привлечения закона) [15. С. 37–43].

Еще одна концепция, которую Ричардсон адаптирует к анализу факторов, влияющих на законодательство в сфере религии, – это подход Вильяма Чамблисса. Чамблисс рассматривает динамику формирования законодательных актов в рамках конфликтной парадигмы – как постоянный диалектический процесс примерно со следующей механикой: некие противоречия, вытекающие из сложившихся на данный момент политических, экономических, идеологических и социальных отношений, с неизбежностью приводят к конфликтам между группами, имеющими противоположные интересы, которые, в свою очередь, ставят государственный аппарат перед дилеммами, требующими разрешения. Государственному аппарату необходимо выбрать, чьи интересы поддержать или какого рода компромисс заключить – поскольку невозможно удовлетворить интересы всех групп в полной мере, принятое решение неизбежно становится причиной новых противоречий. Таким образом, в фокусе внимания оказывается процесс принятия решений, т.е. создания законов, причем в большей степени Чамблисса интересуют «события-триггеры» (концепт, взятый им из работ социолога Джона Галлахера) – собы-

тия, которые приводят к «продвижению целого ряда связанных между собой законодательных актов» в определенной сфере [16. Р. 241].

Опираясь на подходы Д. Блэка и В. Чамблисса, Ричардсон в своих исследованиях правового регулирования деятельности НРД фокусирует внимание на некоторых ключевых факторах, определяющих направление и интенсивность этого регулирования. Вычленение этих факторов приближает нас к пониманию, почему различные сегменты правовой системы в большинстве стран демонстрировали избирательное поведение в отношении новорелигиозных групп, т.е. почему НРД становились объектом относительно гипертрофированных попыток социального и юридического контроля с момента своего возникновения.

Во-первых, следуя логике Чамблисса, Ричардсон анализирует ключевые группы интересов, в качестве которых в данной сфере выступают сами новорелигиозные группы и антикультовые движения. При этом Ричардсон рассматривает те структурные характеристики акторов, на которых фокусировал внимание Блэк, в частности социальную дистанцию между теми, кто становится объектом судебных разбирательств, и теми, кто инициирует эти судебные разбирательства (переменная стратификации). По Блэку, статус группы определяет ее возможности воздействовать на законодательную систему. Чем выше статус индивида или группы, тем больше вероятность того, что они смогут оказать влияние на конструирование правовой системы и успешно лоббировать свое мнение в рамках этой системы. Свою роль играет также степень индивидуальной, социальной или культурной близости к тем высокостатусным группам, которые способны оказывать значительное влияние на законодательную систему. Эта «степень близости» («intimacy») означает степень личной приближенности к акторам правовых институтов – переменная, которая очевидным образом коррелирует со статусом. В момент своего появления новые религиозные движения являлись группами с очевидно более низким социальным статусом, чем другие религиозные группы. Это было обусловлено тем, что к НРД в эпоху их расцвета (1960–1970-е гг.) примыкали по большей части молодые люди, часто – студенты колледжей, которые к тому же порывали со своим изначальным социальным окружением и перемещались по стране, полностью оторвавшись от своих корней. Таким образом, последователи НРД не обладая высоким статусом и не имея личных близких отношений с влиятельными людьми в данном обществе, не могли сопротивляться «социальному отторжению» и мало что могли противопоставить дискриминирующим попыткам законодательной регуляции в отношении их деятельности. В то же время родители студентов, принимавшие активное участие в деятельности антикультовых групп, зачастую принадлежали к верхнему среднему классу, т.е. обладали, пользуясь термином Бурдье, гораздо большим объемом социального капитала и могли как влиять на точку зрения судей и жюри, так и транслировать свое мнение в СМИ. Такова была ситуация в 1960–1980-х, постепенно некоторые новорелигиозные группы, не распавшиеся в самом начале, стали «взрослеть» по мере того, как выросли их последователи, и наращивать объем социальных связей.

Во-вторых, на то, каким образом функционирует правовая система, имея дело с НРД, влияет социально-культурный контекст в конкретной стране – переменная культуры, по Блэку. В данном случае имеют значение не только

культурные характеристики оппонировавших сторон, но и то, что судьи и другие судебные служащие (а в некоторых странах еще и члены жюри) принимают решения в рамках некоего культурного контекста, определенных ценностей и убеждений, в том числе касающихся религиозных групп, – и эти ценности заставляют их действовать определенным образом (в том числе дискриминирующим, поддерживая религиозную свободу одних групп граждан в ущерб другим) [17. Р. 92] В частности, для описания этого контекста Ричардсоном и его коллегами была использована концепция «моральной паники» [18] – ситуации, когда что-либо, определяемое как социальная проблема, становится фокусом преувеличенного внимания со стороны СМИ, политиков, лидеров мнения, представителей закона и инициативных групп, подающих эту ситуацию как некоторую «природную катастрофу», «стихийное бедствие», причем нагнетание проблемы способствует тому, что у аудитории возникает страх перед ней, диспропорциональный реальной угрозе.

В-третьих, Ричардсон фокусирует внимание на том, что значимым фактором выступают характеристики судебной, законодательной и исполнительной властей. Для начала степень автономности законодательной системы в конкретной стране имеет решающее значение для понимания того, почему «случаи о культах» имеют свою специфику в различных странах в зависимости от того, насколько независима судебная система от других институтов в обществе и, соответственно, насколько реальна возможность верховных и локальных судов принимать решения самостоятельно, не находясь под влиянием политических институтов, военных или просто руководителя государства [19. Р. 407–428]. Очевидно, что в странах, где имеет место относительно низкая степень автономности правовой системы, люди, обладающие высоким статусом, могут либо сами принимать законодательные решения, либо влиять на тех, кто их принимает, а там, где степень автономности высокая, правовая система в большей степени защищена от «прогибов» под мнение элиты.

Кроме того, помимо независимости судебной системы имеет значение исторически сложившееся взаимодействие между тремя ветвями власти и другими институтами в отдельно взятой стране. Ричардсон, опираясь на выводы других исследователей в данной сфере, неоднократно подчеркивает в своих работах, что одна из главных причин, почему антикультовые движения не нашли в американской среде той поддержки со стороны правительства и государственных служб, на которую они могли бы рассчитывать, – это значимость конституционной защиты (в частности, первой поправки к конституции), которая в США распространяется на все религиозные организации и сдерживает правительственные службы от принятия действий против групп, определяемых как религиозные. В Европе ситуация была несколько иной. В некоторых европейских странах (в особенности в Германии, во Франции и в Бельгии) в 1980–2000-х гг. правительство склонно было поддерживать антикультистские организации и достаточно негативно относиться к новорелигиозным группам, причем это делалось по разным причинам [20]. Например, в Германии в конце XX в. имели место тесные связи между антикультовыми группами и правительственными организациями, что во многом было связано с тем, что в Германии всегда существовали сильные связи между Лютеранской церковью Германии и правительством. Лютеранская церковь уполномочила ряд лютеранских священников на роль официальных «Sekten-

beauftragten» – клириков, занимающихся изучением сект. Некоторые из них стали восприниматься в Германии и за ее пределами как «эксперты по культам и сектам», открыто сотрудничающие с антикультовыми движениями в Германии и других странах, включая даже страны бывшего Советского Союза, а следовательно, новорелигиозные группы, входящие в составленные данными «экспертами» списки, рассматривались с точки зрения правительства страны как источник социальной опасности. Во Франции, с учетом существования тесных связей между Католической церковью и правительством, основная антикультовая организация, ADFI (Associations de Defense de la Famille et de l'Individu, «Союз национальных ассоциаций по защите прав человека и окружающей среды»), получала регулярную финансовую поддержку от министерства здоровья на покрытие своих административных расходов, т.е. фактически была включена в правительственную структуру. Большинство новорелигиозных групп были включены в Германии (а также во Франции и в Бельгии) в правительственные черные списки, становясь объектом расследования специальных комиссий и, хотя зачастую по факту не было принято каких-то специальных законов, регулирующих деятельность НРД, многие новорелигиозные группы сталкивались с различного рода системными проблемами: невозможностью найти место для аренды под свои программы в общественных местах, проблемами в отношении своего статуса налогоплательщиков, постоянными предупреждениями от церкви и государственных чиновников [21].

Интересно, что в странах с высокой автономностью судебной системы суд может выступать самостоятельным актором, не только реагирующим на инициативы и запросы других групп интересов, но и влияющим на определение позиции конкретных групп в социуме [22]. Например, решения Европейского суда по правам человека, о которых шла речь выше, повлияли на политику в отношении НРД конкретных европейских стран: в частности, в 2017 г. с приходом к власти нового президента во Франции была пересмотрена политика в отношении НРД; были прекращены проводившиеся в течение длительного времени поддержка и финансирование антикультовой организации FECRIS.

В-четвертых, Ричардсон оценивает роль «третьих партий» во влиянии на динамику взаимоотношений правовой системы и НРД. «Третьи партии» – это термин Блэка [23], обозначающий группы, не являющиеся непосредственными участниками конфликта интересов, но в силу обстоятельств прямо или косвенно поддерживающие одну из сторон. В отношении НРД такими третьими партиями выступили индивиды и группы, которые не были напрямую связаны с НРД, но «были заинтересованы в идеях, проходивших проверку или игнорировавшихся в попытках социального контроля, имевших место в отношении НРД». В частности, такие группы усматривали в действиях против НРД нарушение зафиксированного в конституции США права на свободу выбора религии [1. Р. 12]. Таковыми выступили, например, Американский союз защиты гражданских свобод, а также Национальный совет церквей, озабоченный правом взрослых граждан выбирать религию, критиковавший практику депрограммирования. Ряд других организаций, таких как «Америка за разделение церкви и государства», защищали религиозные права граждан (в том числе право присоединяться к НРД), в некоторых случаях даже высту-

пая на судах против членов НРД. Действия этих «третьих партий» по защите конституционного права на свободу религии привлекли внимание судей и журналистов, сделав американскую судебную систему более восприимчивой к правам и позиции членов НРД.

Ричардсон также указывает на то, что еще одну значимую категорию «третьих партий» в отношении НРД составили академические исследователи – социологи, психологи, историки религии, на протяжении 40 лет выступавшие с критикой идеологии «промывки мозгов» и практики депрограммирования, в том числе в роли экспертов на судебных разбирательствах. И именно их участие привело к тому, что свидетельства, опиравшиеся на эти идеи, перестали приниматься в большинстве судов США. В вышеупомянутом случае, фактически положившем конец использованию аргументов теории «промывки мозгов в суде», – суде над сайентологом, в котором было вынесено «решение Фишмана», выступать экспертом был уполномочен правительством один из наиболее известных социологов, занимающихся изучением НРД, – Дик Энтони [24. Р. 10].

В-пятых, Ричардсон вслед за Чамблиссом большое внимание уделяет «триггерам» – критическим резонансным событиям, которые обнажают всю расстановку сил и служат усилителем уже сложившихся в социальном поле отношений. Многие исследования Ричардсона выполнены через призму такого рода триггеров: исследования ситуации вокруг Уэйко [25], правительственный рейд в общину ортодоксальных мормонов [11], анализ российского судебного разбирательства Г. Якунина против А. Дворкина [26] и т.д.

Таким образом, правовое регулирование деятельности новорелигиозных групп предстает в выполненных в рамках социологии права работах Ричардсона динамическим процессом, определяющимся взаимодействием различных групп акторов (самих новорелигиозных групп, антикультовых организаций, судов, «третьих партий» и т.д.), разворачивающимся в определенном социальном и культурном контексте. Большой интерес представляют также конкретные исследования различных нюансов процесса правового регулирования в США, странах Восточной и Западной Европы, России, Китая и Австралии, проводившиеся Ричардсоном и его коллегами на протяжении нескольких десятков лет.

Заключение

Методология Ричардсона по анализу правового регулирования деятельности религиозных организаций, выстроенная на стыке «социальной геометрии» Д. Блэка и разновидности конфликтной парадигмы В. Чамблисса, позволяет анализировать процесс правового регулирования деятельности новорелигиозных групп в динамике, а также вычленять различные группы факторов, определяющих отношения между государством, новорелигиозными группами и другими группами интересов. Данный инструментарий может оказаться полезным при анализе ситуации в России, где в последние несколько лет можно было наблюдать ужесточение государственной законодательной политики в отношении НРД и подведение новорелигиозных групп под категорию «экстремистских организаций». Причем помимо изучения векторов социального и нормативного контроля новорелигиозных групп, он

предоставляет оптику для описания более общих механизмов правового регулирования в определенном социально-культурном локусе.

Литература

1. *Regulating religion: a sociological and historical introduction* / Richardson J. (ed.) *Regulating religion: case studies from Around the Globe*. New York : Kluwer, 2004. P. 1–22.
2. *Shupe A., Bromley D.* (eds.) *Anti-cult movements in Cross-Cultural Perspective*. New York : Garland, 1994.
3. *Dawson L.* *Comprehending cults: the sociology of new religious movements*. Oxford : Oxford university press, 2006.
4. *Reichert J., Richardson J., Thomas R.* “Brainwashing” : Diffusion of a Questionable Concept in Legal Systems // *International Journal for the Study of New Religions*. 2015. Vol. 6, № 1.
5. *Richardson J., Kilbourne B.* Classical and contemporary applications of brainwashing models: a comparison and critique // *The brainwashing/deprogramming controversy* / eds. D. Bromley, J. Richardson. New York : Edwin Mellen Press, 1983. P. 29–46.
6. *Robbins T., Anthony D., McCarthy J.* Legitimizing repression // *The brainwashing/deprogramming controversy* / eds. D. Bromley, J. Richardson, New York : Edwin Mellen Press, 1983. P. 319–328).
7. *Anthony D.* Religious movements and brainwashing litigation: evaluating key testimony // *In gods we trust* / ed. by T. Robbins and D. Anthony. New Brunswick, NJ: Transaction, 1990. P. 295–344.
8. *Introvigne M.* Advocacy, brainwashing theories, and new religious movements // *Religion*. 2014. Vol. 44(2). P. 303–319
9. *Richardson J.* Social control of new religions: from brainwashing claims to child sex abuse accusations // *Children in new religions* / ed. by S. Palmer, Ch. Hardman. Rutgers University Press, 1999.
10. *Wright S., Palmer S.* *Storming Zion: Government raids on religious communities*. Oxford : Oxford University Press, 2016.
11. *Wright S., Richardson J.* (eds.) *Saints under Siege*. New York : New York University Press, 2011.
12. *Lykes V., Richardson J.* The European court of human rights, minority religions and new versus original member states // Article, presented at the annual meeting of American Academy of religion. San Francisco, November, 2011.
13. *Richardson J.* The law, the courts, religious freedom, and the evolving pattern of jurisprudence in Western societies // *Cult wars in historical perspective* / Gallagher E.V. (eds). New and minority religions. 2017. P. 69–81.
14. *Black D.* *The behavior of law*. New York : Academic press, Inc, 1976.
15. *Кузнецов Д.* Концепция «поведения закона» Дональда Блэка: рождение чистой социологии из духа криминальной статистики // *Социология власти*. 2015. Т. 27.
16. *Richardson J.* Contradictions, conflicts, dilemmas and temporary resolutions: a sociology of law analysis of Sharia’s in selected western societies // *The sociology of Sharia: case-studies from around the world* / ed. by A. Possamai, J.T. Richardson, B.S. Turner. Springer, 2014.
17. *Richardson J., Introvigne M.* New religious movements, countermovements, moral panics, and the media // *Teaching new religious movements*. Oxford : Oxford university press, 2007. P. 91–115.
18. *Ben-Yehuda N.; Goode, Erich.* *Moral panics: the social construction of deviance*. 2nd ed. Oxford : Blackwell, 2009.
19. *Richardson J.* Religion, law and human rights // *Religion, globalization and culture* / ed. by P. Beyer, L. Beaman. Leiden: Boston, 2007. P. 407–428.
20. *Richardson J., Shterin M.* Effects of the Western anti-cult movement on development of laws concerning religions in post-communist Russia // *Journal of Church and State*. 2000. Vol. 42. P. 247–272.
21. *Seiwert H.* The german enquete commission on sects: political conflicts and compromises // *Regulating religion: case studies from Around the Globe* / ed. J. Richardson. New York : Kluwer, 2004. P. 85–101.
22. *Richardson J.* Managing religion: courts as third party partisans in the social construction of religious freedom/17-24 // *Religions and human rights*. 2017. Vol. 133.

23. Black D., Baumgartner M.P. Toward a theory of the third party // The structure of right and wrong / ed. D. Black. New York : Academic press, 1999. P. 95–124.

24. Richardson J. Managing religion and the judicialization of religious freedom // Journal for the scientific study of religion. 2015. Vol. 54, № 1. P. 1–19.

25. Richardson J. Manufacturing consent about Koresh // Armageddon in Waco / ed. by S.A. Wright. University of Chicago press, 1995. P. 153–177.

26. Richardson J., Shterin M. The Yakunin vs Dworkin case: Analysis of a major legal case involving minority religions in Russia // Religion in Eastern Europe. 2002. Vol. 22. P. 1–38.

Alexandra V. Filkina, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: lexia@inbox.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 46. pp. 145–156.

DOI: 10.17223/1998863X/46/17

JUDICIAL CONTROL OF THE NEW RELIGIOUS MOVEMENTS: A HISTORICAL OVERVIEW AND A SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Keywords: sociology of religion; sociology of law; new religious movements; social control.

The paper is about social control practices over new religious movements (NRMs). Its first part describes the main trend in governmental judicial attempts in control over NRMs: from accusations in “brainwashing” to the “child abuse” allegations. The second part of the paper describes the factors we can find for explaining the evolution of judicial regulations on the NRM activities. Donald Black defines law as a social phenomenon, “governmental social control”, which can be considered as a quantitative variable varying in its amount and type. William Chambliss introduces some sort of a conflict paradigm. James Richardson, combining both approaches, focuses on some key factors that influence the socio-legal control over NRMs. Firstly, following Chambliss, Richardson analyses key groups of interests, such as NRMs and anti-cult movements. He considers actors’ characteristics including social distance between the victim and the offender and other points made by Black. Secondly, he analyses socio-cultural context as a platform for actors’ interaction, speaking particularly about the “moral panic”. Thirdly, Richardson focuses attention on such a crucial factor as characteristics of the legislative, executive and judicial powers, particularly, on the independence of the latter, and their historically shaped interaction in the local country. Fourthly, Richardson estimates the role of “third parties” (Black’s concept) – groups that do not immediately take part in the conflict, but simultaneously support some side in the conflict. A special category of third parties in the situation around NRMs is academic researchers, who have been criticising the ‘brainwashing ideology’ for 40 years appearing as experts in courts. Fifthly, following Chambliss, Richardson considers “triggers” – outstanding events that reveal and enforce already existing social interaction networks.

References

1. Richardson, J. (ed.) (2004) *Regulating Religion: Case Studies from Around the Globe*. New York: Kluwer. pp. 1–22.

2. Shupe, A. & Bromley, D. (eds) (1994) *Anti-cult Movements in Cross-Cultural Perspective*. New York: Garland.

3. Dawson, L. (2006) *Comprehending cults: the sociology of new religious movements*. Oxford University Press.

4. Reichert, J., Richardson, J. & Thomas, R. (2015) “Brainwashing”: Diffusion of a Questionable Concept in Legal Systems. *International Journal for the Study of New Religions*. 6(1). DOI: 10.1558/ijnsr.v6i1.22186

5. Richardson, J. & Kilbourne, B. (1983) Classical and contemporary applications of brainwashing models: a comparison and critique. In: Bromley, D. & Richardson, J. (eds) *The Brainwashing/Deprogramming Controversy*. New York: Edwin Mellen Press. pp. 29–46.

6. Robbins, T., Anthony, D. & McCarthy, J. (1983) Legitimizing repression. In: Bromley, D. & Richardson, J. (eds) *The Brainwashing/Deprogramming Controversy*. New York: Edwin Mellen Press. pp. 319–328.

7. Anthony, D. (1990) Religious movements and brainwashing litigation: evaluating key testimony. In: Robbins, T. & Anthony, D. (eds) *In Gods We Trust*. New Brunswick, NJ: Transaction. pp. 295–344.

8. Introvigne, M. (2014) Advocacy, brainwashing theories, and new religious movements. *Religion*. 44(2). pp. 303–319. DOI: 10.1080/0048721X.2014.888021
9. Richardson, J. (1999) Social control of new religions: from brainwashing claims to child sex abuse accusations. In: Palmer, S. & Hardman, Ch. (eds) *Children in new religions*. Rutgers University Press.
10. Wright, S. & Palmer, S. (2016) *Storming Zion: Government raids on religious communities*. Oxford University Press.
11. Wright, S. & Richardson, J. (eds) *Saints under Siege*. New York: New York University Press.
12. Lykes, V. & Richardson, J. (2011) *The European court of human rights, minority religions and new versus original member states*. Article, presented at the annual meeting of American Academy of religion. San Francisco, November, 2011.
13. Richardson, J. (2017) The law, the courts, religious freedom, and the evolving pattern of jurisprudence in Western societies. In: Gallagher, E.V. (eds) *Cult Wars in Historical Perspective*. New and Minority Religions. Routledge. pp. 69–81.
14. Black, D. (1976) *The Behavior of Law*. New York: Academic press.
15. Kuznetsov, D. (2015) Donald Black's Concept of 'Behavior of Law': Birth of Pure Sociology from the Spirit of Crime Rates. *Sotsiologiya vlasti – Sociology of Power*. 27(2).
16. Richardson, J. (2014) Contradictions, conflicts, dilemmas and temporary resolutions: a sociology of law analysis of Sharia's in selected western societies. In: Possamai, A., Richardson, J.T. & Turner, B.S. (eds) *The Sociology of Sharia: case-studies from around the world*. Springer.
17. Richardson, J. & Introvigne, M. (2007) New religious movements, countermovements, moral panics, and the media. In: Bromley, D. *Teaching new religious movements*. Oxford University Press. pp. 91–115.
18. Ben-Yehuda, N. & Goode, E. (2009) *Moral panics: the social construction of deviance*. 2nd ed. Oxford: Blackwell.
19. Richardson, J. (2007) Religion, law and human rights. In: Beyer, P. & Beaman, L. (eds) *Religion, globalization and culture*. Leiden: Boston. pp. 407–428.
20. Richardson, J. & Shterin, M. (2000) Effects of the Western anti-cult movement on development of laws concerning religions in post-communist Russia. *Journal of Church and State*. 42. pp. 247–272.
21. Seiwert, H. (2004) The German enquete commission on sects: political conflicts and compromises. In: Richardson, J. (ed.) *Regulating Religion: Case Studies from Around the Globe*. New York: Kluwer. pp. 85–101.
22. Richardson, J. (2017) Managing religion: courts as third party partisans in the social construction of religious freedom. *Religions and Human Rights*. 133.
23. Black, D. & Baumgartner, M.P. (1999) Toward a theory of the third party. In: Black, D. (ed.) *The Social Structure of Right and Wrong*. New York: Academic press. pp. 95–124.
24. Richardson, J. (2015) Managing religion and the judicialization of religious freedom. *Journal for the Scientific Study of Religion*. 54(1). pp. 1–19. DOI: 10.1111/jssr.12172
25. Richardson, J. (1995) Manufacturing consent about Koresh. In: Wright, S.A. (ed.) *Armageddon in Waco*. University of Chicago Press. pp. 153–177.
26. Richardson, J. & Shterin, M. (2002) The Yakunin vs Dworkin case: Analysis of a major legal case involving minority religions in Russia. *Religion in Eastern Europe*. 22. pp. 1–38.

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 322

DOI: 10.17223/1998863X/46/18

Е.Г. Аванесова

ОПЫТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Исследуется модель взаимодействия органов государственной власти и религиозных организаций в современной России. Качественные изменения, происходящие в сфере религиозно-политических коммуникаций, связаны не только с внутривнутриполитической ситуацией, но и с общемировыми тенденциями, обусловленными кризисом политико-правового принципа светскости и «вхождением» мировых сообществ в постсекулярный период своего развития, одной из характерных черт которого является возвращение религии в публичное пространство.

Ключевые слова: органы власти, религиозные организации, модели государственно-религиозных взаимодействий, конфессиональная политика, правовые основы конфессиональной политики РФ, постсекулярность.

В каждом национальном государстве модель взаимодействия органов государственной власти и религиозных объединений имеет свою специфику, обусловленную политическими, культурными, историческими особенностями их развития, однако при этом существуют некоторые общие принципы выстраивания религиозно-политических взаимодействий, позволяющие говорить о наличии классических моделей. В светских государствах, как правило, реализуется одна из двух моделей коммуникативного взаимодействия религии и политики: либо сепарационная, либо кооперационная.

В основе сепарационной модели – самостоятельное и независимое существование государства и религиозных организаций, их невмешательство во внутренние дела друг друга, формальное равенство всех конфессий. Государство исходит из того, что религия – это частное дело, а религиозные организации могут обладать всей полнотой свободы, но за границами государственной и общественной жизни [1]. Между тем реализация сепарационной модели в светском государстве не есть признак отсутствия каких бы то ни было взаимодействий между ним и религиозными организациями. Коммуникация осуществляется в законодательной сфере и на практике проявляется в контроле государством соблюдения законности со стороны религиозных объединений, защите прав верующих, решении вопросов регистрации объединений и т.д. [2. С. 232]. В свою очередь, кооперационная модель строится на идее «защиты ведущих конфессий при сохранении основных гражданских прав религиозных меньшинств» [Там же. С. 233] и признании необходимости сотрудничества государства и религиозных организаций, которое

может выстраиваться на разных основаниях, в том числе и на основании конкордатном.

Сегодня, пожалуй, нет ни одного государства, вне зависимости от того, является ли оно моноконфессиональным или поликонфессиональным, перед которым не стояла бы проблема повышения эффективности взаимодействия между органами власти и религиозными организациями. Религия продолжает сохранять свою значимость в общественной и политической жизни современных государств, она не только не «отмирает», вопреки многим «оптимистичным» прогнозам, но прочно занимает своё специфическое место в мире; более того, сегодня есть смысл говорить об определённом религиозном «ренессансе» [3. С. 3]. Как пишет Ю. Хабермас, в современном мире церкви и религиозные сообщества утратили часть своих функций, что является неизбежным следствием процесса секуляризации, однако в целом религия сохранила «влияние и значимость на политической арене, в культуре общества или в персональном образе жизни» [4]. Современные сообщества, прошедшие путь секулярного развития, вступили в новый этап – постсекулярный, одним из признаков которого является «усиление влияния религии внутри национальных государств» [Там же]. По словам Ю. Хабермаса, религиозные организации все в большей мере берут на себя роль «интерпретирующих сообществ», так как могут оказывать влияние на общественное мнение и общественную волю. И хотя учёный полагает, что термин «постсекулярное общество» может быть применён далеко не к каждой стране, и называет постсекулярными только «высокоразвитые общества» Европы и такие страны, как Канада, Австралия и Новая Зеландия, на наш взгляд, его в определённой мере можно отнести и к РФ, которая, как и бывшие социалистические страны, пережила «наиболее жесткое отдаление религии от государства» [5], пройдя, таким образом, свой путь секулярного развития. Для стран с коммунистическим режимом был характерен особый тип секуляризации, получивший название «советская секуляризация» и определяемый в научной литературе как процесс, основной вектор которого был направлен на вытеснение религии не только из публичной сферы, но и из частной жизни граждан [6. С. 167].

Постсекулярность, характеризующаяся возвращением религии в публичную сферу, в том числе и сферу политическую, во многом стала откровением, так как «со времён Просвещения интеллектуалы всех мастей думали, что неизбежным результатом эпохи модерна будет упадок религии» [7. С. 8]. Новая реальность, актуализирующая специфические формы сочетания религиозного и светского, требует осмысления как в мировом масштабе, так и на уровне национальных государств. По справедливому замечанию Д. Гараева [5], постсекулярность не несёт опасности полной победы религиозности как доминирующего мировоззрения, поэтому актуальной становится не «война» с религией, а грамотная интеграция религиозных сообществ в культурную, общественную, политическую жизнь отдельных государств. Таким образом, постсекулярная эпоха ставит перед национальными сообществами новые задачи по модернизации и оптимизации существующих моделей религиозно-политических взаимодействий.

Проблема выстраивания эффективного взаимодействия органов государственной власти и религиозных организаций сохраняет свою значимость и

актуальность на всех этапах исторического развития Российского государства, не составляет исключения и постсоветский период. Традиционно считается, что с 1990-х гг. в России реализуется сепарационная модель религиозно-политических взаимодействий, которая была задана Конституцией РФ 1993 г., провозгласившей светский характер государства: «...религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом» [8]. Однако сегодня есть основания полагать, что в РФ происходят такие процессы в сфере взаимодействия органов власти и религиозных организаций, которые позволяют говорить о «трансформации системы государственно-конфессиональных отношений от сепарационной к кооперационной модели» [9].

В 1997 г. был принят Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» [10], положения которого в большинстве своём соответствуют конституционному принципу светскости Российского государства: невмешательство государства во внутренние дела религиозных объединений, контроль за соблюдением религиозными организациями законодательства Российской Федерации о свободе совести, закрепление принципа отделения религиозных объединений от государства. Данный Закон, с одной стороны, формально закрепил сепарационную модель религиозно-политических взаимодействий, подчеркнул равенство всех конфессий в их взаимодействии с органами власти. С другой стороны, Закон ввёл особые критерии для государственной регистрации религиозной организации, что ограничило или исключило возможность деятельности нетрадиционных культов на территории России, а перечисление в преамбуле Закона религий, составляющих «неотъемлемую часть исторического наследия народов России», стало своеобразным признанием за этими религиями статуса традиционных.

По мнению ряда российских исследователей, положения данного Закона, подчёркивающие светский характер государства, регулярно нарушались и нарушаются как со стороны органов власти, так и со стороны религиозных объединений: религиозные организации активно вмешиваются в социально-политические процессы в обществе, а органы власти этому не препятствуют [11. С. 8]. Представляется, что данное обстоятельство правильнее расценивать не как «нарушение» законодательства, а как поиск и теми и другими новых механизмов взаимодействия в едином социальном и политическом пространстве. Государство не может не учитывать усиление влияния религиозных организаций и рост религиозного самосознания, особенно в мусульманских регионах России, религиозные организации, в свою очередь, вынуждены считаться со светским российским законодательством. Можно констатировать, что начавшийся в 90-е гг. процесс формирования конфессиональной политики, сопряжённый с процессами становления российской государственности и осознания религиозными объединениями своего места и роли в новой политической реальности, еще не завершен.

В последние годы наметились две тенденции в отношениях органов власти к религиозным конфессиям: поддержка лояльных государству организаций и активная борьба с организациями радикальными. Одним из направлений борьбы с религиозным экстремизмом стало совершенствование механизма контроля за финансово-хозяйственной деятельностью религиозных организаций. Государственная Дума РФ приняла Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон „О свободе совести и о рели-

гиозных объединениях“ и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [12], закрепившие право Минюста России и его территориальных органов осуществлять проверку финансовой деятельности религиозной организации по фактам получения ею денежных средств от международных организаций, нарушения законодательства Российской Федерации или наличия в ее деятельности признаков экстремизма. В случае признания Минюстом несоответствия целей, задач или практики религиозной организации законодательству РФ орган исполнительной власти имеет право приостанавливать её деятельность. Примером реализации Минюстом данного права является приостановление на территории РФ деятельности религиозной организации «Управленческий центр свидетелей Иеговы в России» [13], практика которой была признана экстремистской.

Организации, представляющие традиционные религии, государство пытается интегрировать в общественную жизнь, максимально используя их возможности и авторитет. Одним из механизмов интеграции стали многочисленные договоры, которые государство заключает с религиозными объединениями. Первые соглашения о сотрудничестве были заключены между Московской патриархией Русской православной церкви и федеральными органами исполнительной власти. Затем подобные соглашения стали заключаться и с представителями других традиционных конфессий, например духовными управлениями мусульман [14], объединениями иудеев, но уже преимущественно на региональном уровне [15]. Сегодня десятки соглашений между органами государственной власти и религиозными организациями регулируют их взаимодействие в различных сферах общественной жизни, создавая правовую основу для полноценного сотрудничества. Субъектами соглашений, как правило, выступают органы исполнительной власти федерального или регионального уровня и традиционные конфессии. Предметом соглашений является сотрудничество сторон в рамках их компетенции в таких сферах, как образование, культура [16], спорт, работа с молодёжью, социальная защита населения, здравоохранение [17], патриотическое воспитание, обеспечение реализации религиозных потребностей военнослужащих, попечение о лицах, находящихся в местах лишения свободы, и др. [18]. После подписания соглашения каждая из сторон приобретает определённые права и обязанности.

Заключение указанных договоров – явление новое в практике конфессионально-государственных взаимодействий в РФ, но уже сегодня оно может быть оценено как положительное и взаимовыгодное. Религиозные организации получают возможность открыто и на законных основаниях осуществлять социальную деятельность при финансовой и иной (предоставление площадок, обучение и т.д.) поддержке со стороны государства. Для государства такие соглашения выгодны вдвойне, так как с одной стороны, оно приобретает партнёра, с другой стороны, имеет возможность контролировать и регулировать его деятельность. Несмотря на многочисленность соглашений между государством и религиозными организациями, нужно признать, что носят они «точечный» характер, а предметом их является сотрудничество сторон в какой-либо *конкретной сфере* общественной жизни. Так называемые комплексные соглашения (конкордаты) между государством и религиозными организациями в РФ отсутствуют.

По вопросу о необходимости введения в России конкордатной системы конфессионально-государственных отношений существуют самые разные точки зрения. Сторонники заключения конкордата (между органами государственной власти и традиционными конфессиями) полагают, что это «позволило бы завершить в определенной степени процесс формирования правовой базы церковно-государственных взаимоотношений, вывести регулирование государственно-конфессиональных отношений на новый правовой уровень» [15]. Противники считают такой вариант неприемлемым, поскольку, с их точки зрения, конкордатная система религиозно-политических взаимодействий в РФ стала бы прямым нарушением действующей Конституции и Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», определивших светский характер российского государства, понимаемый ими как равенство всех религиозных организаций. Публичные дискуссии, касающиеся проблемы конкордата, указывают, во-первых, на неготовность части населения РФ принять идею конкордата, а во-вторых, на настороженное отношение к этой идее представителей традиционных конфессий (в первую очередь мусульман), поскольку они полагают, что основным «бенефициаром» при реализации этой идеи будет РПЦ, а остальные религиозные организации всё равно окажутся на вторых ролях [19].

Таким образом, в современной России практическая деятельность по взаимодействию органов государственной власти и религиозных организаций «переросла» существующее в этой сфере законодательство. Реально складывающаяся система взаимоотношений государства и религиозных объединений постепенно приобретает характер *сотрудничества (партнерства)* на основе четкого разделения их функций, что указывает на постепенное изменение модели конфессионально-государственных взаимодействий в направлении кооперационного типа [20]. Движение государства в указанном направлении будет продолжаться, так как этому способствует ряд причин. Во-первых, успешный опыт осуществления совместных социальных и культурных проектов. Во-вторых, политическая и социальная активизация религиозных организаций в ряде регионов России. Речь идёт прежде всего об исламских республиках, в которых религиозные организации всё больше выступают в роли «интерпретирующих сообществ», не считаться с которыми невозможно. Выстраивание партнёрских отношений и заключение соглашений с такими «сообществами» становится своеобразным каналом, по которому «социальная энергия» религиозных организаций перенаправляется в нужное для государства русло.

Отсутствие внятной коммуникативной стратегии государства, касающейся взаимодействия органов власти и религиозных организаций, способствует интенсификации поиска модели конфессиональной политики на региональном уровне. РФ – поликонфессиональное государство, в каждом субъекте которого формируется специфический опыт коммуникации между региональными органами власти и зарегистрированными на данной территории религиозными организациями, представляющими те или иные конфессии. Основными формами взаимодействия на региональном уровне являются как формальные контакты, проявляющиеся в подписании соглашений о сотрудничестве [21], участии священнослужителей в работе общественных организаций [22], так и неформальные (которые приобретают особое значе-

ние): личные встречи представителей власти с лидерами религиозных организаций, сотрудничество без заключения договоров с государственными структурами [23. С. 50–59] и т.д. Между тем региональные модели носят в определённой степени несистемный и случайный характер. Так, «в одних областях власть склоняется к сепарационной модели, в других – к авторитарной» [1], при которой местные власти пытаются полностью подчинить религиозные организации своим идеологическим установкам. Интенсивность и качество взаимодействий зависят от «доброй воли» региональной политической элиты, смена которой вполне может привести к изменению модели конфессиональной политики. И причина такой ситуации – отсутствие «должного правового основания» [24].

Эта же проблема в полной мере определяет характер конфессиональной политики федерального уровня. Существующая тенденция к изменению модели религиозно-политических взаимодействий не является необратимой, поскольку не закрепляется никакими правовыми «шагами». Более того, смена моделей никогда не провозглашалась государством в качестве конечной цели изменения конфессиональной политики. Однако все трансформации, касающиеся коммуникативных стратегий, не случайны, они отражают те перемены, которые происходят не только в стране, но и в мире и могут быть определены как «возвращение религии в публичное пространство». В современных мировоззренческих дискуссиях всё чаще высказывается мысль о том, что политико-правовой принцип светскости, заложенный в политический метанарратив современности, структурирующий государственно-конфессиональные отношения и определяющий во многом саму сущность взаимоотношений между церковью, обществом и государством, переживает кризис [25. С. 167]. А это означает, что государство вынуждено будет выработать новые стратегии взаимодействия с активизирующими свою деятельность религиозными объединениями, которые в случае успеха позволят ему сохранить «доброжелательные толерантные цивилизованные взаимоотношения между гражданами, каких бы мировоззренческих взглядов они ни придерживались» [26. С. 29].

Таким образом, современный этап формирования государственно-конфессиональных взаимодействий может быть охарактеризован как переходный: от модели сепарационной к модели кооперационной, основанной на идее социального партнёрства с традиционными религиями. Данный переход не есть последовательная реализация принятой государством стратегии, а скорее вынужденная реакция на всё более возрастающую активность религиозных организаций. Представляется, что определённого рода пассивность государства связана с боязнью перемен в такой взрывоопасной сфере, какой является сфера межконфессиональных взаимодействий, нарушения хрупкого баланса во взаимодействии государства и религиозных организаций в современной России.

Литература

1. *Щипков А.В.* Религиозно-правовая ситуация в России (90-е годы) [Электронный ресурс] // RELIGARE. Религия и СМИ : интернет-портал. Электрон. дан. М., 2003. URL: http://www.religare.ru/2_7107.html (дата обращения: 05.02.2018).
2. *Топчиев М.С.* Анализ и типологизация основных мировых моделей регулирования государственно-конфессиональных отношений // Гуманитарные исследования. 2013. № 3 (47). С. 230–336.
3. *Аванесова Е.Г.* Взаимодействие религии и политики как философская проблема. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. 126 с.

4. *Хабермас Ю.* Против «воинствующего атеизма»: «Постсекулярное» общество – что это такое? [Электронный ресурс] // Русский журнал: сайт. Электрон. дан. [Б.м.], 2008. URL: <http://www.russ.ru/pole/Protiv-voinstvuyuschego-ateizma> (дата обращения: 07.02.2018).

5. *Гараев Д.* Здравствуй, постсекулярное общество! (или спасибо Хабермасу) [Электронный ресурс] // MuslimBlogs. Мусульманское концептуальное обозрение от блогеров, журналистов, аналитиков и учёных: интернет-портал. Электрон. дан. Казань, 2011 URL: http://www.muslimblog.ru/publ/rubriki/slovo_ehkspertu/zdravstvuj_postsekuljarnoe_obshhestvo_ili_s_pasibo_khabermasu/6-1-0-176 (дата обращения: 08.02.2018).

6. *Шишков А.* Некоторые аспекты десекуляризации в постсоветской России // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2012. № 2 (30). С. 165–177.

7. *Бергер П.* Фальсифицированная секуляризация // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2012. № 2 (30). С. 8–20.

8. *Конституция РФ* [Электронный ресурс] // Кодекс РФ: сайт. Электрон. дан. [Б.м.], 2018. URL: <http://vladrieltor.ru/constitution1> (дата обращения: 07.02.2018)

9. *Зверева В.А.* Российское государство и религиозные конфессии: трансформация моделей взаимодействия: Федеральный и региональный уровни [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. полит. наук. Воронеж, 2006. 23 с. Электрон. версия печат. публ. Доступ из электрон. б-ки РГБ.

10. *Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26.09.1997 № 125-ФЗ* [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Электрон. дан. М., 2017. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/ (дата обращения: 15.12.2017).

11. *Яхьяев М.Я., Камышова Е.Г.* Власть и религия в современной России: метаморфозы взаимодействия // Исламоведение. 2013. № 1. С. 6–19.

12. *Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон „О свободе совести и о религиозных объединениях“ и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 28 ноября 2015 г. № 341-ФЗ* [Электронный ресурс] // Российская газета: интернет-портал. Электрон. дан. М., 2018. URL: <https://rg.ru/2015/11/30/sovest-dok.html> (дата обращения: 26.02.2018).

13. *О приостановлении деятельности религиозной организации «Управленческий центр свидетелей Иеговы в России»* [Электронный ресурс] // Министерство юстиции Российской Федерации: сайт. Электрон. дан. М., 2018. URL: <http://minjust.ru/ru/novosti/o-priostanovlenii-deyatelnosti-religioznoy-organizacii-upravlencheskiy-centr-svideteley> (дата обращения: 26.02.2018).

14. *Соглашение о взаимном сотрудничестве между ДУМ ВО и УФСИН РФ* [Электронный ресурс] // Мухтасибат Владимирской области. Духовное управление мусульман Российской Федерации: сайт. Электрон. дан. Владимир, 2016. URL: <http://vladmuslim.ru/component/content/article/37-novosti/531-soglashenie-o-vzaimnom-sotrudnichestve-mezhdu-dum-vo-i-ufsin-rf> (дата обращения: 05.02.2018).

15. *Писенко К.* Соглашения о сотрудничестве между религиозными объединениями и исполнительными органами государственной власти России [Электронный ресурс] // Православие.Ru: сайт. Электрон. дан. [Б.м.], 2005. URL: <http://www.pravoslavie.ru/5158.html> (дата обращения: 12.02.2018).

16. *Соглашение между Министерством культуры РФ и Русской Православной Церковью* [Электронный ресурс] // Русская Православная Церковь: официальный сайт Московского Патриархата. Электрон. дан. М., 2012. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2199116.html> (дата обращения: 05.02.2018).

17. *Соглашение о сотрудничестве между Русской Православной Церковью и Министерством здравоохранения и социального развития Российской Федерации* [Электронный ресурс] // Русская Православная Церковь: официальный сайт Московского Патриархата. Электрон. дан. М., 2011. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1556321.html> (дата обращения: 27.02.2018).

18. *Епархиальные договоры и соглашения* [Электронный ресурс] // Московская Епархия Русской Православной Церкви: сайт. Электрон. дан. М., 2018. URL: <http://www.mepar.ru/documents/dogovora/> (дата обращения: 10.02.2018).

19. *Д. Медведев одобрил «конкордат» с РПЦ. Чем это грозит мусульманам?* [Электронный ресурс] // Ислам: интернет-портал. Электрон. дан. [Б.м.], 2008. URL: <http://emuslim.net/islam-segodnyazavtra/islam-v-rossii/d.-medvedev-odobril-konkordat-s-rptsc.-chem-eto-grozit-musul-manam.html> (дата обращения: 17.02.18).

20. *Шахов М.О.* Правовые основы деятельности религиозных объединений в Российской Федерации [Электронный ресурс] // Электрон. дан. М., 2013. URL: http://www.goldenship.ru/_ld/18/1842_1470.htm#_toc_IDACP0MF (дата обращения: 28.02.2018).

21. УМВД России по Томской области и Религиозная организация «Томская Епархия Православной Церкви (Московский Патриархат)» подписали Соглашение о сотрудничестве [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации: сайт. Электрон. дан. Томск, 2018. URL: <https://70.мвд.рф/news/item/2001630> (дата обращения: 06.03.2018).

22. Священник Томской епархии принял участие во встрече губернатора Томской области с членами Общественной палаты [Электронный ресурс] // Православие в Томске: официальный сайт Томской Епархии Московского Патриархата Русской Православной церкви. Электрон. дан. Томск, 2017. URL: <http://pravoslavie.tomsk.ru/news/3333> (дата обращения: 06.03.2018).

23. Социальное партнерство государства и религиозных организаций. М. : Научный эксперт, 2009. 232 с.

24. Каневский К. Социальное партнерство государства и религиозных объединений: проблемы правового регулирования [Электронный ресурс] // RELIGARE. Религия и СМИ: интернет-портал. Электрон. дан. М., 2005. URL: http://www.religare.ru/2_18508.html (дата обращения: 01.03.2018).

25. Мчедлова М.М. Социокультурные смыслы политики: новая логика интерпретации и религиозные референции // Полис. 2016. № 1. С. 157–174.

26. Кудряшова М.С., Мчедлова Е.М. Религия и политика в современном российском обществе // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2008. № 4. С. 23–30.

Elena G. Avanesova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: avanesovafsf@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 46. pp. 157–166.

DOI: 10.17223/1998863X/46/18

INTERACTION OF GOVERNMENT AUTHORITIES AND RELIGIOUS ASSOCIATIONS: THE EXPERIENCE OF MODERN RUSSIA

Keywords: authorities; religious organizations; models of state-religious interaction; confessional politics; legal foundations of confessional policy of Russian Federation; postsecularity.

This paper is devoted to the study of the model of interaction between state authorities and religious organizations in modern Russia. Traditionally, it is believed that since the 1990s a separation model of religious and political interactions, which was set by the 1993 Constitution of the Russian Federation that proclaimed the secular nature of the state, has been implemented in the Russian Federation. However, today there are reasons to believe that the interaction between authorities and religious organizations is being transformed from state-confessional relations into the cooperative model in Russia. These changes are indicated by an attempt of the state to build partnership relations with religious organizations representing traditional confessions, by concluding cooperation agreements on their interaction in various spheres of public life. Despite the large number of agreements between the state and religious organizations, it must be recognized that they are “point-like”, and their subject is cooperation of the parties in a particular sphere of public life. In the Russian Federation, there are no complex agreements (concordats) concluded between states and religious organizations. The current tendency to change the model of the religious-political interaction is not irreversible, since it is not fixed by any legal “steps”. Moreover, a change of models has never been proclaimed by the state as the ultimate goal of changing the confessional policy. However, all the transformations concerning communicative strategies are not accidental; they reflect the changes that occur not only in the country, but also in the world, and they can be defined as the “return of religion to the public space”. The desire of religious organizations to participate in all spheres of social life, including the political sphere, forces the state to seek new approaches to building state-confessional interactions, which, in the author’s view, is not a consistent implementation of the state’s strategy, but rather a forced reaction to the growing activity of religious organizations.

References

1. Shchipkov, A.V. (2003) *Religiozno-pravovaya situatsiya v Rossii (90-e gody)* [Religious and legal situation in Russia (the 1990s)]. [Online] Available from: http://www.religare.ru/2_7107.html. (Accessed: 5th February 2018).

2. Topchiev, M.S. (2013) Analiz i tipologizatsiya osnovnykh mirovykh modeley regulirovaniya gosudarstvenno-konfessional'nykh otnosheniy [Analysis and typology of the main world models of

regulation of state-confessional relation]. *Gumanitarnye issledovaniya – Humanitarian Researches*. 3(47), pp. 230–336.

3. Avanesova, E.G. (2010) *Vzaimodeystvie religii i politiki kak filosofskaya problema* [The interaction of religion and politics as a philosophical problem]. Tomsk: Tomsk State University.

4. Habermas, J. (2008) *Protiv "voinstvuyushchego ateizma". "Postsekulyarnoye" obshchestvo – chto eto takoye?* [Against "militant atheism". "Post-secular" society – what is it?]. [Online] Available from: <http://www.russ.ru/pole/Protiv-voinstvuyushchego-ateizma>. (Accessed: 7th February 2018).

5. Garaev, D. (2011) *Zdravstvuy, postsekulyarnoye obshchestvo! (ili spasibo Khabermasu)* [Hello, post-secular society! (or thanks to Habermas)]. [Online] Available from: http://www.muslimblog.ru/publ/rubriki/slovo_ehkspertu/zdravstvuj_postsekuljarno_obshhestvo_ili_spasibo_khabermasu/6-1-0-176. (Accessed: 8th February 2018).

6. Shishkov, A. (2012) Some Aspects of Desecularization in Post-Soviet Russia. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom – State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. 2(30), pp. 165–177. (In Russian).

7. Berger, P. (2012) Secularization Falsified. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom – State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. 2(30), pp. 8–20. (In Russian).

8. Russian Federation. (n.d.) *Konstitutsiya RF* [The Constitution of the Russian Federation]. [Online] Available from: <http://vladlietor.ru/constitution1>. (Accessed: 7th February 2018).

9. Zvereva, V.A. (2006) *Rossiyskoe gosudarstvo i religioznye konfessii: transformatsiya modeley vzaimodeystviya: Federal'nyy i regional'nyy urovni* [Russian State and Religious Confessions: Transformation of Interaction Models: Federal and Regional Levels]. Abstract of Political Science Cand. Diss. Voronezh.

10. Russian Federation. (1997) *Federal Law No. 125-FZ "On Freedom of Conscience and Religious Associations" of September 26, 1997*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/. (Accessed: 15th December 2017). (In Russian).

11. Yakhyaev, M.Ya. & Kamyshova, E.G. (2013) *Vlast' i religiya v sovremennoy Rossii: metamorfozy vzaimodeystviya* [Power and Religion in Modern Russia: Metamorphoses of Interaction]. *Islamovedenie – Islamic Studies*. 1. pp. 6–19.

12. Russian Federation. (2018) *Federal Law No. 341-FZ "On Amendments to the Federal Law On Freedom of Conscience and Religious Associations and Certain Legislative Acts of the Russian Federation of 28 November 2015*. [Online] Available from: <https://rg.ru/2015/11/30/sovest-dok.html>. (Accessed: 26th February 2018). (In Russian).

13. Ministry of Justice, Russian Federation. (2018) *On the suspension of the activities of the religious organization "The Administrative Center of Jehovah's Witnesses in Russia"*. [Online] Available from: <http://minjust.ru/ru/novosti/o-priostanovlenii-deyatelnosti-religioznoy-organizacii-upravlencheskiy-centr-svideteley>. (Accessed: 26th February 2018). (In Russian).

14. Mukhtasibat, Vladimir region. Spiritual Administration of Muslims of the Russian Federation. (2016) *Soglashenie o vzaimnom sotrudnichestve mezhdum DUM VO i UFSIN RF* [Agreement on mutual cooperation between DUM VO and UFSIN RF]. [Online] Available from: <http://vladmuslim.ru/component/content/article/37-novosti/531-soglashenie-o-vzaimnom-sotrudnichestve-mezhdum-dum-vo-i-uksin-rf>. (Accessed: 5th February 2018).

15. Pisenko, K. (2005) *Soglasheniya o sotrudnichestve mezhdum religioznymi ob"edineniyami i ispolnitel'nymi organami gosudarstvennoy vlasti Rossii* [Agreement on Cooperation between Religious Associations and the Executive Bodies of the Government of Russia]. [Online] Available from: <http://www.pravoslavie.ru/5158.html>. (Accessed: 12th February 2018).

16. Russian Orthodox Church. (2012) *Soglashenie mezhdum Ministerstvom kul'tury RF i Russkoy Pravoslavnoy Tserkov'yu* [Agreement between the Ministry of Culture of the Russian Federation and the Russian Orthodox Church]. [Online] Available from: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2199116.html>. (Accessed: 5th February 2018).

17. Russian Orthodox Church. (2011) *Soglashenie o sotrudnichestve mezhdum Russkoy Pravoslavnoy Tserkov'yu i Ministerstvom zdravookhraneniya i sotsial'nogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii* [Agreement on cooperation between the Russian Orthodox Church and the Ministry of Health and Social Development of the Russian Federation]. [Online] Available from: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1556321.html>. (Accessed: 27th February 2018).

18. Moscow Diocese of the Russian Orthodox Church. (2018) *Eparkhial'nye dogovory i soglasheniya* [Diocesan agreements]. [Online] Available from: <http://www.mepar.ru/documents/dogovora/>. (Accessed: 10th February 2018).

19. Islam: internet-portal. (2008) *D. Medvedev odobril "konkordat" s RPTS. Chem eto grozit musul'manam?* [D. Medvedev approved the "concordat" with the ROC. How does this threaten Mus-

lims?]. [Online] Available from: <http://emuslim.net/islam-segodnya-zavtra/islam-v-rossii/d-medvedev-odobril-konkordat-s-rptsc.-chem-eto-grozit-musul-manam.html>. (Accessed: 17th February 2018).

20. Shakhov, M.O. (2013) *Pravovye osnovy deyatelnosti religioznykh ob"edineniy v Rossiyskoy Federatsii* [Legal bases of activity of religious associations in the Russian Federation]. [Online] Available from: http://www.golden-ship.ru/_ld/18/1842_1470.htm#_toc_IDACP0MF. (Accessed: 28th February 2018).

21. Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. (2018) *UMVD Rossii po Tomskoy oblasti i Religioznaya organizatsiya "Tomskaya Yeparkhiya Pravoslavnoy Tserkvi (Moskovskiy Patriarkhat)" podpisali Soglasheniye o sotrudnichestve* [The Ministry of Internal Affairs of Russia in Tomsk Oblast and the Religious Organization "Tomsk Diocese of the Primordial Church (Moscow Patriarchate)" signed a Cooperation Agreement]. [Online] Available from: <https://70.mvd.rf/news/item/2001630>. (Accessed: 6th March 2018).

22. Orthodoxy in Tomsk. (2017) *Svyashchennik Tomskoy eparkhii prinyal uchastie vo vstreche gubernatora Tomskoy oblasti s chlenami Obshchestvennoy palaty* [The priest of the Tomsk diocese took part in the meeting of the governor of the Tomsk region with members of the Public Chamber]. [Online] Available from: <http://pravoslavie.tomsk.ru/news/3333>. (Accessed: 6th March 2018).

23. Yakuniv, V.I. et al. (2009) *Sotsial'noe partnerstvo gosudarstva i religioznykh organizatsiy* [Social partnership of the state and religious organizations]. Moscow: Nauchnyy ekspert.

24. Kanevskiy, K. (2005) *Sotsial'noe partnerstvo gosudarstva i religioznykh ob"edineniy: problemy pravovogo regulirovaniya* [Social partnership of the state and religious associations: problems of legal regulation]. [Online] Available from: http://www.religare.ru/2_18508.html. (Accessed: 1st March 2018).

25. Mchedlova, M.M. (2016) Sociocultural Meanings of Politics: New Logic of Interpretation and Religious References. *Polis – Polis. Political Studies*. 1. pp. 157–174. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2016.01.11

26. Kudryashova, M.S. & Mchedlova, E.M. (2008) *Religiya i politika v sovremennoy rossiyskoy obshchestvennoy zhizni* [Religion and politics in modern Russian society]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskiye nauki – Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science*. 4. pp. 23–30.

УДК 323.212

DOI: 10.17223/1998863X/46/19

О.В. Михайлова

ЭПИСТЕМИЧЕСКИЕ СООБЩЕСТВА В ПРОЦЕССЕ ПРОДВИЖЕНИЯ ИДЕЙ В ПОВЕСТКУ ДНЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ¹

Процесс принятия решений в государственном управлении сопровождается конкуренцией идей и интересов. Автором предпринимается попытка определить факторы, влияющие на проникновение новых идей в повестку дня государственного управления, а также определить роль экспертного сообщества в изменении политических и управленческих приоритетов лиц, принимающих решения на этапе целеполагания.

Ключевые слова: государственное управление, повестка дня, эпистемические сообщества, экспертные сообщества.

Процесс принятия решений, особенно на стадии формирования повестки дня, характеризуется высокой степенью конфликтности заинтересованных акторов, каждый из которых имеет свой портфель проектов и предложений по преодолению уже актуализированных проблем. Если речь идет не о рутинных, повседневных решениях, а о решениях, принятие которых влечет за собой серьезные последствия для политической системы, драйвером процесса их принятия становятся не интересы, а идеи. Это означает, что успех гарантирован тем акторам, которые смогут заручиться поддержкой лица, принимающего решения (ЛПР), предложив проект, и соответствующий его политическим приоритетам и ценностным ориентациям, и отвечающий на современные вызовы.

Однако продвижение идей весьма непростой процесс и более проблематичный, чем продвижение интересов. Восприятие ЛПР новых идей сопряжено с возможным изменением инструментов государственного управления, в отдельных случаях предполагает принятие новой интерпретации проблемы или признание актуальности новых, ранее неизвестных проблем. Соответственно, от заинтересованных акторов требуется понимание того факта, что даже самые прогрессивные, инновационные идеи в государственном управлении могут остаться неуслышанными или нереализуемыми в конкретном институциональном контексте.

Продвижение идей в повестку дня государственного управления становится возможно усилиями не изолированно действующих акторов, а сетевых коалиций, успех которых зависит от коллективных усилий участников по управлению сетевым взаимодействием: привлечению влиятельных экспертов, проведению организационных мероприятий по позиционированию идей в публичном дискурсе, их отстаиванию перед оппонентами и целевой аудиторией. Политические позиции коалиции могут быть ослаблены или усилены при действии внешних, неконтролируемых ею факторов.

---

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 17-03-00590.

Так, *изменение общественных ожиданий* вынуждает правительство провести резкий идеологический разворот политического курса в целях сохранения своих властных позиций и купирования массовых протестов. Например, в странах – участницах Европейского союза в последние годы наблюдается рост недовольства граждан проводимой экономической политикой. Стрелы критики направлены против усиления миграционных потоков и европейской интеграции. В итоге эксперты фиксируют кризис идей мультикультурализма и толерантности, рост популярности идей евроскептиков, приводящие к власти консервативных или праворадикальных политиков, дискредитирующих сложившийся на протяжении многих лет ценностный *status quo*.

Дополнительным или самостоятельным фактором становится *изменение экономической ситуации* в сторону ухудшения. Финансовые кризисы вынуждают правительства искать новые идейные основания дальнейшего развития (например, отказ от модели государства всеобщего благоденствия). Сдерживающим эффектом облают *устоявшиеся социальные структуры* и / или *действующие в стране законодательные ограничения*. Например, ограничения оппозиционной активности в стране, препятствующие свободной конкуренции идей и поиску альтернативных решений актуальных проблем.

Действие внешних факторов дополняется необходимостью соблюдения участниками коалиции ряда обязательных требований. *Во-первых*, жизнеспособность выдвигаемых идей должна быть подтверждена экспертным сообществом. Это означает, что спонтанно возникающие в политическом дискурсе идеи с высокой долей вероятности не получают поддержки ЛПР, что связано, прежде всего, с особенностями информационного обеспечения процесса принятия решений.

Во-вторых, идеи должны быть реализуемы на практике, чтобы получить политическую поддержку ЛПР. Обращаясь к опыту проведения административных реформ, большинство экспертов сходятся во мнении, что привлекательность и популярность «нового государственного управления» были обусловлены простотой и доступностью базовых принципов, пониманием политиками алгоритма действий, а также возможностью ознакомиться с успехами правительства Великобритании в реализации новой модели, широко растиражированными Всемирным банком и Организацией экономического сотрудничества и развития [1. С. 23].

В-третьих, идеи не должны противоречить действующей в политической системе бюрократической структуре, подрывать сложившиеся практики реализации политического курса. Например, такие страны, как Великобритания, Австралия, Новая Зеландия, благодаря гибкости прецедентной системы права, парламентской форме правления, наличию однопартийного правительства имеют возможность быстро проводить решения, руководствуясь самыми современными идеями модернизации государственного управления, не встречая на своем пути серьезных препятствий даже со стороны своих оппонентов.

В противоположность им страны с разветвленной бюрократической системой, континентальной системой права, многопартийностью и необходимостью после парламентских выборов формировать коалиционное правительство, а в отдельных странах с многосоставной общественной структурой, с одной стороны, в большей степени подвержены идейной конкуренции, с

другой – в наименьшей степени готовы к идейной революции и располагают сильными сдерживающими ее системными характеристиками. Например, в Швейцарии институт референдума устроен таким образом, что гарантирует сопротивление радикальным изменениям (вступление в ЕС, изменение Конституции и пр.) [2. С. 3].

Помимо экзогенных и эндогенных факторов, влияющих на попадание идей в повестку дня, немаловажным барьером для них могут стать *ограничения поведения лица, принимающего решения*, – когнитивные и / или институциональные. Нежелание ЛПР осознавать необходимость принятия решения связано, как правило, с его приверженностью определенным идеологическим установкам, с которыми не согласуется решение, либо его включенностью в группу или коалицию, чьим интересам решение противоречит [3. Р. 970]. Очевидно, что праворадикальный политик не поддержит идеи по либерализации миграционной политики, а политик, связанный интересами с крупным бизнесом, не поддержит принятия решения о повышении налогов.

Эпистемические сообщества как носители идей и политические антрепренеры

Итак, идеи являются важнейшим элементом смысловой рамки (фрейма) проблемы, но создается она не «коалициями поддержки», способными их продвинуть в повестку дня. Важную роль в этом играют «*эпистемические сообщества*» (epistemic communities) – сети, объединяющие профессионалов, претендующих на приоритетность своих экспертных знаний в конкретной проблемной области [4. Р. 787; 5. Р. 229]. Позиционирование экспертов как политических акторов позволяет увидеть процесс целеполагания не через призму конкуренции интересов или ценностей, а через появление новых идей, взглядов, приоритетов, изменяющих и форму, и содержание проблем.

Эпистемические сообщества образуются вокруг конкретных проблем, приобретающих актуальность при формировании повестки дня. Будучи представителями разных дисциплинарных областей, эксперты объединяются в сеть, так как разделяют общую систему ценностей и знаний в отношении конкретной проблемы. Их исключительное значение состоит в возможности создавать знание об интересующей ЛПР проблеме, а значит – помогать ЛПР в постижении причин, вызвавших проблему, последствий, с разной степенью вероятности порождаемых этой проблемой, возможных способов разрешения проблемы, снижающих риски наступления негативных эффектов, а также сложных связей между конкретной проблемой и интересами общества и государства.

Типичным примером эпистемических сообществ являются «*think tanks*» – научно-исследовательские лаборатории, создающие интеллектуальный продукт в различных областях государственной политики, составляющий основу для принятия стратегических решений, и восполняющие разрыв между миром идей и миром действий [6]. Характеризуя работу таких объединений в США, Р. Хаас пишет, что влияние экспертов на ЛПР происходит по пяти основным направлениям: содействие выработке оригинальных идей и вариантов политического курса, продвижение экспертов для работы в администрации, предложение форумов для дискуссий на высоком уровне, просвещение

граждан США по проблемам международной политики, помощь официальным органам власти в посредничестве и урегулировании конфликтов.

Влиятельность эпистемических сообществ объясняется прежде всего тем, что эксперты обладают авторитетом в глазах ЛППР в том смысле, что за ними признаются высокий уровень профессиональной компетентности, владение современными знаниями в конкретной области и способность создать интеллектуальный продукт, отвечающий на вызовы современности. Благодаря этому эпистемические сообщества способны изменить направление политического курса в отдельно взятой области государственной политики (здравоохранение, образование, торговля, национальная безопасность и пр.).

К экспертам прислушивается ЛППР еще и по причине того, что их советы в большей степени связаны с идеями, а не с интересами, они консультируют, а не являются заинтересованной стороной в решаемой проблеме, что отличает их и от лоббистов, и от «коалиций поддержки». Профессиональная деятельность экспертов не связана с продвижением интересов бизнеса или некоммерческих организаций в процессе принятия и реализации решений. По сути, эксперты являются типичными технократами, привлекающими научное знание для решения интересующих их проблем, не соотносящими свои идейные разработки с ценностями ЛППР. Однако создаваемый интеллектуальный продукт может оказать серьезную поддержку доминирующим в политической системе ценностным ориентациям.

В сфере государственного управления эпистемические сообщества действуют не самостоятельно, а в составе сетевых альянсов с государственными и негосударственными акторами. В отдельных случаях они действуют как политические антрепренеры для поиска партнеров по коалиции, в составе которой смогут транслировать свои идеи вне пределов академической среды.

Роль эпистемических сообществ во фрейминге проблемы обусловлена двумя факторами: степенью неопределенности проблемы и масштабом экспертного рынка. Комбинации этих факторов высвечивают следующие возможные роли.

Роли эпистемических сообществ в процессе целеполагания [7. Р. 280]

Масштаб экспертного рынка	Степень неопределенности проблемы	
	Высокая	Низкая
Небольшой	Медиатор	Агент
Большой	Советник	Теневой консультант

Эпистемическое сообщество выступает в роли *советника* для ЛППР в ситуации, когда перед ним встает проблема высокого уровня неопределенности и академическое пространство представлено большим числом экспертов в этой области. Получив доступ к ЛППР, участники экспертной сети организуют и структурируют проблему, формируют у ЛППР ее понимание, отношение к ней, а также предлагают способы преодоления. В итоге их деятельность может изменить вектор политического курса, а также политические приоритеты, заложенные в основу государственной политики. В данном случае отношения между ЛППР и экспертами асимметричны, преимущество на стороне того, кто обладает знанием о проблеме, что позволяет экспертам полностью завладеть вниманием ЛППР.

Однако подобное возможно только при условии, что ЛПР не обладает управленческим опытом, а его политические приоритеты весьма аморфны и подвижны. Например, в роли советника успешными чаще всего оказываются эпистемические сообщества, специализирующиеся на вопросах защиты окружающей среды, наводняющие политический дискурс угрозами экологической катастрофы, приводя в качестве доказательств сложные для понимания непрофессионалом данные и причинно-следственные цепочки, подталкивая тем самым ЛПР к принятию конкретных законодательных актов, подписанию протоколов и пр.

И все же наиболее типичной является ситуация, когда эпистемическое сообщество привлекается для поиска решения конкретной задачи, стоящей либо перед отдельным государственным ведомством, либо перед правительством в целом. Консультанты, сопровождавшие административные реформы в Великобритании, как раз и выступали в роли советников, не только обучая технологиям корпоративного управления, но и на практике демонстрируя неэффективность бюрократической организации и действенности рыночных механизмов в государственном управлении. Игнорирование ими социального контекста государственного управления и исключительно прагматические устремления при принятии решений породили серьезные негативные последствия.

Эпистемическое сообщество выступает в роли *медиатора* в ситуации, когда проблема характеризуется высоким уровнем неопределенности, но при этом круг экспертов крайне узок. Эпистемическое сообщество выстраивает не диадические связи с ЛПР, а встраивается в более широкую социальную сеть, где рядовые граждане, медиа, некоммерческие организации и пр. включены в обсуждение проблемы, предлагают свое видение ее причин и путей решения. Цель экспертов – организовать дискуссию, вовлечь в нее неравнодушных и заинтересованных участников, которые станут со-производителями знания, что позволит принять решение, имеющее широкую социальную поддержку.

В современной практике государственного управления используются технологии краудсорсинга, являющиеся одним из возможных способов компенсации дефицита экспертного знания. Краудсорсинг основан на эгалитарном принципе, в соответствии с которым каждый человек обладает знаниями, талантами, которые могут оказаться полезными и востребованными другими людьми [8. С. 22]. Опыт реализации краудсорсинговых проектов продемонстрировал, что люди включаются в них, руководствуясь не материальными стимулами, а стремлением создать нечто во благо более обширного сообщества пользователей или просто получить удовлетворение от применения навыков или умений, которыми они владеют, но не могут использовать в профессиональной жизни. Эпистемические сообщества помогают отыскать самородок в «толпе», использовать порождаемые «коллективным интеллектом» идеи для фрейминга проблемы и поиска ее решения.

Эпистемическое сообщество выступает в роли *агента*, когда проблема характеризуется низким уровнем неопределенности и высоким уровнем плюрализма и разнообразия экспертного сообщества. Это означает, что целью его активации является не помощь в понимании природы конкретной проблемы, поиске оптимальных путей ее решения, а продвижение идей, разделяемых

его участниками, в политическую повестку дня посредством формирования коалиций с группами интересов. Группы интересов заинтересованы во взаимодействии с эпистемическими сообществами по причине необходимости экспертного обоснования своих властно значимых устремлений. Занимаясь лоббированием своих интересов в публичном пространстве и используя конвенциональные методы, они, по сути, убеждают ЛПР на разных уровнях и этажах властной иерархии в ценности своих проектов, что оказывается невозможно без привлечения убедительной экспертной аргументации.

Экспертное сопровождение усиливает позиции групп интересов в конкурентном политическом взаимодействии. Многочисленные экспертные группы, действующие в академическом пространстве и являющиеся носителями нередко конкурирующих идей, становятся участниками сетевых коалиций-инсайдеров, имеющих непосредственный доступ к центрам принятия решений и борющихся за их монополизацию, а также коалиций-аутсайдеров, подобных возможностей не имеющих и стремящихся нарушить сложившийся status quo, дискредитировать доминирующую коалицию и добиться принятия новых идейных ориентиров при принятии решений.

При этом важно заметить, что эпистемическое сообщество не является пассивным агентом, сопровождающим деятельность лоббистов. Отнюдь не всегда группа интересов ищет на рынке экспертных услуг эпистемическое сообщество, но и экспертная сеть может инвестировать ресурсы в поиск партнеров по коалиции, способных транслировать ее идеи в публичную политику. Иными словами, эпистемическое сообщество действует как политический антрепренёр, либо целенаправленно создающий благоприятные ситуации, формирующие спрос на их экспертизу, либо использующий периодически открывающиеся «окна возможностей» для предложения своего интеллектуального продукта.

Более того, эпистемические сообщества конкурируют друг с другом. Некоторые из них проводят кампании по дискредитации экспертов, придерживающихся иных взглядов, обвиняя в отсутствии надежных научных обоснований их утверждений, раскрывая компрометирующую информацию о проводимых исследованиях и пр. Широкую известность в мире получили научные споры, например, о глобальном потеплении, прививках, генетически модифицированной еде, гомосексуализме, гомеопатии и др. Каждая из этих проблем, в зависимости от влиятельности конкретного эпистемического сообщества, по-разному транслируется в государственную политику страны. В 2017 г. Российская академия наук официально признала гомеопатию лженаукой, за чем последовали рекомендации Росздравнадзора убрать рекламу соответствующих продуктов и закрыть программы повышения квалификации в вузах. Остро конкурируют друг с другом эпистемические сообщества ЕС и США по вопросу ГМО, оказывая влияние не только на общественное мнение и политиков этих стран, но и всего мира.

В отдельных случаях эпистемическим сообществам удается, получив институциональное оформление, закрепиться в роли влиятельного политического агента в какой-либо сфере государственной политики. Например, «Club of Thirty» является авторитетным экспертным сообществом в мире финансов. World Bank Group – лидер в вопросах изучения проблем бедности и устойчивого развития. Ряд глобальных экспертных проектов находятся в фокусе по-

литического внимания правительств многих стран. Например, индекс восприятия коррупции Transparency International, качества государственного управления The World Bank и др. Небезосновательно исследователи пишут о формировании «рейтингового мышления», основанного на безграничном доверии индексам как удобным, признанным и достоверным инструментам изучения и интерпретации экономических и социально-политических процессов, под влияние которых попадают в основном правительства переходных стран [9. С. 91].

Эпистемическое сообщество выступает в роли *теневого консультанта*, когда привлекаются представителями власти для решения проблем вне пространства публичной политики. Прежде всего, это эксперты-юристы, знающие, каким образом с правовой точки зрения устроена работа конкретного института и каким образом, формально не нарушая правил, можно использовать его для достижения поставленных целей. Подобного рода задачи ставятся перед экспертами, число которых крайне ограничено, в целях поиска обоснований для использования правил и установлений в новых обстоятельствах. Пул тайных советников наиболее широк в так называемых «фасадных демократиях», где при сохранении демократического институционального каркаса правящая элита воспроизводит авторитарные практики властвования и управления. Эпистемическое сообщество должно обеспечить легитимацию принимаемых решений, но противостоять им не может.

Какую бы роль не выполняло эпистемическое сообщество и как бы велико не было его влияние, экспертное участие в процессе принятия решений непродолжительно. Оно ограничено этапом целеполагания, в частности формированием повестки дня. Именно в этот момент идеи оказываются наиболее востребованными, наиболее высока конкуренция между ними и вероятность восприятия их ЛПР. Эпистемические сообщества тем и отличаются от групп интересов, что область их активности ограничена, и в случае поражения они не продолжают борьбу, а находятся в ожидании нового «окна возможностей». Вместе с тем влияние эпистемических сообществ на государственное управление наиболее значительно, так как они закладывают идейные основания для разработки и реализации политики, которые могут воспроизводиться многие годы, даже если само сообщество уже прекратит свое существование.

Продвижение идей в повестку дня, с одной стороны, требует усилий сетевых коалиций, конкурирующих в пространстве публичной политики, с другой – свободной конкуренции эпистемических сообществ, способных создавать новое знание в различных областях. Мощным стимулом и для коалиций, и для экспертов является открытость системы государственного управления, формирующей спрос на поиск новых подходов, способных повысить качество принимаемых решений.

Литература

1. Лебедева Т.П., Михайлова О.В. Государственное управление в зарубежных странах: опыт административных реформ. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2011. 232 с.
2. Михайлова О.В. Административные реформы в современных государствах : опыт Швейцарии // Государственное управление. Электронный вестник. 2010. № 24. С. 1–9.
3. Baumgartner F., Green-Pedersen C., Jones B. Comparative Studies of Policy Agendas // Journal of European Public Policy. 2006. Vol. 13. P. 959–974.

4. Haas P.M. Epistemic Communities // *IPSA Encyclopedia of Political Science* / eds. B. Badie, D. Berg-Schlosser, L. Morlino. New York, NY : Sage, 2011. P. 787–791.
5. Dunlop C.A. Epistemic communities // E. Araral, S. Fritzen, M. Howlett, M. Ramesh and X. Wu (eds). *Routledge Handbook of Public Policy*. London, UK : Routledge, 2013. P. 229–243.
6. Хаас Р. «Мозговые центры» и американская внешняя политика: точка зрения политика [Электронный ресурс] // *eJournal USA*. 2002. Т. 7, № 3 // Центр гуманитарных технологий : аналитический портал. М., 2006. Электрон. дан. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/4569> (дата обращения: 30.08.2018).
7. Dunlop C. Knowledge Epistemic Communities and Agenda Setting // N. Zaharidis (eds), *Handbook of Public Policy Agenda Setting*. London, UK : Edward Elgar Publishing, 2016. P. 273–294.
8. Хау Д. Краудсорсинг : Коллективный разум как инструмент развития бизнеса. М. : Альпина Паблишер, 2012. 296 с.
9. Иванов В.Г. «Charts Power» – «рейтинговая сила» как инструмент мягкой силы и экономическое оружие. М. : ИНФРА-М, 2015. 188 с.

Olga V. Mikhaylova, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation).

E-mail: Mikhaylova@spa.msu.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 46. pp. 167–175.

DOI: 10.17223/1998863X/46/19

EPISTEMIC COMMUNITIES IN THE PROMOTION OF IDEAS IN THE AGENDA OF PUBLIC ADMINISTRATION

Keywords: public administration; agenda setting; epistemic communities; expert communities.

The decision-making process is characterized by a high degree of conflict between actors, each of which has its own portfolio of projects and proposals for overcoming the already actualized problems. Promotion of ideas in the agenda of public administration becomes possible through the efforts of network coalitions, whose success depends on the collective efforts of participants in managing network interaction, rather than of isolated actors. The political positions of a coalition can be weakened or strengthened by the action of external factors that are not controlled by it. Among these factors are changes in public expectations, deterioration of the economic situation, social structures operating in the political system and legislative restrictions. The success of a political coalition also depends on the promotion of new ideas, but they should be supported by the expert community and thus will have high chances of implementation in the practice of public administration. Bearers and translators of new ideas in the political and administrative system are epistemic communities – networks that unite professionals who claim to prioritize their expertise in a particular problem area. Epistemic communities are formed around specific problems that are becoming relevant in shaping the agenda. Their exceptional importance lies in the ability to create knowledge about the problem or a group of problems of interest to the decision maker. A typical example of epistemic communities is “think tanks” – research laboratories that create an intellectual product in various areas of public policy, which is the basis for making strategic decisions. The role of epistemic communities in the framing of the problem is due to two factors: the degree of uncertainty of the problem and the scale of the expert market. Combinations of these factors show the following possible roles: mediator, agent, advisor, shadow consultant. The influence of epistemic communities is explained by the following reasons: possession of up-to-day knowledge, ideological neutrality, non-participation in political competition.

References

1. Lebedeva, T.P. & Mikhaylova, O.V. (2011) *Gosudarstvennoe upravlenie v zarubezhnykh stranakh: opyt administrativnykh reform* [Public administration abroad: Administrative reforms]. Moscow: Moscow State University.
2. Mikhaylova, O.V. (2010) Modern Administrative Reforms: The Switzerland Experience. *Gosudarstvennoe upravleniye. Elektronnyy vestnik – Public Administration. E-Journal*. 24. pp. 1–9. (In Russian).
3. Baumgartner, F., Green-Pedersen, C. & Jones B. (2006) Comparative Studies of Policy Agendas. *Journal of European Public Policy*. 13. pp. 959–974. DOI: 10.1080/13501760600923805
4. Haas, P.M. (2011) Epistemic Communities. In: Badie, B., Berg-Schlosser, D. & Morlino, L. (eds) *IPSA Encyclopedia of Political Science*. New York, NY: Sage. pp. 787–791.

5. Dunlop, C.A. (2013) Epistemic communities. In: Araral, E., Fritzen, S., Howlett, M. & Ramesh, M. & Wu, X. (eds) *Routledge Handbook of Public Policy*. London, UK: Routledge. pp. 229–243.

6. Haas, P.M. (2006) “*Mozgovye tsentry*” i amerikanskaya vneshnyaya politika: tochka zreniya politika [“Think tanks” and American foreign policy: policy point of view]. *eJournal USA*. 7(3). [Online] Available from: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/4569>. (Accessed: 30th August 2018).

7. Dunlop, C. (2016) Knowledge Epistemic Communities and Agenda Setting. In: Zaharidis, N. (ed.) *Handbook of Public Policy Agenda Setting*. London, UK: Edward Elgar Publishing. pp. 273–294.

8. Howe, D. (2012) *Kraudsorsing. Kollektivnyy razum kak instrument razvitiya biznesa* [Crowdsourcing. Collective intelligence as a tool for business development]. Translated from English. Moscow: Al'pina Pablisher.

9. Ivanov, V.G. (2015) “*Charts Power*” – “*reytingovaya sila*” kak instrument myagkoy sily i ekonomicheskoye oruzhie [“Charts Power” – “rating power” as a tool of soft power and economic weapon]. Moscow: INFRA-M.

УДК 321

DOI: 10.17223/1998863X/46/20

В.И. Шамшурин, Н.Г. Шамшурина

**О ПОЛИТИКЕ, ЭКОНОМИКЕ И ИКОНОМИКЕ
(О РОЛИ СОБСТВЕННОСТИ В МОНАСТЫРСКОЙ ЖИЗНИ
ПРАВОСЛАВИЯ)**

Определены границы значения понятия «славянский мир» на примере предметной выборки его уточнения в виде «русского мира» в контексте скрепляющей этот мир сущностной идеи, благодаря которой люди, живущие в этом мире, независимо от своего географического местоположения в системе координат земного шара, могут не только понимать друг друга, но и быть единой социальной, гражданской, политической, именно культурно-мировоззренческой общностью, независимо от национальной принадлежности. Тезис статьи: по вере – культура, которая свидетельствует о появлении того или иного народа. В этой связи в качестве репрезентативной базы исследования предлагается рассмотрение роли монастырской жизни в культуре России на примере исследования актуальной сейчас проблемы собственности и отношения к ней Церкви в рамках полемики между «стяжателями» и «нестяжателями».

Ключевые слова: православие, культура, сакральное, секулярное, собственность.

В последнее время усилилось давление на Православную церковь и на православие вообще. Внешнее политическое влияние в очередной раз испытывает славянский мир на прочность, пытаясь разрушить его единство и идентичность в ключевом и стратегическом направлениях – в религиозном и культурно-национальном. Делается это по-разному. И в вероучительном, и в организационном, и в информационном, и во многих других направлениях. Одно из них связано с выяснением статуса собственности в православии. Причём почему-то та же самая сюжетная линия в рамках других конфессий сомнений не вызывает. Ничего нового в постановке подобного рода вопросов не было в прошлом. Нет и в настоящем. Просто сейчас, как и прежде, но в особо агрессивной манере, выдерживаемой, к тому же в тональности «теперь или никогда», очень часто с позиций иллюзионизма-докетизма и соматического гностицизма ставится под сомнение сама возможность экономических отношений в рамках религии, Церкви, монастырской собственности. Сама возможность строительства церквей и монастырей вызывает вопросы. «Зачем Церкви собственность, если Христианское Царство не от мира сего?» – лукаво или простодушно раздаётся из самых разных мест. Оставим противников в покое – те, кто предубеждён и призывает «встать грудью на пути у церковников», не хотят слышать вообще никакой аргументации, закрывают возможности какого бы то ни было понимания вообще, отказываются от поиска совместного герменевтического пространства. Как говорил Св. Иоанн Златоуст, «художники зла» и «чуждые сыны», т.е. люди, «отчуждившиеся от истины» [1. Т. 2. С. 681], не верят прежде всего потому, что не хотят. Но сомнения не чужды и тем, кто считает себя православным в славянском, русском мире. В чём тут дело? Отметим, что секуляризаторские настроения в истории не редкость, они не новы. И дело тут не только в православии, славянском или

русском мире. Их провозвестником был, как известно, ещё Исав, променявший священное первородство на чечевичную похлёбку, и его потомки – те самые сыновья Едомовы, которые говорили: «Разрушайте храмы иерусалимовы до основания его» (Пс., 136). Целые цивилизации, целые исторические периоды меняют священство на «чечевичную похлёбку», сакральное – на секулярное, стратегию – на тактику и периодически гибнут, как это метко отмечают науковед В.В. Налимов и богослов А.И. Осипов.

Известен случай с основателем монастырской жизни в России св. Феодосием Печерским, которого ещё в XI в. древнерусский просвещённый обыватель, а именно возница, заставил сесть вместо себя на облучок, попрекая праздной и вольготно-сытной монашеской жизнью. Русская история, особенно современная, полна такого рода примерами – куда менее безобидными. Однако первыми, кто выступил в этой области – с развёрнуто-обоснованной просветительской программой, полной упреков в тунеядстве, стяжательстве, накопительстве, ростовщичестве, эксплуататорстве и т.д., были конечно же яacobинцы. В дальнейшем их последователи с системной точки зрения уже ничего добавить не смогли. Первым, кто тут же отпарировал – блестяще и с фактами в руках, был известный английский государственный деятель и, как бы мы сейчас сказали, политолог Эдмунд Бёрк. В «Размышлениях о революции во Франции», а также в «Трёх письмах против мира с царевийцами» он резонно заметил, что история вообще и история Франции в частности неопровержимо показывают, что монастырь осуществлял массу функций, в том числе и светских, особенно касающихся благотворительной и просветительской деятельности. А вот гарантией осуществления этого как раз и является собственность. Так, Э. Бёрк полагал, что нельзя допустить полной зависимости Церкви от государственной казны, как, впрочем, и от частных взносов или влияния со стороны политиков и военных. Нельзя превращать независимое духовенство в церковных служащих, состоящих на содержании у государства или отдельных лиц. Доходы Церкви, считал Бёрк, – её постоянное достояние, так же как земля, на которой она стоит; и это будет предохранять её от тех колебаний, которым подвержены общественные фонды и ценные бумаги. Кроме того, писал Э. Бёрк, возможно, люди, незнакомые с государственным устройством Франции и слышавшие, что Церковь пользовалась привилегиями при налогообложении, вообразят, что до революции она не вносила свой вклад в государственный бюджет. Это было бы большой ошибкой, считает Бёрк: «В общей сложности от духовенства в государственную казну поступало около тринадцатой части их чистого дохода» [2. С. 102].

На Руси общежительный монастырь с внешней, экономической стороны – трудовая, чаще всего земледельческая община. И, кстати, до сих пор. По задачам иночества, писал В.О. Ключевский, монахи должны питаться от своих трудов, свои труды ясти и питии, а не жить подаяниями мирян. Среди основателей и собравшихся к ним рядовой братии пустынных монастырей встречались люди из самых разных классов общества – бояре, купцы, промышленники, ремесленники, военные, иногда люди духовного происхождения, очень часто крестьяне. Общежительный монастырь (например, преп. Сергия Радонежского) представлял рабочую общину, производственную артель, в которой занятия распределялись между всеми: каждый знал своё дело и работы каждого шли «на братскую нужду». Здесь сверх религиозно-

иноческого воспитания главными житейскими науками были умение отдавать всего себя на общее дело, навык к усиленному труду и привычка к строгому порядку в занятиях, помыслах и чувствах. Что, кстати, ставило монастыри, монастырский труд, по признанию известного историка Русской церкви А.В. Карташева, «вне конкуренции». Наставник вёл постоянную работу над каждым отдельным братом, его особенностями, приспособлял их к целям всего братства. Так воспитывалось и само монастырское братство, и население, жившее вокруг монастырей, на которых иноки, по современным тому времени свидетельствам (например, агиографическим, т.е. житийным), производили глубокое назидательное впечатление. И для этой «воспитательной работы» тоже требовалась собственность! И если, по Ключевскому, с 1240 по 1340 г. возникло всего три десятка монастырей, то в следующее столетие под непосредственным влиянием самоотверженных трудов преп. Сергия – до 150. В том числе и Саввино-Сторожевский.

Как отмечает прот. А. Шмеман, с «социологической» и «экономической» точек зрения можно, конечно, говорить о политическом и образовательно-просветительском значении огромной сети монастырей, основанных учениками преп. Сергия Радонежского и его продолжателями. Но не это главное в нём, а тот, если хотите, ««абсолютизм» христианства, тот образ совершенного преображения человека Духом Святым, устремления к горнему, к высшему, «жизнь в Боге». Это сделало преп. Сергия средоточием русского православия в тёмные годы его истории, проложило столько дорог к Троице-Сергиевой лавре [3. С. 354–355]. Добавим – не только русского православия, но и славянского. Это, собственно, и есть то, что называется «икономия».

И здесь не исключение и преп. Савва Звенигородский, постриженник и ученик преп. Сергия. Он монашествовал, как известно, в обители Св. Троицы, где даже был, но недолго, игуменом. Удалясь оттуда в пустынь на Москве-реке, проводил жизнь в посте и молитве. К нему стекались монахи, простолюдины. Вскоре Юрий (Георгий), сын великого князя московского Дмитрия, княживший в Звенигороде, выбрал Савву духовником и умолил его выстроить близ Звенигорода на урочище Сторожи церковь во имя Рождества Пресвятой Богородицы. Это – 1377 г. Новая обитель скоро умножилась. Появляется каменная соборная церковь. Савва управлял в течение 36 лет устроенной им обителью. В 1407 г. он умер.

В старинных грамотах монастырь писался «Саввин на Сторожах», потому что на горе, где он воздвигнут, становилась некогда «опасливая» стража для остережения Москвы от нашествия неприятеля, войско которого можно было увидеть с горы ещё издалека. По сути, кроме сакральных и традиционно-благотворительных, монастырь выполнял ещё и политическую оборонительно-пограничную функцию.

Но и это ещё не всё. Нельзя обойти вниманием и особое его отношение к правящей в России политической элите. И здесь уже речь идёт не только о представительских функциях власти, поскольку Саввинский монастырь был часто посещаем царём Михаилом Фёдоровичем и его сыном Алексеем. Они жилали там по несколько дней, им монастырь обязан своим улучшением. В 1650 г. его обнесли каменной оградой с семью большими башнями. Здесь царевна Софья Алексеевна с братьями Петром и Иоанном нашли убежище в 1682 г., когда был донос на старшего князя Хованского, что он покушается

на их жизнь. Алексей Михайлович дарит монастырю рукописную псалтирь, царские одежды. Здесь же и царские одежды Софьи Алексеевны.

Итак, какие же функции подкрепляла монастырская собственность? Многие обитатели, как это уже отмечалось, являлись рассадниками просвещения, очагами благотворительности и добровольных пожертвований, центрами религиозного и национального самосознания. Саввино-Сторожевский монастырь в этом отношении не был исключением. Но не только это. Именно в монастыре проводилась кадровая политика, поскольку именно там брали игуменов и иерархов для епархий. Вспомним один из основных доводов Иосифа Волоцкого, стоявшего во главе «стяжателей» против «нестяжателей» Нила Сорского.

По мнению С.М. Соловьёва, Нил смотрел на монастырь как на общество людей, отказавшихся от мира, это общество, в глазах его, было тем совершеннее, чем менее оно имело столкновений с миром; Иосиф же, кроме этого значения монастыря, предполагал ещё другое: он смотрел на монастырь так же, как на рассадник властей церковных; Нил имел в виду отшельника, желающего укрыться от мира, от всех его отношений, в болотах и лесах белозерских, Иосиф имел в виду также и владыку, епископа, который, будет взят из монастыря: «Если у монастырей сёл не будет, говорит Иосиф, то как честному и благородному человеку постричься? Если не будет честных старцев, то откуда взять на митрополию, или архиепископа, или епископа? Если не будет честных старцев и благородных, то вера поколеблется». Вообще же противопоставление стяжательства и нестяжательства – дело совершенно надуманное. И не случайно оба подвижника были согласно канонизированы русской Православной церковью. Противопоставлять их – всё равно что противопоставлять фундаментальную и прикладную науки. Нил Сорский делает акцент на сакральности, а Иосиф Волоцкий большое внимание уделяет институциональному обеспечению и осуществлению и догматики, и аскетики, и массовому распространению веры, вообще смягчению нравов в широкой народной среде. Иосиф Волоцкий, таким образом, был чужд высокомерного отношения к тому, что сейчас у политологов называется «работа с электоратом». Более того, он отчётливо представлял и все экономические стороны этой очень сложной, включающей в себя, повторяем, самые разные сферы деятельности. Здесь и просвещение, и образование, и обучение, и переподготовка. Как священников, монахов, так и мирян, паствы. Иосиф Волоцкий чётко понимал, что монастырская собственность служит гарантом осуществления не всей, конечно, но довольно существенной части нравственно-просветительной, образовательной деятельности Церкви.

Действительно, генерирование идеи – это одно, а вот организация информационно-коммуникационных процессов, способствующих распространению этой идеи, как говорил Исаак Сирин, «по всей силе жизни» – это уже несколько другое, но тоже очень важное, трудное, хотя и менее заметное, как всякое хорошее управление, а подчас и неблагодарное дело. Хорошая политика всегда сама собой разумеется. Заметна лишь плохая политика. Тем не менее от этого в очень большой степени, и Волоцкий это тоже прекрасно понимал, зависит, насколько успешно осуществляется перевод, если можно так выразиться, «массовой культуры», т.е. внешнего богопочитания, поверхностного усвоения веры, даже обрядовая, означающего (как это не раз показано в истории, истории России в том числе) оскудение, профанацию, уга-

сание веры; перевод, повторяем, в глубокое и органическое осознание основ исповедуемой религии православного христианства. И чистота веры зависит от этого не в меньшей степени, чем от подвижничества. Да и сама организационно-экономическая деятельность, принимая во внимание все связанные с ней искушения, которым несть числа, – что это, как не подвижничество!

Каковы эти «чудовища» политики? Вот некоторые из них, о которых говорит св. Иоанн Златоуст в работе «О священстве»: тщеславие, гнев, обман, лицемерие, козни, негодования на людей невинных, удовольствие при неблагополучии служащих, печаль при их благосостоянии, желание похвал, пристрастие к почестям (оно более всего вредит душе человеческой), учение с угождением, неблагодарное ласкательство, низкое человекоугодие, презрение бедных, услужливость богатым, предпочтения неразумные и вредные, милости, опасные как для приносящих, так и для принимающих их, рабский страх, недостаток дерзновения, степенный вид смиренномудрия, но без истинного смирения, уклончивые обличения и наказания. Или, добавляет св. Иоанн, лучше сказать, перед незначительными людьми – чрезмерные, а пред сильными людьми – безмолвные. А чего стоят, как сейчас говорят, опасности гендерных отношений! И многое, много, другое. При этом последствий и опасностей у светских властей гораздо меньше, чем у церковных. Всё это уподобляет политику Евриппу. Употребляя эту метафору, праведник имеет в виду Еврипп – узкий пролив в Средиземном море, в котором вода, по сказаниям греков, прибывает и убывает семь раз в день и семь раз ночью. Да и сама организационно-экономическая деятельность, принимая во внимание все связанные с ней искушения, – что это как не подвижничество! А вспомним, насколько затратны были информационно-коммуникационные услуги того времени, учитывая, что и сегодня это одно из самых дорогих удовольствий. Обучить грамотных переводчиков, переплётчиков, вообще обеспечить культурно-филологическое обеспечение книжно-издательского дела, доставку и правильное хранение информации – это далеко не одна лишь техника. Как известно, история раскола в России подтвердила эту истину в полной мере. Но ведь культурная миссия монастырей не ограничивалась книгоизданием – сначала рукописным, потом типографским. После большого московского пожара 1547 г., когда погорели московские церкви, Иван IV послал за иконами, кроме Новгорода, Смоленска, Дмитрова, и в Звенигород – в тот же Саввино-Сторожевский монастырь.

Повторяем, основой деятельности Церкви как раз и явилась собственность, точнее – земельная монастырская собственность, поскольку она была главной в России, по крайней мере до XVIII в. Почему? С.М. Соловьёв писал в этой связи: «Вспомним, что в описываемое время (заметим, что расцвет Саввино-Сторожевского монастыря как раз до XVIII в. – *Авт.*) обеспеченное содержание могло предоставляться не иначе как в виде владения земельной собственностью, служилые люди получали содержание в виде поместий, следовательно, вопрос о содержании монашествующих мог ставиться только в такой форме: или владеть сёлами, или кормиться подаянием и работою рук». Зададимся вопросом: а что означало последнее? По реальным историко-экономическим особенностям России, и не только России того времени, работа наймом означала добровольное похолопление. Следовательно, вопрос

стоял так: или монастырям владеть земельной собственностью, или попадать в полную материальную, затем моральную зависимость, рабство.

Земельная монастырская собственность делала Церковь морально независимой от государства. Без собственности отделение Церкви от государства – не более чем декларация. Собственность давала Церкви связь с гражданским обществом, позволяя с помощью благотворительности заниматься социальной политикой. Кроме того, живя рядом с мирянами, духовный пастырь лучше знал их интересы, а главное, имел экономические возможности для помощи. Чёрное священство могло поддерживать белое священство, поскольку монастырская собственность, монастырские крестьяне освобождались от торговых пошлин. Приходские священники, как известно, с точки зрения налогообложения были в куда менее выгодном положении. Но тут важно иметь в виду очень важную особенность, которую чётко отмечал Иосиф Волоцкий: монастырь – стяжатель; монах – нет. Именно монастырь – «коллективный собственник», так как обеспечен в средствах содержания недвижимостью, дающим доход именем. Монах в политике и экономике – это, если угодно, менеджер, который только распоряжается этой собственностью, организует её наилучшее использование в интересах широкого круга мирян-акционеров. Но экономической стороной светская жизнь монастыря не ограничивалась – были и юридические отношения с окружающим гражданским обществом, поскольку игумен мог судить монастырских крестьян (кроме крупных уголовных дел). И занимаясь всеми видами внутреннего спасения человека, т.е. икономикой, монастырская братия спасала мирян и от пожаров, и от нашествий неприятеля, и от голода в случае недородов. Из истории Русской православной церкви доподлинно известно, что обитатели иногда годами кормили из своих житниц обнищавший народ. А борьба Церкви, особенно монастырей, с моровой язвой 1654 г.! А поставка припасов, снабжение русских войск! Вспомним 1000 воинов, которых сформировал Никон, фактически управлявший государством, когда Иван IV был на войне. Не говоря уже о многочисленных пожертвованиях Русской православной церкви во время Великой Отечественной войны.

О пограничной службе уже говорилось. Но в ведение монастырей входили – и Саввино-Сторожевский монастырь в этой связи один из самых показательных – больничное дело, приюты, церковно-приходские школы с общежитиями, типографии, заготовительные, художественные и прочие мастерские. И всё это без учёта постоянного и многотрудного внутреннего молитвенного делания братии – в тиши и безвестии, а подчас и в огульных осуждениях, поношениях, упрёках и злословии, клевете. Даже – в преследованиях. Но, заметим, что обитатели, разделившиеся, как известно, на городские, приходские и пустынные, даже когда они приходили со временем в упадок – от грубости нравов, гонений властей, доходящих до богоборчества или ещё по каким-то причинам, но даже тогда (и современность на примере Саввино-Сторожевского скита это снова подтверждает), когда монастырь практически исчезал, превращаясь в светское сооружение (музей, склад, столовую, военное училище, общежитие и т.д.), что-то от него всё-таки обязательно оставалось. Это крестьянский приход, церковь, часовенка, тот же скит, родничок – любое напоминание, что «не хлебом единым, а всяким Словом Божиим» жив человек. И это «зацепка» для последующего

восстановления и расцвета. И пример Саввино-Сторожевского монастыря и его роль в русской и славянской культуре, без сомнения, тут не исключение. Дело теперь только в нашем совместном усердии каждого на своём месте, как говорил П. Сорокин, «солидарном альтруизме», направленном на благополучие этой обители, и не только этой, но и всего русского и славянского мира.

Литература

1. *Иоанн Златоуст Св.* Беседа на Псалом 143 // Священное Писание в толкованиях Свяителя Иоанна Златоуста. Т. 2 : Беседы на Псалмы. М. : Ковчег, 2006. 736 с.
2. *Бёрк Э.* Размышления о революции во Франции. М. : Рудомино, 1993. 144 с.
3. *Шмеман А.* Исторический путь православия. М. : Паломник, 1993. 389 с.

Victor I. Shamshurin, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation).

E-mail: shamhuriny2@mail.ru

Nina G. Shamshurina, First Moscow State Medical University (Moscow, Russian Federation).

E-mail: shamhuriny2@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 46. pp. 176–183.

DOI: 10.17223/1998863X/46/20

ON POLITICS, ECONOMY AND OECONOMY (ON THE ROLE OF PROPERTY IN THE MONASTIC LIFE OF ORTHODOXY)

Keywords: Orthodoxy; culture; sacred; secular; property.

The main theme of the paper is the definition of the boundaries of the concept “Slavic world” on the example of its specified sample, the “Russian world”, in the context of the essential idea that binds this world, that allows people living in this world, regardless of their geographical location in the coordinate system of the globe, to understand each other. That is, people can be on the same not only geographical, but also hermeneutic surface, within a single territory of conscious meanings; they can have shared meanings, social and cultural codes, though not always conscious. Moreover, they can speak about their common social, civil, political, cultural and ideological similarity as “Russian”, regardless of nationality. Paraphrasing the words of Kant, we can say: the most valuable thing is to realize that it is us and that we think identically. The thesis of the paper is that culture, which indicates the appearance of a people, is determined by faith. A change of faith results in the disappearance of a people. In other words, social groups, communities, strata, peoples of the state will unite around certain values – even if first secular, they will necessarily become sacred; or first sacred and immediately recognized in their primevalness. At the same time, the way people behave in the presence of their sacred values testifies to their economic and social relations, everyday behavior, gestures, facial expressions, customs, traditions, habits, customs, laws, or, more specifically, to rituals, conscious or not yet conscious. In the first case, we can only speak about civilizational processes; in the second about cultural and civilizational ones. It is in the second case that we can speak about symbols, myths, legends, chronicles, epics, folklore, ideologies, and even about science, philosophy, political science and, particularly, sociology. In this regard, the representative basis of the research is the considered role of monastic life in the culture of Russia, namely, a study of the current problem of property and the attitude of the Church to it within the framework of the controversy between “possessors” and “non-possessors”.

References

1. John Chrysostom. (2006) *Svyashchennoe Pisanie v tolkovaniyakh Svyatitelya Ioanna Zlatousty* [Scripture in the interpretation of St. John Chrysostom]. Vol. 2. Moscow: Kovcheg.
2. Burke, E. (1993) *Razmyshleniya o revolyutsii vo Frantsii* [Reflections on the Revolution in France]. Translated from English by E. Gelfand. Moscow: Rudomino.
3. Shmeman, A. (1993) *Istoricheskiy put' pravoslaviya* [The historical path of Orthodoxy]. Moscow: Palomnik.

МОНОЛОГИ, ДИАЛОГИ, ДИСКУССИИ

УДК 1(091); 215

DOI: 10.17223/1998863X/46/21

П.А. Бутаков

ФИЛОСОФСКАЯ ТЕОЛОГИЯ ДО И ПОСЛЕ ПЛАНТИНГИ

Проанализирована биография Алвина Плантинги до начала 1980-х гг., когда благодаря ему философская теология стала признанной философской дисциплиной. Рассмотрены факторы, способствовавшие формированию Плантинги как аналитического философа, как христианского философа и как лидера нового направления в философии. Также обсуждаются те требования, которым, по мнению Плантинги, должны соответствовать профессиональные философские теологи, и оценивается применимость этих требований к современной российской науке.

Ключевые слова: Плантинга, аналитическая философия, христианская философия, философия религии, философская теология.

В 2017 г. американскому философу Алвину Плантинге исполнилось 85 лет, и в том же году он стал лауреатом Темплтоновской премии¹. В связи с этими событиями во многих странах, включая Россию², были проведены философские конференции, семинары и курсы лекций, посвященные этому выдающемуся мыслителю. Главными теоретическими достижениями Плантинги считаются его новаторские идеи в области метафизики, эпистемологии, философии религии, а также его вклад в диалог между наукой и религией. Однако значимость Плантинги обусловлена не только глубиной и оригинальностью его философских идей. Его известность во многом определяется тем, какую роль он сам и его произведения сыграли в процессе формирования нового поколения аналитических философов, возникновения новых направлений философских исследований и становлении такой дисциплины, как философская теология³.

В данной статье я не буду касаться того значительного теоретического вклада, который Алвин Плантинга внес в развитие философской мысли, а сосредоточусь на рассмотрении социальной роли, которую он сыграл в истории аналитического философского сообщества. Одна из ключевых идей статьи заключается в том, что вклад Плантинги в формирование современной

---

¹ Темплтоновская премия учреждена в 1972 г. сэром Дж. Темплтоном как некий аналог Нобелевской премии. Она вручается «за успехи в исследовании или открытии в духовной жизни». Среди лауреатов Темплтоновской премии были такие философы, как, например, К.Ф. фон Вайцзеккер, Ч. Тейлор, М. Хеллер, Б. д'Эспанья и Ф.Х. Айала.

² Например, 22–24 сентября 2017 г. в Воронежском государственном университете прошла международная научная конференция «Философия религии Алвина Плантинги». Текст данной статьи был представлен в виде доклада на этой конференции.

³ Термином «философская теология» принято обозначать аналитическую философию религии, или, другими словами, философию религии, в том виде, в каком она практикуется в рамках аналитической философской традиции.

дисциплины философской теологии столь велик, что ее хронологию вполне можно разделить на эпохи «до Плантинги» и «после Плантинги»¹, подобно тому как в истории античной философии принято выделять периоды до и после Сократа. Значение Сократа определяется не столько его философскими идеями, сколько его образом жизни, поступками и социальной ролью; так же и Плантинга важен не только как выдающийся философ, но и как общественный деятель: как идеолог, лидер, организатор, учитель и пример для подражания. Для того чтобы понять, чем обусловлена социальная роль Плантинги, в данной статье будет проанализирован процесс его становления, во-первых, как аналитического философа; во-вторых, как христианского философа; в-третьих, как лидера нового направления в философии. Для этого будут рассмотрены соответствующие этапы его биографии, а также показана тесная взаимосвязь личных достижений Плантинги и тех требований, которые предъявляются к современным философским теологам.

В качестве хронологической точки отсчета, отделяющей «до-Плантинговскую» эпоху от «после-Плантинговской», я обозначу его инаугурационную речь 1983 г. «Совет христианским философам»², которая стала чем-то вроде «манифеста христианской философии». В этом программном заявлении Плантинга провозглашает начало новой эпохи, в которой христианские философы наконец-то обретут независимость от атеистического академического истеблишмента и начнут сами определять темы и рамки своих философских рассуждений и публикаций. На тот момент в англо-американском философском сообществе уже накопилось достаточное количество высококлассных признанных философов, которые частным образом придерживались христианских взглядов, но никак не проявляли этого в своих философских работах. Эти люди были вполне способны составить серьезную конкуренцию своим коллегам-атеистам, но не делали этого лишь в силу сложившихся академических традиций. Поэтому манифест Плантинги послужил толчком к повсеместному отказу от устаревших норм, легитимацией самостоятельного направления в аналитической философии – философской теологии, а также началом продуктивного философского диалога между аналитиками-христианами и аналитиками-атеистами. Вот что пишет об этом Джеймс Сеннет: «...по прочтении «Совета христианским философам» у меня в первый раз появилось такое ощущение, будто пелена спала с моих глаз, и я тут же обрадовался освобождению и удивился смыслу вызова Плантинги. И из бесконечного множества бесед с коллегами и студентами я знаю, что этот мой опыт не уникален» [3. С. 33].

Какой же была ситуация в философии и теологии в «до-Плантинговскую» эпоху? В сегодняшней российской полемике о признании теологии полноценной научной специальностью часто звучат слова о том, что на Западе, дескать, теология является одной из традиционных академических дисциплин и что при университетах веками существуют теологические факульте-

---

¹ Я также полагаю, что этот хронологический рубеж стоило бы ввести не только для истории философской теологии, но и для всей истории аналитической философии в целом, так как благодаря успехам философов религии другие аналитические философы также дерзнули выйти за изжитые рамки философии науки и философии языка и создать собственные оригинальные направления аналитической философской мысли. К сожалению, обсуждение этого заявления выходит за рамки данной статьи, поэтому я оставляю его без обоснования.

² Эта речь впоследствии была опубликована в [1]. Существует русский перевод этой статьи: [2].

ты. Действительно, такие факультеты существовали, существовали и семинарии, и другие религиозные учебные заведения. Но сообщество теологов не было вовлечено в деятельность остального академического сообщества. В «до-Плантинговскую» эпоху эти факультеты и семинарии жили обособленно и не имели непосредственного взаимодействия с творчеством философов, а любые разговоры о Боге и вероучении не выходили за пределы теологического сообщества. Для аналитических философов все эти теологические понятия были не более чем частью социальной реальности или обыденного языка и чаще всего оценивались ими как бессмысленные и бесполезные. В свою очередь, профессиональные теологи также не стремились к сближению с философами и, как правило, оказывались неспособными вызвать у них какой-либо интерес к теологическим проблемам.

В начале 1980-х, с наступлением «после-Плантинговской» эпохи, эта ситуация радикально изменилась. Во многом благодаря усилиям Алвина Плантинги создается Общество христианских философов. Возникают новые философские журналы, ориентированные на публикацию исследований по философской теологии. Десятки философов-христиан начинают издавать статьи и монографии по таким новым для аналитической философии темам, как эпистемология религиозной веры, природа Бога, проблема зла и природа религиозного опыта. Вдобавок в философской литературе разворачивается активная полемика с атеизмом в виде разработки аргументов в пользу существования Бога и опровержения теоретических оснований натурализма. Успех этой полемики оказался столь ошеломительным, что к концу столетия сами философы-атеисты были вынуждены признать, что теисты ни в чем не уступают натуралистам с точки зрения наиболее ценных для аналитической философии критериев: концептуальной точности, строгости аргументации, технической эрудиции и доскональной защиты оригинального мировоззрения [4. P. 196].

Более того, предложенные христианами новые направления философских исследований оказались столь привлекательными, что их разработкой начинают заниматься не только христиане, но и другие теисты, и даже те, кто вообще не считает себя теистом или религиозным человеком.

Окончательным успехом философской теологии стало то, что ею заинтересовалась наиболее консервативная и обособленная часть академического сообщества, а именно профессиональные теологи. Через четверть века после «Совета христианским философам» в стенах теологических факультетов и семинарий был запущен проект «Аналитическая теология» [5], в рамках которого сами теологи подвергают свое традиционное догматическое богословие кропотливому философскому анализу, стараясь не уступать аналитическим философам в строгости и основательности аргументации.

Почему же этот ошеломительный взлет популярности и признания философской теологии связывают в первую очередь с личностью Алвина Плантинги?¹ Ведь были же аналитические христианские философы и до него, да и философская теология зародилась еще за тридцать лет до «Совета христиан-

---

¹ Конечно же, возможны и другие версии, согласно которым причины внезапной популярности философской теологии связаны не столько с личностью Плантинги, сколько с трансформациями внутри самой аналитической традиции (см., например, [6. С. 31–32]). Но даже в этом случае вряд ли возможно отрицать лидирующую роль Плантинги в процессе легитимации философской теологии.

ским философам»¹. Ответом на этот вопрос может стать история профессиональной карьеры Плантинги, начиная с его самых ранних студенческих лет (1950) и заканчивая приходом в Нотр-Дамский университет (1983), когда он в своем «Совете» провозгласил наступление новой эпохи в аналитической философии. Отличительной чертой этой истории является то, с какой целеустремленностью и обстоятельностью Плантинга подходил к освоению самых современных достижений аналитической философии, к созданию конкурентоспособных философско-теологических произведений и к формированию сообщества христианских философов. Плантинге приходилось преследовать две цели: с одной стороны – всегда ориентироваться на наивысшие философские стандарты, с другой – оставаться сосредоточенным на вопросах, имеющих непосредственное отношение к христианской вере. В отличие от большинства религиозных философов он, погнавшись за двумя зайцами, умудрился поймать обоих.

Алвин родился (1932) в провинциальной консервативной христианской семье и с детства изучал и ценил свою реформатскую веру, а также унаследовал от отца любовь к философии. Еще до поступления в колледж он решил посвятить себя тому, чтобы объединить занятие философией с христианской теологией. Он решает, что для достижения своей амбициозной цели ему будет недостаточно освоить философию на уровне бакалаврской программы местного колледжа. Вопреки желаниям отца Плантинга поступает в Гарвардский университет (1950), где он, в частности, знакомится с мэтром аналитической философии У.В.О. Куайном. Однако, проведя год в Гарварде, он неожиданно жертвует аналитической философией и переводится в реформатский Кальвин-колледж ради того, чтобы учиться у христианского философа Гарри Джеллема. По словам Плантинги, Джеллема был самым талантливым преподавателем из всех, у кого ему довелось учиться, и он более чем кто-либо другой повлиял на интеллектуальное формирование молодого философа [8. Р. 9]. Главным результатом этой учебы стало развитие навыков критического мышления в теологических вопросах. В качестве одного из ярких и важных воспоминаний о своем учителе Плантинга указывает то, как Джеллема регулярно подвергал безжалостному публичному сократическому допросу тех студентов-христиан, которые казались «слишком самонадеянными и беспечно полагающимися на неуязвимость их религиозных убеждений» [8. Р. 10]. Джеллема быстро давал им понять, что, несмотря на все свое христианское воспитание, они не имеют ни малейшего понятия о том, в чем заключается смысл основных положений их вероисповедания.

По окончании Кальвин-колледжа Плантинга поступает в магистратуру в Мичиганский университет (1954) для изучения философии религии у известного христианского философа Уильяма Алстона. Но вскоре он разочаровывается в этом университете, так как там его не устраивает уровень преподавания философии – она была «крайне дозированной и далекой от настоящего важных вопросов» [8. Р. 19]. За год получив степень магистра, он жертвует христианской философией ради освоения аналитической. Он переводится в аспирантуру в Йельский университет (1955), где его научным руководителем становится Пол Вайс, у которого в то же самое время обучается

¹ Рождением философской теологии обычно принято считать выход в 1955 г. монографии «Новые эссе по философской теологии» под редакцией Энтони Флю и Аласдера Макинтайра [7].

еще одна будущая звезда американской философии – Ричард Рорти. Там Плантинга получает докторскую степень и начинает преподавательскую деятельность.

Затем в его карьере произошел странный поворот – из престижного Йеля Плантингу переманили в молодой философский коллектив университета Уэйна в Детройте (1958), что неожиданно обернулось для него большим профессиональным приобретением. Впоследствии Плантинга назовет пять лет, проведенных там, лучшим временем своей жизни [8. Р. 22]. В отличие от других философских факультетов, где просто *изучали* чужую философию, молодые и бесшабашные преподаватели Уэйна занимались тем, что с утра до вечера вместе *творили* философию. Их дискуссии начинались с самого утра, продолжались в кафетерии, перемещались в аудитории, затем в столовую и лишь изредка прерывались ради необходимости преподавания. Нередко они приглашали к себе интересных философов и старательно препарировали их свежеепеченные идеи. Основными темами их дискуссий были философия языка в контексте аргументов Витгенштейна и модальные структуры в философской аргументации. Их споры обязательно сопровождались тщательной записью всех посылок, следствий и дополнительных условий, причем эти записи велись на всем, что попадало под руку: на досках, салфетках, скатертях. Одним из членов их дискуссионного кружка был Эдмунд Геттиер, который как раз именно в то время и в той обстановке сформулировал свою судьбоносную для эпистемологии проблему [9]. Благодаря этим дискуссиям Плантинга научился ценить строгость философских рассуждений, ясность и прозрачность аргументов, а также необходимость их формальной записи.

По-видимому, именно эти пять лет в Детройте стали наиболее важным этапом становления Плантинги как первоклассного аналитического философа. Действительно, такому опыту можно лишь позавидовать: пока большинство американских философов того времени (как и большинство российских философов сегодня) занимались очередным перечитыванием, переписыванием и перетолковыванием авторитетных текстов, Плантинга с коллегами ежедневно выдвигали и защищали собственные идеи. Вряд ли можно представить себе более эффективный способ развития творческих, критических и полемических способностей философа.

После успешной карьеры в светских университетах Плантинга вновь возвращается в христианское академическое сообщество. К тому времени он уже сформировался как аналитический философ, и теперь для него настала пора проявить себя как христианского философа. В 1963 г. вышел на пенсию его учитель Гарри Джеллема, и Плантинга принимает приглашение вернуться в Кальвин-колледж ему на замену. Там, в традиционном реформатском коллективе, он пытается воссоздать тот уникальный опыт, который получил в университете Уэйна. Плантинга организует еженедельный семинар, на котором обсуждаются не чужие теории, а собственные идеи и разработки самих участников. Так в лице Плантинги аналитическая философия пришла туда, где до этого господствовали история чужих идей и пересказывание чужих мыслей.

В то же время Плантинга начинает работать над своими первыми фундаментальными произведениями по христианской философии, принесшими ему

признание и популярность. За двадцать лет, проведенных в Кальвин-колледже, он пишет такие важные работы, как «Бог и другие сознания», «Природа необходимости», «Бог, свобода и зло» и «Есть ли у Бога природа?». К началу 1980-х имя Алвина Плантинги становится известным далеко за пределами христианских академических кругов. В 1981 г. он становится президентом Центрального отделения Американской философской ассоциации, а в 1985-м ему посвящают очередной, пятый том серии «Profiles: An International Series on Contemporary Philosophers and Logicians», где одним из редакторов выступает известный финский аналитический философ и убежденный атеист Илкка Ниинилуото [10].

В дополнение к своей основной работе в Кальвин-колледже Плантинга приступает к осуществлению социального проекта, благодаря которому философская теология впоследствии станет признанным направлением в аналитической философии. Цель Плантинги состоит в том, чтобы интегрировать аналитических философов-христиан в единое эффективное сообщество. Для этого он существенно расширяет географию своей преподавательской деятельности, ориентируясь в первую очередь на ведущие университеты. За это время он проводит по целому году в Гарварде, Стэнфорде, Оксфорде, в Университете Калифорнии в Лос-Анджелесе и университете Аризоны, а также организует краткосрочные семинары и курсы лекций во многих других вузах. Вдобавок в 1977 г. он выступает одним из инициаторов и основателей Общества христианских философов, которое сегодня является одной из самых многочисленных профессиональных философских ассоциаций в Америке. Еще одним важным элементом социального проекта Плантинги становится решение заняться непосредственным научным руководством будущими христианскими философами. Поскольку в Кальвин-колледже не было аспирантуры, в начале 1980-х ему пришлось расстаться со своей реформатской *alma mater* и перейти в католический Нотр-Дамский университет. Именно там в 1983 г. он произнес инаугурационную речь «Совет христианским философам», что фактически означало успешное завершение подготовительного этапа создания сообщества аналитических философов-христиан. В своей речи Плантинга заявляет, что прошло то время, когда христиане были вынуждены воздерживаться от обсуждения жизненно важных для них вопросов, и что теперь они могут открыто отстаивать свои убеждения и рассчитывать на то, что их будут оценивать не за выбор темы, а за качество философской аргументации.

В чем же заключался этот «совет» христианским философам и кому именно он был адресован? Плантинга предлагает своим слушателям три рекомендации, но при этом выдвигает три требования, которым должны соответствовать те, кто решит последовать его совету. Он призывает христиан 1) стать более независимыми от остального философского мира; 2) стать единым цельным сообществом; 3) проявлять больше уверенности в себе и отваги в этом непростом деле. В качестве целевой группы Плантинга указывает тех ученых, которые i) окончили христианский колледж; ii) получили философское образование и соответствующую ученую степень; iii) озабочены выбором темы исследований в рамках своей профессиональной философской карьеры [1. P. 254–255]. Глядя на эти рекомендации и требования, нельзя не заметить тесной взаимосвязи между ними и биографией самого Плантинги.

Он сам закончил христианский колледж (i), получил степень по философии (ii) и продолжает заниматься профессиональной философской деятельностью (iii)¹. При этом всю свою жизнь он стремился к созданию самостоятельной христианской философии, независимой от атеистического академического истеблишмента (1), и формированию полноценного эффективного сообщества христианских философов (2), для чего ему понадобилось проявить немало уверенности в себе и отваги (3), тем более что ему, в отличие от его слушателей в 1983 г., приходилось действовать практически в одиночку. В своем «Совете» Плантинга как будто ставит себя в пример и говорит: вот тот путь, который проделал я, следуйте моему примеру. И, как уже было сказано выше, множество философов вскоре последовали примеру и советам Плантинги, что привело к колоссальным переменам в мире аналитической философии.

Теперь я бы хотел подробнее рассмотреть те три требования, которым, согласно «Совету» Плантинги, должен был соответствовать христианский философ в 1983 г. Во-первых, ему необходимо непосредственное и всестороннее знание христианской веры. Он не может быть религиозным неофитом: за его плечами лежит обучение в христианском колледже, что, в свою очередь, подразумевает, что он, скорее всего, является выходцем из традиционной верующей семьи и с детства знаком с церковной жизнью. Вдобавок годы, проведенные в конфессиональном вузе, являются дополнительным гарантом знания основ вероучения и религиозной практики. Во-вторых, этот христианин должен иметь за плечами полноценное философское образование и ученую степень по философии, из чего следует, что он должен прекрасно разбираться в современной аналитической философии. Плантинга приводит пространный список проблем, профессиональное освоение которых должно было входить в «джентльменский набор» философа начала 1980-х гг. Перечислю лишь некоторые из них (список Плантинги гораздо обширнее): теория референции, полемика между реализмом и антиреализмом, теория справедливости Ролза, проблема Геттиера, вопрос о существовании подлинной объективности в науке, проблемы теории множеств в математике, семантика возможных миров, концепция языковой игры, а также рациональность и нормативность в этике [Ibidem]. И в-третьих, адресат Плантинговских советов – это профессиональный философ, полноценный действующий член академического сообщества. Из этого следует, что он регулярно публикуется в рецензируемых журналах и непосредственно знаком с внутрицеховыми порядками и негласными правилами. Тому, кто соответствует всем трем критериям, – образованному христианину и квалифицированному профессиональному аналитическому философу – советы Плантинги будут весьма полезными. Чтобы исследовать вопросы веры в рамках своей профессиональной деятельности, нашему философу действительно понадобятся некоторая автономия от атеистов, сплоченность с другими христианскими философами, а также отвага и уверенность в себе.

---

¹ Плантинга сопровождает свою речь очевидными автобиографическими ремарками: «Рассмотрим пример студентки христианского колледжа из Гранд-Рапидса, штат Мичиган...» [2. С. 469], явно подразумевая свой родной Кальвин-колледж; или «Допустим, упомянутая студентка поступает в Гарвард, учится у Уилларда ван Ормана Куайна» [Там же. С. 470], имея в виду собственный опыт учебы в Гарварде у Куайна.

Что будет, если совету Плантинги решит последовать тот, кто не обладает всеми тремя качествами? Допустим, что он не соответствует первому требованию: например, он лишь недавно познакомился с христианством и его знание церковного учения не выходит за рамки пары-тройки духовных книг, нескольких бесед с приходским священником и собственной интерпретации любимых отрывков из Библии. В таком случае ему просто не хватит теологической компетентности для того, чтобы отличить философские проблемы настоящего, исторического христианства от проблем вымышленной им религии. А что если не выполняется второе требование и наш христианин не обладает знанием современной аналитической философии?¹ Без этого у него не хватит необходимых навыков и эрудиции для квалифицированного диалога с профессионалами. Фактически он будет не в состоянии создать достойный и конкурентоспособный теоретический продукт. Наконец, что будет, если философствующий христианин не соответствует третьему требованию и не является философом по профессии? Тогда его работы останутся незамеченными и не получают адекватной оценки. Все научные публикации создаются, распространяются и проходят проверку внутри профессионального научного сообщества согласно установленным процедурам и механизмам. Любительские произведения попросту не будут допущены внутрь этой отлаженной системы. Вдобавок подобные любительские опусы чаще всего не соответствуют актуальным и современным запросам профессионального сообщества. Конечно, наш автор может попытаться самостоятельно опубликовать свое творение и ждать, пока кто-то из философов обратит на него внимание, но шансы успеха будут крайне невелики.

В заключение хочется сказать несколько слов о ситуации, которая сложилась в современной российской науке. К сожалению, в отечественной академической среде практически отсутствуют интеллектуалы, отвечающие сразу всем трем требованиям Плантинги. Либо они христиане, но не имеют серьезных навыков аналитического философствования, либо это люди, знающие историю аналитической философии и даже в некоторой мере освоившие ее методы, но имеющие слишком фрагментарные знания традиционного христианского вероучения. Что случится, если сегодняшние российские философствующие христиане начнут следовать советам Плантинги? Что будет, если они объединятся друг с другом, решат стать независимыми от остального философского мира и начнут проявлять отвагу и самоуверенность? Я убежден, что ничем хорошим это не закончится. Я также уверен, что сам Алвин Плантинга согласился бы со мной хотя бы потому, что он с таким уважением отзывался о привычке своего учителя Гарри Джеллемы беспощадно критиковать тех христиан, которые были слишком самонадеянны и беспечно полагались на неуязвимость собственных религиозных убеждений [8. P. 10].

Для нынешней российской ситуации советы Плантинги следует признать «вредными советами». Современная отечественная философская теология

---

¹ Здесь может возникнуть законный вопрос, можно ли в данном случае заменить знание аналитической философии знанием континентальной или какой-то другой философской традиции. Я полагаю, что нет, но в данной статье я не стану обсуждать преимущества аналитической философии. Что касается Плантинги, то его требования ясно подразумевают именно аналитическое направление, несмотря на то, что в американских университетах того времени были представлены и другие философские традиции.

еще переживает свою «до-Платинговскую» эпоху, и нам пока нужны прямо противоположные рекомендации. Поэтому напоследок будет уместно предложить видоизмененную версию «Совета христианским философам» Платинги, которую можно озаглавить как «Советы нынешним российским христианским философам».

Во-первых, христианским философам и интеллектуалам не следует становиться более автономными. Напротив, им стоит как можно лучше освоить современную аналитическую философию, изучить философскую жизнь изнутри и стать полноценной частью большого философского мира. Во-вторых, христианским философам не нужно замыкаться в узких кругах единомышленников. Вместо этого им было бы полезно чаще дискутировать с философами-нехристианами, желательно – аналитическими философами, причем не обязательно на теологические темы. И в-третьих, христианам необходимо временно отложить свою отвагу и проявлять побольше христианского смирения и поменьше уверенности в неуязвимости собственных убеждений.

Нашим христианским философам еще предстоит многому научиться и многое сделать, прежде чем российское философско-теологическое сообщество достигнет своей «после-Платинговской» эпохи. Вместо того чтобы выпрашивать у государства признание собственной научной значимости на потеху остальной научной общественности, философствующим теологам следует научиться создавать такие продукты, бесспорное качество которых будет говорить само за себя. Алвин Платинга потратил около тридцати лет на осуществление своей мечты, написал несколько резонансных монографий и десятки статей в престижных философских журналах, заслужил приглашения во многие ведущие университеты и создал сильное и процветающее профессиональное сообщество. Я искренне надеюсь, что когда-нибудь этот проект будет реализован и в нашей стране.

Литература

1. *Plantinga A.* Advice to Christian Philosophers // *Faith and Philosophy*. 1984. Vol. 1, № 3. P. 253–271.
2. *Платинга А.* Совет христианским философам // *Аналитический теист: антология Алвина Платинги* / сост. Дж. Ф. Сеннет; пер. с англ. К.В. Карпова; науч. ред. В.К. Шохин. Ин-т философии РАН. М., 2014. С. 467–495.
3. *Сеннет Дж.Ф.* Введение. Аналитический теист. Признательность // *Аналитический теист: антология Алвина Платинги* / сост. Дж. Ф. Сеннет; пер. с англ. К.В. Карпова; науч. ред. В.К. Шохин. Ин-т философии РАН. М., 2014. С. 31–42.
4. *Smith Q.* The Metaphilosophy of Naturalism // *Philo*. 2001. Vol. 4, № 2. P. 195–215.
5. *Analytic Theology: New Essays in the Philosophy of Theology* / eds. O.D. Crisp, M.C. Rea. Oxford: Oxford University Press, 2009.
6. *Флинт Т.П., Рей М.К.* Введение // *Оксфордское руководство по философской теологии* / сост. Т.П. Флинт, М.К. Рей; ред. М.О. Кедрова. Ин-т философии РАН. М., 2013. С. 29–39.
7. *New Essays in Philosophical Theology* / eds. A. Flew, A.C. Macintyre. London : S.C.M. Press, 1955.
8. *Plantinga A.* Self-profile // *Alvin Plantinga* / eds. J.E. Tomberlin, P. van Inwagen. Dordrecht : D. Reidel Publishing, 1985. P. 3–97.
9. *Gettier E.L.* Is Justified True Belief Knowledge? // *Analysis*. 1963. Vol. 23, № 6. P. 121–123.
10. *Alvin Plantinga* / eds. J.E. Tomberlin, P. van Inwagen // *Profiles: An International Series on Contemporary Philosophers and Logicians*, vol. 5 / gen. eds. R.J. Bogdan, I. Niiniluoto. Dordrecht: D. Reidel Publishing, 1985.

Pavel A. Butakov, Institute of Philosophy and Law, SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation).

E-mail: pavelbutakov@academ.org

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 46. pp. 184–193.

DOI: 10.17223/1998863X/46/21

PHILOSOPHICAL THEOLOGY BEFORE AND AFTER PLANTINGA

Keywords: Plantinga; analytic philosophy; Christian philosophy; philosophy of religion; philosophical theology.

Alvin Plantinga played a pivotal role in bringing theological questions and ideas into the broad philosophical, predominantly non-theistic community. His “Advice to Christian Philosophers” (1983) was the turning point in the history of philosophical theology. In his “Advice”, Plantinga talks about how best to be a Christian in philosophy. He suggests that Christian intellectuals should become more autonomous from the rest of the philosophical world, display more unity, and express greater Christian self-confidence. This advice, however, is addressed not to just any intellectual of a Christian affiliation. He addresses them to those (1) who have graduated from a conservative Christian college, (2) who have obtained a PhD in philosophy, and (3) who continue their career as professional philosophers. That means that the person should be well acquainted with the traditional Christian doctrine and practice, should be well versed in the contemporary analytic philosophy, and should be an acknowledged member of the established philosophical community. Thus, it would be a mistake to apply Plantinga’s “Advice” to a person who does not meet all of the three requirements. The present day situation in Russia shows a dramatic shortfall of intellectuals who satisfy all the three Plantinga’s conditions. It is still premature for Russian Christian philosophers to become autonomous from the rest of the philosophical community, to establish Christian philosophical clusters, and to display Christian self-confidence in the face of the non-theistic majority. Philosophical theology in Russia is currently in its “pre-Plantingan” phase. In order to improve this situation, the author suggests reversing Plantinga’s advice into their opposites. Russian Christian philosophers ought to learn how to operate within the broad philosophical community. They should familiarize themselves with the contemporary analytic philosophy and its methods, and they should become acknowledged members of the established professional circles. Then, and only then, philosophical theology in Russia can enter its post-Plantingan era.

References

1. Plantinga, A. (1984) Advice to Christian Philosophers. *Faith and Philosophy*. 1(3). pp. 253–271. DOI: 10.5840/faithphil19841317
2. Plantinga, A. (2014) Sovet Khristianskim Filosofam [Advice to Christian Philosophers]. In: Sennett, J.F. (ed.) *Analiticheskiy teist: antologiya Alvina Plantingi* [The Analytic Theist: An Alvin Plantinga Reader]. Translated from English by K.V. Karpovich. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 467–495.
3. Sennett, J.F. (2014) Vvedenie [Introduction]. In: Sennett, J.F. (ed.) *Analiticheskiy teist: antologiya Alvina Plantingi* [The Analytic Theist: An Alvin Plantinga Reader]. Translated from English by K.V. Karpovich. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 31–42.
4. Smith, Q. (2001) The Metaphilosophy of Naturalism. *Philo*. 4(2). pp. 195–215. DOI: 10.5840/philo20014216
5. Crisp, O.D. & Rea, M.C. (2009) *Analytic Theology: New Essays in the Philosophy of Theology*. Oxford: Oxford University Press. DOI:10.1093/acprof:oso/9780199203567.001.0001
6. Flint, T.P. & Rea, M.C. (2013) Vvedenie [Introduction]. In: Flint, T.P. & Rea, M.C. (eds) *Oksfordskoe rukovodstvo po filosofskoy teologii* [The Oxford Handbook of Philosophical Theology]. Translated from English. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 29–39.
7. Flew, A. & Macintyre, A.C. (1955) *New Essays in Philosophical Theology*. London: S.C.M. Press.
8. Plantinga, A. (1985) Self-profile. In: Tomberlin, J.E. & Inwagen, P. (eds) *Alvin Plantinga*. Dordrecht: D. Reidel Publishing. pp. 3–97.
9. Gettier, E.L. (1963) Is Justified True Belief Knowledge? *Analysis*. 23(6). pp. 121–123. DOI: 10.2307/3326922
10. Tomberlin, J.E. & Inwagen, P. (1985) Alvin Plantinga. In: Bogdan, R.J. & Niiniluoto, I. (eds) *Profiles: An International Series on Contemporary Philosophers and Logicians*. Vol. 5. Dordrecht: D. Reidel Publishing.

УДК 1 (091)

DOI: 10.17223/1998863X/46/22

Е.В. Вострикова

«ЛОГИКО-ФИЛОСОФСКИЙ ТРАКТАТ» Л. ВИТГЕНШТЕЙНА И ЕГО ВКЛАД В СЕМАНТИКУ

Рассматривается тезис А.Л. Никифорова о том, что «Логико-философский трактат» Л. Витгенштейна не оказал большого влияния ни на одну область помимо аналитической философии. Автор показывает, что некоторые идеи, высказанные в нем Л. Витгенштейном, легли в основу одного из направлений в современной лингвистике, а именно формальной семантики. Автор рассматривает три идеи, высказанные Витгенштейном, которые оказали большое влияние на развитие лингвистики. Это идея о том, что естественный язык может анализироваться формальными методами, идея о том, что значением предложения являются условия его истинности, и идея о значении предложения как возможной ситуации.

Ключевые слова: аналитическая философия, Витгенштейн, проблема значения, условия истинности, формальная семантика.

Введение

Данная статья посвящена работе Л. Витгенштейна «Логико-философский трактат» (далее Трактат) [1]. Трактат становился предметом рассмотрения во множестве работ, которые невозможно осветить в рамках одной статьи. Я рассмотрю некоторые аргументы критического характера, сформулированные в недавней работе А.Л. Никифорова, направленные против Трактата [2]. Со многими аспектами этой критики можно согласиться, в частности с тезисом о том, что картина языка и мира, сформулированная в Трактате, является несколько бледной и упрощенной. Однако можно поспорить со следующим тезисом Никифорова: «...сделан вывод о том, что вклад Витгенштейна в философию XX в. часто преувеличивается. Трактат может быть интересен только представителям аналитической философии, но за рамками этого направления на него не обращают внимания». Мысль о том, что Трактат повлиял на исследователей за пределами аналитической философии, уже неоднократно высказывалась в отечественной литературе (см. например, [3–6]). Я дополню эту мысль и представлю три конкретные идеи Витгенштейна, которые широко используются за пределами аналитической философии и философии в целом. Первая идея – естественный язык является логичным и может анализироваться формальными методами. Вторая идея – значение предложения – это условия его истинности. Третья идея – это понятие положения дел как возможной ситуации и идея о структурном соответствии между предложением и ситуацией. Я продемонстрирую, что первая и вторая идеи являются ключевыми для одного из направлений в современной лингвистике, а именно в формальной семантике. Именно Витгенштейн и именно в Трактате и подготовительных записях к Трактату впервые их сформулировал.

Я также покажу, что в рамках одного из подходов к анализу предложений в современной лингвистике, а именно ситуационной семантике, используется понятие ситуации, сходное с понятием положения дел Витгенштейна.

Таким образом, можно выдвинуть следующий тезис: работа Витгенштейна не только оказала влияние на философию и аналитическую философию в частности, но и заложила основы для целого научного направления в рамках лингвистики. А следовательно, утверждение, что за рамками аналитической философии никто не обращает внимания на Трактат, как минимум большое преувеличение.

Действительно, модель языка, представленная Витгенштейном в Трактате, является несколько упрощенной. Он сам в своей поздней работе, опубликованной его учениками под названием «Философские исследования» [7], указывает на ряд ее недостатков, в частности не учитывается такой аспект, как употребление языка в контексте. (О различии между подходом к философии языка раннего и позднего Витгенштейна см. [8]).

Однако можно поспорить и с критикой позднего Витгенштейна идей раннего Витгенштейна. Исследование употребления языковых выражений в контексте вовсе не предполагает, что идея об истинностном значении как значении предложения должна быть отброшена. Оба аспекта значения – условия истинности предложения и условия его употребления – являются реальными свойствами предложений языка, и оба аспекта изучаются в рамках современной семантики и прагматики. Идеи раннего и идеи позднего Витгенштейна дополняют друг друга, а не находятся в противоречии, хотя сам Витгенштейн придерживался противоположной точки зрения.

Тот факт, что в Трактате игнорируется целый пласт языковых значений (употребление выражений в контексте их произнесения), не отменяет того вклада в исследование значений, который внес Витгенштейн. То, что в Трактате имеют место упрощения, которые были обнаружены философами в более поздних работах, говорит о том, что философия языка, как направление, имеющее дело с эмпирической областью исследования, развивается и прогрессирует. Мы обнаруживаем новые факты и совершенствуем наши модели для того, чтобы они правильно описывали эти факты.

Формальная семантика как направление современной лингвистики

Что такое значение и каким образом значение предложения выводится из его составных частей? Это основной вопрос для подраздела лингвистики под названием «Семантика».

Каким методом мы должны исследовать значение? В современной лингвистике наиболее распространённым и общепринятым методом является метод формальной семантики. Именно этот метод продемонстрировал наибольшую продуктивность в описании значения выражений в различных естественных языках.

Данная исследовательская область превратилась в отдельную дисциплину. Существуют престижные специализированные журналы, в которых публикуются результаты, полученные по формальной семантике, такие как «Семантика и прагматика» («Semantics and Pragmatics»), «Семантика естественных языков» («Natural language semantics»), «Журнал семантики» («Journal of Semantics»). Этот список не является исчерпывающим. Существует также ряд престижных конференций, самыми главными из которых являются «Семантика и лингвистическая теория» («SALT») в США и «Смысл

и значение» («Sinn und Bedeutung»), и «Амстердамский коллоквиум» («Amsterdam colloquium») в Европе. Есть ряд и более специализированных конференций, где обсуждаются семантические вопросы, связанные с описанием конкретной группы языков. В частности, в США каждые два года проводится конференции «Семантика малоизученных языков Америки» («SULA»), где могут быть представлены работы только по формальной семантике коренных языков Америки, и ежегодная «Тройная А» («The triple A»), специально посвященная формально-семантическому описанию языков Африки, Азии, Австралии и Океании.

Таким образом, формальная семантика уже давно превратилась из небольшого проекта, который фокусировался в основном на описании английского языка, осуществляемом маленькой группой специалистов (философов и лингвистов), в целую индустрию, в которой исследуются самые разные языки мира.

В основе формальной семантики лежат три очень простых идеи. Первая идея – это принцип композициональности: значение предложения должно складываться из частей, составляющих это предложение, и способа их сочетания между собой. Вторая идея – значением предложения являются условия его истинности. Третья идея – не существует никакого значимого различия между языками логики и естественными языками. Первая идея принадлежит Г. Фреге [9]. Вторая идея была сформулирована Л. Витгенштейном в Трактате. Третья идея уже отчасти присутствовала в Трактате, но в наиболее явном виде была высказана Р. Монтегю.

Рассмотрим все эти идеи более подробно.

Возьмем, например, предложение (1). Собственное имя «Иван» указывает на объект – индивида, а именно на Ивана. Так, символ «Иван» отображается в человека. Слово «умен» обозначает функцию, которая сочетается с индивидом, и выдает истинностное значение (истину, если индивид обладает этим свойством, и ложь, если индивид этим свойством не обладает).

(1) Иван умен.

Таким образом, значение целого предложения возникает как результат сочетания элементов предложения между собой.

Значением утвердительного предложения являются условия его истинности. Рассмотрим эту идею на примере предложения (2). Это предложение является осмысленным. Мы не знаем, истинно оно или ложно. Однако мы понимаем это предложение, поскольку знаем, какой должна быть ситуация, чтобы предложение было истинным, и какой должна быть ситуация, чтобы предложение было ложным.

(2) В космосе есть планеты, на которых имеется жизнь, помимо Земли.

Идея о том, что любой естественный язык может анализироваться формальными методами, была выражена Р. Монтегю следующим образом: «По моему мнению, не существует никакого важного теоретического различия между естественными языками и искусственными языками логиков» [10. P. 222]. Одна из работ Монтегю носит название «Английский как формальный язык» [11].

Стоит отметить, что для иллюстрации идеи композициональности мною был выбран очень примитивный пример. На самом деле такие пред-

ложения, как (1), не представляют собой большого интереса для формальной семантики, так как их интерпретация является очень простой и результат не очень интересен. Наибольший интерес для исследователей в области формальной семантики представляют такие предложения, как (4). Они интересны, так как в них присутствуют функциональные элементы, такие как «каждый».

(3) Каждый охотник желает знать, где сидит фазан.

Функциональные элементы отличаются от референциальных, так как они не указывают ни на какой конкретный предмет или множество предметов. «Каждый охотник» не указывает на какой-то конкретный объект или совокупность объектов. Формальную семантику интересуют прежде всего функциональные элементы такого рода. Задача формальной семантики – перевод выражений, включая функциональные выражения, на язык логики. Этот перевод должен правильно отражать условия истинности предложений, в которые входят эти функциональные выражения, а также правильно предсказывать взаимодействие этих выражений с другими функциональными элементами предложения. Например, в нашем случае в (3) слово «каждый» переводится как универсальный квантор. Это верно предсказывает, что отрицательное предложение (4) будет истинным, если и только если существуют охотники, которые не желают знать, где сидит фазан.

(4) Не каждый охотник желает знать, где сидит фазан.

Именно благодаря взаимодействию отрицания и слова «каждый» мы понимаем, что выражение «каждый охотник» не является референциальным выражением, которое указывает на совокупность всех охотников. Не все функциональные элементы являются кванторами, но все они представляют интерес для формальной семантики. В разных языках существуют разные функциональные элементы, поэтому проект формального семантического описания реализуется в применении к разным языкам.

Естественный язык является логичным и может изучаться формальными методами

Фреге первым применяет достижения математической логики к анализу *естественных языков*. Даже если Фреге писал статью «Смысл и значение» [9] только для разъяснения своих логических идей, одно то, что он использует в качестве примеров выражения обыденного языка, свидетельствует о том, что Фреге интересовался принципами устройства естественных языков.

Однако в ранней аналитической философии было распространено мнение, что обыденный язык не может изучаться формальными методами в силу его неточности и неясности. В частности, Рассел [12] в рамках своей полемики с П. Стросоном пишет, что его теория дескрипций никогда не имела целью выразить состояние ума произносящего выражение, содержащее дескрипцию. Согласно Расселу обыденный язык не имеет точной логики, поэтому он является источником философских проблем.

Как и Рассел, Витгенштейн проводил различие между строгим логическим языком и естественным языком. В частности, он пишет, что следует различать кажущуюся форму предложений повседневного языка и подлин-

ную логическую форму ([1. Т. 4.002, 4.0031]¹). Однако его отношение к естественному языку принципиально отличалось от расселовского. Именно Витгенштейн первым высказывает идею о том, что естественный язык подчиняется законам логики и может анализироваться формальными методами.

В Трактате говорится, что «все предложения нашего повседневного языка, в том виде, как они есть, логически вполне упорядочены» [Там же. Т. 5.5563]. В противном случае могли бы существовать нелогичный язык, нелогичные мысли, что невозможно [Там же. Т. 3.03–3.032].

Таким образом, в явном виде идея о логичности естественного языка была высказана Витгенштейном. Как уже было сказано выше, эта идея легла в основу целого направления в лингвистике.

Л. Витгенштейн: смысл предложения – это условия его истинности

Г. Фреге в своих работах сформулировал идею о том, что предложения являются именами двух абстрактных объектов: Истины и Лжи. Все истинные предложения, по Фреге, указывают на Истину, а все ложные – на Ложь. Фреге также принадлежит наблюдение, что это не может быть полной картиной значения предложения [9]. В частности, он обращает внимание на то, что этот анализ не может быть верным для придаточных предложений. Рассмотрим его примеры в (5) и (6). Предложение (5) является истинным. Однако предложение (6) при этом является ложным. Если бы значением вложенного предложения была бы Истина, то мы могли бы взять вложенное предложение в (5) и заменить его на другое истинное предложение, скажем, на придаточное предложение в (6), и истинностное значение целого предложения осталась бы тем же.

(5) Коперник считал, что Утренняя звезда – это Вечерняя звезда.

(6) Коперник считал, что Утренняя звезда – это Венера.

Фреге предположил, что в косвенном контексте предложение обозначает свой смысл. Смысл предложения – это способ его данности. В работах Фреге не проясняется, что такое способ данности и каким образом способ данности может быть референтом предложения в косвенном контексте.

Именно Витгенштейн сформулировал вполне конкретное понимание смысла, и именно его понимание смысла легло в основу современной формальной семантики.

Как и Фреге, он связывает смысл с пониманием: «...то, что мы понимаем, – смысл предложения» [13. С. 127]. Витгенштейн в «Заметках по логике» критикует Рассела и его идею о том, что значением предложения является комплекс, состоящий из объектов, на которые указывают термины, входящие в предложение, и их свойств. «Фреге говорил, что предложения являются именами; Рассел говорил, что предложения соответствуют комплексам. И то и другое – ложно; и особенно ложно утверждение, что предложения являются именами комплексов» [Там же. С. 119–120]. Он говорит, что проблема с тео-

---

¹ Здесь и далее в соответствии со сложившейся традицией ссылки даны на номера тезисов Трактата, а не на страницы.

рией Рассела состоит в том, что она не учитывает сущностную биполярность предложений. Для понимания предложения p мы должны также знать, что не- p влечет, что p является ложным. Понимание заключается не в том, что мы устанавливаем отношение между конституентами суждения, понимание предложения существенно связано с пониманием условий его истинности и ложности. Вот отрывок из подготовительной работы к Трактату, поясняющий эту мысль: «...чтобы понимать его (предложение), мы должны знать и то, что должно иметь место, когда оно является истинным, и то, что должно иметь место, когда оно является ложным. Таким образом, предложение имеет два полюса, соответствующие случаю его истинности или ложности. Это мы называем смыслом предложения» [13. С. 121]

Б. Рассел в «Философии логического атомизма» указывает на то, что именно Витгенштейн указал ему на то, что предложения не являются именами фактов [14. С. 13].

Идея об условиях истинности как смысле предложения в Трактате сформулирована так: «...понимать предложение – значит знать, что имеет место, когда оно – истинно. Следовательно, мы можем понимать его без знания о том, что оно истинно [1. Т. 4.024]».

Этот тезис является ключевым для современной семантики. В настоящее время эта идея принимается как общепринятое знание. Однако приведенная выше полемика с Расселом и Фреге показывает, что это наблюдение не является тривиальным, и Витгенштейн был первым, кто его сформулировал.

Понятие ситуации как прототип современной ситуационной семантики

Важным понятием современной семантики является понятие ситуации [15, 16]. Ситуация понимается как пространственно-временная часть возможного мира. В этом смысле говорят о возможных ситуациях. Существует целый ряд аргументов в пользу необходимости введения ситуаций. Большинство высказываний естественного языка утверждается относительно какой-то ограниченной ситуации. Например, если мы говорим «Иван вернулся», мы не оцениваем это предложение относительно всего нашего мира и всей его истории. Или если мы говорим «все студенты получили 5», мы не говорим обо всех студентах всего мира. Мы имеем в виду некоторую конкретную ситуацию. Как предложения соотносятся с ситуациями и как мы идентифицируем ситуацию? Важное понятие в современной ситуационной семантике – понятие минимальной ситуации, в которой некоторая пропозиция является истинной. Такая ситуация не содержит ничего, что бы не имело отношения к истинности этой пропозиции, т.е. она не содержит в себе такой части, в которой бы пропозиция также была бы истинна. Возьмем, например, предложение «Иван умен». Минимальная ситуация, в которой данная пропозиция является истинной, – пропозиция, которая содержит Ивана и только одно из его свойств – быть умным. Другие свойства данного индивида – быть молодым, быть из Томска – не существуют в рамках данной ситуации.

Понятие минимальной ситуации оказалось очень продуктивным для анализа предложений в естественных языках, особенно условных предложений. Обратим внимание на тот факт, что в современном понимании структура си-

туации отражает структуру предложения: в ней присутствуют индивид и свойство.

Сходство здесь с идеями Витгенштейна, высказанными в Трактате, очевидно.

Можно провести параллели между понятием минимальной ситуации в ситуационной семантике и понятием *Sachverhalt* (со-бытие, положение дел). *Sachverhalt* – это то, что соответствует элементарному (простому) предложению, если оно истинно [17. С. 156]. Таким образом, можно понимать положение дел как возможную ситуацию. Положения дел (или со-бытия) изображаются предложениями [1. Т. 4.0311], а то, что изображается предложением, – это его смысл. Предложения должны иметь смысл вне зависимости от их истинности или ложности [Там же. Т. 4.061], а значит, *Sachverhalt* – это возможная ситуация. Идея о структурном сходстве положений дел и предложений была сформулирована Витгенштейном.

Я не утверждаю, что понятия положения дел и понятия минимальной ситуации в современной семантике идентичны. Витгенштейн написал Трактат до того, как была разработана семантика возможных миров, поэтому здесь можно говорить лишь об интуитивном сходстве. Следует также уточнить, что Витгенштейн не приводил никаких примеров простых предложений из естественного языка. Такое предложение состояло бы из имен простых объектов, но объекты нашего мира не являются простыми, по Витгенштейну. В ситуационной семантике любому предложению соответствует его собственная минимальная ситуация (или, точнее, множество возможных минимальных ситуаций).

Однако Витгенштейн писал о том, что естественный язык ведет себя так, как будто имена указывают на простые объекты: «...кажется, что все имена в определенном смысле являются подлинными именами. Или, как я тоже могу сказать, будто все предметы являются простыми предметами» [17. С. 81–82].

Идея положения дел как возможной ситуации зародилось в работах Райнаха [18] и Витгенштейна (идеи Райнаха и Витгенштейна сопоставляются в [19]), оказала влияние на множество философов, претерпела уточнения и изменения, и в конечном итоге понятие минимальной ситуации было заимствовано лингвистами, которые показали преимущества этого понятия для анализа предложений. При этом в современной лингвистике речь не идет о том, что предложения позволяют нам что-то узнать о структуре мира. Предложения лишь позволяют нам узнать, какая структура мира предполагается нашим языком.

Заключение

В данной работе я рассмотрела тезис о том, что некоторые идеи, высказанные в Трактате Л. Витгенштейна, легли в основу одного из направлений в современной лингвистике и философии, а именно формальной семантики. Витгенштейн первым формулирует идею о том, что смыслом предложения являются его условия истинности и что мы понимаем предложение, если знаем, в какой ситуации это предложение истинно, а в какой ложно. Также Витгенштейн сформулировал саму идею о том, что естественный язык является логичным, что нелогичный язык не может существовать. Я выделила и другие идеи Витгенштейна, которые оказались востребованными в семантике.

Таким образом, в Трактате сформулировано достаточно влиятельных идей, и это произведение по праву занимает место одной из самых цитируемых работ по философии XX в. Естественно, влияние Витгенштейна (как раннего, так и позднего) не исчерпывается идеями, представленными в данной статье (среди работ, в которых развиваются и применяются его идеи, см. [20, 21]).

Литература

1. *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1 / пер. с нем.; сост., вступ. ст., примеч. М.С. Козловой; пер. М.С. Козловой, Ю.А. Асеева. М., 1994. 612 с.
2. *Никифоров А.Л.* Не все то золото, что блестит : («Логико-философский трактат» Л. Витгенштейна) // Философский журнал. 2018. Т. 11, № 1. С. 160–172.
3. *Суровцев В.А.* Философия раннего Витгенштейна: конфликт интерпретаций // Вестник Томского государственного университета. 1999. № 267. С. 18–24.
4. *Суровцев В.А.* Автономия логики : Источники, генезис и система философии раннего Витгенштейна. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. 311 с.
5. *Суровцев В.А.* Рецензия на книгу : Л. Витгенштейн. Логико-философский трактат (сост. И.С. Собронравов, Д.Г. Лахути и В.Н. Садовский; пер. И.С. Добронравов, Д.Г. Лахути). М. : Канон+реабилитация, 2008. 288 с. // Вопросы философии. 2009. № 9. С. 183–189.
6. *Куслий П.С., Вострикова Е.В.* Открывая логический анализ языка заново... // Эпистемология и философия науки. 2016. Т. 50, №4. С. 8–10.
7. *Витгенштейн Л.* Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1 / пер. с нем.; сост., вступ. ст., примеч. М.С. Козловой; пер. М.С. Козловой, Ю.А. Асеева. М., 1994. 612 с.
8. *Ладов В.А., Суровцев В.А.* Следование правилу и скептический парадокс (критические замечания о теории языкового значения Витгенштейна – Крипке) // Критика и семиотика. 2008. № 12. С. 101–116.
9. *Фреге Г.* О смысле и значении // Фреге Г. Логика и логическая семантика / пер. с нем. Б.В. Бирюкова. М., 2000. С. 230–246.
10. *Montague R.* Universal Grammar // Formal Philosophy. Selected Papers of Richard Montague / ed. by R.H. Thomason. New Heaven, 1974. P. 222–246.
11. *Montague R.* English as a Formal Language // Linguaggi nella società e nella tecnica / ed. by Visentini, Bruno et al. Milan : Edizioni di Comunità, 1970. P. 189–224.
12. *Russell B.* Mr. Strawson on Referring // Mind. 1957. Vol. 66, № 263. P. 385–389.
13. *Витгенштейн Л.* Заметки по логике // Витгенштейн Л. Дневники, 1914–1916 : С прил. Заметок по логике (1913) и Заметок, продиктованных Муру (1914) / пер., вступ. ст., коммент. и послесл. В.А. Суровцева. Томск, 1998.
14. *Рассел Б.* Философия логического атомизма / пер. В.А. Суровцева. Томск : Водолей, 1999. 192 с.
15. *Kratzer A.* Situations in Natural Language Semantics // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Winter 2017 Edition). Edward N. Zalta (ed.). On-line. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2017/entries/situations-semantics/> (accessed 25.11.18).
16. *Elbourne P.* Situations and Individuals. Cambridge/Mass : The MIT Press. 2005. 280 p.
17. *Витгенштейн Л.* Дневники, 1914–1916 : С прил. Заметок по логике (1913) и Заметок, продиктованных Муру (1914) / пер., вступ. ст., коммент. и послесл. В.А. Суровцева. Томск : Водолей, 1998.
18. *Reinach A.* 1911. Beiträge zur Theorie des Negativen Urteils // Gesammelte Schriften, Halle: Max Niemeyer 1921. Transl. as On the Theory of Negative Judgement by Barry Smith in Parts and Moments: Studies in Logic and Formal Ontology. Barry Smith (ed.). Munich : Philosophia, 1982. P. 315–376.
19. *Селиверстов В.В.* Майнонг, Витгенштейн и австрийская философия // Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55, № 2. С. 109–122.
20. *Антоновский А.Ю.* Коммуникативная интерпретация науки в контексте классических эпистемологических проблем // Эпистемология и философия науки. 2016. Т. 48, № 2. С. 159–175.
21. *Касавин И.Т.* К эпистемологии коммуникации: сила и слабость аналитического оптимизма // Вопросы философии. 2014. № 7. С. 39–49.

Ekaterina V. Vostrikova, Institute of Philosophy, RAS (Moscow, Russian Federation).

E-mail: katerina-vos@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 46. pp. 194–203.

DOI: 10.17223/1998863X/46/22

TRACTATUS LOGICO-PHILOSOPHICUS AND ITS INFLUENCE ON SEMANTICS

Keywords: analytical philosophy; Wittgenstein; *Tractatus*; meaning; truth conditions; formal semantics.

This paper discusses a recent idea proposed by A.L. Nikiforov that Wittgenstein's *Tractatus Logico-Philosophicus* did not have any impact on anyone who does not specialize in analytical philosophy. The author argues that Wittgenstein in his *Tractatus* proposed some ideas that had a major impact on one of the areas in contemporary linguistics, namely, formal semantics.

The author considers three such ideas. This is the idea that a natural language can be analyzed by formal methods, the idea that the meaning of a sentence is its truth-conditions, and the idea of a state of affairs as a possible situation denoted by a simple sentence.

Formal semantics is one of the major areas of modern linguistics. It is a separate disciplinary field, with its own journals, conferences, PhD dissertations, etc. There are three key philosophical ideas that were adopted by this discipline. The first is the idea of compositionality (Frege's principle): the meaning of a complex expression is built from the meanings of the expressions it is composed from and the way they are combined. The second is the idea that the meaning of an affirmative sentence is its truth conditions. The third idea is that there is no fundamental difference between formal languages of logic and natural languages.

As the analysis of Wittgenstein's diaries shows, as well as the analysis of *Tractatus* itself, Wittgenstein was the first one who formulated the idea that the meaning of a sentence is its truth conditions. Thus, we can conclude that at least one idea proposed in *Tractatus* influenced a whole discipline outside of philosophy.

In addition, an analysis of Wittgenstein's early work shows that his attitude to natural languages was different than the one expressed by Russell, who believed that natural languages are too imprecise and illogical and could not be analyzed by formal methods. Wittgenstein was the first one to suggest that any natural language is logical, that an illogical language is impossible.

This paper also draws parallels between Wittgenstein's notion of state of affairs and the concept of a minimal possible situation in situational semantics. Although these concepts are not identical, there are certain similarities there. Wittgenstein has definitely influenced philosophers who worked on this notion after him. Later this idea was adopted by linguists.

References

1. Wittgenstein, L. (1994) *Filosofskie raboty. Chast' I* [Philosophical Works. Part One]. Translated by M. S. Kozlova, Yu.A. Aseeva. Moscow: Gnozis.
2. Nikiforov, A.L. (2018) All is not gold that glitters: Wittgenstein's *Tractatus*. *Filosofskiy zhurnal – Philosophy Journal*. 11(1). pp. 160–172. (In Russian). DOI: 10.21146/2072-0726-2018-11-1-160-172
3. Surovtsev, V.A. (1999) *Filosofiya rannego Vitgenshteyna: konflikt interpretatsiy* [The philosophy of the early Wittgenstein: a conflict of interpretations]. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta – Tomsk State University Journal*. 267. pp. 18–24.
4. Surovtsev, V.A. (2001) *Printsip avtonomii logiki v filosofii rannego Vitgenshteyna* [Logic autonomy: Sources, genesis and system of philosophy of the early Wittgenstein]. Philosophy Dr. Diss. Tomsk: Tomsk State University.
5. Surovtsev, V.A. (2009) *Retsenziya na knigu L. Vitgenshteyn. Logiko-filosofskiy traktat (sostaviteli I.S. Sobronravov, D.G. Lakhuti i V.N. Sadovskiy; perevodchiki I.S. Dobronravov i D.G. Lakhuti)*. M.: Kanon+reabilitatsiya, 2008, 288 s [Book Review L. Wittgenstein. Logical-philosophical treatise (by I.Sobronravov, D.G. Lakhuti and V.N. Sadovsky, translators; I.S. Dobronravov and D.G. Lakhuti). M.: Kanon + rehabilitation, 2008, 288 p]. *Voprosy filosofii*. 9. pp. 183–189.
6. Kusliy, P.S. & Vostrikova, E.V. (2016) Rediscovering the logical analysis of language... *Epistemologia & filosofia nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 50(4). pp. 8–10. (In Russian). DOI: 10.5840/eps201650462
7. Wittgenstein, L. (1994) *Filosofskie raboty. Chast' I* [Philosophical Works. Part One]. Translated by M. S. Kozlova, Yu.A. Aseeva. Moscow: Gnozis.

8. Ladov, V.A. & Surovtsev, V.A. (2008) Sledovanie pravilu i skepticheskii paradoks (kriticheskie zamechaniya o teorii yazykovogo znacheniya Vitgenshteyna – Kripke) [Following the rule and skeptical paradox [Critical notes on Wittgenstein–Kripke theory of meaning]. *Kritika i semiotika – Critique and semiotics*. 12. pp. 101–116.
9. Frege, G. (2000) *Logika i logicheskaya semantika* [Logic and logical semantics]. Translated from German by B.V. Biryukov. Moscow: Aspekt Press. pp. 230–246.
10. Montague, R. (1974) Universal Grammar. In: Thomason, R.H. (ed.) *Formal Philosophy. Selected Papers of Richard Montague*. New Heaven. pp. 222–246.
11. Montague, R. (1970) English as a Formal Language. In: Visentini, B. et al. (ed.) *Linguaggi nella società e nella tecnica* [Languages in society and in technology]. Milan: Edizioni di Comunità. pp. 189–224.
12. Russell, B. (1957) Mr. Strawson on Referring. *Mind*. 66(263). pp. 385–389. DOI: 10.1093/mind/LXVI.263.385
13. Wittgenstein, L. (1998a) *Dnevnik, 1914–1916* [Diaries, 1914–1916]. Translated from English by V.A. Surovtsev. Tomsk: Vodoley.
14. Russell, B. (1999) *Filosofiya logicheskogo atomizma* [Philosophy of logical atomism]. Translated from English by V.A. Surovtsev. Tomsk: Vodoley.
15. Kratzer, A. (2017) Situations in Natural Language Semantics. In: Zalta, E.N. (ed.) *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. [Online] Available from: <<https://plato.stanford.edu/archives/win2017/entries/situations-semantics/>>.
16. Elbourne, P. (2005) *Situations and Individuals*. Cambridge/Mass: The MIT Press.
17. Wittgenstein, L. (1998b) *Dnevnik, 1914–1916* [Diaries, 1914–1916]. Translated from English by V.A. Surovtsev. Tomsk: Vodoley.
18. Reinach, A. (1921). *Beiträge zur Theorie des Negativen Urteils. Gesammelte Schriften* [On the Theory of Negative Judgement]. Halle: Max Niemeyer.
19. Seliverstov, V.V. (2018) Mainong, Wittgenstein and Austrian Philosophy. *Epistemologia & filosofia nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 2(55). pp. 109–122. (In Russian). DOI: 10.5840/eps201855232
20. Antonovskiy, A.Yu. (2016) Communicative interpretation of science in the context of classical epistemological problems. *Epistemologia & filosofia nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 2(48). pp. 159–175. (In Russian).
21. Kasavin, I.T. (2014) K epistemologii kommunikatsii: sila i slabost' analiticheskogo optimizma [On the epistemology of communication: the strength and weakness of analytical optimism]. *Voprosy filosofii*. 7. pp. 39–49.

УДК 167.7

DOI: 10.17223/1998863X/46/23

Н.А. Касавина

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ В СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ДИСКУССИЯХ (АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР)

На основании анализа публикаций журналов «Социологические исследования», «Социологический журнал», «Социология науки и технологий» (2015–2018 гг.), рассматриваются особенности социологической интерпретации функционирования науки в современном обществе. Речь идет об измерении эффективности научной деятельности, о проблемах кадрового потенциала, миграции высококвалифицированных специалистов, управления наукой.

Ключевые слова: наука, социология науки, измерение эффективности научной деятельности, управление наукой.

Наука как социальный институт и специализированная деятельность является постоянным объектом социологического внимания. Ранее мы обращались к журналу «Социология науки и технологий» [1], анализируя научные статьи и дискуссии по проблемам инновационного развития в контексте российской действительности, системы организации науки в России, ее государственного регулирования. Многие из дискуссионных тем были связаны с процессом реформирования академической науки.

В данной статье материалом анализа выступают публикации журнала «Социологические исследования», «Социологического журнала», журнала «Социология науки и технологий» (за период 2015–2018 гг.), посвященные институциональным и социальным особенностям функционирования науки.

Среди них особую актуальность приобретает проблема способов оценки научной деятельности, эффективности и продуктивности проводимых исследований, а также их измерения. В статье Е.Н. Михалевой эффективность научных исследований рассматривается в аспектах качества и объема научной продукции. Согласно опросу молодых ученых, проведенному в 2013 г. (с целью выяснения их отношения к реформе фундаментальных исследований), наукометрические показатели очень важны для оценки эффективности Академии наук, её руководства и отдельных исследователей. Среди самых значимых показателей в оценке научных учреждений были выделены: число публикаций в Web of Science или Scopus за последние 5 лет; доля ученых, получивших престижные российские и международные премии, стипендии, другие награды за последние 5 лет; число пленарных докладов сотрудников института на научных мероприятиях; число проведенных учреждением научных конференций и других мероприятий. Показатели характеризуют публикационную и научно-коммуникационную активность институтов, признанный научным миром лидерский потенциал. Выявляется определяющий уровень эффективности науки – качественное и количественное состояние слоя её лидеров, который в России явно недостаточен [2].

Тема лидерства обретает особое звучание в связи с исследованием трансляции научного опыта в статье Е.В. Гавриловой, Д.В. Ушакова, А.В. Юревича [3]. Передача личностного знания в современной науке названа центральной проблемой становления новых поколений ученых. Согласно результатам исследования, проведенного среди 170 докторов наук, ставших лауреатами премии «Лучшие молодые ученые РАН», выяснилось, что в научной продуктивности наиболее существенную роль играют факторы семьи и, особенно, научной среды. Около трети ученых выделили особую роль образовательной среды в их научных достижениях.

Авторы исследования делают вывод, что подлинную ценность представляет сегодня неформальное научное общение. Новые технологии передачи информации не могут передавать личностное знание, и именно в этой сфере высшее образование с его традиционными коммуникативными формами может подтвердить свою незаменимость. Важнейшей задачей является сохранение того особого опыта, который транслируется семьей, образовательной и научной коммуникацией.

Роль личностного знания, показанная в исследовании, важна для понимания проблемы управления наукой. Попытки резкого изменения образовательной системы и системы научной деятельности авторы рассматривают как опасность нарушения естественного процесса трансляции имплицитного пласта научного опыта, научных традиций.

В другой статье Е.В. Гавриловой, Д.В. Ушакова, А.В. Юревича проведен анализ результатов исследования научной продуктивности российских докторов наук среднего поколения, работающих в системе Российской академии наук [4]. Научная продуктивность исследуется в отношении к проблеме научной коммуникации в России и за рубежом. Авторами используется деление ученых на «местников» и «космополитов», обоснованное У. Корнхаузером. «Местники» в силу личностных особенностей нечасто выезжают за рубеж, публикуются в основном в национальных научных журналах, их взаимодействие с научными коллективами очень ограничено. «Космополиты» ориентированы на научные контакты, а их научная деятельность протекает в основном за пределами организаций, в которых они работают.

Согласно как У. Корнхаузеру, так и авторам статьи, и те и другие нужны мировой науке и вносят в нее вклад. Деятельность «местников» менее публична, но их достижения становятся известными благодаря органически дополняющим их «космополитам» [5]. Классификация У. Корнхаузера в анализируемой статье принимается за основу выделения двух больших групп российских ученых в зависимости от ориентации на представление результатов своих трудов: преимущественно в собственной стране или же за ее пределами. В отношении российской науки она приобретает особый смысл в связи с материальными трудностями, языковым фактором и иными проблемами адаптации отечественных ученых к мировой науке.

Вопрос о ценности двух стратегий научной деятельности (ориентации на отечественные традиции и стандарты или интеграции российской науки в международные исследования) авторы решают в пользу обеих, опровергая мнение о более высокой оценке международных достижений по сравнению с отечественными. Социогуманитарная наука имеет в этой связи свою специфику, поскольку она в большей степени национально ориентирована, в ос-

новном изучает проблемы, которые характерны для современного российского общества.

Исследование показало, что научные работники, имеющие высокие показатели по фактору отечественных научных достижений, в большей степени проявляют себя и на международном уровне. Таким образом, важен баланс между стремлением ученых к работе в рамках национальной науки и интеграцией в мировые исследования, осуществлением международного сотрудничества. Избыточная интеграция при этом нивелирует специфические особенности национальной науки, делая ее менее интересной для мировой, а недостаточная интеграция актуализирует негативные изоляционные эффекты.

В статье обосновывается недостаточная эффективность индексов научного цитирования для оценки внутрироссийских достижений ученых. Оценка их международных достижений оказывается точнее. Кроме того, сравнение результативности российских ученых из разных научных областей не является корректным. В целом в настоящее время базы данных публикаций и цитируемости не являются надежным инструментом получения адекватной оценки результативности научной деятельности российских ученых.

Вопросы отношения мировой, региональной и столичной науки рассматривает Н.С. Розов [6]. «Провинциальная», «туземная» и «столичная» науки – в терминах-образах М. Соколова и К. Титаева [7] – сопоставляются в аспектах их «слышимости» для мирового научного сообщества и интеллектуальной мобильности. Как отмечает автор, прогресс западной науки и философии представляет собой перманентный вызов для отечественных ученых. Имеются два противоположных ответа на этот вызов – ученический и изоляционистский, которые формируют типы социальной науки. Ученический ответ раскрывается как «провинциальная наука», которая стремится приобщиться к столицам, настроена на восприятие новых идей и терминов из «центров», их приложение к местному материалу. Изоляционистский ответ порождает «туземную науку», позиционирующую себя вне процессов международной интеллектуальной мобильности.

Согласно сделанным выводам, для современной ситуации российского социального познания характерен затянувшийся раскол на «провинциальную» и «туземную» науки. Вслед за Р. Коллинзом [8] автор определяет основные социальные условия продвижения науки к «столичности»: прямое общение с лидерами в данной области, попадание в центры интеллектуальных сетей; участие в интеллектуальных спорах, привлекающих внимание коллег и околонуучной публики; высокий уровень конкуренции и обмена идеями. Факторами, относящимися уже к содержательной части познания, являются: получение новых результатов; наличие особого культурного капитала, преимущественного доступа к тем идеям, которые неизвестны другим участникам конкуренции.

Эти статьи настраивают на трезвую оценку, с одной стороны, обращенности российских ученых на американскую и европейскую науку, с другой – современных моделей измерения научной деятельности. Разумеется, российская наука имеет свою национальную специфику и ценность, российские ученые не могут ориентироваться только на зарубежные примеры, контакты и деятельность. «Местники» и «космополиты» – взаимодополняющие модели, которые выполняют важные функции: интеграция отечественного науч-

ного сообщества, поддержка национальной научной специфики, «размыкание» национальной науки в сторону мира и ее обогащение. Научная деятельность в содержательном плане сочетается с организационной и коммуникативной активностью, посредством чего обеспечивается формирование и обновление пространства науки.

Аналізу кадрового потенциала организаций академической науки посвящена статья В.В. Локосова, М.С. Токсанбаевой, О.А. Коленниковой, А.К. Гузановой [9]. По данным выборочного опроса сотрудников академических институтов (сентябрь – октябрь 2015 г.) выявлена их высокая приверженность к исследовательскому труду, обусловленная его поисковым характером, возможностью проявлять творческие способности. Научная работа рассматривается как призвание.

Социальная уязвимость научных кадров проявляется в ключевых формах защищенности – в области сохранения и развития профессиональных компетенций, возможностей проявить способности, условий работы (ее стабильность и трудовые доходы), необходимых для выполнения труда высокой сложности. В качестве приоритетных направлений реформирования академической науки названы повышение ее востребованности и усиление социальной защищенности персонала, в особенности молодых ученых как уязвимо звена.

Среди исследуемых публикаций выделяются статьи, в которых анализируется деятельность государства по поддержке науки. Так, статья В.И. Савинкова, А.Л. Арефьева основана на анализе экспертной оценки результативности реализации мероприятий (2010–2015), содержащихся в постановлениях Правительства РФ о развитии российской науки. Эти мероприятия касаются научного взаимодействия университетов, исследовательских организаций и производственных компаний в интересах развития инновационного производства, укрепления научного потенциала университетов, привлечения ведущих иностранных преподавателей в российские вузы для творческого сотрудничества [10].

Основные препятствия развития российской науки эксперты видят в запаздывании технологической модернизации экономики, дефиците финансов для исследований, несовершенстве администрирования науки, дефиците высококвалифицированных исследователей, неподготовленности менеджмента сферы науки к трансферу научной продукции в инновационное производство.

Слабое взаимодействие исследовательских организаций с производственными компаниями и вузами рассматривается как результат общего кризиса научных организаций, долгие годы не связанных с прикладными исследованиями, потерявших часть ведущих ученых, недостаточностью современной техники и малым количеством технологически оснащенных опытных лабораторий.

Отмечается неэффективность постановления Правительства № 219 от 09.04.2010 г. по укреплению научной инфраструктуры вузов, которое не дало ожидаемого эффекта по причине тематической безадресности, непроектности. По мнению экспертов, успешному трансферу разработанной вузами и исследовательскими организациями научной продукции в инновационное производство препятствует низкая эффективность функционирования

созданной научной инфраструктуры, не отвечающей современным задачам развития кооперации науки и бизнеса.

Рекомендации заключаются в следующем. Приоритет финансирования фундаментальных исследований, посредством которого может быть создан опережающий научно-технический задел, должен принадлежать государству (бюджетное финансирование). Конкурсное выполнение фундаментальных исследований не является рациональным и корректным. Финансирование исследований прикладного характера большей частью можно отнести к производственным компаниям. Следует стимулировать привлечение частного бизнеса к созданию отраслевых центров трансфера технологий.

Эти рекомендации вполне понятны и не новы. Государство – субъект, который определяет национальные интересы, и только этот субъект может финансировать фундаментальную науку, которая не в состоянии быстро дать осязаемые результаты. Изначальный интерес фундаментальных исследований связан не с применением (спецификой прикладных исследований), а с новым знанием о реальности. Получение этого знания вряд ли заинтересует бизнес, который ориентирован на конкретный продукт. Эти рекомендации, по-видимому, в чем-то спровоцированы чисто российским страхом произвола, который оставит без государственной поддержки фундаментальную науку и, особенно, гуманитарные исследования.

Одним из препятствий успешного трансфера технологий в России, по мнению экспертов, является дефицит квалифицированных кадров, имеющих профессиональную подготовку в области коммерциализации научных знаний, организации процесса трансфера технологий.

Для эффективного управления научными программами предлагается расширить подготовку специалистов в различных университетах по направлениям: менеджмент координации взаимодействия партнеров по научной программе; менеджмент исследовательского процесса; менеджмент трансфера научной продукции; менеджмент маркетинга рынка и продвижения инновационного продукта.

В статье Е.М. Смирновой представлен обзор литературы по международной миграции высококвалифицированных специалистов, предлагается позитивный взгляд на усиление этого процесса в сфере науки [11]. Он состоит в пересмотре феномена «утечка умов» в сторону их «циркуляции», что отвечает особенностям современных процессов в области научной мобильности. Все шире сегодня используются схемы деятельности высококвалифицированных специалистов, не предполагающих миграцию: создание филиалов, смежных производств, партнерских отношений – ТНК, оффшоринг, аутсорсинг, временные контракты, дистанционная работа.

Современные реалии позволяют иначе взглянуть на проблему миграции высококвалифицированных специалистов. Интенсификация движения персонала между странами, расширение неформальных и гибких форм трудоустройства – черта современной системы занятости. Кроме того, внедрение новых наукоемких технологий создает повышенный спрос на представителей новых профессий, прежде всего в ИТ-сфере. Развивающиеся страны в циркуляции специалистов видят новые возможности включения в мировой технологический прогресс, стремятся создать условия, поощряющие транснациональную активность.

Государственную научную политику в послереволюционное и постсоветское время и проблему мобильности научных кадров анализируют Н.А. Ашеулова, С.А. Душина [12], не разделяя оптимизма Е.М. Смирновой. Приводится обоснование того факта, что сегодня научная политика развитых стран ориентирована на привлечение и удержание больших групп молодых исследователей, аспирантов и постдоков. Утечка же «молодых мозгов» из России продолжается, что оборачивается для страны риском впасть в научный провинциализм. Как считают авторы статьи, научная политика РФ в области мобильности пока не сделала одним из приоритетов привлечение молодых исследователей в научно-образовательные учреждения. По вопросу «утечки умов» следует отметить, что научные коммуникации и научная мобильность в современном мире растут и будут только расти, и вряд ли сегодня ее нужно рассматривать как проблему, свидетельствующую о негативных процессах трудоустройства научных кадров. Видимо, следует присоединиться к позиции Е.М. Смирновой и рассматривать проблему миграции ученых как возможность, а не как препятствие, тем более учитывая современные гибкие формы занятости. Иное дело, это не освобождает государственную научную политику от необходимости создания условий для стабильной работы российских ученых, в том числе молодых.

Подводя итоги по данному циклу статей, следует отметить озабоченность экспертов духовным, социальным и материальным состоянием научного сообщества. Сравнение степеней защищенности российских ученых и ученых в развитых (и не только развитых) странах вселяет немного оптимизма. Для того чтобы наука вышла на сопоставимые рубежи, предстоит еще немало сделать как государству и обществу, так и самим ученым. Особенности функционирования науки в современной России определяются, в числе прочего, неразвитостью ее связей с бизнесом и, следовательно, недостаточным развитием прикладных исследований. Долгое время наука развивалась на основе одного источника – государственного финансирования фундаментальных исследований и узкого сектора прикладных, связанных с оборонной промышленностью. В этой связи российская наука до сих пор должным образом не нацелена на гражданские инновации, их поиск и продвижение. Кроме того, не осуществлялись научные исследования самих науки и техники. Социологии науки, которая и должна изучать актуальную науку, в советское время не существовало, а в постсоветскую эпоху она только начала формироваться. Российскую науку как социальный институт, в сущности, не изучали, и это отрицательным образом сказывалось на ее управлении, проектировании и развитии. Однако, учитывая контекст, факты, выводы, сделанные в анализируемых статьях, потенциал научных кадров в России остается высоким. Постепенно развивается социологическая аналитика проблем науки в современном обществе, восприятие зарубежного опыта и эффективное его применение, что позволяет надеяться на преодоление тех препятствий, которые были созданы ранее неграмотным администрированием.

Литература

1. Касавина Н.А. Наука в современном российском обществе : Аналитический обзор // Эпистемология и философия науки. 2014. № 4. С. 77–91.
2. Михалева М.Н. Эффективность научных исследований в контексте воспроизводства научного лидерства // Социологические исследования. 2016. № 3. С. 54–65.

3. Гаврилова Е.В., Ушаков Д.В., Юревич А.В. Трансляция научного опыта и личностное знание // Социологические исследования. 2015. № 9. С. 28–35.
4. Гаврилова Е.В., Ушаков Д.В., Юревич А.В. «Местники» и «космополиты»: к вопросу о продуктивности ученых // Социологические исследования. 2016. № 9. С. 105–116.
5. Kornhauser W. Scientists in industry conflict and accommodation. Berkeley : University of California Press, 1962. 368 p.
6. Розов Н.С. «Провинциализм», «туземство» и факторы интеллектуальной «столичности» в социальном познании // Социологический журнал. 2016. Т. 22, № 1. С. 8–25.
7. Соколов М.М., Тутаев К.Д. Провинциальная и туземная наука // Антропологический форум. 2013. № 19. С. 239–275.
8. Коллинз Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. 1284 с.
9. Локосов В.В., Токсанбаева М.С., Коленникова О.А., Гузанова А.К. Кадровый потенциал организаций академической науки: характеристики и социальная защищенность // Социологические исследования. 2017. № 3. С. 70–78.
10. Савинков В.И., Арефьев А.И. Государственное регулирование науки: успехи и недочеты // Социологические исследования. 2016. № 9. С. 125–133.
11. Смирнова Е.М. Подходы к изучению международной миграции высококвалифицированных специалистов: механизмы, перспективы, последствия // Социологические исследования. 2016. № 3. С. 66–75.
12. Ацеулова Н.А., Душина С.А. Государственная научная политика России в периоды социальной трансформации // Социология науки и технологий. 2014. № 1. С. 50–66.

Nadezhda A. Kasavina, Institute of Philosophy, RAS (Moscow, Russian Federation).
E-mail: kasavina.na@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 46. pp. 204–211.
DOI: 10.17223/1998863X/46/23

PROBLEMS OF MODERN SCIENCE IN SOCIOLOGICAL DISCUSSIONS: AN ANALYTICAL REVIEW

Keywords: science; sociology of science; measurement of scientific activity effectiveness; management of science.

In the paper, the author analyses the recent publications in journals *Sociological Research*, *Sociological Journal*, *Sociology of Science and Technology* (2015–2018), dealing with the institutional and social peculiarities of the functioning of science. These include methods for measuring the effectiveness of scientific activities, the problem of human capacities, scientific migration and management of science. The review shows the concern of experts on the spiritual, social and material status of the scientific community, the low level of protection of young scientists. The peculiarities of the functioning of science in modern Russia are determined by poor relations with business, lack of applied research. In this context, Russian science is still not adequately focused on civilian innovations, their search and promotion. For a long time, nobody has studied Russian science as a social institution, and this essentially affected its management, design and development. Yet given the context, facts and findings in the analysed articles, the capacities of science in Russia remain high. The gradually developing sociological discourse deals with the problems of science in modern society, the perception of foreign experience and effective application, which allows to hope for overcoming the obstacles that were previously created by incompetent management.

References

1. Kasavina, N.A. (2014) Nauka v sovremennom rossiyskom obshchestve. Analiticheskiy obzor [Science in modern Russian society. Analytical review]. *Epistemologia & filosofia nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 4. pp. 77–91.
2. Mikhaleva, M. (2016) Scientific research effectiveness in the context of academic leadership reproduction. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 3. pp. 54–65. (In Russian).
3. Gavrilova, E.V., Ushakov, D.V. & Yurevich, A.V. (2015) Translation of scientific experience and tacit knowledge. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 9. pp. 28–35. (In Russian).

4. Gavrilova, E.V., Ushakov, D.V. & Yurevich, A.V. (2016) "Native scientists" and "citizens of the world": regarding the scientists' productivity. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 9. pp. 105–116. (In Russian).

5. Kornhauser, W. (1962) *Scientists in industry conflict and accommodation*. Berkeley: University of California Press.

6. Rozov, N.S. (2016) "Provincialism", "Indigenity", and Factors of Intellectual "Capitalness" in Social Perception. *Sotsiologicheskiy zhurnal – Sociological Journal*. 22(1). pp. 8–25. (In Russian).

7. Sokolov, M.M. & Titaev, K.D. (2013) "Provincial" and "Indigenous" Scholarship in the Humanities and Social Sciences. *Antropologicheskiy forum – Forum for Anthropology and Culture*. 19. pp. 239–275. (In Russian).

8. Collins, R. (2002) *Sotsiologiya filosofiy: global'naya teoriya intellektual'nogo izmeneniya* [Sociology of philosophies: a global theory of intellectual change]. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf.

9. Lokosov, V.V., Toksanbaeva, M.S., Kolennikova, O.A. & Guzanova, A.K. (2017) Professional potential of academic organizations: characteristics and social security. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 3. pp. 70–78. (In Russian).

10. Savinkov, V.I. & Arefiev, A.L. (2016) Governmental regulations of sciences: successes and defects. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 9. pp. 125–133. (In Russian).

11. Smirnova, E. M. (2016) Approaches to study international migration of high-skills specialists: mechanisms, outlook. *Sociological researches*. 3. pp. 66–75. (In Russian).

12. Asheulova, N.A. & Dushina, S.A. (2014) Russian state scientific policy in periods of social transformation (staff mobility). *Sotsiologiya nauki I tekhnologiy – Sociology of Science and Technology*. 1. pp. 50–66. (In Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АВАНЕСОВА Елена Григорьевна – кандидат философских наук, доцент кафедры политологии Томского государственного университета (г. Томск).

E-mail: avanesovafsf@yandex.ru

АПРЕСЯН Рубен Грантович – доктор философских наук, профессор; главный научный сотрудник, руководитель сектора этики Института философии РАН (г. Москва).

E-mail: apressyan@iph.ras.ru

БОРИСОВ Евгений Васильевич – доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник Томского научного центра СО РАН, профессор кафедры истории философии и логики Томского государственного университета (г. Томск).

E-mail: borisov.evgeny@gmail.com

БУТАКОВ Павел Анатольевич – кандидат философских наук, старший научный сотрудник отдела философии Института философии и права СО РАН (г. Новосибирск).

E-mail: pavelbutakov@academ.org

ВОСТРИКОВА Екатерина Васильевна – кандидат философских наук, научный сотрудник Института философии РАН (г. Москва).

E-mail: katerina-vos@mail.ru

ГАРИН Сергей Вячеславович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Кубанского государственного университета (г. Краснодар).

E-mail: svgarin@gmail.com

ЕФИМОВ Иннокентий Пантелеймонович – исполнитель научно-исследовательского проекта РНФ (№ 18-18-00057) в Томском научном центре СО РАН, магистрант кафедры онтологии, теории познания и социальной философии Томского государственного университета (г. Томск).

E-mail: innocentefim@gmail.com

ИВАНОВА Наталья Александровна – доктор философских наук, доцент, заведующая кафедрой социологии и философии экономического факультета Новокузнецкого института (филиала) Кемеровского государственного университета (г. Новокузнецк).

E-mail: ivanova-nkfi@mail.ru

КАСАВИНА Надежда Александровна – доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института философии РАН (г. Москва).

E-mail: kasavina.na@yandex.ru

КОВАЛЁВ Сергей Протасович – доктор физико-математических наук, ведущий научный сотрудник Института проблем управления им. В.А. Трапезникова РАН (г. Москва).

E-mail: kovalyov@sibnet.ru

КОРОБКОВ Леонид Геннадьевич – соискатель ученой степени кандидата наук по специальности 09.00.01 – «Онтология и теория познания». Для подготовки диссертации прикреплен к Институту философии и права Новосибирского государственного университета (г. Новосибирск).

E-mail : 5in7in5@gmail.com

КЭЛЕР Лоренц – доктор философии, профессор юридического факультета Бременского университета (г. Бремен, Германия); профессор философского факультета Томского государственного университета (г. Томск).

Email: lkahler@uni-bremen.de

ЛАДОВ Всеволод Адольфович – доктор философских наук, доцент, заведующий лабораторией логико-философских исследований Томского научного центра СО РАН, ведущий научный сотрудник Томского научного центра СО РАН, профессор кафедры онтологии, теории познания и социальной философии Томского государственного университета (г. Томск).

E-mail: ladov@yandex.ru

ЛАМБЕРОВ Лев Дмитриевич – кандидат философских наук, доцент кафедры онтологии и теории познания, Уральский гуманитарный институт, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

E-mail: lev.lamberov@urfu.ru

МИХАЙЛОВА Ольга Владимировна – доктор политических наук, доцент, доцент кафедры политического анализа факультета государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва).

E-mail: Mikhaylova@sps.msu.ru

НЕХАЕВ Андрей Викторович – доктор философских наук, основной исполнитель проекта РНФ (№ 18-18-00057) в Томском научном центре СО РАН, профессор кафедры философии Тюменского государственного университета, профессор кафедры философии и социальных коммуникаций Омского государственного университета (г. Томск, г. Тюмень, г. Омск).

E-mail: A_V_Nehaev@rambler.ru

ОВОДОВА Светлана Николаевна – кандидат философских наук, доцент кафедры теологии и мировых культур факультета теологии, философии и мировых культур Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (г. Омск).

E-mail: sn_ovodova@rambler.ru

ПОГОДАЕВ Николай Петрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры социальной работы философского факультета Томского государственного университета (г. Томск).

E-mail: nik-pogodaev@yandex.ru

РОДИН Андрей Вячеславович – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии РАН (г. Москва).

E-mail: andrei@philomatica.org

РОДИН Кирилл Александрович – кандидат философских наук, старший научный сотрудник отдела философии Института философии и права СО РАН (г. Новосибирск).

E-mail: rodin.kir@gmail.com

СТОЕВ Станислав Михайлович – исполнитель научно-исследовательского проекта РНФ (№ 18-18-00057) в Томском научном центре СО РАН, аспирант кафедры онтологии, теории познания и социальной философии философского факультета Томского государственного университета (г. Томск).

E-mail: stanstoev94@gmail.com.

ТУХВАТУЛИНА Лиана Анваровна – кандидат философских наук, младший научный сотрудник сектора социальной эпистемологии, Институт философии РАН (г. Москва).

E-mail: spero-meliora@bk.ru

ФИЛЬКИНА Александра Витальевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры философии и социальных наук Томского государственного педагогического университета (г. Томск).

E-mail: lexia@inbox.ru

ШАМШУРИН Виктор Иванович – доктор социологических наук, профессор кафедры философии политики и права философского факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (г. Москва).

E-mail: shamhuriny2@mail.ru

ШАМШУРИНА Нина Григорьевна – доктор экономических наук, профессор ФГАО ВО «Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова» (г. Москва).

E-mail: shamhuriny2@mail.ru

ШЕВЧЕНКО Сергей Юрьевич – младший научный сотрудник, Институт философии РАН (г. Москва).

E-mail: simurg87@list.ru

Научный журнал

**ВЕСТНИК ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

**ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ.
ПОЛИТОЛОГИЯ**

**TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOSOPHY,
SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE**

2018. № 46

Редактор *Т.В. Зелёва*

Оригинал-макет *О.А. Турчинович*

Дизайн обложки *Яна Якобсона* (проект «Пресс-интеграл»,
факультет журналистики ТГУ)

Учредитель Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Национальный исследовательский
Томский государственный университет»

Подписано в печать 28.12.2018 г. Дата выхода в свет 18.01.2019 г.
Формат 70x100¹/₁₆. Печ. л. 13,375; усл. печ. л. 17,39; уч.-изд. л. 18,35.
Тираж 50 экз. Заказ № 3614. Цена свободная.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

Издание отпечатано на оборудовании Издательского Дома
Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 53-15-28; 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail; rio.tsu@mail.ru